This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Google

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

HDI
HL 10WM T

A7
Espoy, V.
Otravlenie ...

Bd. Dec. 1931

HARVARD LAW LIBRARY

Received JUL 2 1931

ОТРАВЛЕНІЕ.

ИСТОРИКО-ДОГМАТИЧЕСКОЕ ИЗСЛѢДОВАНІЕ.

В. В. Есипова,

профессора Императорскаго Варшавскаго Университета.

ВАРШАВА.
ТИПОГРАФІЯ ВАРШАВСКАГО УЧЕБНАГО ОКРУГА.
Краковское-Предмѣстье № 3.

1896.

Печатано по опредѣленію Совѣта Императорскаго Варшавскаго Университета.

Ректоръ *П. И. Ковалевскій.*

JUL 2 1931

251

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

ОТРАВЛЕНІЕ ВЪ ИСТОРІИ УГОЛОВНАГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Отравленіе по римскому праву.

Еще по древнему греческому праву, отравленіе преслѣдовалось со всею строгостію, но самая юридическая конструкція этого преступленія была совершенно не выяснена, и дѣянія отравителей смѣшивались съ дѣяніями маговъ и чародѣевъ.

Относительно древнѣйшаго права Греціи можно найти лишь отрывочныя указанія у Платона, Аристотеля, Поллукса, Лукіана и друг. Довольно важное значеніе имѣетъ также одинъ отрывокъ изъ рѣчи Демосѳена, который гласитъ слѣдующее:

Δικάζειν δὲ τὴν βουλὴν, τὴν ἐν Ἀρείῳ πάγῳ, φόνου, καὶ τραύματος ἐκ προνοίας, καὶ πυρκαιᾶς, καὶ φαρμάκων, ἐάν τις ἀποκτείνῃ δούς.

Это въ буквальномъ переводѣ означаетъ: Совѣтъ Ареопага долженъ судить убійство, умышленное тѣлесное поврежденіе, поджогъ и *отравы*, если кто-нибудь, давши ихъ, причинилъ смерть. Здѣсь, впрочемъ, мы находимъ лишь указаніе на подсудность Ареопагу дѣлъ объ отравленіяхъ, а не на уголовноправовое значеніе этого преступленія.

Такимъ образомъ, отравленіе, какъ и обвиненіе въ убійствѣ, подлежало суду Ареопага, и могло быть предметомъ спеціальнаго иска—γραφὴ φαρμάκων [1]). Преступленіе это считалось оконченнымъ даже въ томъ случаѣ, если ядовитыя вещества не причинили непосредственно смерти жертвы; достаточно было, если они причинили смертельную болѣзнь. Наказаніемъ за предумышленное отравленіе была смертная казнь. Эліанъ говоритъ объ одной беременной женщинѣ, которая была осуждена Ареопагомъ на смерть, но казнь ея была отложена до разрѣшенія ея отъ бремени [2]). Антифонъ упоминаетъ объ одной отравительницѣ, которая была предана въ руки палача и умерла во время колесованія.

Это преступленіе, естественно, обнимало и приготовленіе любовныхъ напитковъ, которые причиняли смерть или смертельную болѣзнь. Но въ этомъ отношеніи судьи аѳинскіе широко принимали во вниманіе обстоятельства уменьшающія вину. Аристотель приводитъ одно рѣшеніе Ареопага, объявляющее невинной женщину, которая, чтобы привлечь къ себѣ любовь одного гражданина, дала ему безъ злаго умысла любовный напитокъ, причинившій смерть [3]).

Но такой приговоръ Ареопага едва-ли выдерживаетъ критику. Законодатель аѳинскій, вмѣняя въ преступленіе невольное смертоубійство, показалъ-бы себя очень непослѣдовательнымъ, если-бы онъ освободилъ отъ наказанія отравленіе по неосторожности. Ничто и не подтверждаетъ такого предположенія; многія мѣста изъ рѣчей ораторовъ показываютъ, наоборотъ, что законодатель, во всѣхъ отношеніяхъ уподоблялъ отравленіе обыкновенному убійству. Платонъ, который въ своихъ *Законахъ*, ставитъ непроизвольное отравленіе на одну линію съ непроизвольнымъ смертоубійствомъ, очевидно, заим-

---

[1]) Pollux VIII, 40, 117. Bekker, Anecdota graeca, t. I, стр. 311. Thonissen, le droit pénal de la république athénienne, Bruxelles, 1875, стр. 248 и 249. Demosth. c. Aristocrat. 22. Lucian. Amores, 29.

[2]) Aelian. Variae Historiae, V, 18.

[3]) Аристотель, Этика, I, 17.

ствовалъ это правило изъ своего отечественнаго законодательства [1]). Женщина оправданная Ареопагомъ (за изготовленіе ядовитыхъ веществъ), подлежала всетаки наказанію за непроизвольное убійство.

Нѣкоторые авторы [2]) предполагаютъ, что извѣстная Θеорида Лемносская была приговорена къ смертной казни, со всѣмъ своимъ семействомъ, за чародѣйство и магическое искусство. Но Демосθенъ, приводя этотъ случай, говоритъ о немъ такимъ образомъ, что Θеорида, по всей вѣроятности, была казнена, какъ виновная сразу и въ чародѣйствѣ и въ отравленіи [3]).

Правда, чародѣйство въ древней Греціи зачастую смѣшивалось съ отравленіемъ, особенно въ случаѣ приготовленія чародѣями ядовитыхъ веществъ. Такой поступокъ какъ-бы клалъ на нихъ печать подозрѣнія въ злоумышленіи на жизнь другихъ согражданъ. Подъ понятіе-же чародѣевъ подводились всѣ лица болѣе или менѣе подозрительныхъ профессій. Такъ, напримѣръ, Лукіанъ [4]), говоря объ одномъ юношѣ, прибавляетъ:

ἐν δὲ τοῖς ἄλλοις λαμβάνει τις αὐτὸν ἐραστὴς γόης τῶν μαγείας καὶ ἐπῳδὰς θεσπεσίους ὑπισχνουμένων καὶ χάριτας ἐπὶ τοῖς ἐρωτικοῖς καὶ ἐπαγωγὰς τοῖς ἐχθροῖς καὶ θησαυρῶν ἀναπομπὰς καὶ κλήρων διαδοχάς,

то-есть: среди другихъ беретъ его какой-то развратникъ чародѣй (по имени Тіаней), изъ числа тѣхъ, которые занимаются магіей и чудодѣйственными заговорами, которые возбуж-

---

[1]) Платонъ, о законахъ, IX. Ср. Demosth. c. Aristocrat. 22, 24.

[2]) Telfy, Leges atticae, 1156.

[3]) Demosth. c. Aristogiton. I, 79, 80; ср. c. Baeotos, I, 2. Thonissen, le droit pén. de la rep. athén., стр. 191.

[4]) Lucian. Alex. c. 5.

Ср. Heinecii, jurisprudentia Romana et Attica, Francisci Balduini commentarii de legibus XII Tabularum, 1738, стр. 82: praestigiatorem amantem, ex eorum numero, qui magiam et divinas incantationes profitentur, et thesauros reperiendi.

даютъ взаимность любви, производятъ навожденіе на враговъ, отъискиваютъ клады и устраиваютъ перемѣны въ наслѣдованіи имуществъ.

Всѣ эти, хотя и отрывочныя, положенія древне-греческаго права не остались безъ вліянія на право римское.

Однимъ изъ наиболѣе тяжкихъ преступленій, въ древнемъ Римѣ, считалось убійство человѣка — homicidium. Дѣяніе это казалось древнимъ римлянамъ столь ужаснымъ, что вначалѣ носило даже названіе—parricidium. Плутархъ (in Romulo, c. 22) говоритъ: ἴδιον δὲ τὸ μηδεμίαν δίκην κατὰ πατροκτόνων ὁρίσαντα πᾶσαν ἀνδροφονίαν πατροκτονίαν προσειπεῖν (singulare hoc est, quod qui poenam in eos, qui parentes necaverint, nullam sanxit, quodvis homicidium *parricidii* designavit nomine). При Ромулѣ или при Нумѣ Помпиліи, какъ утверждаетъ Фестъ, появился законъ такого рода: si quis hominem liberum dolo sciens morti duit parricida esto.

То-же самое, по мнѣнію Гейнеція [1]), было повторено затѣмъ и въ законахъ двѣнадцати таблицъ:

Qui malum carmen incantassit, *malum venenum faxit, duitve,* parricida esto. qui parentem necassit, caput obnubito culeoque insutus in profluentem mergitor (Jacob. Gothofredus, Legg. XII Tabularum, tab. VIII).

Изъ этихъ-то законовъ и развились впослѣдствіи первые quaestiones древняго Рима по вопросу о преступномъ лишеніи жизни чрезъ отравленіе.

Такимъ образомъ, отравленіе, какъ дѣяніе преступное, было извѣстно римлянамъ съ самыхъ древнѣйшихъ временъ. Но, конечно, въ болѣе отдаленные моменты исторіи, мы не встрѣчаемъ особенно точныхъ опредѣленій этого посягательства. Наоборотъ всѣ первоначальныя указанія, касающіяся отравленія, отрывочны, неполны, неясны и сбивчивы. Только

---

[1]) Jo. Gottlieb Heinecii, Antiquitatum Romanarum jurisprudentiam illustrantium syntagma, secundum ordinem Institutionum Justiniani digestum, Francoforti ad Moenum, 1822, стр. 787 и 788.

со временъ Корнелія Суллы начинается, собственно говоря, болѣе подробное развитіе законодательства по вопросу объ убійствахъ, совершенныхъ чрезъ отравленіе. Тѣмъ не менѣе не лишены интереса и тѣ отрывочныя данныя, которыя сохранились отъ временъ предшествующихъ.

Уже во времена Ромула было отмѣчено особое значеніе отравленія. Плутархъ указываетъ между прочимъ, что Ромулъ допустилъ одно исключеніе изъ общаго правила, запрещавшаго разводъ, и далъ мужьямъ такъ называемое jus repudiandi uxorem, въ томъ случаѣ, когда жена окажется виновной въ отравленіи своихъ дѣтей [1]). Само собою разумѣется, что мужъ въ подобномъ случаѣ имѣлъ jus vitae ac necis, и для него представлялся свободный выборъ между этимъ правомъ и разводомъ—divortium. Таковы первые слѣды отравленія въ области римскаго права, которые, при всей ихъ скудости, указываютъ всетаки на то, что во времена Царей veneficium въ Римѣ было уже знакомо.

Затѣмъ, нѣкоторые юристы, слѣдуя Балдуину [2]) и Гейнецію (см. выше), утверждаютъ, что и въ законахъ двѣнадцати таблицъ существовало самостоятельное опредѣленіе въ отношеніи veneficium. Въ доказательство этого приводятъ обыкновенно небольшое разсужденіе юриста Гая и одно мѣсто изъ сочиненій Феста.

---

[1]) По Плутарху: φαρμακεία τέκνων (Plutarchi, vita Romuli, Ed. Froben. 1560, fol. 22. infr.). Gengler, die strafrechtliche Lehre vom Verbrechen der Vergiftung, Bamberg, 1842, erstes Heft, стр. 31 и слѣд.

Bruns, fontes juris Romani antiqui, Leges regiae, I Romulus 9, стр. 6: Plut. (Rem. 22): Ἔθηκε δε και νόμους τινάς (ὁ Ῥομύλος), ὧν σφοδρὸς μέν ἐστιν ὁ γυναικὶ μὴ διδοὺς ἀπολείπειν ἄνδρα, γυναῖκα δε διδοὺς ἐκβάλλειν ἐπὶ φαρμακείᾳ τέκνων ἢ κλειδῶν ὑποβολῇ καὶ μοιχευθεῖσαν. (Constituit quoque leges quasdam, quarum illa dura est, quae uxori non permittit divertere a marito, at marito permittit uxorem repudiare propter *veneficium circa prolem* vel falsationem clavium vel adulterium commissum).

[2]) Francisci Balduini libri II. in leges Romuli et leges XII Tabularum, Paris, 1554, caput X.

Опредѣленіе Гая сохранилось и въ Дигестахъ и гласитъ слѣдующее:

Qui venenum dicit, adjicere debet, utrum malum, an bonum; nam et medicamenta venena sunt, quia eo nomine omne continetur, quod adhibitum naturam ejus, cui adhibitum esset, mutat. cum id, quod nos venenum apellamus, graeci φάρμακον dicunt, apud illos quoque tam medicamenta, quam quae nocent, hoc nomine continentur; unde adiectione alterius nomine distinctio fit [1]).

Такъ какъ это разсужденіе было помѣщено въ комментаріяхъ Гая на законы двѣнадцати таблицъ, и такъ какъ Гай разъясняетъ здѣсь почему слову „venenum" должно предшествовать опредѣляющее добавленіе bonum или malum, — то отсюда и выводили заключеніе, что слово „venenum" встрѣчается и въ XII таблицахъ, которыя, слѣдовательно, предусматривали и преступленіе отравленія, то-есть „veneficium".

Но уже Деціанъ разъяснилъ, что это мѣсто изъ Гая относится къ другому, дѣйствительно существовавшему, положенію XII таблицъ: „qui malum carmen incantassit", причемъ комментаторъ (Гай) толкуетъ выраженіе „malum carmen" путемъ примѣрнаго сопоставленія его съ понятіемъ „malum venenum". Во времена Гая разъясненіе подобнаго рода было гораздо болѣе существенно, чѣмъ разъясненіе слова „venenum", которое даже и въ народной рѣчи всегда имѣло двойное значеніе [2]).

---

[1]) Gajus, libro quarto ad legen duodecim tabularum; fragm. 236 pr. Dig. de Verborum Significatione, L, 16.

Heinecii, jurisprudentia Romana et Attica. Balduini commentarii de legibus XII Tab., стр. 82.

Bruns, Fontes juris romani antiqui, Tubingae, 1876, стр. 29, Leges XII tabularum, t. VIII, 25.

Mommsen, Digesta Justiniani Augusti, vol. II, Berolini, 1870, стр. 954, D. 50, 16, 236.

[2]) Такого мнѣнія и Генглеръ. Но нельзя не замѣтить, что и толкованіе Деціана, котораго онъ придерживается, до крайности искусственно, и можетъ быть допущено лишь съ нѣкоторою натяжкою.

Что-же касается относящейся до отравленія цитаты изъ Феста, то она построена при помощи весьма смѣлыхъ конъектуръ и дополненій, почему и не можетъ имѣть строго-юридическаго значенія. Въ дополненіи Скалигера оно имѣетъ такой характеръ:

Tribus XXXV. Aut privilegia irrogare, aut de capite civis statuere nisi maximo Comitiatu vetant XII Tabularum leges, praeterquam in veneficos, quique malum carmen incantant, quia ipsi indemnati jure occiduntur.

Наоборотъ Валерій Максимъ говоритъ, что римское право до 422 года ab urbe condita вовсе не знало преступленія отравленія: Veneficii quaestio *et moribus*, *et legibus Romanis ignota*, complurium matronarum patefacto scelere orta est [1]). Такимъ образомъ только въ 422 г., т. е. болѣе ста лѣтъ спустя послѣ законовъ XII таблицъ, появляются впервые quaestiones veneficii.

Вотъ что разсказываетъ по этому поводу Титъ Ливій [2]). Въ 422 г. а. u. (332 а. С.) случилось слѣдующее. Очень много знатныхъ гражданъ умерли совершенно внезапно, и никто не зналъ о причинахъ этого до тѣхъ поръ, пока одна служанка не сообщила эдилу К. Фабію Максиму, что нѣкоторыя знатныя матроны приготовляютъ ядъ и занимаются отравленіемъ. Съ разрѣшенія Сената было произведено разслѣдованіе, при чемъ было обнаружено, что многія женщины, дѣйствительно, занимались изготовленіемъ отравъ. Двадцать изъ нихъ (въ томъ числѣ Корнелія и Сергія, обѣ изъ рода патриціевъ) умерли, когда ихъ заставили выпить ихъ напитки; а по дальнѣйшемъ разслѣдованіи были осуждены еще около 170 (наказаніе не указано). Во всемъ этомъ происшествіи ви-

---

[1]) Valerius Maximus, II, cep. V, § 3.

[2]) Titi Livii ab urbe condita libri, liber VIII, cap. 18. Cp. Orosii histor. III. 10. Balduini commentarii, l. c.

Rein, das Criminalrecht der Römer von Romulus bis auf Justinianus, Leipzig, 1844, стр. 406.

дѣли какое-то дурное предзнаменованіе, почему и былъ избранъ Диктаторъ clavi figendi causa [3]).

Въ 184 году до Р. Хр. (570 а. u.) преторъ К. Невій снова долженъ былъ судить отравителей и отравительницъ, которые появились уже за предѣлами Рима, въ провинціяхъ; около 2000 человѣкъ были осуждены (Liv. XXXIX, 41). Черезъ два года, когда внезапно умерли консулъ К. Кальпурній Пизонъ и многія другія знатныя лица, претору К. Клавдію были поручены quaestiones veneficii въ г. Римѣ, а претору К. Менію — quaestio ultra decimum lapidem per fora conciliabulaque. Въ числѣ осужденныхъ въ самомъ Римѣ была и Кварта Гостилія, жена отравленнаго консула (Liv. XL, 37). Меній-же сообщалъ Сенату, что внѣ Рима имъ уже осуждено около 3000 человѣкъ. Въ слѣдующемъ году praetor urbanus P. Mucius Scaevola опять получилъ quaestio veneficii

---

[3]) Cum primores civitatis similibus morbis eodemque ferme omnes eventu morerentur, ancilla quaedam ad Q. Fabium Maximum aedilem curulem indicaturam se causam publicae pestis professa est, si ab eo fides sibi data esset haud futurum noxiae indicium. tum patefactum muliebri fraude civitatem premi, matronasque ea venena coquere et, si sequi extemplo velint, manifesto deprehendi posse. secuti indicem et coquentis quasdam medicamenta et recondita letalia invenerunt, quibus in forum delatis et ad viginti matronis, apud quas deprehensa erant, per viatorem accitis, duae ex eis Cornelia ac Sergia, patriciae utraque gentis, cum ea medicamenta salubria esse contenderunt, ab confutante indice bibere iussae, epoto medicamento suamet ipsae fraude omnes interierunt. comprehensae extemplo earum comites magnum numerum matronarum indicaverunt; ex quibus ad centum septuaginta damnatae. neque de veneficiis ante eam diem Romae quaesitum est. (Tit. Liv. l. c.).

Zumpt нѣсколько иначе относится къ этому случаю. Указывая на то, что въ 331 г. до Р. Х. (332?) въ Римѣ свирѣпствовала чума, онъ говоритъ: „какъ всегда бываетъ при такомъ несчастіи, стала распространяться въ народѣ *молва* объ умышленномъ отравленіи". И вотъ одна рабыня сдѣлала доносъ курульному Эдилу; послѣдній сообщилъ консулу, консулъ сенату и т. д. (Zumpt, das Criminalrecht der Römischen Republik, Berlin, 1865, II, 2, стр. 212). Ср. Berner, Lehrbuch, § 182 примѣчаніе.

въ Римѣ и decem millia passuum въ окружности (Liv. XL, 43 и слѣд.).

Передъ третьей Пунической войной въ 153 году до Р. Хр. снова разслѣдовались дѣла объ отравленіи и двѣ знатныя женщины, Публилія, жена Постумія Альбина, и Лицинія, жена Клавдія Азелла, за отравленіе своихъ мужей были осуждены семейнымъ судомъ (iudicium domesticum) и казнены—cognatorum decreto necatae sunt (Liv. lib. XLVIII, Val. Max. VI, 3, 8) [1]).

Послѣднее осужденіе за отравленіе, до закона Корнелія, имѣло мѣсто, когда извѣстный Q. Varius Hybrida Drusum ferro, Qu. Metellum veneno sustulerat. Онъ былъ осужденъ на самое тяжкое мученіе и приговоренъ къ смертной казни—summo cruciatu supplicioque (Cic. de nat. d. III. 33. Rein, Criminalrecht der Römer, стр. 406 и 407),

Впрочемъ, и въ древнемъ Римѣ, какъ и въ Греціи, отравленіе часто смѣшивалось съ чародѣйствомъ, такъ какъ маги, чародѣи и гадатели считались лучшими и профессіональными составителями ядовъ. Блаженный Августинъ въ сочиненіи своемъ de Civitate Dei воздаетъ хвалу Римлянамъ за то, что они начали преслѣдовать магію и различныя чудеса халдеевъ и говоритъ: Legem fuisse in ipsis XII Tabulis adversus artes magicas. Плиній также, говоря о магіи (lib. 30 N. H. cap. 1), добавляетъ: Exstant et apud Italas gentes vestigia ejus in XII Tabulis nostris; затѣмъ въ другомъ мѣстѣ, разъясняя значеніе магическихъ заклинаній, онъ пишетъ: legum ipsarum in XII Tabulis verba fuisse: qui fruges excantasset, et qui malum carmen excantasset (lib. 28, cap. 2) [2]).

---

[1]) Zumpt обращаетъ вниманіе на причины этого семейнаго суда. Дѣло въ томъ, что преторъ потребовалъ отъ обѣихъ женщинъ (женъ бывшихъ консуловъ) представленія поручителей въ явкѣ на судъ. Между тѣмъ родственники ихъ, не желая позора публичнаго осужденія, сами убили виновныхъ, по опредѣленію семейнаго совѣта (Zumpt, l. c., I, 2, стр. 106, 208).

[2]) Leges XII tabularum, t. VIII. См. напр. Bruns, fontes juris romani antiqui, стр. 25 и 26: tabula VIII, 1 и 8.

Балдуинъ указываетъ на то, что родиною магіи была Персія. Изъ Персіи она была занесена впервые въ Грецію нѣкіимъ Осѳаномъ, который сопровождалъ Ксеркса въ его походѣ на Грецію. Немного спустя римляне отправили пословъ въ Грецію „ad leges petendas"; въ это время магія, которая начала-было приходить въ упадокъ, весьма восхвалялась Демокритомъ. Римляне правильно поняли ея значеніе, въ смыслѣ κακουργία или γοητεία, и рѣшили уничтожить это зло и изгнать его изъ предѣловъ своего государства (Balduini, Commentarii de legibus XII tabularum, caput X, стр. 81).

Въ 673 году отъ основанія Рима (въ 81 г. до Р. Хр.), новый диктаторъ, Л. Корнелій Сулла, утомившись наконецъ отъ своихъ жестокостей и кровавыхъ казней, чтобы защитить себя отъ меча карающей Немезиды, и отчасти чтобы исцѣлить отечество отъ нанесенныхъ ему ранъ, издалъ знаменитый законъ, названный по его имени Lex Cornelia de siccariis et veneficiis [1]).

Этотъ законъ, въ цѣломъ рядѣ постановленій, опредѣляетъ, что всѣ злоумышленныя дѣянія свободныхъ римскихъ гражданъ, посредственно или непосредственно угрожающія жизни и безопасности согражданъ, подлежатъ вѣдѣнію особыхъ quaestiones, частію вновь организованныхъ, частію-же только возобновленныхъ, и преслѣдуются весьма строгими наказаніями.

Въ пятой главѣ этого закона говорилось и объ отравленіи, какъ о томъ можно судить по одному отрывку, который Цицеронъ [2]) сохранилъ потомству въ своей рѣчи за Клуэн-

---

[1]) Sanio, Observationes ad Legem Corneliam de siccariis, Regiomont, 1827. Vockestaert, de Cornelio Sulla legislatore, Lugd. Bat., 1816. Birnbaum, über die Ansichten der Römer von dem Verbrechen der Tödtung, insbesondere über die Grundsätze, welche in den verschiedenen die L. Corn. de sic. betreffenden Fragmenten enthalten sind (Neues Archiv des Criminalrechts Bd. XIV, Num. XXII, стр. 492 и слѣд.).

[2]) Cicero, pro Cluentio cap. 53-56; pro Coelio cap. 23—25

ція, обвинявшагося въ отравленіи своего тестя Оппіаника, въ 688 году ab urbe condita. Вотъ что читаемъ мы здѣсь по поводу закона Корнелія Суллы:

Quicunque venenum malum fecit, fecerit, vendidit, vendiderit, emit, emerit, habuit, habuerit, dedit, dederit, de ejus capite quaerito.

Здѣсь, по справедливому замѣчанію Генглера [1]), ярко выступаютъ два различныхъ вида отравительной дѣятельности, именно: а) профессіональное изготовленіе ядовитыхъ веществъ, какъ преступленіе такъ называемыхъ venenarii [2]); б) отравле-

---

(Klerk, de Cicer. oratione pro M. Coelio, Lugd. Bat., 1825); pro A. Milone cap. 4.

Pauli, Receptae Sententiae, Lib. V, tit. 23, I. Corpus juris antejustiniani, T. I.

Collatio legum Mosaicarum et Romanarum, tit. I, kap. II, § 1 (Huschke, jurisprudentiae antejustinianae quae supersunt, Lipsiae, 1886). Blume, Lex Dei, 1833, стр. 4.

Dig. Libr. XLVIII tit. 8.—§ 5 Inst. IV, 18.

Ср. также A. F. Rudorff, Römische Rechtsgeschichte, Erster Band, Leipzig, 1857, § 35 Leges de siccariis, veneficiis, parricidiis, стр. 85—87. Zweiter Band. Leipzig, 1859. § 112 Judicia de siccariis, parricidis, veneficis, стр. 370—375. Примѣры отравленій на стр. 375: А. Клуэнцій Авитъ въ 688 году обвинялся въ томъ, что, добившись подкупомъ осужденія своего тестя Оппіаника за отравленіе, онъ отравилъ затѣмъ осужденнаго при помощи М. Азеллія. Дейотаръ, тетрархъ Галатіи, въ 709 году обвинялся въ томъ, что покушался отравить своего внука Кастора; защитникомъ его былъ Цицеронъ. Кней Пизонъ и его жена Планцина въ 772 г. обвинялись въ отравленіи Германика. Отравители Друза въ 784 году были казнены.

[1]) Gengler, Verbrechen der Vergiftung, стр. 37—51.

[2]) Выраженіе *venenarius* происходитъ отъ слова venenum такъ же, какъ incendiarius отъ incendium, sicarius отъ sica, falsarius отъ falsum, и употреблялось оно для обозначенія наемныхъ убійцъ-отравителей. Выраженіе *veneficus* въ древнѣйшихъ источникахъ не встрѣчается, и впервые употребляется въ совершенно иномъ смыслѣ, какъ уничижительное добавленіе для maleficus, въ особенности по отношенію чародѣевъ (такое значеніе имѣлъ въ особенности женск. р. venefica). Въ позднѣйшей-же юриспруденціи слово *veneficium* стало

ніе въ собственномъ смыслѣ, какъ оно понимается въ современномъ правѣ. Съ другой стороны, всѣ проявленія преступной дѣятельности, въ особенности приготовленіе (facere), продажа (vendere), храненіе (habere) ядовитыхъ веществъ, наказывались столь-же строго, какъ и дѣйствительное отравленіе (dare). Даже простое намѣреніе, consilium, образовало crimen veneficii въ противоположность преступленію venenariorum.

Это дѣяніе подлежало особой quaestio veneni (или veneficii); послѣдняя первоначально строго отдѣлялась отъ другихъ quaestiones, установленныхъ закономъ Суллы, въ особенности отъ quaestio de caede, и имѣла своего собственнаго судью. Но это раздѣленіе скоро исчезло; и уже процессъ Клуэнція представляетъ примѣръ того, что quaestiones veneni и corrupti judicii велись подъ общимъ руководствомъ одного и того-же претора.

Наказаніемъ за отравленіе, по закону Корнелія, служила республиканская aquae et ignis interdictio — изгнаніе изъ предѣловъ Италіи, безъ непосредственной утраты правъ гражданства. Во времена Цезаря къ наказанію изгнаніемъ присоединилась еще конфискація половины имущества; а такъ какъ во времена Августа изъ aquae et ignis interdictio образовалась депортація, при чемъ осталось и частичное отнятіе имущества (ademtio bonorum), — то Марціанъ и могъ сказать, что наказаніемъ по закону Суллы была insulae deportatio и

обозначать отравленіе, а подъ понятіе *venenarii* стали подводить только составителей ядовъ. Грамматически это, конечно, совершенно неправильно, такъ какъ vene—ficium (отъ venenum и facere) должно означать изготовленіе отравы, а venen—arii (подобно sic—arii, fals—arii, incendi—arii) должно означать именно самихъ отравителей, а не составителей ядовъ. Это видимое противорѣчіе грамматическаго и юридическаго значенія объясняется существомъ самой дѣятельности виновныхъ: venenarii, какъ профессіональные, наемные убійцы-отравители, конечно, постоянно занимались приготовленіемъ отравъ; veneficі-же были не профессіональные отравители, а простые убійцы, прибѣгнувшіе къ яду.

ademtio bonorum, что, конечно, составляетъ двойной анахронизмъ.

Точно такъ-же ошибается и юристъ Павелъ, говоря, что наказаніемъ за отравленіе служила депортація [1]). Послѣдняя въ то время еще вовсе не существовала, а во всѣхъ подобныхъ случаяхъ виновные приговаривались къ aquae et ignis interdictio. Впослѣдствіи-же изъ имущества убійцы-отравителя присуждалась еще нѣкоторая часть родственникамъ или дѣтямъ отравленнаго, какъ вполнѣ основательно замѣчаетъ и Куяцій, Observationes, XIV, 4 (Jo. Cottlieb Heinecii, antiquitatum Romanarum jurisprudentiam illustrantium syntagma, 1822, стр. 789). Съ другой стороны, наказанію подвергались не только главные виновные, но и всѣ соучастники и пособники преступленія, какъ мы это видимъ по дѣлу Клуэнціи, Оппіаника, Фабриція и Скамандера [2]). Равнымъ образомъ покушеніе влекло такое-же наказаніе, какъ и оконченное отравленіе.

Въ своей рѣчи за Клуэнція, Цицеронъ говоритъ: Jubet lex ea,—judicem quaestionis—quaerere de veneno. In quem quaerere? Infinitum est... quicunque venenum malum fecit etc. *hominis necandi causa.* На эту внутреннюю сторону преступленія, на значеніе цѣли дѣятельности обращаютъ вниманіе и Марціанъ и Павелъ (Bruns, fontes juris Romani antiqui, leges Corneliae, стр. 81): Lex Cornelia poenam deportationis infligit ei, qui venenum *hominis necandi causa* habuerit, vendiderit, paraverit (Paul. Sent. V, tit. 23, 1. Huschke, jurisprudentiae antejustinianae quae supersunt, 1886, стр. 550).

Этотъ характеръ преступнаго умысла сквозитъ и въ са-

---

[1]) Paulus, Receptae Sententiae, V, 23, 1.

Ср. Marcianus, L. 3. princ. Dig. ad Leg. Corn. de sicariis.

[2]) Вольноотпущенный Скамандеръ обвинялся въ томъ, что онъ „venenum habuit"; Фабрицій въ томъ, что онъ побудилъ своего вольноотпущенника „имѣть ядъ"; Оппіаникъ-же былъ главный зачинщикъ и составитель преступнаго плана, имѣвшаго цѣлію отравить Клуэнція.

момъ выраженіи *venenum malum*. Выраженіе это было поставлено нарочно, такъ какъ существуютъ вещества цѣлительныя, употребленіе которыхъ законъ отнюдь не запрещалъ. Но впослѣдствіи, по опредѣленію сената, стали подводить подъ дѣйствіе Корнеліева закона и тѣ случаи, когда, напримѣръ, продавцы красокъ и мазей неосторожно отпустятъ кому-либо ядовитыя и сильно дѣйствующія, хотя-бы и цѣлительныя, вещества. Еще болѣе неосновательно другое толкованіе сената, подчинившее закону Суллы и всѣ виды чародѣйства вообще [1]).

Вотъ что говорятъ по этому поводу римскіе юристы: Adjectitio autem illa *veneni mali* ostendit esse quaedam et non mala venena; ergo nomen medium est et tam id, quod ad sanandum, quam id, quod ad occidendum paratum est, continent, sed et id quod amatorium appelatur; sed hoc solum notatur in ea lege, quod *hominis necandi causa* habet [2]). — Alio senatus consulto effectum est, ut pigmentarii, si cui temere cicutam, salamandram, aconitum dederint, poena teneatur hujus legis. — Ex (alio) senatus consulto ejus legis poena damnari jubetur, qui mala sacrificia fecerit, habuerit [3]).

Выраженіе закона *facere et vendere venenum* касается, конечно, профессіональнаго изготовленія и продажи ядовитыхъ веществъ. Такія лица и назывались *artifices veneni*, въ то время какъ подъ понятіе veneficі подходили отравители въ узкомъ смыслѣ, а затѣмъ въ обширномъ смыслѣ и venenarii. Продажа и храненіе медикаментовъ не подлежала наказанію, если не было умысла necandi и не было явной неосторожности. Но говоритъ Марціанъ: ex Sconsulto relegari jussa est ea, quae non quidem malo animo, sed malo exemplo medica-

---

[1]) Zumpt, das Criminalrecht der Römischen Republik, II Band, 2 Abth., 1869, стр. 20 и 10.

[2]) Marcianus, l. 3 § 2 Dig. ad legem Corneliam de sicariis, XLVIII, 8. Paulus, Receptae Sententiae, V, 23, 19.

[3]) Modestin, l. 13 Dig. h. t. Paulus, R. S., V, 23, 15—18. Quint. VII, 3, 7.

mentum ad conceptionem dedit, ex quo ea quae acceperit decesserit [1]).

Особое значеніе имѣли такъ называемые любовные напитки (Poculum amatorium, Philtrum). Въ тѣ времена нравственной испорченности и развращенности, и мужчины и женщины часто прибѣгали къ искусственнымъ средствамъ, чтобы возбудить въ другомъ плотскую страсть. Хитрые обманщики пользовались легковѣріемъ общества и увѣряли влюбленныхъ, что при содѣйствіи чаръ и магіи вполнѣ возможно достиженіе желанной цѣли. Другіе обращались къ помощи медикаментовъ и лекарственныхъ веществъ, каковы, напримѣръ, кантариды. Третьи пользовались и волшебствомъ и медициной вмѣстѣ. Жертвою такой плотской похотливости былъ, между прочимъ, и извѣстный Лукулъ, который умеръ также отъ любовнаго напитка, даннаго ему его вольноотпущеннымъ [2]).

Особенно часто стали повторяться случаи отравленія любовными напитками въ развращенный вѣкъ Августа и Тиверія. Чтобы пріостановить распространеніе этого зла, былъ изданъ спеціальный senatus consultum. Было опредѣлено, что, если кто-нибудь умретъ отъ любовнаго напитка, тотъ, кто его далъ, равнымъ образомъ предавался смерти; если-же принятіе такого напитка не имѣло смертельнаго исхода, то примѣнялась релегація на островъ (relegatio in insulam) съ конфискаціею половины имущества для honestiores, или ссылка въ рудники (condemnatio ad metalla) для humiliores (Paul. l. 38 § 5 Dig. de poen. 49, 19. Rec. Sent. V, 23, 14).

---

[1]) Marcianus, l. 3 § 2 Dig. XXXXVIII, 8.

[2]) Rein, das Criminalrecht der Römer, 1844, стр. 410, 426 и слѣд.—Virg. Buc. VIII, 64 sq. Plin. h. n. VIII, 34. Ovid. Art. Am. II, 99 sq., и другіе.

Уже въ это время римляне обращали вниманіе и на физіологическіе признаки оконченнаго отравленія и на извѣстныя соматическія измѣненія трупа, такъ напр. мы находимъ указаніе такого рода: putre livoribus cadaver, inter efferentium manus fluens tabe corpus (Quinct. decl. 15, c. 4. Cp. Plin. h. n. XXVII 2, XI, 37).

Нѣкоторые писатели, ссылаясь на одно мѣсто изъ Светонія, указываютъ на то, что Lex Cornelia de sicariis et veneficiis не исчерпываетъ еще всего законодательства объ отравленіи до временъ Юстиніана. Такое предположеніе основано на томъ, что Светоній, описывая случай обращенія Нерона къ извѣстной составительницѣ ядовъ Локустѣ, влагаетъ въ уста тирана упоминаніе о какомъ-то законѣ Юлія: „sane inquit, legem Juliam times". Отсюда нѣкоторые ученые и стали разсматривать Lex Julia de parricidiis, названный нѣкоторыми lex de caede et veneno, какъ новую редакцію закона Суллы. Но мнѣніе это, по справедливому замѣчанію Генглера[1]), лишено всякаго основанія, такъ какъ Светоній иронизировалъ лишь надъ Нерономъ, убійцею Британика; Lex Julia означаетъ здѣсь излюбленный тиранами законъ — Lex Julia majestatis.

Между тѣмъ, дѣйствительно, послѣ временъ Суллы, случаи отравленій становятся все болѣе и болѣе частыми. Мало того, это гнусное дѣяніе становится любимымъ орудіемъ тирановъ въ борьбѣ съ ихъ врагами. Съ другой стороны, особенно распространяется отравленіе женами своихъ мужей, которое также практиковалось весьма часто при дворахъ самихъ цезарей. Исторія даетъ массу примѣровъ и того и другаго рода отравленій. Уже въ смерти Октавія Августа подозрѣніе пало на Ливію, третью жену его, разведенную съ первымъ мужемъ (Тиверіемъ Кл. Нерономъ). Затѣмъ Тиверій, какъ извѣстно, поручилъ Пизону, намѣстнику Сиріи, отравить племянника своего Германика, который, въ виду общаго расположенія, становился для него опаснымъ; жена Германика, Агриппина, возбудила преслѣдованіе, сенатъ назначилъ слѣдствіе, но въ одно утро Пизонъ былъ найденъ мертвымъ въ своемъ домѣ. Дочь императора Калигулы, Агриппина, была извѣстна, какъ женщина крайне развращенная, убійца и отравительница. Жена императора Клавдія, Агриппина Младшая, при помощи составительницы ядовъ Локусты, отравила

---

[1]) Gengler, Verbrechen der Vergiftung, I, стр. 49.

Клавдія. А сынъ ея, императоръ Неронъ, истребившій своихъ родственниковъ, приказавшій убить свою родную мать и обрекшій на смерть своего учителя Сенеку [1]), извѣстенъ въ особенности гнуснымъ отравленіемъ Британика (сына Клавдія отъ Мессалины) [2]). Сестра Нерона, Ливилла (дочь Агриппины отъ перваго брака съ Домиціемъ Ахенобарб.), отравила своего втораго мужа Друза Цезаря. — Приведенныхъ примѣровъ достаточно для того, чтобы видѣть, что случаи отравленій не только были страшно распространены въ народѣ, но они нашли себѣ приверженцевъ и на высотѣ престола, на самомъ тронѣ римскихъ императоровъ.

Въ законодательствѣ Юстиніана, справедливо замѣчаетъ Генглеръ, отравленіе повсюду разсматривается какъ посягательство на жизнь другаго лица, но частію, съ естественной точки зрѣнія, какъ видъ убійства, частію-же подъ вліяніемъ ученій Церкви, какъ чародѣйство (maleficium). Воззрѣніе перваго рода имѣется въ Дигестахъ, взглядъ-же на отравленіе, какъ на волшебство, встрѣчаемъ мы въ Кодексѣ. Такое внутреннее различіе обѣихъ частей законодательства повлекло за собою и внѣшнее несходство ихъ по вопросу о постановкѣ отравленія. Въ то время, какъ Дигесты [3]) оставили veneficium въ его прежней конструкціи закона Суллы, — въ Кодексѣ [4]) оно вырвано изъ общей связи съ Lex Cornelia (которая и называется здѣсь только „de sicariis“) и помѣщено въ титулахъ, говорящихъ о различныхъ чародѣйскихъ сек-

---

[1]) Сенекѣ было предоставлено выбрать самому родъ смерти; перерѣзавъ вены, онъ сѣлъ въ ванну, и для ускоренія смерти принялъ еще ядъ.

[2]) У Светонія читаемъ по этому поводу слѣдующее: Quod (sc. venenum) acceptum a quadam Locusta, venenarium indice, quum opinione tardius cederet, ventre modo Britannici moto; arcessitam mulierem sua manu verberavit, arguens, pro veneno remedium dedisse и т. д.

[3]) Dig. Libr. XLVIII tit. 8.

[4]) Cod. Libr. IX tit, 18. cp. c. 1 Antonini imp.

тахъ. Институціи [1]) стоятъ на рубежѣ между Кодексомъ и Дигестами: здѣсь въ общемъ понятіи „artes odiosae“ охватывается и преступленіе отравленія „susurri magici“. То-же видимъ мы и въ Сентенціяхъ Павла [2]), благодаря редакторамъ Бревіарія, которые въ середину Титула ad leg. Corn. de sic. et venef. втиснули §§ 15—18, имѣющіе въ виду „impia sacra“ и „artes magici“.

Такимъ образомъ, наиболѣе существенное измѣненіе произведено въ Кодексѣ: то мѣсто Кодекса, гдѣ помѣщается законъ объ убійцахъ, Lex Cornelia de sicariis (Cod. libr. IX, tit. 16), вовсе не говоритъ объ отравленіи и отравителяхъ, которые приравнены къ чародѣямъ и волшебникамъ. Отравители „venenarii“ представлялись несравненно опаснѣе, чѣмъ простые убійцы „sicarii“. Послѣдніе дѣйствуютъ кинжаломъ sica, первые-же, прибѣгая къ ядовитымъ веществамъ, должны призывать на помощь всѣ чары магіи. Такое темное представленіе объ отравленіи тѣмъ болѣе странно, что уже во времена болѣе древнія всѣ сильно дѣйствующія вещества различались подъ именемъ venena bona и venena mala. Только venena mala могли причинить смерть и разстройство здоровья. Поэтому продажа, храненіе и употребленіе этихъ веществъ преслѣдовались или какъ дѣянія вредоносныя, уголовныя, или какъ дѣянія опасныя, полицейскія (хотя и безъ различія наказаній). Правда, и въ законахъ XII таблицъ находимъ мы слѣды суевѣрій (qui fruges excantassit, qui malum carmen excantassit), но эти суевѣрія имѣли въ виду, такъ сказать, реальный вредъ, а не простой страхъ предъ волшебствомъ. Въ Кодексѣ-же Юстиніана вѣра въ магію и сверхъестественныя чары получила до того устойчивый характеръ, что чародѣйство и изготовленіе ядовитыхъ веществъ преслѣдуются сами по себѣ, какъ дѣянія оскорбляющія религію, независимо отъ какихъ-либо результатовъ, возможныхъ или дѣйствительныхъ.

---

[1]) Inst. Libr. IV tit. 18, § 5.

[2]) Paulus, Receptae Sententiae, libr. V tit. 23.

Такое отношеніе Юстиніанова права къ отравленію тѣмъ болѣе странно, что въ его время самое понятіе яда имѣло вполнѣ реальный, вещественный характеръ. Римляне этой эпохи вполнѣ ясно сознавали и различныя свойства ядовитыхъ веществъ и способы ихъ полученія: Aliud ex radicibus herbarum contrahitur, aliud ex animalibus mortiferis reservatur; sunt quae frigore sanguinem gelent, sunt quae calore nimio vitalia exurant. Они различали при этомъ три рода сильно дѣйствующихъ и ядовитыхъ веществъ: venena ad sanandum parata, venena ad occidendum parata и venena amatoria. Они знали также, что дѣйствіе ихъ можетъ быть скорое и медленное: venena praesentanea и venena moratoria (послѣдніе подмѣшивались обыкновенно въ хлѣбъ или питье: in pane или in poculo). Извѣстенъ былъ цѣлый рядъ вредоносныхъ напитковъ (potiones) и ядовитыхъ мазей или втираній (pyxes).

Въ отношеніи наказуемости отравленія, надо отмѣтить бо̀льшую строгость, сравнительно съ наказаніемъ, установленнымъ по закону Корнелія Суллы. Въ Дигестахъ императора Юстиніана мы читаемъ по этому поводу слѣдующее:

Legis Corneliae de sicariis et veneficis poena insulae deportatio est et omnium bonorum ademptio. Sed solent hodie capite puniri, nisi honestiore loco positi fuerint, ut poenam Legis sustineant; humiliores enim solent vel bestiis subjici; altiores vero deportantur in insulam [1]).

Venenarii capite puniendi sunt; aut si dignitatis respectum agi oportuerit, deportandi (fr. 28 § 9 poenis, Lib. XLVIII, tit. 19). Eadem lege et venefici capite damnantur (§ 5 in fin. l. cit.).

Средневѣковые и даже позднѣйшіе писатели полагали, что отравители, по закону Суллы, подлежали всѣ безусловно смертной казни чрезъ отсѣченіе головы, то-есть казни мечомъ. Такъ, напримѣръ, въ Комментаріяхъ Антонія Маттея [2]), чи-

---

[1]) Marcianus, libro quarto decimo institutionum, fr. 3 § 5 Dig. Lib. XLVIII, tit. 8.

[2]) Antonii Matthaei, de criminibus, ad lib. XLVII et XLVIII

таемъ мы слѣдующее: Poena veneficii, similiter ut caedis, gladius est. Nec sane minor esse potuit: cum plus sit hominem occidere veneno, quam gladio (l. 1 C. de malef. et mathem.) atque ideo nec inter poenas praebitio veneni recipitur, cum tamen et gladius; et furca et ignes sunt recepti.

Но такое безразличіе, конечно, не выдерживаетъ критики. Болѣе правильно толкованіе Генглера, по мнѣнію котораго, при отравленіи, различалось три вида наказанія: deportatio съ лишеніемъ правъ состоянія и правъ служебныхъ, смертная казнь чрезъ отсѣченіе головы, смертная казнь въ видѣ растерзанія дикими звѣрями. Депортаціи подлежали только тѣ лица, которыя занимали высокія государственныя должности или принадлежали къ знатнымъ родамъ (gens), оказавшимъ какія-либо услуги отечеству. Для всѣхъ остальныхъ лицъ, пользовавшихся правомъ гражданства, наказаніемъ за отравленіе служило отсѣченіе головы. И только преступники самыхъ низшихъ классовъ (humiliores въ противность homines secundo gradu) отдавались на растерзаніе звѣрей (ad bestias). Всѣ эти разновидности наказанія, въ Юстиніановомъ правѣ, обнимаются однимъ общимъ выраженіемъ: „capite damnantur".

Такую строгость наказаній за отравленіе не трудно объяснить, если припомнить, что дѣяніе это всегда стояло на ряду съ волшебствомъ и чародѣйствомъ. (Такъ разсматривали его и средневѣковые писатели, ср. напр. назв. соч. Маттея). Даже съ принятіемъ христіанства, взглядъ на отравленіе не измѣнился, измѣнились только наименованія колдуновъ и чародѣевъ, которые всѣ вообще стали образовать группы еретиковъ. Въ это время, какъ и прежде, господствовали различныя суевѣрія; вѣрили еще въ волшебство и предсказательство, въ оборотни и вліяніе стихій и т. п.; эту вѣру раздѣляли и высокообразованные люди, какъ напр. Плиній и Та-

---

Dig. Commentarius, Amstelodami, 1661, cap. V. de veneficis et divinatoribus, стр. 505.

Ср. Jo. Gottlieb Heinecii, antiquitatum Romanarum jurisprudentiam illustrantium syntagma, Francofurti, 1822, стр. 789.

цитъ. Вѣрили въ это время даже въ порчу людей самими богами; порча новорожденныхъ, напримѣръ, приписывалась доброму богу Сильвину (Буасье). Чародѣи преслѣдовались суровыми уголовными наказаніями; а въ 139 году преторъ иностранцевъ Cornelius Hispollus приказалъ халдеямъ въ теченіе 10 дней оставить Римъ и Италію. Еще императоръ Августъ, по совѣту Мецената, запретилъ иностранное предсказательство и повелѣлъ греческія книги, излагавшія это искусство, сжечь; туземное-же предсказательство онъ покровительствовалъ и самъ къ нему обращался. При Тиберіи, послѣ самоубійства Либона Друза, невинно заподозрѣннаго въ вопрошеніи предсказателей съ умысломъ государственной измѣны, былъ изданъ спеціальный senatus consultum, въ силу котораго иностранные математики, халдеи и магики были казнены или изгнаны изъ Италіи [1]). При такомъ положеніи вещей, юное христіанство само не освободилось отъ многихъ предразсудковъ, въ числѣ которыхъ стояло и отождествленіе отравленія съ колдовствомъ [2]). (То-же видимъ мы даже и въ позднѣйшемъ каноническомъ правѣ).

---

[1]) Л. С. Бѣлогрицъ-Котляревскій, преступленія противъ религіи въ важнѣйшихъ государствахъ Запада, Ярославль, 1886, стр. 65 и сл.

[2]) Римляне, какъ и всѣ народы, тоже вѣрили въ колдовство, но у нихъ въ колдовствѣ, какъ преступленіи, нѣтъ идеи возстанія противъ божества (какъ это было у евреевъ). Встрѣчающіеся въ Римскомъ правѣ уголовныя постановленія о колдовствѣ исходятъ всѣ изъ основной идеи о вредѣ другому: карается вредъ, причиняемый колдовствомъ другому лицу. Запрещается колдовство, переманивающее урожай съ чужаго поля; далѣе, колдовство, употребляемое, какъ средство для убійства (то-есть отравленіе). Вообще, изслѣдованіе римскаго права, по вопросу о колдовствѣ, какъ преступленіи, приводитъ къ слѣдующему результату: нигдѣ магія, сама по себѣ, не воспрещается; она карается лишь тогда, когда находится въ связи съ убійствомъ, бунтомъ и оскорбленіемъ величества. Римское право христіанской эры долго колеблется между взглядомъ моисеева законодательства и чисто римскимъ воззрѣніемъ. Наконецъ, между 887—893 г., при императорѣ Львѣ Философѣ, издается постановленіе, въ которомъ высказывается, что всякое колдовство (incantamenta) отда-

Возвращаясь къ положеніямъ римскаго права временъ императоровъ, мы находимъ въ нихъ какъ-будто нѣкоторое объясненіе, почему отравленіе считалось особенно тяжкимъ видомъ лишенія жизни. Именно сохранилась одна конституція императора Антонина, которая гласитъ слѣдующее: Plus est hominem extinguere veneno, quam occidere gladio [1]).

Нѣкоторые ученые, напримѣръ Шрадеръ, видятъ въ этомъ опредѣленіи простое юридически-безсодержательное замѣчаніе, въ которомъ императоръ выразилъ только свое личное негодованіе въ отношеніи этого гнуснаго преступленія. Но уже самое положеніе этого правила въ кодексѣ указываетъ на то, что въ немъ заключается нѣчто бо̀льшее, чѣмъ простое нравственное разсужденіе. Въ подтвержденіе такого толкованія, Генглеръ ссылается на аналогическое постановленіе императоровъ Валентіана, Валента и Граціана (const. 10 Cod. Theod. de poenis, IX, 40) и на новеллу императора Константина Порфиророднаго, въ которыхъ весьма ясно принимается во вниманіе dignitas преступниковъ при наиболѣе гнусныхъ видахъ убійства, къ которымъ, по словамъ Константина, принадлежитъ и отравленіе.

Такимъ образомъ, смыслъ выраженія „plus est hominem extinguere veneno, quam occidere gladio“ таковъ: Состояніе и званіе обвиняемаго могутъ приниматься во вниманіе при обыкновенныхъ убійствахъ, но никогда не должны принимать-

---

ляетъ человѣка отъ Бога и отдаетъ его на службу демону; гибель души при этомъ неизбѣжна, а потому всякій вообще колдунъ, какъ апостатъ, наказуется смертью.

Л. Е. Владиміровъ, процессы о колдовствѣ на западѣ Европы. Въ Сборникѣ „Защитительныя рѣчи и публичныя лекціи“, изд. Каменскаго, Москва, 1892, стр. 412.

[1]) Const. 1 C. J. de maleficis et mathematicis et caeteris similibus, lib. IX, tit. 18.

D. Justiniani Sacratissimi Principis P. P. A. Codicis, repetitae praelectionis libri XII, Amstelodami, 1663, стр. 296.

Ср. новѣйшія изданія Кодекса: Krueger'a, fr. Krigelii и другія.

ся во вниманіе при наиболѣе ужасномъ видѣ его — т. е. при отравленіи.

Съ другой стороны, при отравленіи, какъ и при другихъ видахъ убійства, не обращалось вниманія на степень участія въ преступленіи. Всѣ виды соучастниковъ въ отравленіи подвергались одному и тому-же наказанію:

Tamen si qui consilii vel factores sceleris fuerunt, hi demum supplicio adficiuntur [1]). Nihil interest, occidat quis, an causam mortis praebeat. Mandator caedis pro homicida habetur [2]).

На ряду съ отравленіемъ умышленнымъ, римляне преслѣдовали также нѣкоторыя дѣйствія неосторожныя, кои могли, однако, окончиться отравленіемъ. Дѣянія такого рода юристъ Павелъ обозначаетъ общимъ именемъ „res mali exempli.“ Сюда относились проступки троякаго характера.

1. Доставленіе какого-либо medicamentum ad conceptionem, но только: ex quo ea, quae acceperat, decesserit.“ Законъ говорилъ лишь о женщинахъ, такъ какъ онѣ чаще всего занимались изготовленіемъ такого рода напитковъ: Sed ex Senatusconsulto relegari jussa est ea, quae dedit.

2. Даваніе абортивныхъ средствъ, „dare poculum abortionis“ безъ воли и согласія беременной женщины, если это было причиною ея смерти или поврежденія здоровья: Qui abortionis poculum dant, etsi dolo non faciant, tamen quia mali exempli res est, humiliores in metallum, honestiores in insulam ammissa parte bonorum relegantur. Quodsi ex hoc mulier perierit, summo supplicio afficiuntur [3]).

3. Даваніе любовныхъ напитковъ „dare amatoria pocula [4]). Искусство изготовленія такихъ напитковъ причислялось

---

[1]) Fr. 1 § 21 D. de Scto Silaniano. XXIX, 5.

[2]) Fr. 15 D. XLVIII, 8. Ulpian. libr. VIII ad Legem Juliam et Papiam.

[3]) Paulus, Receptae Sententiae, Lib. 5, Tit. 23, § 14.

[4]) Напитки эти носили также названіе philtra, φίλτρα (Ovid. de A. A. II, v. 105, Juvenal. Sat. VI, v. 609), medicamenta amatoria

въ Римѣ къ artes magici, и было по преимуществу удѣломъ женщинъ (sagae, veneficae). Напитки эти приготовлялись обыкновенно изъ растительныхъ веществъ (herbae, gramina), среди которыхъ Плиній отмѣчаетъ Stergethros, Catanance, Cemos, Phyteuma, Staphylinos (Pastinaca) и другія [1]).

Если отъ такого любовнаго напитка причинилось простое поврежденіе здоровья, то виновные—honestiores подлежали релегаціи in insulam, humiliores ссылкѣ ad metalla, при чемъ всегда имѣло мѣсто amissio partis bonorum. Если-же послѣдовала смерть, то, безъ различія состоянія, назначалось summum suppicium [2]).

(Sueton, Caligula cap. 50), amatoria (Quintil. de instit. orat. VII 3, § 10, § 30). Плиній и Квинтиліанъ упоминаютъ еще о напиткахъ обратнаго свойства: pocula odii, odii potio (Gengler, l. c.).

[1]) Даже Овидій возстаетъ противъ употребленія любовныхъ напитковъ, говоря: Philtra nocent animis, vimque furoris habent (de A. A. II v. 105). Gengler, l. c.

[2]) Fr. 38 § 5 Dig. Lib. XLVIII. tit. 19.

Ср. Новеллу LXV императора Льва „de incantatorum poena"; его-же нов. CXI; интересна также новелла CXV императора Юстиніана, cap. 4, § 5.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Отравленіе по каноническому праву.

Каноническое право, какъ извѣстно, основывалось по многимъ вопросамъ, частію на правѣ римскомъ, частію на Священномъ Писаніи Новаго Завѣта и на сочиненіяхъ Святыхъ Отцевъ Церкви, частію же на правѣ еврейскомъ.

Еще у евреевъ разныя тайныя искусства стояли въ тѣсной связи съ языческими культами: занятіе ими и обращеніе къ нимъ угрожало опасностію чистотѣ національнаго культа; поэтому Моисей и запрещаетъ ихъ строго. Онъ грозитъ смертною казнью, избіеніемъ камнями, за три вида тайныхъ искусствъ: колдовство, магію и вызываніе духовъ [1]). Самое тяжкое наказаніе въ данномъ случаѣ объясняется тѣмъ, что законодатель смотрѣлъ на тайныя искусства указаннаго рода, какъ

---

[1]) Исходъ, глава 22, 18: Ворожеи не оставляй въ живыхъ.

Левитъ, глава 20, 27: Мужчина или женщина, если будутъ они вызывать мертвыхъ или волхвовать, да будутъ преданы смерти: камнями должно побить ихъ, кровь ихъ на нихъ.

Ср. Левитъ 20, 6: И если какая душа обратится къ вызывающимъ мертвыхъ и къ волшебникамъ, чтобы блудно ходить въ слѣдъ ихъ, то я обращу лице Мое на ту душу и истреблю ее изъ народа ея.

О чародѣйствѣ вообще говорятъ: Исходъ, глава 7, 11, 12; Книга пророка Михея, глава 5, 12 и друг.

на провокацію, соблазнъ къ идолопоклонству, съ которымъ онъ и уравниваетъ ихъ въ степени наказуемости [1]).

Составъ преступленія предполагалъ, по талмуду, наличность намѣренія дѣйствительно совершить волшебство; по этому отсюда исключались: а) фокусничество или предпринятіе ловкихъ обманчивыхъ дѣйствій съ намѣреніемъ показать волшебное искусство; б) занятіе волшебствомъ съ научною цѣлью, ибо сами члены синедріона должны были знакомиться съ тайными искусствами, дабы при сужденіи виновныхъ въ этихъ дѣяніяхъ обладать необходимыми свѣдѣніями.

Другіе виды тайныхъ искусствъ карались только тѣлеснымъ наказаніемъ, не свыше сорока ударовъ; таже кара постигала и тѣхъ, кто только обращался къ помощи искусства чародѣевъ: Моисей грозитъ имъ кэритомъ (Левитъ, глава 20, 6), къ которому присоединялось обыкновенно бичеваніе.

Лица, занимавшіяся „тайными искусствами", въ числѣ прочихъ свѣдѣній, обладали также знаніемъ приготовлять ядо-

---

[1]) Heppe, Soldan's Geschichte der Hexenprozesse, neu bearbeitet, Stuttgart, 1880, Band I, стр. 31—33: Въ началѣ только немногія изъ практиковавшихся тогда на востокѣ тайныхъ искусствъ были извѣстны евреямъ: нигдѣ нѣтъ рѣчи о магическомъ леченіи, порчѣ людей, животныхъ и полей, причаровываніяхъ, причиненіи грозы, превращеніяхъ въ образы животныхъ, полетахъ по воздуху или союзахъ съ сатаной. Только позже въ силу сношеній съ языческими народами, и въ особенности послѣ плѣна—объемъ тайныхъ искусствъ среди евреевъ расширился. Тогда появились среди нихъ заклинатели, славившіеся искусствомъ изгонять демоновъ, посредствомъ особенныхъ формулъ, окуриванія и травъ.

Л. С. Бѣлогрицъ-Котляревскій, преступленія противъ религіи въ важнѣйшихъ государствахъ запада, Ярославль, 1886, стр. 39—41.

Ср. Л. Е. Владиміровъ, процессы о колдовствѣ на западѣ Европы. Защитительныя рѣчи и публичныя лекціи, изд. Каменскаго, Москва, 1892, стр. 411 и слѣдующ.: По моисееву законодательству, колдовство запрещается подъ страхомъ смерти, какъ возстаніе противъ Іеговы. Это есть преступленіе, сущность котораго состоитъ въ томъ, что человѣкъ обращается за помощью не къ своему Богу, а къ другой силѣ. Это—отпаденіе отъ Бога.

витыя и сильнодѣйствующія вещества. Понятіе яда встрѣчается и въ Ветхомъ Завѣтѣ [1]) и въ Новомъ Завѣтѣ [2]) довольно часто, что указываетъ на то, что къ нему обращались и прежде столь-же часто какъ и теперь, и для цѣлей убійства и для цѣлей самоубійства [3]).

Вообще всевозможныя ядовитыя и сильнодѣйствующія вещества въ мірѣ еврейскомъ были не безъизвѣстны. Напитокъ который былъ данъ Распятому на крестѣ Спасителю міра и который Онъ, отвѣдавъ, не восхотѣлъ пить [4]), по мнѣнію нѣкоторыхъ ученыхъ, былъ средствомъ, приводившимъ въ безчувственное состояніе; его давали осужденнымъ, чтобы облегчить ихъ страданія [5]).

---

[1]) Въ еврейскомъ языкѣ существовало три выраженія для обозначенія понятія яда: רֹאשׁ, חֵמָה, מֵי רֹאשׁ, что можно отмѣтить и въ книгахъ Ветхаго Завѣта.

רֹאשׁ и רוֹשׁ = рош, ядовитая трава, ядовитое растеніе, въ Ветхомъ Завѣтѣ упоминается неоднократно. См. напр. Книгу пророка Осіи, глава X, 4; Второзаконіе, глава XXIX, 18; гл. XXXII, 33.

חֵמָה = хемах, собственно означаетъ жаръ, жженіе, затѣмъ жгучее укушеніе ядовитой змѣи, ядъ. См., напримѣръ, Второзаконіе, глава XXXII, 24.

מֵי רֹאשׁ = мэ рош, означаетъ горькую воду, ядовитую воду, ядъ. См., напримѣръ, Книгу пророка Іереміи, глава VIII, 14.

Ср. затѣмъ Четвертую Книгу Царствъ, главу IV, 39 — 41. Псалтирь, псаломъ 139, 4, псал. 68, 22 и другія мѣста Св. Писанія.

[2]) См., напримѣръ, къ Римлянамъ Посланіе Святаго Апостола Павла, глава III, 13: „ядъ аспидовъ“.

[3]) Извѣстенъ, напримѣръ, случай самоубійства чрезъ отравленіе Птоломея Макрона. Вторая Книга Маккавейская, глава X, 12 и 13.

[4]) Еванг. отъ Матѳея, Глава 27, 34: уксусъ смѣшанный съ желчью.

Еванг. отъ Марка, Глава 15, 23: вино со смирною; 15, 36: уксусъ.

Ср. Еванг. отъ Луки, Глава 23, 36.

Также Еванг. отъ Іоанна, Глава 19, 29.

[5]) Bosius, de potionibus mortiferis ad Marci XVI, 18, Diss. 1, Lipsiae, 1736. Dis. 2, 1737. Kuinoel, Comment. in libros novi testam. Vol. 1, ed. 2, Lipsiae 1816, p. 791. Marx, Giftlehre, 8.

Но въ первые вѣка существованія еврейскаго государства, не было, однако, повидимому, особыхъ законовъ, которые преслѣдовали бы спеціально отравленіе. Преступленіе это, по всѣмъ вѣроятіямъ, разсматривалось какъ чародѣйство, и какъ таковое влекло побитіе камнями. Правда, въ книгахъ Моисея говорится о такъ называемомъ коварномъ убійствѣ, но, вѣроятно, оно обнимало лишь тѣ случаи, когда убійство было совершено изъ засады, когда убійца поджидалъ жертву и т. п.; виновному грозила въ такихъ случаяхъ неминуемая смерть: „если кто съ намѣреніемъ умертвитъ ближняго своего коварно (и прибѣжитъ къ жертвеннику), то и отъ жертвенника моего бери его на смерть“ [1]). Отравленіе-же, при существовавшей вѣрѣ въ тайныя искусства, въ умѣнье чародѣевъ изготовлять различныя смертоносныя и другія зелья, несомнѣнно считалось однимъ изъ проявленій чародѣйства и волшебства; виновнымъ, какъ замѣчено выше, грозитъ побитіе камнями: „Мужчина или женщина, если будутъ они вызывать мертвыхъ или волхвовать, да будутъ преданы смерти: камнями должно побить ихъ, кровь ихъ на нихъ [2]). Ворожеи не оставляй въ живыхъ“ [3]). Но впослѣдствіи отравленіе пріобрѣло болѣе самостоятельный характеръ. Законы стали требовать, говоритъ Филонъ, чтобы отравители и составители ядовъ (φαρμακεύτας και φαρμάκιδας) были всегда безусловно казнены, такъ какъ крайне возмутительнымъ является здѣсь то, что средствами, способными иногда поддержать жизнь, причиняется коварная смерть [4]).

Въ древнѣйшія языческія времена религія была посвящена по преимуществу высшимъ понятіямъ, каковы міръ, вселенная, Богъ, и лишь отчасти касалась отношенія этихъ міровыхъ началъ къ человѣку и обратно. Затѣмъ и религія евреевъ и религія классическаго міра касались главнымъ образомъ Неба,

---

[1]) Исходъ, глава XXI, 14.
[2]) Левитъ, глава XX, 27.
[3]) Исходъ, глава XXII, 18.
[4]) Magx, op. cit., стр. 20.

какъ престола Божія, и Олимпа, какъ жилища боговъ, а не земли съ ея земными интересами. То, что предписывалъ Іегова или боги, было религіей; то, что предписывали люди, то есть общество, называлось правомъ. Непослушаніе Іеговѣ, ослушаніе боговъ являлось грѣхомъ; неисполненіе-же правилъ общежитія, установленныхъ обществомъ, считалось преступленіемъ.

Казалось-бы, съ принятіемъ христіанства, еще болѣе должны были-бы разграничиться эти двѣ области, — права и вѣры, имѣющія между собою очень мало общаго. Исторія показала, однако, совершенно противное. Богъ христіанскій, Богъ милосердія, источникъ любви и всепрощенія, вскорѣ превратился снова, если не въ бога языческаго, то въ Бога еврейскаго, гнѣвнаго и карающаго. А вмѣстѣ съ этимъ и положительное право, интересы „Кесаревы“ были смѣшаны съ отвлеченными понятіями религіи, съ требованіями „Божіими“. За невозданіе Богу Божіего законы стали карать съ одинаковою строгостію, какъ за невозданіе Кесарева Кесарю и обратно. Такимъ образомъ, говоря словами Евангелія, законники, взявъ ключъ разумѣнія, сами не вошли, и входящимъ воспрепятствовали (Лук. II, 52).

Смѣшеніе началъ права и религіи, преступности и грѣховности, проявляется въ исторіи въ цѣломъ рядѣ дѣяній, особливо среди преступленій противъ жизни, и главнымъ образомъ въ процессахъ объ отравленіи, которое даже считалось чаще преступленіемъ противъ религіи, чѣмъ противъ жизни.

Дѣло въ томъ, что всѣ виды убійства, а въ томъ числѣ и отравленіе, уже издревле представлялись человѣку самыми тяжкими грѣхами, нарушавшими одну изъ самыхъ главныхъ заповѣдей: „не убій“. Это элементарное начало Моисеева права въ христіанствѣ, какъ извѣстно, было расширено до утопическаго требованія о любви къ ближнему, какъ къ самому себѣ. Конечно, нарушеніе требованій послѣдняго рода не вызываетъ никакихъ юридическихъ вопросовъ, оставаясь всецѣло на почвѣ нравственности. Нельзя наказывать несовершеннаго, грѣшнаго человѣка за то, что онъ любитъ себя больше ближняго. Но его слѣдуетъ наказать, если онъ въ своихъ грубыхъ, эго-

истическихъ стремленіяхъ непосредственно посягаетъ на самую жизнь ближняго.

Каноническое право шло даже далѣе; оно расширяло объемъ заповѣди „не убій“ не только на всѣ случаи лишенія жизни другихъ лицъ, но и на всѣ виды посягательствъ на собственную жизнь; убійство по согласію, пособничество къ самоубійству и, наконецъ, самое самоубійство—были прежде всего дѣяніями грѣховными, а затѣмъ уже дѣяніями преступными. Церковь вводитъ рядъ наказаній за самоубійство: соборы въ Брагѣ, Орлеанѣ, Оксерѣ опредѣлили лишать самоубійцъ христіанскаго погребенія и подвергать ихъ экскоммуникаціи. Убійца, по воззрѣніямъ Церкви, посягалъ на жизнь ближняго, по корысти или злобѣ; самоубійца-же посягалъ на свою собственную жизнь по малодушію, желая освободиться отъ тягостей жизни, опредѣленныхъ ему отъ Бога.

Затѣмъ Церковь объявила столь-же грѣховнымъ, какъ лишеніе жизни взрослаго или дитяти, и вытравленіе плода. Всѣ эти дѣянія казались прежде всего грѣховными, а затѣмъ уже и преступными. Еще болѣе содрогалась Церковь передъ квалифицированными видами лишенія жизни. Отцеубійство, убійство родственниковъ, убійство беременной, отравленіе уже съ древнѣйшихъ временъ считались наиболѣе тяжкими грѣхами. Уже римскіе жрецы выработали, напримѣръ, особый способъ казни для отцеубійцъ, которыхъ топили въ одномъ мѣшкѣ съ жертвенными животными. И этотъ способъ казни находимъ мы не только въ Римѣ, не только на древнемъ Западѣ, но и на самомъ Востокѣ Европы, у народовъ славянскихъ [1]) и литовскихъ [2]): и здѣсь отцеубійцы наказывались главнымъ образомъ, какъ неисправимые грѣшники, а не какъ преступники; и здѣсь казнь ихъ имѣла характеръ грубой экскоммуникаціи, изверженія изъ человѣческаго общества, путемъ утопленія и пріобщенія къ древнимъ жертвеннымъ животнымъ.

---

[1]) Лохвицкій, курсъ русскаго уголовнаго права, СПб., 1871, стр. 524.

[2]) Литовскій Статутъ, раздѣлъ XI, артикулъ 7.

Столь-же сурово относилась Церковь и къ другимъ квалифицированнымъ видамъ лишенія жизни, въ томъ числѣ и къ отравленію. Въ Россіи, напримѣръ, даже простое зелійничество, то есть приготовленіе различныхъ знахарскихъ и другихъ составовъ, которые могли, однако, послужить и для преступныхъ отравленій, — преслѣдовались Церковными Уставами нашихъ Великихъ Князей съ особою строгостью, какъ одно изъ наиболѣе грѣховныхъ дѣяній. Подробныя указанія по этому предмету будутъ сдѣланы ниже. Здѣсь-же отмѣтимъ, вообще, слѣдующее.

Вѣра въ существованіе злаго духа, дьявола, какъ непосредственнаго источника всѣхъ золъ и бѣдствій, создала въ средніе вѣка новую категорію преступленій, опиравшихся на убѣжденіе о возможности союза и сношеній человѣка съ дьяволомъ, убѣжденіе, считавшееся неоспоримымъ; и въ силу этого, рядомъ съ преступленіями противъ религіи въ тѣсномъ смыслѣ, какъ-то отпаденіемъ отъ вѣры, богохуленіемъ, были поставлены волшебство, чародѣйство, союзъ съ дьяволомъ—sortilegium, magia, divinatio. И слишкомъ извѣстны тѣ печальныя и позорныя страницы въ исторіи какъ церковнаго, такъ и свѣтскаго правосудія, запятнанныя кровью жертвъ суевѣрія и невѣжества времени. Къ разряду дѣйствій сверхъестественныхъ, объясняемыхъ пособіемъ злаго духа, отнесены были всѣ дѣйствія и явленія, причина и внутренняя связь которыхъ оставались не понятными въ глазахъ безграмотнаго и фанатическаго общества, а потому къ разряду магическихъ знаній отнесено было и всякое воздѣйствіе на душевныя и тѣлесныя силы человѣка, безъ слѣда, безъ всякаго видимаго, осязаемаго насилія причинявшее боль и страданіе другому или даже прекращавшее его существованіе. Убійство этого рода могло, по взглядамъ того времени, быть совершаемо двоякимъ образомъ: или способомъ чисто магическимъ: нашептываніями, наговорами, заклинаніями—incantatio, или при посредствѣ силъ природы, при помощи травъ и напитковъ — veneficium. Такимъ образомъ, отравленіе изъ разряда преступленій противъ жизни

перешло въ категорію преступленій противъ вѣры, а потому и являлось всегда злодѣяніемъ первой величины [1]).

Въ ряду различныхъ магическихъ искусствъ, признававшихся въ то время наиболѣе опасными, выдѣляется искусство произвольно причинять вредъ жизни и здоровью людей. Объ этихъ смертоубійствахъ безъ всякаго оружія, безъ всякихъ внѣшнихъ поврежденій упоминаетъ уже одинъ изъ помѣстныхъ соборовъ (Иллиберійскій), бывшій въ III вѣкѣ по Рождествѣ Христовомъ:

Si quis vero maleficio interficiat alterum, eo quod sine idolatria scelus perficere non potuit, nec in fine impartiendam esse illi communionem [2]).

Эти смертоубійства, какъ замѣчено выше, были причиняемы, по мнѣнію современниковъ, частію чисто магическимъ путемъ, посредствомъ такъ называемаго нашептыванія—incantatio (carmina magica), частію-же посредствомъ различныхъ предметовъ изъ царства природы, въ особенности при помощи травъ, herbae, надъ которыми производились заклинанія въ таинственныхъ формулахъ [3]), и которыя затѣмъ примѣшивались въ пищу или въ питье намѣченной жертвѣ. Дѣяніе этого рода носило спеціальное названіе veneficium, а виновные въ этомъ дѣяніи malefici (magi) имѣли спеціальное наименованіе venefici.

Это соединеніе отравленія съ магіей не содержитъ въ себѣ ничего противоестественнаго, если припомнить младенческое состояніе медицины того времени и общій мистицизмъ, который царилъ тогда даже въ естественныхъ наукахъ. Venefici ставились заурядъ съ важнѣйшими видами волшебниковъ

---

[1]) Н. С. Таганцевъ, о преступленіяхъ противъ жизни, т. II, стр. 72 и 73.

[2]) Capit. I, canon 6.

[3]) Въ одномъ изъ сборниковъ каноническаго права было ясно выражено слѣдующее требованіе: „Non licet in collectione herbarum, quae medicinales sunt, aliquas observationes aut incantationes attendere, nisi tantum cum Symbolo Divino“.

и чародѣевъ, каковы, напримѣръ: magi, sortilegi, arioli и другіе [1]). Самое-же преступленіе отравленія весьма часто именуется въ каноническомъ правѣ словомъ „maleficium".

Позднѣйшее каноническое право, въ томъ видѣ, какъ оно объединено въ Corpus Juris Canonici, въ общихъ чертахъ примыкаетъ также къ этимъ древнѣйшимъ воззрѣніямъ церкви. Доказательствомъ этому служатъ, напримѣръ, два мѣста у Граціана, can. 14, C. XXVI, Qu. 5 и can. 17, C. VI, Qu. 1, изъ коихъ послѣднее установляетъ для отравителей въ качествѣ церковнаго наказанія такъ называемую infamia.

Съ другой стороны, въ каноническомъ правѣ находимъ мы между прочимъ такое опредѣленіе: „Homicidas, et sacrilegos et venenarios punire, non est effusio sanguinis, sed legum ministerium" [2]). Здѣсь упоминаются venenarii, но не venefici, въ смыслѣ свѣтскаго (римскаго) права, строгость котораго (смертная казнь, „effusio sanguinis") утверждается и оправдывается приведеннымъ канономъ. Будучи, повидимому, приравнены къ homicidae, venenarii въ то-же время отдѣлены отъ нихъ понятіемъ sacrilegi, съ которыми они и сопоставлены (sacrilegos et venenarios) [3]), что указываетъ на то, что въ отравленіи видѣли не преступленіе противъ жизни, а преступленіе противъ религіи.

---

[1]) Girlandus (tract. de sortilegiis, cap. I, num. 4) даетъ такое опредѣленіе чародѣйства и чародѣевъ: „Sortilegus large is est, qui diabolicum religionem professus est, et noxia quaeque superstitiosa aut elusuria daemonis instrictione componit".

[2]) Canon 31, Causa XXIII, Quaestio 5: Non effudit sanguinem qui homicidas et sacrilegos punit. (Idem super Hierem. lib. IV, ad c. 22). Corpus iuris Canonici, post I. H. Boehmeri curas brevi adnotatione critica instructum ad exemplar romanum denuo edidit A. Z. Richter, Pars I Decretum Gratiani, Lipsiae, 1839, стр. 811.

Ср. Birnbaum, über die Ansichten der Römer von dem Verbrechen der Tödtung, Neues Archiv des Criminalrechts, XIV Band, Num. XXII, примѣч. 74, стр. 520.

[3]) Въ заглавіи канона понятіе venenarii даже совершенно слито съ понятіемъ sacrilegi.

Весьма любопытно то, что въ главахъ, посвященныхъ вопросу о лишеніи жизни, homicidium, каноническое право почти никогда не упоминаетъ особо объ отравленіи. Мы находимъ лишь нѣкоторыя опредѣленія совершенно общаго характера. Таково, напримѣръ, опредѣленіе о томъ, что убійство можетъ быть совершено не только непосредственно руками, но и инымъ коварнымъ образомъ: non solum qui manibus occidunt, sed etiam quorum consilio et fraude alii occiduntur, homicidae probantur [1]).

Только въ декреталіяхъ папы Григорія IX вопросъ объ отравленіи и чародѣйственномъ убійствѣ затронутъ нѣсколько подробнѣе. Здѣсь лишенію жизни вообще посвященъ цѣлый отдѣльный титулъ „de homicidio voluntario vel casuali" [2]). Титулъ этотъ начинается постановленіемъ о коварномъ убійствѣ, которое, очевидно, было заимствовано изъ приведеннаго выше положенія еврейскаго права [3]): si quis per industriam occiderit proximum suum et per insidias, ab altari meo evelles eum, ut moriatur [4]). Затѣмъ убійцею именуется здѣсь также всякій, кто дѣлаетъ или даетъ чародѣйственныя вещества, или ядъ для вытравленія плода:

---

[1]) Tractatus de poenitentia, Distinctio I, caput XXIII. Corpus Juris Canonici, Pars I, стр. 1010 и слѣдующ.

[2]) Decretalium D. Gregorii Papae IX compilatio, Lib. V, Titulus XII, cap. I—XXV, Corpus Juris Canonici, Pars II, стр. 764—774.

Ср. также Sexti Decretalium, Lib. V, tit. IV de homicidio, l. c., стр. 1015.

Clementis Papae V Constitutiones, Lib. V, tit. IV, de homicidio voluntario vel casuali, l. c., стр. 1100.

[3]) Исходъ, глава XXI, 14.

[4]) D. Greg. IX, L. V, T. XII, caput I.

Подобное-же опредѣленіе находимъ мы и въ канонахъ Тридентскаго Собора: Canones et decreta sacrosancti oecumenici Concilii Tridentini, Lipsiae, 1846, стр. 89: qui per industriam occiderit proximum suum et per insidias, ab altari avelli debet. Къ этому добавлено только (стр. 90): homicida voluntarius omni ordine ac beneficio et officio ecclesiastico perpetuo careat.

Homicida est, qui facit vel dat sortilegia, vei venena sterilitatis (ex Concilio Guarmaciensi): Si aliquis causa explendae libidinis vel odii meditatione homini aut mulieri aliquid fecerit, vel ad potandum dederit, ut non possit generare, aut concipere vel nasci soboles, ut homicida teneatur. [1]).

Глоссаторъ Bernardus, разбирая это мѣсто, указывалъ на то, что здѣсь рѣчь идетъ лишь объ абортивныхъ напиткахъ; но несомнѣнно смыслъ этого постановленія болѣе широкій. Во-первыхъ, здѣсь говорится не только о напиткахъ, но и о различныхъ дѣйствіяхъ (aliquid fecerit). Во-вторыхъ, здѣсь говорится не только объ абортивныхъ напиткахъ, но и о любовныхъ напиткахъ, которые давали для возбужденія страсти (explendae libidinis causa). Въ-третьихъ, что самое главное, здѣсь говорится, что предметомъ посягательства можетъ быть не только женщина, но и мужчина (homini aut mulieri aliquid fecerit vel dederit), слѣдовательно здѣсь имѣются въ виду не только случаи вытравленія плода, но и случаи лишенія жизни посредствомъ яда. Генглеръ справедливо усматриваетъ въ этомъ постановленіи стремленіе каноническаго права отмѣтить особенно безнравственное направленіе воли виновнаго (unmoralische Tendenz), по крайней мѣрѣ, какъ второстепенный моментъ наказуемости [2]).

Древнѣйшія сочиненія по каноническому праву и богословію не говорятъ почти ничего объ отравленіи, какъ о лишеніи жизни въ главѣ объ убійствѣ, разсматривая отравленіе, какъ одно изъ религіозныхъ преступленій (delictum ecclesiasticum) и подводя его подъ понятіе чародѣйства. Такъ, напримѣръ, въ извѣстномъ сочиненіи Ванъ-Эспена [3]) говорится объ отравленіи

---

[1]) D. Greg. IX, L. V, T. XII, cap. V.

[2]) Gengler, Verbrechen der Vergiftung, I, стр. 119 и 152.

[3]) Jus Ecclesiasticum universum hodiernae disciplinae, praesertim Belgii, Galliae, Germaniae et vicinarum provinciarum accomodatum, authore Zegero Bernardo Van Espen, Coloniae Agripinae, 1715, pars II, Tit. X, cap. VII de irregularitate ex homicidio; pars III, Tit. IV, cap. III de Sortilegio Magia et aliis similibus.

вообще и объ отравленіи любовными напитками, какъ объ одномъ изъ проявленій чародѣйства: Eorum est scientia punienda et serverissimis merito legibus vindicanda, qui magicis accincti artibus, aut contra hominum moliti salutem, aut pudicos ad libidinem deflexisse animos detegentur [1]). Указавъ на запрещеніе средствъ магическихъ, Ванъ-Эспенъ считаетъ въ тоже время необходимымъ замѣтить, что врачеваніе средствами обыкновенными, не магическими, запрещено не было [2]).

Подобные взгляды господствовали и въ богословіи того времени. Отравленіе, какъ видъ чародѣйства, считалось нарушеніемъ первой заповѣди [3]); прочіе-же случаи лишенія жизни, какъ виды убійства, являлись нарушеніемъ шестой заповѣди [4]). Понятіе отравленія у многихъ богослововъ обнимается общимъ понятіемъ „maleficium": „Maleficium est vis nocendi aliis ex pacto et cooperatione daemonis: differt a magia, quod haec intendat facere mira, illud autem dirigatur ad nocendum" [5]). Особый, самостоятельный видъ maleficium составляло по теологіи такъ называемое чародѣйственное врачеваніе, „Si medicus sciatur esse magus" [6]).

Болѣе позднее каноническое право, считая съ одной сто-

---

[1]) Van Espen, opera omnia ecclesiastica, стр. 986, § XXIV (L. 4. Cod. de Maleficiis).

[2]) L. c. стр. 987, § XXVIII: prohibita non esse remedia humanis quaesita corporibus, hoc est remedia quae non ars magica, sed natura suppediat.

[3]) La Croix, Theologia moralis, antehac ex probatis auctoribus breviter conclinnata, Coloniae, 1719, tomus I, libri III pars I, tractatus I de primo praecepto Decalogi, стр. 165 и слѣдующ.

[4]) Theologia Moralis, tractatus IV, de quinto et sexto praecepto, стр. 266 и слѣдующ.: Prohibetur hominis occisio, mutilatio, verberatio, aliaque similis afflictio injusta.

[5]) L. cit., dubium V, resp. 1, стр. 174.

[6]) Ibidem, Addenda, quaestio 9, стр. 175.

Ср. также Van Axel de Seny, Totius juris canonici compendium, Coloniae Agrippinae, 1630; l. V, t. XII de homicidio, стр. 103 и слѣд.; l. V, t. XXI de sortilegiis, стр. 132 и слѣд.

роны лишеніе жизни посредствомъ яда квалифицированнымъ видомъ убійства, въ то-же время сохранило и постановленія о чародѣйственномъ отравленіи, разсматривая его какъ maleficium и sortilegium.

Обыкновенное отравленіе имѣло мѣсто въ тѣхъ случаяхъ, если кто-либо давалъ другому ядъ: homicidium veneficum seu veneficium est, si quis venenum causa occidendi dat, vel propinat, eoque occidit [1]). Такъ какъ отравленіе считалось квалифицированнымъ видомъ лишенія жизни (homicidium qualificatum), то и наказаніемъ за него служила смертная казнь, и при томъ не чрезъ отсѣченіе головы, а чрезъ повѣшеніе, колесованіе, сожженіе, согласно свѣтскому законодательству [2]). Съ другой стороны и чародѣи-отравители, malefici, sortilegi, будучи объявлены съ точки зрѣнія каноническаго права infames, предавались затѣмъ суду свѣтскому (curiae saeculari tradi debent), для наказанія по свѣтскимъ законамъ [3]).

Прежде чѣмъ перейти къ разсмотрѣнію вопроса о развитіи свѣтскаго уголовнаго законодательства въ отношеніи отравленія и чародѣйства, не безполезно сказать еще нѣсколько словъ о Номоканонѣ [4]), какъ о весьма существенномъ источникѣ каноническаго права.

---

[1]) Jus Canonicum Universum, clara methodo juxta titulos quinque librorum Decretalium in quaestiones distributum, authore Anacleto Reiffenstuel, tomus V, Antverpiae, 1755; lib. V, tit. XII de Homicidio voluntario et casuali, § 12, стр. 235.

[2]) Reiffenstuel, l. c.. стр. 236: si vero homicidium est qualificatum, gladius in rotam, furcam, vel rogum commutetur, vel adustione per ferrum candens, forcipibus, truncatione membrorum etc. augeatur, juxta Constitutionem Carolinam. Carpzov, Practica Criminal., q. 24, n. 16.

[3]) Jus Canonicum Universum, lib. V, tit. XXI de sortilegiis, стр. 311—313.

Ср. München, Das Kanonische Gerichtsverfahren und Strafrecht, zweiter Band, Köln und Neusz., 1866, III Buch, XVII Titel, Sortilegium, стр. 550 и слѣдующ.

[4]) ΣΥΝΟΔΙΚΟΙ ΚΑΙ ΑΠΟΣΤΟΛΙΚΟΙ ΚΑΝΟΝΕΣ ΚΑΙ ΤΟΥ ΜΕ-

Въ самомъ Номоканонѣ говорится, однако, только о волшебствѣ, а не объ отравленіи. Изъ различныхъ видовъ волшебства составители Номоканона приводятъ одно только опредѣленіе—о чародѣяхъ (γόητες), которое, впрочемъ, относится въ источникѣ не къ чародѣямъ, а къ обаятелямъ (ἐπαοιδοί). Но въ славянскомъ текстѣ, вслѣдъ за тѣмъ, приводятся еще четыре опредѣленія, которыхъ нѣтъ въ греческой рукописи, но которыя представляютъ буквальный переводъ частію изъ Властаря, частію изъ Зонары, именно: о чарованіи, о отравахъ, о прорицаніи, о волхвованіи [1]).

Такимъ образомъ, въ нашемъ Номоканонѣ опредѣленія объ отравленіи (греч. περὶ φαρμακειῶν) помѣщены были между опредѣленіями о чарованіи (греч. περὶ γοήτων) съ одной стороны, и опредѣленіями о прорицаніи (греч. περὶ μαντείας) и волхвованіи (περὶ μαγείας) съ другой стороны.

Подъ титуломъ „о отравахъ“ значится здѣсь слѣдующее: „Отрава же есть, еже напоенми смертоносными устроити нѣчто снѣдное и отравити человѣка, или отъ разума извести, и желательну сотворити смерть страждущему: или еже приличными человѣку, или любовныхъ ради, иногда бываемая, низумляти, и тако уготовляти. Влѣпоту убо сіи со убійцами равно запрещаются... И идолослужители быти глаголетъ правило, иже призыванія бѣсовомъ творятъ, чарованія нѣкая, и отъ тѣхъ ищутъ помощи“ [2]). Въ другомъ мѣстѣ Номоканона читаемъ:

ΓΑΛΟΙ ΒΑΣΙΛΕΙΟΥ. Номоканонъ или законоправильникъ, имѣя правила, по сокращенію, святыхъ Апостолъ, Великаго Василія и святыхъ соборовъ.

[1]) А. Павловъ, Номоканонъ при Большомъ Требникѣ, изданный вмѣстѣ съ греческимъ подлинникомъ, до сихъ поръ неизвѣстнымъ, и съ объясненіями, Одесса, 1872, стр. 43—45.

Ср. также В. Нарбекова, толкованіе Вальсамона на Номоканонъ Фотія, Казань, 1889.

[2]) Номоканонъ, ст. 14-ая. Ср. Властаря Σύνταμγα VI, 360: Αἱ δε φαρμακεῖαι ἢ ἀναιροῦσιν, ἢ τῶν φρενῶν ἐξιστῶσι, καὶ εὐκταῖων, τὸν θάνατον ποιοῦσι τῷ πάσχοντι, εἴ ποτε ἀνανήψειεν, ἢ τοῖς γε προσήκουσι τῷ ἀνθρώπῳ, ἢ φίλτρου χάριν ἐνίοτε γινόμεναι, παραπαίειν καὶ οὕτω παρασκευαζοσιν. Ср. затѣмъ Зонары толкованіе на 65 правило

„Великій же Василій въ 70 (чит. 7)-мъ своемъ правилѣ, отравники, и идолослужители, и убійцы на 20 лѣтъ осуждаетъ“ [1]).

Постановка отравленія на ряду съ колдовствомъ и чародѣйствомъ указываетъ на то, что даже просвѣщеннѣйшая часть населенія—духовенство—не только не было чуждо предразсудковъ, но даже предразсудки эти возводило на степень истины [2]). Что-же можно было требовать отъ остальныхъ классовъ народа?

Въ этомъ отношеніи особенно любопытна двадцатая статья Номоканона, весьма напоминающая собою Синтагму Властаря. Но она далеко не есть буквальная выписка изъ Властаря. Это видно уже изъ грубыхъ неправильностей словосочиненія, которыя встрѣчаются здѣсь довольно часто. Въ матеріальномъ отношеніи отличіе настоящей статьи отъ ея источника состоитъ въ томъ, что въ ней перечень народныхъ суевѣрій, исчисленныхъ у Властаря, дополненъ нѣсколькими новыми видами и орудіями волшебства, каковы: гаданіе на Риктологіонѣ и бобахъ, молитва отъ лихорадки, обычай пронизывать серьги дѣтямъ въ великій четвертокъ. Съ своей стороны, второй Кіевскій издатель Номоканона (Захарія Копыстенскій) включилъ сюда два русскія суевѣрія: ворожбу на Псалтырѣ съ ключемъ и обычай завязывать узелки по числу 12 евангелій, читаемыхъ въ великую пятницу (Павловъ, l. c., стр. 55).

Таковы были суевѣрія, нашедшія себѣ мѣсто въ Номоканонѣ. Еще болѣе было ихъ въ дѣйствительной жизни.

На Руси, какъ извѣстно, проводникомъ Каноническаго права явилось право Византійское, вылившееся въ Кормчей Книгѣ, на которую ссылаются и Новоуказныя статьи 1669 г.:

Василія Великаго. Εἰκότος δὲ κατα τοὺς φονεῖς οὗτοι ἐπιτιμῶνται. Наконецъ ср. Зонары-же толкованіе на 7 правило Василія Великаго.

[1]) Номоканонъ, статья 23-ья.

Павловъ, op. cit., стран. 61.

[2]) Ср. Н. статьи 17 (о ворожбѣ ячменемъ), 20 (о разныхъ видахъ волшебства, (13, 14, 20, 23, 24, 183, 196 (гдѣ говорится о чарованіи и чародѣйствѣ).

„А въ градскихъ законѣхъ написано: иже сотворивый чародѣянія, и на погубленіе человѣка или у себя имый, или продавъ, яко убійца по закону мучится“ [1]).

Въ другихъ мѣстахъ Кормчей встрѣчаемъ рядъ каноническихъ правилъ, опредѣляющихъ сроки покаянія для отравителей и чародѣевъ: „Обаяніе и чародѣяніе исповѣдая, оубійцы время да пріиметъ, еже есть, двадесять лѣтъ. Обавникъ и чародѣй, яко убійцы суть: вольнаго убійства запрещеніе, обавницы и чародѣи да пріимутъ. Разбойници, чародѣйци, и идолослужители, двадесять лѣтъ по древнему обычаю запрещеніе да пріимутъ“ [2]).

---

[1]) Закона Градскаго, грань 39 о казнехъ, 2.

Кормчая Книга, часть II, глава 48, листъ 111 на оборотѣ. Опредѣленіе, приведенное въ текстѣ, было дословнымъ заимствованіемъ изъ Прохирона.

Ср. Zachariae, Ὁ ΠΡΟΧΕΙΡΟΣ ΝΟΜΟΣ, Imperatorum Basilii, Constantini et Leonis Prochiron, Heidelbergae, 1837, tit. XXXIX, cap, 2.

Suallembergi, ΠΡΟΧΕΙΡΟΝ ΝΟΜΩΝ, Epitome Juris Civilis, quae Legum Prochiron, et Hexabiblos inscribitur, authore Constantino Harmenopulo, Parisiis, 1540.

[2]) Кормчая книга, часть I, глава 23, Святаго Василія Великаго правило 12, листъ 175. Василія Великаго правило 65, листъ 170. Его-же правило 8, листъ 159.

Подробнѣе см. ниже въ главѣ VII „Отравленіе въ исторіи русскаго права“.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Отравленіе въ исторіи германскаго законодательства.

Все разнообразіе народныхъ правъ, Volksrechte или leges barbarorum [1]), по вопросу объ отравленіи можетъ быть сведено въ слѣдующія три группы:

I. Законы Германцевъ (Lex Baiuvariorum, Lex Thuringorum, Lex Wisigothorum, Const. Langob. Heinrici II), видятъ въ отравленіи особый квалифицированный видъ убійства, homicidium proditorium, furtiva mors; законы эти не смѣшиваютъ отравленіе съ чародѣйствомъ, усматривая въ ядовитыхъ веществахъ не волшебныя снадобья, а особыя средства лишенія жизни, какъ, напримѣръ, potio mortifera въ законѣ Баварцевъ (Lex Baiuvariorum, Tit. III, cap. 7).

II. Законы Франковъ (Lex Salica и Lex Ripuariorum) смотрятъ на отравленіе, какъ на дѣяніе сродное чародѣйству; преступное лишеніе жизни человѣка посредствомъ яда vene-

---

[1]) Canciani, barbarorum leges antiquae cum notis et glossariis, Venetiis, 1783.

Georgisch, corpus juris germanici antiqui, Halae Magdeburgicae, 1738.

Wilda, Geschichte des deutschen Strafrechts, das Strafrecht der Germanen, Halle, 1842.

Geib, Lehrbuch des deutschen Strafrechts, I Band, Geschichte, Leipzig, 1861, Zauberei und Vergiftung, стр. 188, § 33.

ficium стоитъ обыкновенно въ этихъ законахъ подъ общимъ титуломъ maleficium: de maleficis (Lex Salica, Tit. XXII, § 1, 3), de maleficio (Lex Ripuariorum, Tit. LXXX); сюда подводились также и случаи чародѣйственнаго причиненія безплодія: si quae mulier alteri mulieri maleficium fecerit, ut infantem habere non possit.

III. Законы Англовъ стоятъ на рубежѣ между этими двумя группами, соприкасаясь и съ той и съ другой. Въ началѣ своей политической жизни, Англы, переселясь съ континента на островъ, удержали нѣкоторое время прежніе свои законы — Leges Thuringorum, иначе называемые Leges Angliorum et Verinorum. Эти законы Англовъ и Варяговъ разсматривали отравленіе, какъ квалифицированное убійство. Тоже мы видимъ и въ законахъ Вильгельма Завоевателя. Но съ теченіемъ времени, подъ вліяніемъ религіознаго мистицизма, этотъ простой и нормальный взглядъ на отравленіе значительно измѣнился, и, подобно сосѣднимъ законамъ Франковъ, англійскіе законы начали опредѣлять отравленіе, какъ дѣяніе чародѣйственное, какъ колдовство, волшебство и т. п. Такую постановку этого преступленія можно замѣтить въ законахъ Генриха I.

Разсмотримъ, хотя вкратцѣ, постановленія всѣхъ этихъ народныхъ правъ. Начнемъ съ права германскаго.

Среди германскихъ законовъ особенно развитыми и наиболѣе законченными являются законы древнихъ Баварцевъ. Lex Baiuvariorum заключалъ въ себѣ двадцать одинъ титулъ, изъ которыхъ большинство распадалось еще на главы.

Въ титулѣ III, въ главѣ VII говорилось и о смертоносныхъ отравахъ, de potione mortifera, при чемъ постановленію объ отравленіи предшествуетъ въ главѣ VI постановленіе de sagitta toxicata:

Caput VI de sagitta toxicata: si quis cum toxicata sagitta alicui sanguinem fuderit, cum duodecim solidis componat, eo quod inununan est. Caput VII de potione mortifera: similiter qui potionem huiusmodi donaverit alicui, in quo mor-

tiferum esse dinoscitur, quamvis parvum sit, aut multum, si evaserit, cum duodecim solidis componat [1]).

Короче говоря, если кто-нибудь прольетъ кровь отравленнымъ оружіемъ, то долженъ уплатить двѣнадцать солидовъ; точно также если кто дастъ кому-либо питье такого рода, въ которомъ будетъ открытъ ядъ, въ маломъ или большомъ количествѣ, и если тотъ выздоровѣетъ, то виновный долженъ уплатить двѣнадцать солидовъ.

Баварское право упоминаетъ еще о поврежденіи волшебными средствами посѣвовъ на чужихъ поляхъ, и назначаетъ за это дѣяніе пеню въ 12 солидовъ, т. е. такую-же, какъ и за волшебное освященіе оружія передъ поединкомъ и за дачу отравленнаго питья, не причинившаго даже смерти (Л. С. Бѣлогрицъ-Котляревскій, преступленія противъ религіи въ важнѣйшихъ государствахъ Запада, Ярославль, 1886, стр. 98) [2]).

Затѣмъ, въ законахъ Вестготовъ, въ книгѣ шестой „de sceleribus et tormentis“, въ титулѣ второмъ говорится: „de maleficis ac consulentibus eos, atque veneficis“. Титулъ этотъ раздѣленъ на два параграфа: § 1 si ingenuus de salute vel morte hominis vaticinatores consulat, и § 2 de veneficis.

Здѣсь преступное лишеніе жизни чрезъ отравленіе характеризовано такимъ образомъ:

Diversorum criminum noxii, diverso sunt poenarum genere feriendi. Ac primum ingenuos sive servos veneficos, id est, qui venena conficiunt, ista protinus vindicta sequatur: ut si venenatam potionem alicui dederint, et qui biberit mortuus exinde fuerit, illi etiam continuo suppliciis subditi morte turpissima sunt puniendi. Si certe poculo veneni potatus eva-

---

[1]) Canciani, vol. II. Lex Baiuvariorum, titulus III, cap. VI и VII. Georgisch (Heinecius), Lex Baiuvariorum, стр. 276.

[2]) Lex Bajuvariorum, titulus XII, caput 8. Georgisch (Heinecius), L. B. стр. 303. Wilda, Strafrecht der Germanen, стр. 965 и 966. Hepe-Soldan, Geschichte der Hexenprocesse, т. I, стр. 123.

serit, in ejus potestate tradendus est ille, qui dedit: ut de eo quod facere voluerit sui sit incunstanter arbitrii [1]).

Въ переводѣ это многословное опредѣленіе означаетъ слѣдующее: Виновные въ различныхъ преступленіяхъ подвергаются различнымъ родамъ наказанія; и прежде всего свободные и рабы отравители, то-есть тѣ, которые приготовляютъ яды, подлежатъ такому наказанію: если они дали кому-нибудь отравленное питье и выпившій его умеръ, то они тотчасъ-же, послѣ тѣлеснаго наказанія, подвергаются самой позорной смертной казни.

Вестготское право, подъ вліяніемъ римскаго, ставитъ отравленіе рядомъ съ волшебствомъ и различаетъ между чародѣями — практикующихъ это искусство и тѣхъ, которые съ ними совѣщаются. Причиненіе другому волшебствомъ вреда— личнаго или имущественнаго угрожается тальономъ; виновный долженъ былъ на своемъ лицѣ или имуществѣ претерпѣть тотъ вредъ, который нанесъ другому (Ср. Lex Wisigothorum, lib. VI, tit. II, § 4; см. также Dahn, Westgothische Studien, 234) [2]).

Наконецъ, и въ Лангобардскихъ законахъ, въ постановленіяхъ Генриха II, мы находимъ довольно подробное опредѣленіе, касающееся отравленія (Leges Langobardicae, Henrici II Augusti leges, constitutio Langob. de veneficiis). Это постановленіе было вызвано чрезмѣрнымъ увеличеніемъ числа убійствъ при помощи яда: quoniam, говорится въ законѣ, plerosque proh dolor veneficio ac diverso genere furtivae mortis perire audimus. Виновный въ отравленіи подлежалъ смертной казни и полной конфискаціи имущества:

Quicumque veneficio, seu quolibet modo furtivae mortis aliquem peremerit aut consentiens fuerit, mortis sententiam

---

[1]) Canciani, barb. leges antiquae.

Georgisch, l. c., Codicis Legis Wisigothorum liber VI, titulus II, § 2, стр. 2025.

[2]) Бѣлогрицъ - Котляревскій, преступленія противъ религіи, стр. 99.

incurrat, omniumqe suarum rerum mobilium et immobilium facultatem amittat: ita tamen, ut pretium X librarum auri pro legitimo widrigild propinquis parentibus peremti praemium detur; reliqua rursus medietas ejus propinquis veniat, altera autem medietas ad Fiscum accedat [1]).

То-есть: если кто-либо посредствомъ отравленія или инымъ коварнымъ способомъ умертвитъ другаго или дастъ на это свое согласіе, то онъ заслуживаетъ смертной казни и теряетъ все движимое и недвижимое имущество: такимъ образомъ, что стоимость десяти фунтовъ золота въ качествѣ законной виры дается въ вознагражденіе ближайшимъ родственникамъ убитаго, половина остальнаго имущества идетъ его родичамъ, а другая половина поступаетъ въ пользу казны.

Таковы опредѣленія объ отравленіи различныхъ законовъ древнихъ Германцевъ. Сводя ихъ всѣ воедино, можно замѣтить слѣдующее. Всѣ они смотрятъ на отравленіе, какъ на особый квалифицированный видъ лишенія жизни, furtiva mors, homicidium proditorium; большинство ихъ отличаетъ отравленіе отъ чародѣйства, усматривая въ ядовитыхъ веществахъ, какъ было замѣчено выше, не волшебныя снадобья, а особыя средства лишенія жизни (potio mortifera).

Въ періодъ времени отъ X до XVI столѣтія Германія, какъ извѣстно, представляла массу отдѣльныхъ самостоятельныхъ политическихъ единицъ, образовавшихъ королевства, герцогства, города и т. п. При такой политической раздробленности становится объяснимымъ стремленіе отдѣльныхъ городовъ и отдѣльныхъ мѣстностей создать свое собственное городовое и мѣстное право, взамѣнъ потерявшихъ силу народныхъ правъ.

Когда эти народныя права, Volksrechte или leges barbarorum, окончательно уступили мѣсто городовымъ и мѣстнымъ правамъ, Stadtrechte и Landrechte, измѣняются отно-

---

[1]) Georgisch (Heinecius), Leges Langobardicae, Henrici II Augusti leges, стр. 1279 и 1280.

шенія къ преступному дѣянію вообще, а это не могло не отразиться и на существовавшихъ до того времени взглядахъ на квалифицированное лишеніе жизни посредствомъ отравленія въ частности. Отравленіе заняло въ эту эпоху строго опредѣленное мѣсто на ряду съ наиболѣе тяжкими преступленіями, носившими названіе Friedbrüche, Ungerichte, Unthaten, Missethaten, и противополагавшимися болѣе легкимъ проступкамъ — Frevel, Unfug, Unzucht [1]).

Изъ законодательныхъ памятниковъ этого времени особеннаго вниманія заслуживаютъ законы Саксонскіе и право швабское; именно Sächsisches Weichbildrecht [2]) и Sachsenspiegel [3]) съ одной стороны и такъ называемое Schwabenspiegel [4]) съ другой стороны.

Саксонскій Вейхбильдъ ставитъ отравленіе (vorgifftinge) на ряду съ преступленіями противъ религіи (unglauben) и чародѣйствомъ или волшебствомъ (zcauberey); при чемъ всѣ эти виды преступленій влекутъ за собою одно и то-же наказаніе, именно, смертную казнь чрезъ сожженіе; послѣднее практиковалось въ формѣ сожженія виновныхъ на кострѣ (Brennen uff einer hort).

Подлинныя опредѣленія этого саксонскаго закона весьма немногосложны и совершенно ясны:

Strafe des unglaubens, der zcauberey und vorgifftinge— wer unglaubig ist, unnd cristen, ist aber mit zcauberey umb geet ader vorgifftinge dy sall mann Brennen uff einer hort [5]).

Почти тотъ-же характеръ имѣютъ и оба Зерцала — Саксонское и Швабское. И здѣсь мы находимъ ту-же постанов-

---

[1]) Geib, Lehrbuch des deutschen Strafrechts, 1 Band, Geschichte, Leipzig, 1861, стр. 218. Ср. Osenbrüggen, das Alamanische Strafrecht im deutschen Mittelalter, Schafhausen, 1872.

[2]) Sächsisches Weichbildrecht, art. CCIII.

[3]) Sachsenspiegel, Buch II, art. 13, § 7.

[4]) Schwabenspiegel, cap. CLXVI, § 30.

[5]) Sächsisches Weichbildrecht, herausg. von W. v. Thüngen, Heidelb., 1837, стр. 52.

ку преступнаго лишенія жизни чрезъ отравленіе рядомъ съ религіозными преступленіями и колдовствомъ. И здѣсь общимъ наказаніемъ для всѣхъ этихъ преступленій служитъ смертная казнь посредствомъ сожженія, и притомъ подобнымъ-же способомъ, какъ и въ Саксонскомъ Вейхбильдѣ, то-есть также на кострѣ.

Въ Саксонскомъ Зерцалѣ (Ландрехтъ, книга II, артик. 13, § 7) читаемъ мы, именно, слѣдующее (по Берлинской лѣтописи 1369 года):

Svelk kersten man oder wif ungelovich unde mit tovere ummegat oder mit vergiftnisse, unde des verwunnen wirt, den sal mann uppe'r hort bernen [1]).

Совершенно то-же гласитъ и Швабское Зерцало (Ландрехтъ, глава CLXVI, § 30), также сопоставляя отравленіе съ вѣроотступничествомъ и волшебствомъ:

Swelch cristan mensche ungelaeubig ist, oder mit zauber umbgat, oder mit vergift, wirt er dez uberait man sol in uff ainer hurte brennen ez si man oder wip [2]).

Отсюда слѣдуетъ, во-первыхъ, то, что преступленіе отравленія, какъ уже указываетъ самое его сопоставленіе съ апостазіей и чародѣйствомъ, было преслѣдуемо какъ отступленіе

---

[1]) Homeyer, der Sachsenspiegel oder das sächsische Landrecht nach Berliner Handschrift v. J. 1369, Berlin, 1827, Zweites Buch, dreizehnter Artikel, § 7.

Въ изданіи Вейске (der Sachsenspiegel, Leipzig, 1840, стр. 71) Зерцало напечатано по лейпцигской рукописи XIV столѣтія, и текстъ ея нѣсколько отступаетъ отъ приведеннаго выше, именно:

Swilch cristen man ungeloubic ist oder mit zcoubere umme get oder mit vergifnisse, unde des verwunden wirt, den sal man uf der urt burnen.

[2]) Ed. Scherz in Schilteri Thes. antiq. Teut. Tom. II, стр. 101.

Cp. Wackernagel, der Schwabenspiegel in der ältesten Gestalt, Zürich und Frauenstadt, 1840. Erster Theil, Landrecht, CXLIX Wie manger hande tôt man verdienet mit unthât, 24 и 25; 146:

Swelich kristen mensche mit zouber umbe gêt oder mit vergift, den sol man ûf der hürden brennen.

отъ христіанства, и поэтому могло быть совершено только христіаниномъ; если-же отравленіе было учинено нехристіаниномъ, то оно, очевидно, разсматривалось какъ убійство. Во-вторыхъ, по весьма многимъ основаніямъ, напр. въ силу буквальнаго и общаго смысла нѣкоторыхъ списковъ, въ силу аналогіи съ другими современными и позднѣйшими законами (каковы городскія права Вердена, Бремена и др.), можно утверждать, что только непосредственный актъ дачи яда подвергалъ преступника, въ случаѣ, если онъ былъ въ этомъ уличенъ, опредѣленному въ законѣ наказанію [1]).

А наказаніе для отравителей было то-же, что и наказаніе для еретиковъ и чародѣевъ, именно, — смертная казнь чрезъ сожженіе „auf der Horde“, то-есть на кострѣ. Различіе пола осужденныхъ не имѣло никакого значенія и не играло рѣшающей роли при выборѣ наказанія, какъ это и было ясно выражено въ нѣкоторыхъ спискахъ швабскаго зерцала, гдѣ къ концу приведеннаго выше опредѣленія закона дѣлалось специфическое добавленіе — „es sey Mann oder Weib“.

Sachsenspiegel и Schwabenspiegel обобщили всѣ предшествовавшіе Stadtrechte и Landrechte и явились наиболѣе характерными выразителями права того времени. Но съ XVI столѣтія германскія государства стремятся создать болѣе опредѣленные законы. Такъ, въ 1507 году, по проекту фрейгера фонъ-Шварценберга, былъ изданъ для Бамбергскихъ земель уголовный кодексъ, извѣстный въ исторіи права подъ названіемъ Бамбергскаго Уголовнаго Уложенія, Bambergische Halsgerichtsordnung (Bambergensis). Этотъ кодексъ вскорѣ поро-

---

[1]) Gengler, die strafrechtliche Lehre vom Verbrechen der Vergiftung, erstes Buch, drittes Kapitel — das deutsche Recht, § 15 die Rechtssammlungen des dreizehnten und vierzehnten Jahrhunderts, стр. 176 и слѣд.

Нельзя согласиться съ мнѣніемъ Бернера (Lehrbuch, § 182, русскій переводъ Н. А. Неклюдова, стр. 132), что по Саксонскому зерцалу наказаніе сожженіемъ постигаетъ уже того, кто только „обращается“ съ отравами.

дилъ еще два подобныхъ. Въ 1516 году было издано Бранденбургское Уголовное Уложеніе, Brandenburgische peinliche Gerichtsordnung (Brandenburgica), а въ 1532 году появилось Уголовное Уложеніе Карла V, Constitutio Criminalis Carolina или Peinliche Gerichtsordnung Carls V (въ сокращеніи Carolina, C. C. C. или P. G. O.) [1]). Въ отношеніи этого послѣдняго кодекса Bambergensis основательно носитъ названіе „mater Carolinae", а Brandenburgica — „soror Carolinae". Каролина съ чрезвычайною суровостью относилась ко всѣмъ преступленіямъ вообще; наказанія ея отличались крайнею жестокостію, вылившись въ различныя формы смертной казни [2]).

Сообразно общему своему суровому направленію, Каролина также строго относилась и къ случаямъ отравленія. Она облагаетъ уже покушеніе на отравленіе, если только оно произвело тѣлесное поврежденіе, такимъ-же наказаніемъ, какъ и преступленіе оконченное [3]). Волоченіе къ эшафоту и рваніе тѣла раскаленными щипцами должны были при отравленіи усиливать наказаніе предумышленнаго убійства [4]). Однако же, практика общаго права уже со временъ Карпцова отмѣнила наказаніе совершившагося преднамѣреннаго убійства за покушеніе на отравленіе [5]).

---

[1]) Полное названіе Каролины было: Des allerdurchleuchtigsten grossmechtigsten unüberwindtlichsten Keysers Karls des fünften: und des heiligen Römischen Reichs peinlich gerichts ordnung, auf den Reichstägen zu Augspurgk und Regenspurgk, inn jaren dreissig und zwei und dreissig gehalten, aufgericht und beschlossen.

[2]) Kress, commentatio succincta in Constitutionem Criminalem Caroli V Imperatoris, Hanoverae, 1744, стр. 410 и слѣд.

Zöpfl, die peinliche Gerichtsordnung Kaiser Karl's V nebst der Bamberger und der Brandenburger Halsgerichtsordnung, Heidelberg, 1842, стр. 239.

[3]) C. C. C. ст. 130. Leyser sp. 609, № 15 требуетъ остающагося вреда. Ср. Feuerbach, § 247. Wächter, Lehrb. § 175, № 79.

[4]) Boehmer, elem. jur. crim. § 238. Quistorp, § 264.

[5]) Carpzov. qu. 21 № 42: „adeoque poena rotae tunc demum obtinet, si mors secuta sit".

Отравленіе отнесено въ Каролинѣ къ разряду „etlich böse tödtung“, а отравителями именуются тѣ, которые „mit gifft oder venen heymlich vergeben“. Дѣяніе это подробно охарактеризовано въ статьѣ 130-ой, но еще съ бо̀льшею подробностію установлены здѣсь различныя квалификаціи наказанія. Именно, опредѣленія названной статьи выражены въ слѣдующей формѣ:

Item wer jemandt durch gifft oder venen, an leib oder leben beschedigt, ist es ein mannssbild, der soll eynem fürgesatzten mörder gleich mit dem rad zum todt gestrafft werden. Thet aber ein solche missthat eyn weibssbild, die soll man erdrencken, oder inn andere weg nach gelegenheit vom leben zum todt richten. Doch zu merer forcht andern soll solch bosshaftige missthetige personnen, vor der entlichen todtstraff geschleyfft oder etliche griff in jre leib mit glüenden zangen gegeben werden, vil oder wenig, nach ermessung der person vnd tödtung, wie vom mordt dess halb gesetzt ist [1]).

Это означаетъ: если кто-либо ядомъ или отравою причинитъ вредъ здоровью или жизни, то буде это мужчина, онъ, подобно умышленному убійцѣ, долженъ быть колесованъ; если-же такое дѣяніе учинитъ женщина, то её слѣдуетъ утопить, или, смотря по обстоятельствамъ, лишить жизни какимъ-либо инымъ способомъ. Для бо̀льшаго-же устрашенія другихъ, подобные злостные преступники должны быть приволочены къ эшафоту и тѣло ихъ должно рвать раскаленными щипцами, больше или меньше, смотря по лицу и преступленію, какъ это опредѣлено въ отношеніи убійства.

Berner, Lehrbuch, § 182, русскій переводъ Неклюдова, СПб., 1867, томъ II, стр. 132 и слѣд.

Ср. Henrici Boceri, tractatus de omnis generis homicidio, Tubingae, 1629, de Veneficio, стр. 225 и слѣд.

Jo. de Boehmer, meditationes in Constitutionem Criminalem Carolinam, Halae Magdeburgicae, 1770, стр. 541 и слѣд.

[1]) Zöpfl, die Peinliche Gerichtsordnung, CXXX, стр. 239.

Этой статьѣ соотвѣтствуютъ 136 статья перваго и втораго проекта Каролины, 155 статья Бамбергскаго уложенія и 155 статья Бранденбургскаго кодекса [1]).

Такимъ образомъ, умышленная дача яда съ цѣлію повредить здоровью влечетъ за собою, по Constitutio Criminalis Carolina, смерть. С. С. С. разумѣетъ подъ отравленіемъ всякую дачу яда и наказываетъ за это какъ за предумышленное убійство, будетъ-ли оно сдѣлано съ намѣреніемъ лишить жизни или только повредить здоровью: „кто причинитъ другому вредъ жизни или тѣлу посредствомъ яда, тотъ долженъ быть наказанъ колесованіемъ, подобно убійцѣ". Но, чтобы не употреблять слишкомъ часто смертную казнь, юриспруденція общегерманскаго права разсматриваетъ простую дачу яда, какъ покушеніе [2]). Буквальный смыслъ С. С. С. отчасти соглашается съ этимъ. Юристами общегерманскаго права требовалось также тайное дѣйствіе, такъ какъ статья С. С. С. говоритъ: „наказывается тотъ, кто употребитъ тайно ядъ или отраву". Но тайна, по справедливому замѣчанію Бернера [3]), лежитъ въ самомъ употребленіи яда и есть во всякомъ случаѣ совершенно излишнее требованіе.

Въ противность Зерцаламъ Швабскому и Саксонскому, въ Каролинѣ различіе пола виновныхъ имѣетъ существенное значеніе и опредѣляетъ самый характеръ наказанія: мужчины безусловно подлежатъ смертной казни чрезъ колесованіе; женщины-же могутъ быть подвержены утопленію, но могутъ быть лишены жизни и другимъ способомъ, смотря по обстоятельствамъ.

Затѣмъ, въ обоихъ Зерцалахъ отравленіе ставилось еще въ связь съ волшебствомъ, которое разсматривалось какъ видъ

---

[1]) Zöpfl, l. c., I u. II Project CXXXVI, стр. 167. Bamberg. u. Brandenburg. Halsgerichtsordnung, CLIV, стр. 52.

[2]) Ср. Feuerbach, Lehrbuch des gemeinen in Deutschland gültigen peinlichen Rechts, Giessen, 1836, herausgegeben von Mittermaier; § 250, стр. 231.

[3]) Berner, Lehrbuch, § 174; р. п. стр. 109 и слѣд. и примѣч.

ереси, что подтверждается отождествленіемъ ими волшебства съ невѣріемъ или отпаденіемъ отъ христіанства; при чемъ составъ преступленія не предполагалъ непремѣнно причиненія смерти лицу; достаточно было дачи напитковъ и травъ съ волшебными цѣлями [1]). Что-же касается Каролины, а равно Бамбергскаго и Бранденбургскаго уложеній, то подведеніемъ волшебства подъ понятіе ереси, вѣроятно, объясняется то, что въ названныхъ трехъ памятникахъ оно уже не стоитъ въ связи, какъ это было раньше, съ отравленіемъ: послѣднее нормируется совершенно отдѣльно, въ ряду способовъ лишенія жизни (Bamb. и Brand. H. G. O. art. 155; Carolina art. 130); въ практикѣ-же, вѣроятно, встрѣчались еще уклоненія въ сторону прежняго взгляда [2]).

Въ Баваріи еще Баварскій Malefiz. Process. Ordnung 1616 года выдѣлялъ отравленіе, какъ особенно тяжкій видъ квалифицированнаго лишенія жизни, и подвергаетъ виновныхъ, если они были уличены въ ихъ преступленіи, смертной казни чрезъ отсѣченіе головы; смертная казнь имѣла мѣсто даже въ томъ случаѣ, если отрава была извержена безъ всякаго вреда для жизни и здоровья лица, на отравленіе коего посягалъ преступникъ [3]).

Сходную постановку отравленія находимъ мы и въ послѣдующемъ уложеніи Баваріи, каковымъ является Codex juris Bavarici criminalis. Этотъ кодексъ,—трудъ барона Крейтмайера, проводившій начало устрашенія, по жестокости своей не уступаетъ Каролинѣ. Составленный по повелѣнію Максимиліана Іосифа V, послѣдняго курфюрста баварской ли-

---

[1]) Heppe-Soldan, Geschichte der Hexenprocesse, I, стр. 204 и слѣд. Katz, Grundriss des Canonischen Strafrechts, 61. Jarcke, Handbuch des gemeinen deutschen Strafrechts, 1828, II, 57. Abegg, über das religiose Element, 46.

[2]) Бѣлогрицъ-Котляревскій, преступленія противъ религіи, стр. 150—152.

[3]) Bayr. Malefic. Process. Ordn. Titulus VIII, Art. 4.

ніи, онъ получилъ силу закона въ 1751 году [1]). Лишеніе жизни посредствомъ отравленія, на основаніи этого уложенія, влечетъ безусловно смертную казнь [2]). Но здѣсь мы встрѣчаемъ еще цѣлый рядъ совершенно самостоятельныхъ предписаній и правилъ. Именно: отравленіе и зараженіе скота, отравленіе источниковъ наказываются смотря по величинѣ опасности для жизни или здоровья [3]); неосторожная продажа ядовитыхъ веществъ аптекарями наказуется также смотря по винѣ [4]); врачамъ преподаны правила для руководства при изслѣдованіи отравленій [5]), и перечислены главные виды уликъ [6]).

Codex juris Bavarici criminalis (1 часть, 7 capit., § 7) различаетъ также чародѣйство, не сопровождающееся вредомъ, угрожая за него смотря по обстоятельствамъ—тюрьмой, публичнымъ покаяніемъ, тѣлеснымъ наказаніемъ, при чемъ повелѣвается смягчать наказаніе, если впаденіе въ преступленіе было плодомъ глупости, невѣжества, шутки или случая (см. Hepp-Soldan, Geschichte, 411—412. Bar, Handbuch, 135; Бѣлогрицъ-Котляревскій, преступленія противъ религіи, 153).

Въ Австріи еще уложеніе императора Іосифа I (Kaiser Joseph I Halsgerichtsordnung) подвергало строгимъ наказаніямъ не только отравленіе людей, но и отравленіе скота; послѣднее влекло смертную казнь чрезъ отсѣченіе головы даже въ томъ случаѣ, если не было никакого намѣренія нанести вредъ личный, если только былъ причиненъ „ingens damnum“,

---

[1]) Богородскій, очеркъ исторіи уголовнаго законодательства въ Европѣ, томъ I, Кіевъ, 1862, стр. 24.

[2]) Codex juris Bavarici criminalis de a. 1751, Часть I, Capit. 3, § 12.

[3]) Cod. j. Bav. crim. I, 3, § 13.

[4]) ibidem, I, 3, § 14.

[5]) ibidem, II, 3 § 3.

[6]) II, Capit. 4, § 6.

Вообще относительно Cod. j. Bav. crim. ср. Kreytmayr, Anmerkungen über den Cod. jur. Bav. crim., München, 1752, стр. 43, 102, 107. Gengler, Vergiftung, стр. 226 примѣч.

т. е. если погибло много животныхъ [1]) (Jarke, Handbuch III Band, 235 примѣчаніе. Gengler, Vergiftung, I, 8, примѣч. 2).

Затѣмъ въ Уложеніи императора Іосифа II „allgemeines Gesetzbuch über Verbrechen und deren Bestrafung“ 1787 года (часть I, kap. IV, § 100) [2]) находимъ такое опредѣленіе: „des Meuchelmordes ist schuldig, wer durch — — Gift auf eine Art gemordet hat, die von Seite des Ermordeten Vorsicht, und Vertheidigung ausschlosz“, то-есть: виновенъ въ коварномъ убійствѣ тотъ, кто лишитъ жизни другаго посредствомъ яда, такимъ способомъ, который исключалъ со стороны отравленнаго всякую осторожность и защиту; наказаніемъ служили въ такихъ случаяхъ долгосрочныя каторжныя работы 2 степени (langwierige Anschmiedung) [3]).

Ко второй половинѣ восемнадцатаго вѣка относятся попытки замѣнить разнородные и многосложные законы общими уложеніями; поводомъ къ тому были затрудненія, происходившія отъ этой сложности и разнородности законовъ. Такъ, напримѣръ, сочиненіе общаго уложенія для всего Прусскаго государства начато было повелѣніемъ Фридриха II, изданнымъ 31 декабря 1746 года. Въ 1794 году оно получило силу закона подъ названіемъ общаго земскаго уложенія для прусскихъ земель — das Allgemeine Preussische Landrecht. Уголовныя положенія этого законодательнаго памятника занимаютъ мѣсто въ 20 титулѣ II-ой части [4]).

---

[1]) Kais. Joseph. I Halsgerichtsordnung I, Art. 19, § 16.

[2]) Kais. Joseph II Gesetze und Verfassungen im Justizsache, Wien, 1787, стр. 27. Gengler, l. c. 226.

[3]) Allgemeines Gesetz über Verbrechen und deren Bestrafung, I, Kap. IV, § 101.

Сходныя опредѣленія можно найти и въ уголовномъ уложеніи императрицы Маріи Терезіи — Nemesis Theresiana — 1768 года (Constitutio Criminalis Theresiana oder der Römisch-Kaiserl. zu Hungarn und Böhein etc. etc. Königl. Apostol. Majestät Mariä Theresiä, Erzherzogin zu Oesterreich, etc. etc. peinliche Gerichtsordnung, Wien, 1769).

[4]) Неволинъ, полное собраніе сочиненій, томъ II, исторія положительныхъ законодательствъ, СПб., 1857.

Отравленіе помѣщено здѣсь въ одиннадцатомъ раздѣлѣ— „von körperlichen Verletzungen“, въ ряду различныхъ видовъ лишенія жизни, которые расположены въ такой постепенности: Todtschlag, Mord, verabredeter Mord, befohlener Mord, Banditen, Raub und Mord, *Vergiftung*, Verwandten- und Aelternmord, Kindermord. Разнообразные случаи отравленія предусмотрѣны здѣсь съ поразительною казуистичностію, въ цѣлой серіи параграфовъ (§§ 856—872). Независимо сего имѣлись также весьма обстоятельныя правила полицейскаго характера, содержавшія въ себѣ предписанія о продажѣ и храненіи ядовитыхъ и врачебныхъ веществъ — „Vorbeugungsmittel bei dem Verkaufe der Gifte und Medicamente“ (§§ 693—701):

При всякомъ смертоубійствѣ, которое совершено при такихъ обстоятельствахъ или такими средствами, которыя, по ихъ существу, трудно было раскрыть или избѣжать, — опредѣленный за данное дѣяніе родъ смертной казни долженъ быть усиленъ волоченіемъ (привозомъ на дровняхъ) на мѣсто казни. Усиленное такимъ образомъ наказаніе постигаетъ того, кто совершитъ лишеніе жизни посредствомъ яда; преступленіе отравленія считается при этомъ оконченнымъ только тогда, когда послѣ принятія яда наступитъ смерть, и когда, по крайней мѣрѣ, съ вѣроятностію можно заключить, что смерть была дѣйствительно послѣдствіемъ принятаго яда. Если трупъ нельзя было своевременно осмотрѣть, то послѣдовавшая смерть считается слѣдствіемъ яда, если отравленный умеръ въ теченіи восьми дней послѣ принятія яда, и не было другихъ причинъ смерти. Тотъ, кто умышленно помогалъ

Mannkopf, Allgemeines Landrecht für die Preussischen Staaten in Verbindung mit den ergänzenden Verordnungen, siebenter Band, Berlin, 1838, стр. 544 и слѣд., 514 и слѣд. Ср. vierter Band, II Theil, VIII Titel, 6 Abschnitt, § 456 и слѣд. (стр. 154 и слѣд.)—„von Apothekern“.

Zimmermann, das allgemeine Landrecht für die Preussischen Staaten im systematischen Auszuge, Berlin, 1847.

отравленію приготовленіемъ или доставленіемъ яда, долженъ быть казненъ смертною казнью чрезъ отсѣченіе головы (soll mit dem Schwerdte hingerichtet werden). Въ случаяхъ повторенія имѣло мѣсто квалифицированное наказаніе, именно, — смертная казнь чрезъ колесованіе съ низу въ верхъ (die Strafe des Rades von unten) [1]).

Если ядъ, употребленный съ цѣлію лишить жизни, приведетъ отравленнаго въ состояніе помѣшательства, и возстановленіе душевнаго здоровья будетъ сомнительно, то виновный подлежитъ смертной казни чрезъ колесованіе съ верху въ низъ (die Strafe des Rades von oben). Если-же виновный имѣлъ въ виду лишить отравленнаго разсудка, и слѣдствіемъ этого было сумасшествіе, излеченіе коего сомнительно, то имѣетъ мѣсто смертная казнь чрезъ отсѣченіе головы. То-же наказаніе назначается и въ томъ случаѣ, если ядъ, употребленный съ умысломъ лишить жизни, причинитъ неизлечимую болѣзнь, которая сдѣлаетъ отравленнаго на всю жизнь неспособнымъ къ труду или несчастнымъ. Если-же употребленный съ злымъ умысломъ ядъ причинитъ излечимое поврежденіе здоровья, то, смотря по свойству, продолжительности и опасности этой болѣзни, должно имѣть мѣсто заключеніе въ крѣпости или смирительномъ домѣ срокомъ на десять лѣтъ или пожизненно. Наконецъ, если съ намѣреніемъ лишить жизни будутъ употреблены даже безвредныя вещества, то виновный подвергается заключенію въ крѣпости или смирительномъ домѣ на время отъ шести до десяти лѣтъ [2]).

Кто лишитъ жизни другаго посредствомъ дачи любовныхъ напитковъ, тотъ подлежитъ заключенію въ крѣпости или цухтгаузѣ на срокъ отъ десяти до пятнадцати лѣтъ; въ случаѣ-же если отъ этого произойдетъ только неизлечимое помѣшательство—на срокъ отъ восьми до десяти лѣтъ; и, наконецъ, если отъ такого любовнаго напитка причинится другая болѣзнь, то, смотря по свойству ея, опасности и продолжительности,

---

[1]) Allg. Landrecht, II Th., 20 tit., §§ 856—861.
[2]) ibidem §§ 862—866.

опредѣляется заключеніе на время отъ четырехъ до восьми лѣтъ [1]).

Затѣмъ, если вслѣдствіе отравленія источниковъ, колодцевъ, пищи, напитковъ и другихъ предметовъ, имѣющихъ общее употребленіе, кто либо лишится жизни, то отравителя должно волочить на мѣсто казни и колесовать съ низу въ верхъ. Если-же вслѣдствіе такого отравленія никто не умеръ, но много людей пріобрѣло хроническое поврежденіе здоровья, то отравитель долженъ быть наказанъ отсѣченіемъ головы, а тѣло его должно быть положено на колесо (so wird der Vergifter mit dem Schwerdte gerichtet, und der Körper aufs Rad gelegt). А если отъ такого отравленія никому не причинилось вреда для здоровья, то виновный подвергается тѣлесному наказанію розгами и пожизненному заключенію въ крѣпости [2]).

Наконецъ, продажа медикаментовъ, ядовитыхъ и сильно дѣйствующихъ веществъ была поставлена подъ строгій врачебно-полицейскій надзоръ, и регулировалась весьма подробными полицейскими правилами, изложенными во второй части, въ восьмомъ титулѣ (vom Bürgerstande), въ отдѣлѣ шестомъ — „von Apothekern“ [3]).

Недостатки 20-го титула общаго земскаго уложенія обнаружились вскорѣ послѣ его изданія. Правительство само сознало ихъ и нашло нужнымъ подвергнуть матеріальную часть уголовныхъ законовъ новому пересмотру и исправле-

---

[1]) Allg. Landrecht, II Th., 20 tit., §§ 867—869.

[2]) ibidem, §§ 870—872.

[3]) Allg. Landrecht, II Th., 8 tit., §§ 456—474.

Къ § 471 приложено три обширныхъ списка медикаментовъ: A) Verzeichnisz derjenigen nach der Landes-Pharmacopöe anzufertigenden Präparate, mit welchen nur die Apotheker handeln dürfen. B) Verzeichnisz derjenigen Arzneiwaaren, welche Nicht-Apotheker nicht unter einem Pfunde verkaufen dürfen. C) Verzeichnisz derjenigen Arzneiwaaren, mit welchen Nicht-Apotheker nicht unter zwei Loth handeln dürfen.

нію. Послѣ продолжительныхъ трудовъ, послѣ многократныхъ измѣненій проектовъ, 14-го апрѣля 1851 года, въ Пруссіи было обнародовано новое уложеніе, которое получило силу закона для всѣхъ частей прусскаго государства съ 1-го іюля того-же года подъ названіемъ Strafgesetzbuch für die Preussischen Staaten [1]).

Отравленіе занимаетъ мѣсто во второй части этого кодекса (von den einzelnen Verbrechen und Vergehen und deren Bestrafung), въ титулѣ шестнадцатомъ о тѣлесныхъ поврежденіяхъ „Körperverletzungen", которыя излагаются непосредственно послѣ преступленій и проступковъ противъ жизни „Verbrechen und Vergehen wider das Leben" (титулъ пятнадцатый). Строгость наказаній за отравленіе, сравнительно съ Ландрехтомъ 1794 года, значительно понижена. Но опредѣленія закона не касаются, однако, тѣхъ случаевъ, когда виновный имѣлъ намѣреніе лишить жизни, то-есть когда умыселъ не ограничивался намѣреніемъ причинить разстройство здоровья. Случаи такого рода подлежатъ наказанію по общимъ правиламъ о преступномъ лишеніи жизни (Mord и Todtschlag).

Основныя положенія Прусскаго кодекса таковы: Кто умышленно дастъ другому ядъ или иное вещество, способное повредить здоровье, подлежитъ заключенію въ цухтгаузѣ на время до десяти лѣтъ. Если дѣяніе имѣло послѣдствіемъ тяжкое тѣлесное поврежденіе, то наказаніемъ является заключеніе въ смирительномъ домѣ срокомъ отъ десяти до двадцати лѣтъ. Если-же дѣяніе имѣло смертельный исходъ, то тогда имѣетъ мѣсто пожизненное заключеніе въ смирительномъ домѣ. Эти опредѣленія, какъ замѣчено выше, не касаются случаевъ намѣреннаго лишенія жизни [2]).

---

[1]) Богородскій, вышеприв. сочиненіе, стр. 452 и слѣд.

Stenglein, Sammlung der deutschen Strafgesetzbücher, 3 Bändchen, München, 1858.

Strafgesetzbuch für die Preussischen Staaten und Gesetz über die Einführung desselben vom 14 April 1851, amtliche Ausgabe, Berlin, 1851.

[2]) ibidem § 197, стр. 67.

Кто умышленно отравитъ источники или колодцы, служащіе для общаго употребленія, или товары, назначенные для открытой продажи или потребленія, или примѣшаетъ къ нимъ какое-нибудь вещество, которое завѣдомо способно повредить здоровье, равнымъ образомъ кто будетъ продавать или держать для продажи такіе отравленные или смѣшанные съ опасными для здоровья веществами предметы, завѣдомо и съ умолчаніемъ о ихъ свойствахъ, — тотъ подвергается заключенію въ смирительномъ домѣ на время отъ пяти до пятнадцати лѣтъ. Если послѣдствіемъ такого дѣянія будетъ чья-либо смерть, то виновные подлежатъ смертной казни. Если-же въ основѣ дѣянія была только неосторожность, отъ которой произошелъ вредъ, то назначается заключеніе въ тюрьмѣ до шести мѣсяцевъ; а ежели слѣдствіемъ неосторожности была смерть, то опредѣляется тюремное заключеніе срокомъ отъ двухъ мѣсяцевъ до двухъ лѣтъ [1]).

Въ Баваріи старый Codex juris Bavarici criminalis имѣлъ важные недостатки. Главнѣйшіе изъ нихъ состояли въ жестокости наказаній, въ излишнемъ употребленіи смертной казни и т. п. Поэтому первый король Баваріи, Максимиліанъ Іосифъ, поручилъ графу фонъ-Монтжеласу заняться пересмотромъ уголовныхъ законовъ. Въ 1800 году получилъ приглашеніе къ составленію проекта уголовнаго уложенія Клейншродъ, а въ 1804 году Фейербахъ, представившій блестящую критику на проектъ Клейншрода, получилъ порученіе составить новый проектъ, утвержденный королемъ 6 мая 1813 г. [2]). Въ 1861 году, взамѣнъ уложенія 1813 года, которое къ тому времени успѣло уже устарѣть, было издано для Баваріи

---

[1]) ibidem, § 304, стр. 98.

[2]) Богородскій, исторія уголовнаго законодательства, стр. 54 и 55.

Stenglein, Sammlung der Strafgesetzbücher, 1 Bändchen.

Strafgesetzbuch für das Königreich Baiern, München, 1813.

новое уложеніе — Strafgesetzbuch für das Königreich Bayern 1861 года [1]).

По уложенію 1813 года, если кто-нибудь дастъ другому ядъ, въ количествѣ опасномъ для жизни этого послѣдняго, и отравленный послѣ этого умретъ, то давшій считается виновникомъ смертоубійства чрезъ отравленіе (als Urheber des Giftmordes), поскольку нельзя съ увѣренностію отъискать иную ближайшую причину послѣдовавшей смерти. Кто, такимъ образомъ, съ злымъ умысломъ далъ другому ядъ, отъ котораго послѣдовала смерть, не могъ представлять въ свое извиненіе то, что онъ имѣлъ намѣреніе не умертвить, а лишь причинить поврежденіе здоровья [2]).

Въ качествѣ наказанія для отравителей, суровый кодексъ Фейербаха рекомендуетъ квалифицированную смертную казнь. Какъ извѣстно, убійца, совершившій убійство съ предумышленіемъ (mit Vorbedacht) и хладнокровно (mit Ueberlegung), подлежалъ смертной казни (soll als Mörder mit dem Tode bestraft werden). Эта смертная казнь еще усиливается, если убійство совершено: 1) въ отношеніи лицъ королевской семьи, 2) въ отношеніи родственниковъ, 3) беременной женщины, 4) если оно совершено изъ корысти, или 5) коварнымъ образомъ, или, наконецъ, 6) посредствомъ яда [3]).

Смертная казнь назначается и за отравленіе источниковъ и другія подобныя дѣянія, даже при отсутствіи вредоноснаго результата. Именно: кто, съ умысломъ причинить вредъ жизни или здоровью другихъ, отравитъ источники, открыто про-

---

[1]) Weis, das Strafgesetzbuch für das Königreich Bayern, Nördlingen, 1865.

Amtliche Ausgabe, 1861.

[2]) Strgb. 1813, I Theil, II Buch, erster Titel — von Privatverbrechen, erstes Kapitel — von Verbrechen gegen das Leben Anderer, art. 148—149, стр. 63: von dem Giftmorde insbesondere; Absicht bei dem Giftmorde.

[3]) ibidem, art. 146—147, стр. 62 и 63: von dem Morde überhaupt; vom qualificirten Morde.

даваемые товары, и вообще такіе предметы, чрезъ употребленіе которыхъ неопредѣленное число людей можетъ потерять жизнь или здоровье, подлежитъ смертной казни, хотя-бы никто, въ дѣйствительности, не понесъ никакого вреда [1]).

Наконецъ, кто, безъ умысла на жизнь, дастъ кому-нибудь ядъ, и слѣдствіемъ этого будетъ преходящее или постоянное разстройство тѣлеснаго или душевнаго здоровья, тотъ подлежитъ заключенію въ смирительномъ домѣ на время отъ шестнадцати до двадцати лѣтъ; но если ядъ случайно не возъимѣлъ своего дѣйствія или же причинилъ лишь скоро-преходящее разстройство, то виновный можетъ быть приговоренъ къ заключенію въ смирительномъ домѣ срокомъ отъ восьми до двѣнадцати лѣтъ [2]).

Уложеніе 1861 года вычеркнуло весь этотъ рядъ опредѣленій, подведя, такимъ образомъ, убійство чрезъ отравленіе подъ понятіе предумышленнаго и хладнокровнаго лишенія жизни (Mord), которое, какъ таковое, влечетъ смертную казнь [3]). Въ отношеніи-же поврежденія ядомъ здоровья находимъ въ немъ такое краткое опредѣленіе: кто безъ умысла на жизнь, но съ хладнокровной рѣшимостію, причинитъ другому тѣлесное поврежденіе или разстройство здоровья . . . посредствомъ яда, подлежитъ заключенію въ тюрьмѣ на время до двухъ лѣтъ [4]).

Что-же касается Австріи, то уложеніе императора Іосифа II — Allgemeines Gesetz über Verbrechen und deren Bestrafung (Josephiana) — спустя нѣсколько лѣтъ послѣ его изданія, на практикѣ оказалось неудовлетворительнымъ. Самъ

---

[1]) ibidem, art. 150, стр. 64: Vergiftung von Brunnen und dergleichen. Ср. art. 246, стр. 96: Verbreitung von Viehseuchen etc.

[2]) ibidem, art. 183, стр. 74: praemeditirte körperliche Misshandlungen — vierter grad.

[3]) Strafgesetzbuch 1861, art. 228.

Weis, вышеприведенное сочиненіе, стр. 48.

[4]) Strafgesetzbuch 1861, art. 234.

Weis, вышеприведенное сочиненіе, стр. 62.

императоръ учредилъ коммисію для составленія новаго уложенія, въ трудахъ которой принималъ дѣятельное участіе знаменитый Зонненфельсъ. Новое уложеніе — Neues Gesetzbuch über Verbrechen und schwere Polizeiübertretungen — было обнародовано 3 сентября 1803 года [1]). Не смотря на пятидесятилѣтній промежутокъ времени, отдѣляющій уложеніе 1803 года отъ уложенія 1852 года — Strafgesetzbuch über Verbrechen, Vergehen und Uebertretungen, — послѣднее въ большинствѣ статей почти дословно повторяетъ положеніе перваго; въ частности опредѣленія объ отравленіи почти буквально переписаны изъ стараго кодекса, съ нѣкоторыми несущественными дополненіями и измѣненіями [2]).

Въ обоихъ кодексахъ мы находимъ приблизительно одинаковыя постановленія касательно лишенія жизни вообще и отравленія въ особенности: Кто, съ умысломъ лишить жизни другаго, дѣйствуетъ такимъ образомъ, что необходимо слѣдуетъ смерть, считается виновнымъ въ смертоубійствѣ [3]). Роды смертоубійства (homicidium, Mord въ отличіе отъ caedes, Todtschlag) таковы: 1) измѣнническое убійство (homicidium proditorium, Meuchelmord), 2) убійство съ цѣлію ограбленія (latrocinium, Raubmord), 3) убійство наемное (assassinium, bestellte Mord) и 4) простое убійство (homicidium simplex, gemeine Mord). Измѣнническимъ коварнымъ убійствомъ считается то, которое совершено посредствомъ яда или другимъ

---

[1]) Богородскій, l. c., стр. 37.

Codex poenalis de criminibus et delictis politicis, Viennae, 1803.

Gesetzbuch über Verbrechen und schwere Polizeiübertretungen, Wien, 1815.

[2]) Stenglein, 3 B. Strafgesetzbuch über Verbrechen, Vergehen und Uebertretungen, §§ 134—136.

Das Oesterreichische Strafgesetz vom 27 Mai 1852, erläutert von einem praktischen Juristen, Wien, 1853, стр. 86—88.

[3]) Codex poenalis de criminibus 1803 г., § 117, стр. 53: qui animo interficiendi hominem, ita agit, ut mors ejus necessario sequatur criminis homicidii reus evadit.

Das Oesterreichische Strafgesetz 1852 г., § 134, стр. 86.

коварнымъ способомъ. Виновные въ оконченномъ лишеніи жизни, какъ тотъ, кто его непосредственно совершилъ, такъ и тотъ, кто оказывалъ содѣйствіе при его выполненіи, подлежатъ смертной казни [1]).

Между тѣмъ Германія въ 1871 году получила, наконецъ, одно общее уголовное уложеніе, Strafgesetzbuch für das deutsche Reich vom 15 Mai 1871, которое и представляется дѣйствующимъ нынѣ закономъ всей страны. Въ этомъ уложеніи, въ раздѣлѣ (XVI) о преступленіяхъ и проступкахъ противъ жизни, не упоминается особо о лишеніи жизни посредствомъ яда, которое само собою подходитъ подъ общее понятіе предумышленнаго и хладнокровнаго, злодѣйскаго убійства (Mord). Въ раздѣлѣ-же (XVII) о тѣлесныхъ поврежденіяхъ имѣется такое опредѣленіе:

Кто умышленно дастъ другому, невѣдомо для него (beibringt), для того, чтобы повредить его здоровье, ядъ или другія вещества (Gift oder andere Stoffe), которыя по свойству своему могутъ (geeignet sind) произвести разстройство здоровья, будетъ наказанъ цухтгаузомъ до десяти лѣтъ. Если-же дѣяніе причинило тяжкое тѣлесное поврежденіе, то назначается заключеніе въ цухтгаузѣ на время не менѣе пяти лѣтъ, а если дѣяніе причинило смерть, то заключеніе въ цухтгаузѣ на время не менѣе десяти лѣтъ или пожизненно [2]).

---

[1]) Codex poenalis 1803 г., §§ 118 и 119, стр. 53 и 54: homicidium proditorium, quod veneno vel alio versuto modo committitur.

Oesterr. Strafgesetz 1852 г., §§ 135, 136, стр. 88: Meuchelmord, welcher durch Gift oder sonst tückischer Weise geschiet.

[2]) Strafgesetzbuch für das deutsche Reich, Zweiter Theil, siebenzehnter Abschnitt, § 229, стр. 67 и слѣд.

Матеріалы для пересмотра нашего уголовнаго законодательства, томъ I, Германское уложеніе, § 229, стр. 170.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Отравленіе въ исторіи французскаго законодательства.

Основатели государства Франковъ, давшіе ему самое имя, вскорѣ по основаніи его составили для себя два сборника законовъ. Одинъ сборникъ сдѣланъ былъ для Франковъ Салическихъ, другой для Франковъ Рипуарскихъ. Законъ Франковъ Салическихъ, lex Salica, въ первый разъ былъ изложенъ на письмѣ, по всей вѣроятности, при Хлодвигѣ (между 486 и 496 годами), когда Франки держались еще языческой вѣры; по принятіи Хлодвигомъ христіанства онъ былъ пересмотрѣнъ и дополненъ; въ послѣдствіи времени онъ получилъ прибавленія Хильдеберта II, Лотаря II и др. [1]). Съ дополненіями Карла Великаго онъ извѣстенъ подъ названіемъ „Lex Salica a Carole Magno emendata anno DCCLVIII [2]).

Что-же касается законовъ Франковъ Рипуарскихъ, то по этому поводу отмѣтимъ слѣдующее. Первое составленіе закона Рипуарскаго, lex Ripuariorum, приписываютъ сыну Хлодвига,

---

[1]) Неволинъ, полн. собр. соч., т. II. стр. 386, 387.

[2]) Canciani, barbarorum leges antiquae, vol. II, Pactum legis Salicae antiquior.

Heinecii, corpus juris Germanici, Hallae, 1738.

С. В. Вёдровъ, о денежныхъ пеняхъ по Русской Правдѣ сравнительно съ законами Салическихъ Франковъ, Москва, 1877.

Теодорику, королю Австразіи (между 511 и 534 годами); въ послѣдствіи времени онъ былъ нѣсколько разъ пересматриваемъ и еще при Карлѣ Великомъ были сдѣланы къ нему нѣкоторыя добавленія [1]). Оба эти закона содержатъ въ себѣ очень много началъ по существу сходныхъ съ большинствомъ законовъ древнихъ германцевъ [2]).

Въ эти древнія времена, суевѣріе народа, преслѣдовавшаго тайныя искусства ненавистью, переходившею въ месть, при общемъ, вокругъ царившемъ мракѣ невѣжества, понятно, должно было перейти и въ законодательство, тѣмъ болѣе что мнимыя волшебныя дѣйствія чародѣевъ и чародѣекъ дѣйствительно иногда могли сопровождаться вредомъ для людей, особенно, когда они соединены были съ дачею вредныхъ напитковъ. Древнія народныя права, leges barbarorum, назначаютъ разныя наказанія за причиненіе смерти или вообще порчи людямъ или ихъ хозяйству зельемъ или другими волшебными дѣйствіями, не исключая и шептаній. Занятіе чародѣйствомъ считалось столь позорнымъ и преступнымъ среди Салическихъ франковъ, что одинъ фактъ названія женщины вѣдьмой, вообще ложное приписаніе ей практики этого искусства угрожается въ Салическомъ правѣ огромной пеней въ 187 шиллинговъ; но ложное приписаніе мужчинѣ участія въ практикѣ волшебства или въ сборищахъ вѣдьмъ почему-то каралось снисходительнѣе, а именно пеней лишь въ 62 шиллинга [3]).

Въ законахъ Салическихъ франковъ постановленія объ

---

[1]) Неволинъ, т. II, стр. 387.

Canciani, vol. II, lex Ripuariorum.

Sohm, lex Ribuaria et lex Francorum Chamavorum, Hannoverae, 1883.

[2]) Wilda, das Strafrecht der Germanen.

[3]) Lex Salica reformata, titulus LXVII, §§ 1 и 2.

Бѣлогрицъ-Котляревскій, преступленія противъ религіи въ важнѣйшихъ государствахъ запада, Ярославль, 1886, стр. 97 и 98.

Wilda, Geschichte des deutschen Strafrechts, стр. 965: Hexerei und Zauberei wurde auch ganz allgemein böses Treiben, böse Kunst: maleficium, forgörning, fordaeda, im vorzugsweisen Sinn genannt. Eben diese Worte haben dann auch die bestimmtere Bedeutung: Vergiftung.

отравленіи стоятъ подъ рубрикой „de maleficiis". Здѣсь мы находимъ слѣдующія опредѣленія въ отношеніи преступныхъ посягательствъ на жизнь и здоровье, учиненныхъ при помощи яда:

Si quis alteri herbas dederit bibere et mortuus fuerit, VIII M. dinariis, qui faciunt solidos CC, culpabilis judicetur. Si vero biberit, et mortuus non fuerit, MMD dinariis, qui faciunt solidos LXII cum dimidio, ille qui dedit pro alio maleficio culpabilis judicetur. Si quis mulieri herbas dederit, ut infantes habere non possit, MMD dinariis, qui faciunt solidos LXII cum dimidio, culpabilis judicetur [1]).

Такимъ образомъ, по законамъ Салическихъ франковъ, тотъ, кто давалъ другому выпить зелья и тѣмъ причинялъ смерть, платилъ 200 шиллинговъ пени, а если покушеніе на убійство не удавалось, то 62 шиллинга. Пеня также назначается и по законамъ Рипуарскихъ франковъ, при чемъ неудавшееся покушеніе, причинившее болѣзнь или тѣлесное поврежденіе, здѣсь, какъ и тамъ, карается снисходительнѣе совершенія. Рипуарскій законъ упоминаетъ, кромѣ зелья, и другія средства такого злодѣянія (maleficium) [2]).

Si quis vir seu qua mulier Ripuaria per venenum, seu per

---

[1]) J. M. Pardessus, Loi Salique ou recueil contenant les anciennes rédactions de cette loi et le texte connu sous le nom de lex emendata, avec des notes et des dissertations, Paris, 1843, стр. 290.

Lex Salica emendata, tit. XXI, §§ 1, 2 и 4.

Georgisch, corpus juris germanici antiqui, стр. 50 и 51.

[2]) Lex Ripuariorum, titulus LXXXIII § 1 и 2.

Бѣлогрицъ-Котляревскій, вышеназв. соч., стр. 97: впрочемъ, и Салическое право называетъ не только зелье, но и другія средства причиненія вреда человѣку, какъ напр. завязанные снурки, назначая въ такомъ случаѣ наказаніе, равное положенному за покушеніе на убійство отравленіемъ.

Ср. Georgisch, c. j. g., l. S. XXI, 3, стр. 51. Pardessus, loi Salique, стр. 290: si quis alteri aliquod maleficium superjactatus fuerit, sive cum ligaturis in quolibet loco miserit, MMD dinariis, qui faciunt solidos LXII cum dimidio, culpabilis judicetur.

aliquod maleficium aliquem perdiderit, werigildum componat. Si autem mortuus non fuerit, et varietatem seu debilitatem probabilem ex hoc in corpore habuerit, centum solidis culpabilis judicetur, aut cum sex juret (Heinecii, corpus juris Germanici, стр. 185, 186).

Изъ сравненія этихъ двухъ законовъ мы видимъ, что законъ Рипуарскихъ франковъ какъ-бы совершенно совпадаетъ съ первою частью закона Салическаго, съ несущественными особенностями въ размѣрахъ наказанія: оконченное отравленіе, причинившее смерть, влекло необходимость уплаты полной виры—werigildum (по Салическому закону — 200 шиллинговъ); покушеніе на отравленіе, если смерть отравленнаго не послѣдуетъ, было обложено пенею въ 100 шиллинговъ (по Салическому закону—62 шиллинга).

Затѣмъ, законъ Рипуарскій говоритъ болѣе общимъ образомъ о всѣхъ наиболѣе коварныхъ средствахъ и способахъ преступленій, что и выражено въ формулѣ „per veneficium seu per aliquod maleficium". Законъ Салическій, въ параграфахъ первомъ, второмъ и четвертомъ говоритъ лишь исключительно о вредныхъ напиткахъ и составахъ, приготовленныхъ изъ ядовитыхъ травъ „herbas dederit bibere", „herbas dederit", и только въ параграфѣ третьемъ упоминаетъ о другихъ видахъ коварнаго посягательства на жизнь и здоровье „aliquod maleficium"; въ видѣ примѣра здѣсь приводится тотъ случай, если кто свяжетъ другаго и броситъ связаннаго на произволъ судьбы.

Въ частности законъ Рипуарскій не предусматриваетъ случая дачи абортивныхъ средствъ женщинѣ съ цѣлію причинить дальнѣйшее безплодіе, что особо предусматривается въ законѣ Салическомъ: за дачу женщинѣ зловредныхъ травъ, съ цѣлью предупредить дѣторожденіе, назначается то-же наказаніе, что и за покушеніе на отравленіе, то-есть денежная пеня въ размѣрѣ двухъ тысячъ пятисотъ динаріевъ или шестидесяти двухъ шиллинговъ (L. Sal. XXI, § 4).

Lex Salica и lex Ripuariorum сохраняли нѣкоторымъ образомъ свою силу не только во времена династіи Меровин-

говъ, но и во времена династіи Каролинговъ. Отдѣльные капитуляріи королей обѣихъ династій, исключая развѣ Капитуляріевъ Карла Великаго, отличались бѣдностью правовыхъ воззрѣній и игнорировали даже вовсе нѣкоторые изъ вопросовъ права. Такой участи подвергся и вопросъ о посягательствахъ на жизнь и здоровье при помощи ядовитыхъ веществъ. Неудивительно, что, при такой скудости общаго положительнаго законодательства, отдѣльныя мѣстности выработали свои собственные законы и обычаи—coutumes. Наиболѣе выдающимися изъ нихъ, въ смыслѣ бо́льшей или меньшей юридической законченности, представляются: Coutume de Bretagne, Coutume de Bayonne, les Coutumes de Beauvoisis, собранныя Боманауаромъ, и нѣкоторыя другія [1]).

На сеймѣ 1453 года было опредѣлено: всѣ мѣстные законы (coutumes) изложить на письмѣ и утвердить ихъ отъ имени власти государственной. Эта работа продолжалась около ста лѣтъ. Слѣдствіемъ ея было нѣсколько сотъ такихъ сводовъ мѣстныхъ законовъ и обычаевъ. Собраніе этихъ сводовъ, числомъ до четырехъ сотъ, представляетъ Coutumier général par Bourdot de Richebourg [2]). Но во всѣхъ этихъ кутюмахъ мы не находимъ положительнаго отвѣта по интересующему насъ вопросу—о значеніи отравленія. Большинство кутюмовъ прямо обходитъ молчаніемъ это преступное дѣяніе, не упоминая о немъ ни полусловомъ. Другіе касаются его вскользь, не опредѣляя его основныхъ признаковъ. Сообразно общему характеру большинства этихъ сборниковъ обычнаго права,

---

[1]) Les Coutumes de Beauvoisis, par Philippe Beaumanoir, jurisconsulte français du XIII siécle; nouvelle édition par le comte Beugnot. Paris, 1842.

Для этого періода развитія французскаго права ср. также: Jousse, traité de la justice criminelle, Paris, 1777. Muyart de Vouglans, lois criminelles de France, Paris, 1780. Giraud, essai sur l'histoire du droit français au moyen âge, Paris, 1846.

[2]) Coutumier général, par Bourdot de Richebourg, Paris, 1724, 8 vol. in fol.

отравленіе должно было влечь наказанія, установленныя за чародѣйство; и только съ теченіемъ времени эти чрезвычайныя кары уступили мѣсто наказаніямъ, установленнымъ за убійство или тѣлесное поврежденіе.

Постановку послѣдняго рода встрѣчаемъ мы, напримѣръ, въ древней Cora (coutume) de Nieuport (1163 года). Здѣсь общимъ образомъ говорится, что всякій убійца за пролитую имъ кровь платитъ своею кровью: ut si quis aliquem occiderit, caput det pro capite; unde nec reconciliationem habebit, nisi per parentes et per justificatorem [1]). Столь-же общее и краткое опредѣленіе находимъ мы въ извѣстныхъ сборникахъ —Coutumes de Montpellier 1204 года и Coutumes de Carcassonne: homicidia et cetera crimina, quae poenam sanguinis irrogant, pro arbitrio et judicio domini et sapientium virorum, puniuntur [2]). Еще болѣе неопредѣленныя постановленія представляютъ—les coutumes de Fribourg 1120 года [3]), coutume (keure, cora) du pays de Fournes 1240 года [4]) и многія другія.

Между тѣмъ законодательство развивалось посредствомъ королевскихъ постановленій, ordonnances. Вмѣстѣ съ расширеніемъ королевскихъ владѣній и повелѣнія королевскія пріобрѣтали обширнѣйшій кругъ дѣйствій. По соединеніи всѣхъ земель баронскихъ съ землями королевскими они могли имѣть законную силу во всемъ королевствѣ [5]). Уже les Établissements de Saint-Louis, а затѣмъ ордоннансы Филиппа IV и Филиппа V стремятся получить подобное значеніе. Окончательно

---

[1]) Giraud, essai sur l'histoire du droit français au moyen âge, tome premier, стр. 38.

L'ancienne cora de Nieuport (1163), art. I.

[2]) Consuetudines et libertates villae Montispessulani (1204), art. 23.

Libertates et consuetudines Carcassonae, art. 23.

[3]) Instrumentum conditae Friburgi civitatis in Brisgovia (1120), art. 31, 32 и др.

[4]) Coutume (keure, cora) du pays de Fournes (1240), art. III и др.

Giraud, вышеназванное сочиненіе, томъ, I, стр. 54, 104, 125 и друг.

[5]) Неволинъ, полн. собр. сочин., т. II, стр. 395 и слѣд.

же это было достигнуто законами Людовиковъ XIV, XV и XVI [1]). Ордоннансы, эдикты и декларацiи различныхъ королей во многихъ случаяхъ не устанавливали точныхъ границъ уголовнаго права. Судебная-же практика, la Jurisprudence des Arrêts слѣдовала по такимъ вопросамъ положенiямъ римскихъ законовъ. Въ этомъ-же смыслѣ разрѣшались и часто повторявшiеся случаи отравленiй всякаго рода [2]).

11-го января 1680 года, въ царствованiе Людовика XIV, былъ изданъ спецiальный ордоннансъ, на основанiи котораго была учреждена при арсеналѣ спецiальная коммиссiя, которой было поручено веденiе всѣхъ судебныхъ дѣлъ объ отравителяхъ и магикахъ (Ordonnance de 11 janvier 1680, qui établit à l'arsenal une commission chargée de faire le procès aux empoisonneurs et aux magiciens). Эта коммиссiя была извѣстна подъ именемъ „chambre des poisons" или также „chambre ardente". Это послѣднее названiе было ей дано потому, что она должна была вѣдать преступленiя, которыя въ качествѣ наказанiя влекли смертную казнь чрезъ сожженiе.

Случаи отравленiй быстро слѣдовали одинъ за другимъ. Всѣ умы еще были поражены ужасными преступленiями, совершенными нѣкоей la Brinvilliers, когда опять были открыты новыя злодѣянiя такого-же рода, при чемъ весьма многiя лица, даже приближенныя ко двору, были крайне скомпрометированы соучастiемъ въ этихъ преступленiяхъ. Главными дѣятелями этихъ тёмныхъ интригъ и козней были: одна женщина, Екатерина Дегай (Catherine Deshayes), вдова сеньёра Монвуазена (sieur de Montvoisin), извѣстная подъ краткимъ именемъ la Voisin; другая женщина по имени Вигурё (Vigoureux), свя-

---

[1]) Jourdan, Decrusy, Isambert, Taillandier, récueil général des anciennes lois françaises depuis l'an 420 jusqu' à la revolution de 1789; contenant la notice des principaux monuments des Mérovingiens, de Carlovingiens et des Capétiens; et le texte des ordonnances, édits, déclarations, lettres-patentes, réglements, arrêts du conseil, etc., de la troisième race.

[2]) Отравленiя стали повторяться даже при дворѣ, особенно со временъ Екатерины Медичи.

щенникъ Лесажъ (prêtre Lesage) и другіе. Арсенальная коммиссія преслѣдовала, однако, не однихъ только отравителей, но также чародѣевъ, такъ называемыхъ „noueurs d'aiguillettes", (которые портили, заколдовывали молодыхъ, поражая ихъ безсиліемъ), и другихъ тому подобныхъ темныхъ и подозрительныхъ лицъ. Іюльскій эдиктъ 1682 года положилъ конецъ, по крайней мѣрѣ, въ бо́льшей части, гибельнымъ результатамъ этихъ суевѣрныхъ и квази-суевѣрныхъ дѣяній [1]).

Вольтеръ съ особеннымъ вниманіемъ останавливается на причинахъ этихъ частыхъ отравленій. Знатнѣйшіе вельможи были привлечены за это преступленіе въ chambre ardente, и между прочими двѣ племянницы Мазарини, герцогиня Бульонская и графиня де-Суассонъ, мать принца Евгенія. Герцогиня Бульонская была, правда, привлечена къ суду и обвинялась только за свое смѣшное любопытство, весьма обыкновенное въ тѣ времена, но не подсудное уголовной юстиціи. Старый обычай вопрошать гадальщиковъ, желаніе узнать свой гороскопъ или найти секретъ, чтобы заставить себя полюбить —существовали еще не только въ простомъ народѣ, но и среди наиболѣе высокопоставленныхъ лицъ государства. При рожденіи Людовика XIV призывали, напримѣръ, въ самую комнату родильницы королевы-матери извѣстнаго астролога Морена (Morin), чтобы узнать гороскопъ наслѣдника престола. Герцогъ Орлеанскій, будучи регентомъ послѣ смерти Людовика XIV, самъ проявлялъ нѣкоторое любопытство къ этому шарлатанству, которое соблазняло весь древній міръ; и вся философія извѣстнаго графа де-Булэнвилье (de Boulainviliers) не могла излечить его отъ этой химеры. — Ла-Рени (La Reyni), одинъ изъ предсѣдателей chambre ardente, имѣлъ неосторожность спросить у герцогини Бульонской, видѣла-ли она чорта;

---

[1]) Recueil des anciennes lois Françaises, troisième race, branche des Bourbons, règne de Louis XIV, Letellier, chanc., garde de sceaux, tome XX, № 909, стр. 226: ordonnance qui établit à l'arsenal une commission chargée de faire le procés aux empoisonneurs et aux magiciens, 11 janvier 1680 (Hénault.—M. Delaure, histoire de Paris, VIII, 272).

она отвѣтила, что она видитъ его въ настоящую минуту, что онъ очень уродливъ и очень гадокъ, и что онъ превратился въ государственнаго сановника. Конечно, допросъ не былъ продолженъ далѣе. Дѣла графини де-Суассонъ и маршала Люксембургскаго были болѣе серьёзны. Лесажъ, Лавуазенъ, Лавигурё и другіе соучастники были уже заключены въ тюрьму по обвиненію въ изготовленіи и продажѣ ядовитыхъ веществъ, извѣстныхъ подъ названіемъ наслѣдственнаго порошка — la poudre de succession. Они снабжали имъ всѣхъ тѣхъ лицъ, которыя обращались къ нимъ за совѣтомъ. Графиня Суассонъ и маршалъ Люксембургскій были въ томъ-же числѣ. Послѣдній видѣлъ однажды Лесажа и просилъ его дать гороскопъ. Онъ самъ отправился въ Бастилію. Онъ долженъ былъ появиться предъ палатою пэровъ (la cour des pairs): парламентъ и пэры должны были взять обратно свое обвиненіе, но они этого не сдѣлали. Лувуа, который его не любилъ, приказалъ заключить его въ темницу, въ камеру длиною въ шесть съ половиной шаговъ, гдѣ онъ тяжко заболѣлъ. Его допросили на другой день, и затѣмъ оставили его здѣсь въ продолженіе пяти недѣль, не производя вовсе его дѣла. Писать къ Лувуа, жаловаться ему было воспрещено. Среди ужасныхъ обвиненій, которыя служили основою процесса, Лесажъ говорилъ, что маршалъ Люксембургскій вступилъ въ договоръ съ дьяволомъ, съ цѣлью женить своего сына на дочери маркиза Лувуа. Обвиняемый отвѣчалъ: „когда Матѳей Монморанси женился на вдовѣ Людовика Толстаго, онъ не обращался къ дьяволу, но обратился къ генеральнымъ штатамъ (états généraux), которые объявили, что, дабы пріобрѣсти несовершеннолѣтнему королю поддержку Монморанси, слѣдуетъ совершить этотъ бракъ“. Процессъ продолжался четырнадцать мѣсяцевъ. Рѣшенія не послѣдовало ни въ пользу, ни противъ маршала. Лавуазенъ-же, Лавигурё и ея братъ священникъ, носившій также имя Вигурё были сожжены вмѣстѣ съ Лесажемъ на Гревской площади въ Парижѣ. Эта казнь положила конецъ различнымъ происками, кознямъ, отравленіямъ и другимъ преступленіямъ; но во многихъ умахъ еще надолго осталась склонность предполагать

насильственную смерть при помощи яда даже въ случаяхъ смерти естественной [1]).

Въ эту-то эпоху, въ іюлѣ 1682 года, и былъ изданъ Людовикомъ XIV извѣстный эдиктъ о наказаніи отравителей, гадальщиковъ и тому подобныхъ подозрительныхъ лицъ — „édit pour la punition des empoisonneurs, devins et autres", который, до нѣкоторой степени, обуздалъ злоумышленниковъ. Въ эдиктѣ этомъ подробно охарактеризовано, какъ самое понятіе чародѣйственнаго отравленія, такъ и различныя предупредительныя и карательныя мѣры.

Вслѣдствіе того, что уже давно не исполнялись ордоннансы прежнихъ королей въ отношеніи тѣхъ лицъ, которыя именовали себя гадателями, магиками и чародѣями, это послабленіе привлекло даже изъ иноземныхъ государствъ во Францію множество подобныхъ обманщиковъ. Подъ предлогомъ различныхъ гороскоповъ и гаданій и путемъ соблазнительныхъ дѣйствій мнимой магіи и тому подобныхъ пріемовъ, коими обыкновенно пользовались лица этого рода, они обманывали невѣжественныхъ и довѣрчивыхъ людей, незамѣтно завлекая ихъ, пользуясь ихъ любопытствомъ и суевѣріемъ, и переходя затѣмъ отъ суевѣрія къ нечестію и кощунству.

И по несчастному стеченію обстоятельствъ тѣ, которые наиболѣе отдавались и довѣрялись этимъ обманщикамъ, доходили до такихъ преступныхъ крайностей, что ко всѣмъ беззаконіямъ и кощунствамъ своихъ учителей прибавляли еще различнаго рода злодѣянія и въ особенности отравленія, чтобы скорѣе получить обѣщанныя этими шарлатанами блага, и чтобы содѣйствовать такимъ образомъ исполненію ихъ злостныхъ предсказаній.

Когда эти дѣянія дошли до свѣдѣнія Людовика XIV, онъ заявилъ, что употребитъ всѣ возможныя заботы къ тому, что-

---

[1]) См. объ отравленіяхъ этой эпохи: le siècle de Louis XIV, chapitre XXVI.

Isambert, Décrusy, Taillandier, recueil des lois françaises, т. XIX, стр. 396 и слѣд., примѣчаніе.

бы остановить соотвѣтствующими средствами возрастаніе числа этихъ ужасныхъ поступковъ. И хотя, послѣ наказанія главныхъ виновниковъ и соучастниковъ сихъ преступленій, можно было надѣяться, что люди этого рода будутъ навсегда изгнаны изъ государства, и жители Франціи будутъ навсегда отъ нихъ избавлены, тѣмъ не менѣе признано было необходимымъ вновь подтвердить существовавшія правила относительно чародѣевъ и отравителей. Опытъ уже показалъ, какъ опасно допускать малѣйшее послабленіе въ отношеніи этихъ преступленій и какъ трудно ихъ искоренить, такъ какъ по своей сокрытости и по числу виновныхъ, они стали какъ-бы совершенно обыденными.

„Не желая опускать ничего, что служитъ къ славѣ Божіей и къ безопасности нашихъ подданныхъ, мы, говорится въ эдиктѣ Людовика XIV, нашли необходимымъ возобновить прежніе ордоннансы и дополнить ихъ новыми постановленіями, какъ въ отношеніи тѣхъ лицъ, кои совершаютъ различныя злодѣянія и отравленія, такъ и въ отношеніи тѣхъ, кои подъ видомъ гаданія, магіи, чародѣйства и тому подобныхъ занятій, осужденныхъ законами Божескими и человѣческими, заражаютъ и совращаютъ умы народа своими рѣчами или дѣлами, и оскверняютъ даже все то, что религія имѣетъ наиболѣе святаго“ [1]).

Подъ страхомъ тѣлеснаго наказанія было предписано всѣмъ лицамъ, занимавшимся гаданіемъ, или именовавшимъ себя гадателями и гадальщицами покинуть Францію немедленно послѣ объявленія королевской декларацiи. Въ то-же время были запрещены всѣ виды чародѣйственной практики, какъ посредствомъ различныхъ дѣйствій, такъ и на письмѣ и на словахъ, напримѣръ, злоупотребленіе священнымъ писаніемъ и молитвами церкви, или произнесеніе и совершеніе всего такого,

---

[1]) Recueil des anciennes lois françaises, troisième race, branche de Bourbons, règne de Louis XIV, Letellier, chanc., garde de sceaux, tome XX, № 1022, стр. 396 и слѣдующ.: édit pour la punition des empoisonneurs, devins et autres, Versailles, juillet 1682 (Delamarre.—Néron, II, 175).

что имѣетъ, повидимому, сверхъестественный характеръ. Тѣхъ, кто пользовался такими средствами, а равно и тѣхъ, конечно, кто ихъ изобрѣлъ и кому они служили для какихъ-либо преступныхъ цѣлей, предписывалось примѣрно наказывать, сообразно важности случая. Лицъ-же, которыя къ своимъ чародѣяніямъ присоединяли еще нечестіе и святотатство, подъ предлогомъ различныхъ пріемовъ мнимой магіи, или подъ другими подобными предлогами, предписывалось казнить смертною казнью [1]).

Такимъ-же наказаніямъ подвергались тѣ, которые пользовались съ цѣлью лишенія жизни различными отравами и ядами, все равно была причинена смерть или нѣтъ, а равно и тѣ, которые уличались въ приготовленіи и дачѣ ядовитыхъ веществъ для отравленія. А такъ какъ преступленія, учиненныя посредствомъ яда, считались въ то время не только наиболѣе отвратительными и наиболѣе опасными изъ всѣхъ, но и наиболѣе трудно распознаваемыми, то было предписано, чтобы всѣ безъ исключенія, кто только узнаетъ о приготовленіи, покупкѣ и продажѣ яда, немедленно доносили-бы объ этомъ генеральнымъ прокурорамъ или ихъ товарищамъ (substituts), а въ случаѣ ихъ отсутствія, мѣстнымъ административнымъ властямъ. Эта обязанность всѣхъ гражданъ доносить даже о готовящихся отравленіяхъ была установлена подъ страхомъ возбужденія противъ нихъ чрезвычайнаго преслѣдованія и подъ страхомъ наказанія ихъ сообразно обстоятельствамъ и важности случая— какъ сообщниковъ и участниковъ названнаго преступленія. Въ свою очередь, доносители не подвергались никакому наказанію за неосновательные доносы, и не платили никакого вознагражденія за вредъ, даже въ томъ случаѣ, когда они объявляли о какомъ-либо дѣяніи или о какихъ-либо уликахъ, которыя на первый взглядъ казались справедливыми или соотвѣтствующими ихъ заявленіямъ, а впослѣдствіи обвинявшіяся

---

[1]) Édit pour la punition des empoisonneurs, art. I, II, III. Isambert, Décrusy, Taillandier, Recueil, t. XX, стр. 397 и 398.

въ отравленіи лица были оправданы во взводившихся на нихъ обвиненіяхъ. По этому поводу пришлось даже отмѣнить 73 артикль извѣстнаго Орлеанскаго ордоннанса, но *только* въ отношеніи отравленія и яда; прочіе лжедоносчики и клеветники подлежали попрежнему суровымъ наказаніямъ по всей строгости означеннаго ордоннанса.

Что касается покушенія на отравленіе, то было установлено, что всѣ тѣ, которые посягали на жизнь другихъ лицъ посредствомъ отравы или яда, но были остановлены независѣвшими отъ нихъ обстоятельствами, равнымъ образомъ подлежали смертной казни. Такимъ образомъ, покушеніе воспрепятствованное обстоятельствами приравнивалось къ оконченному преступленію.

Въ отношеніи самаго средства преступленія, то-есть яда, было указано, что къ числу ядовъ относятся не только тѣ вещества, которыя способны причинить скорую и неминуемую смерть, но и всѣ тѣ, которыя, разстраивая мало-по-малу здоровье, причиняютъ различныя болѣзни, — все равно будутъ-ли это вещества простыя, естественныя, или составныя, приготовленныя руками спеціалистовъ. А вслѣдствіе этого было запрещено всѣмъ вообще подъ страхомъ смертной казни, а врачамъ, хирургамъ и аптекарямъ подъ страхомъ тѣлеснаго наказанія, имѣть или хранить у себя подобныя вещества, „которыя, сохраняя всегда свое ядовитое свойство (qualité de venin), и не входя въ составъ обыкновенныхъ лечебныхъ средствъ, могутъ служить только для причиненія вреда, будучи, по природѣ своей, крайне опасны и смертельны“ [1]).

Но, такъ какъ нѣкоторыя сильно дѣйствующія вещества, какъ напримѣръ, мышьякъ (arsenic), реальгаръ (réagal) [2]), оперментъ (orpiment) [3]) и сулема (sublimé), будучи по существу весьма опасными ядами, уже въ тѣ времена входили въ

---

[1]) Édit pour la punition des empoisonneurs, art. 4, 5, 6.
Isambert, Decrusy, Taillandier, Recueil, t. XX, стр. 398 и 399.

[2]) Реальгаръ—красный мышьякъ.

[3]) Оперментъ, аврипигментъ—жёлтый мышьякъ.

составъ лекарствъ, то былъ изданъ рядъ полицейскихъ правилъ о торговлѣ названными веществами. Именно, съ цѣлью затруднить въ будущемъ слишкомъ легкую возможность злоупотребленія ими, продажа ихъ была дозволена только торговцамъ, жившимъ въ городахъ. Затѣмъ продавать ядовитыя вещества они могли только врачамъ, аптекарямъ, хирургамъ, ветеринарамъ, золотыхъ и серебряныхъ дѣлъ мастерамъ, красильщикамъ и нѣкоторымъ другимъ лицамъ, которымъ они необходимы для ихъ непосредственныхъ занятій. Но и эти лица, при покупкѣ ядовитыхъ веществъ, должны были написать на особомъ реестрѣ, заведенномъ для этой цѣли у торговцевъ, ихъ имя, званіе, мѣсто жительства и общее количество взятаго ими товара; при неграмотности покупателей, свѣдѣнія эти вписывались самими продавцами. Что-же касается лицъ, неизвѣстныхъ торговцамъ, каковы пригородные и деревенскіе лекари и коновалы, то они должны были приносить особыя удостовѣренія личности, съ отмѣткою ихъ имени, мѣста жительства и профессіи, и за подписью мѣстнаго судьи, или нотаріуса съ двумя свидѣтелями или священника и двухъ извѣстныхъ обывателей; эти свидѣтельства оставались у продавца, въ качествѣ оправдательныхъ документовъ. Москотильщики, коробейники и другіе деревенскіе и пригородные торговцы обязаны были немедленно передавать означенныя вещества въ руки синдиковъ (старшинъ), стражей или большихъ городскихъ москотильныхъ торговцевъ и аптекарей, которые должны были уплатить имъ стоимость этого товара. Нарушеніе всѣхъ этихъ правилъ влекло денежный штрафъ въ размѣрѣ до трехъ тысячъ ливровъ и даже тѣлесное наказаніе, сообразно особенностямъ случая.

Къ этому были присоединены подробныя правила о храненіи этихъ ядовитыхъ веществъ: тѣ, кто по своей профессіи или занятіямъ имѣли право продавать или покупать вышеназванные минералы, должны были держать ихъ въ сохранныхъ мѣстахъ, ключи отъ которыхъ обязаны были имѣть у себя. Равнымъ образомъ имъ было вмѣнено въ обязанность записывать въ особую книгу свойства лекарствъ, для коихъ были

употреблены эти минералы, имена тѣхъ, для кого эти лекарства были приготовлены, и количество употребленнаго, подводя каждый годъ итоги остаткамъ, — подъ страхомъ денежнаго взысканія, величиною до 1000 ливровъ въ первый разъ, и болѣе при повтореніи [1]).

Въ то-же время врачамъ, хирургамъ, аптекарямъ, москательщикамъ, дрогистамъ, серебряныхъ и золотыхъ дѣлъ мастерамъ, красильщикамъ, кузнецамъ и всѣмъ другимъ лицамъ было запрещено давать названные минералы кому-бы то ни было и подъ какимъ-бы то ни было предлогомъ, — подъ страхомъ тѣлеснаго наказанія. Аптекари, дрогисты и друг. должны были сами составлять лекарства, или, по крайней мѣрѣ, присутствовать при составленіи ихъ учениками тѣхъ лекарствъ, въ которыя входятъ эти медикаменты.

Независимо сего, всѣмъ вообще лицамъ, кромѣ врачей и аптекарей, было воспрещено пользоваться ядовитыми насѣкомыми, змѣями, жабами, ехиднами и другими пресмыкающимися, подъ предлогомъ употребленія ихъ въ медикаменты, или подъ предлогомъ научныхъ опытовъ и вообще подъ какимъ-бы то ни было предлогомъ, — если только они не имѣли особаго письменнаго разрѣшенія.

Наконецъ, лицамъ всѣхъ званій и состояній, кромѣ извѣстныхъ врачей въ мѣстахъ ихъ пребыванія, профессоровъ химіи и учителей фармаціи, было воспрещено имѣть лабораторіи и приготовлять тамъ аптекарскіе товары или лекарства, подъ предлогомъ производства ихъ химическимъ способомъ, или подъ предлогомъ опытовъ, особыхъ техническихъ секретовъ, поисковъ философскаго камня, измѣненія, разложенія и улучшенія металловъ, выдѣлки кристалловъ и цвѣтныхъ камней и т. п. Устройство такихъ лабораторій могло имѣть мѣсто лишь по особому королевскому разрѣшенію, которое представлялось мѣстнымъ судебнымъ и полицейскимъ властямъ.

---

[1]) Ibidem, art. 7, 8.
Isambert, etc., стр. 399 и 400.

Точно также винокурамъ и продавцамъ водки, подъ страхомъ примѣрнаго наказанія, было воспрещено производить иныя перегонки, кромѣ куренія вина и дистиллировки спирта [1]).

Эти правила о продажѣ ядовитыхъ и сильно дѣйствующихъ веществъ, какъ возможномъ источникѣ неосторожныхъ отравленій, съ небольшими послѣдующими измѣненіями, просуществовали около столѣтія.

Только въ 1777 году, въ царствованіе Людовика XVI, быстрое развитіе торговли аптекарскими и москотильными товарами вызвало необходимость еще болѣе подробной регламентаціи этихъ промысловъ. Съ этою цѣлію, 25-го апрѣля этого года была издана подробная декларація объ аптекарской и бакалейной торговлѣ—„Déclaration portant règlement pour les professions de la pharmacie et de l'épicerie à Paris“ [2]).

Этою декларацiей свобода торговли аптекарскими товарами была значительно расширена, а учителямъ фармаціи разрѣшено было читать въ ихъ лабораторіяхъ спеціальные курсы и производить демонстраціи, для подготовленія учениковъ, какъ въ самыхъ лабораторіяхъ, такъ и въ аптекарскихъ садахъ, подъ условіемъ заявленія о томъ генеральному лейтенанту. Тѣмъ не менѣе по-прежнему остались въ силѣ, были подтверждены и развиты строгія полицейскія правила 1682 г. о продажѣ медикаментовъ вообще, и въ частности мышьяка реальгара и сулемы. Такъ, напримѣръ, по-прежнему всякая покупка этихъ веществъ должна была быть зарегистрована въ особыхъ книгахъ, при чемъ лицамъ неизвѣстнымъ или не-

---

[1]) Ibidem, articles 9, 10, 11.

Isambert, etc., стр. 400 и 401.

[2]) Versailles, 25 avril 1777. Reg. au parl. le 13 mai.

Jourdan, Recueil, règne de Louis XVI, tome II du règne, т. XXV, № 654, стр. 389 и слѣдующ.

Ср. Édit portant modification de l'édit de février 1776 sur la suppression des jurandes, Versailles, août 1776, reg. au parl. le 28 août, article 3. Ibidem т. XXV, № 517, стр. 76.

грамотнымъ аптекари не могли вовсе отпускать ядовитыхъ или сильно дѣйствующихъ лекарствъ; ключи отъ аптекарскихъ складовъ и хранилищъ они должны были имѣть всегда при себѣ, не допуская въ нихъ женщинъ, дѣтей и учениковъ; и тому под. [1]).

Между тѣмъ, не смотря на строгій полицейскій надзоръ, случаи умышленныхъ и неосторожныхъ отравленій повторялись по-прежнему довольно часто. Правительство было принуждено выступить съ новою угрозою суровыми уголовными наказаніями. 14-го мая 1780 года Людовикъ XVI опубликовалъ спеціальную декларацію о наказаніи отравителей—„Déclaration concernant les empoisonneurs“ [2]).

Въ городахъ и селахъ появилась въ это время масса злодѣевъ, которые, встрѣчаясь на дорогѣ съ путниками, или даже проникая подъ разными предлогами въ частные дома, давали пить какой-то наркотическій ликёръ, усыпительный и въ то-же время весьма опасный, повергавшій очень многихъ лицъ въ летаргическій сонъ, съ конвульсіями и бредомъ, и вообще съ опасностію для жизни. Парижскій трибуналъ (le parlement à Paris) со всею строгостію отнесся къ тѣмъ изъ виновныхъ, которые были уличены и задержаны. Съ своей стороны Людовикъ XVI, для того чтобы остановить развитіе этого ужаснаго преступленія во всемъ королевствѣ, нашелъ необходимымъ еще разъ подтвердить существовавшіе уже строгіе законы въ отношеніи всѣхъ тѣхъ, кто будетъ пользоваться отравами, ядами или ядовитыми растеніями, подъ какими-бы именами они ни были извѣстны, и все равно послѣдуетъ смерть или нѣтъ.

А такъ какъ единственнымъ опредѣленнымъ закономъ

---

[1]) Déclaration de 1777, art. 9, 10, 11.

[2]) Versailles, 14 mars 1780. Reg. en parlement le 20.

Jourdan, Recueil, règne de Louis XVI, tome IV du règne, томъ XXVII, № 1286, стр. 293 и слѣдующ. „Déclaration concernant les empoisonneurs“.

Ср. ord. du 27 septembre 1783.

о наказаніи отравителей былъ лишь эдиктъ 1682 г., то и пришлось сдѣлать ссылку на шестой и другіе параграфы этого эдикта: тѣ, которые уличались въ томъ, что пользовались отравами, ядами и ядовитыми растеніями, подлежали смертной казни; при чемъ судьямъ предоставлялось усилять это наказаніе, приговаривая одновременно къ колесованію съ послѣдующимъ сожженіемъ, сообразно обстоятельствамъ дѣла. Кромѣ того были возобновлены прежнія предписанія Людовика XIV въ отношеніи врачей, хирурговъ, учителей фармаціи и аптекарей. Независимо сего, всѣмъ вообще, кромѣ учителей фармаціи и аптекарей, было воспрещено имѣть на рукахъ, въ магазинахъ и лавкахъ яды и ядовитыя растенія; аптекарямъже было предложено соблюдать при употребленіи этихъ растеній тѣ-же предосторожности, какъ и въ отношеніи другихъ ядовъ, — подъ страхомъ наказанія, установленнаго эдиктомъ 1682 года.

Такимъ образомъ, содержаніе всѣхъ этихъ и многихъ другихъ ордоннансовъ, эдиктовъ и декларацій было обильно и разнообразно, но не было богато общими началами, которыя могли-бы составить цѣльный и законченный кодексъ. Только въ 1791 году Франція впервые получила общее уголовное уложеніе—„Code Pénal de 25 Septembre — 6 Octobre 1791“. Уложеніе это имѣло въ виду наиболѣе важныя преступныя дѣянія, въ томъ числѣ и отравленіе. Оно помѣщаетъ это дѣяніе, въ разрядѣ преступленій противъ личности — въ части второй, въ титулѣ второмъ, въ отдѣленіи первомъ, въ параграфѣ 15, и опредѣляетъ за него смертную казнь [1]).

Code des délits et des peines du 3 brumaire an IV (26 октября 1795 года) оставилъ въ силѣ почти всѣ постановленія матеріальнаго уголовнаго права, которыя были изложены въ кодексѣ 1791 г., и имѣлъ самостоятельное значеніе лишь въ процессуальномъ отношеніи. Сравнительно болѣе серьёзное значеніе имѣлъ сепаратный законъ 21 жерминаля II-го

---

[1]) Loi du 25 septembre — 6 octobre 1791, part. 2, tit. 2, sect. 1-re, art. 15.

года [1]); но законъ этотъ имѣлъ лишь весьма кратковременное существованіе, почему особенной важности для насъ и не представляетъ.

Въ 1801 году была назначена коммиссія для составленія новаго уголовнаго уложенія. Выработанный ею проектъ, — Projet de code criminel, correctionnel et de police, présenté par la commission nommée par le gouvernement, — отличаясь крайней жестокостію, сохраняетъ, какъ уголовныя опредѣленія уложенія 1791 года, такъ и нѣкоторыя полицейскія предписанія королевскихъ ордоннансовъ. По обсужденіи этого проекта въ 1808—1810 годахъ, онъ вступилъ въ силу съ 1 января 1811 года, подъ названіемъ Code Pénal de 1810. Это уложеніе подверглось затѣмъ значительнымъ измѣненіямъ, въ особенности законами 28 апрѣля 1832 года и 15 мая 1863 года, и въ такомъ исправленномъ его видѣ дѣйствуетъ во Франціи и понынѣ. Но статьи объ отравленіи сохранили и теперь первоначальную ихъ редакцію 1810 года.

Въ первоначальномъ проектѣ и въ самомъ кодексѣ вопросъ объ отравленіи излагается въ книгѣ третьей — „des crimes, des délits et de leur punition“, въ раздѣлѣ второмъ— „crimes et délits contre les particuliers“, въ главѣ первой— „crimes et délits contre les personnes“, въ отдѣлѣ первомъ— „meurtres et autres crimes capitaux, menace d'attentat contre les personnes“, въ § 1, гдѣ отравленіе „empoisonnement“ поставлено на ряду съ другими видами лишенія жизни,— каковы: meurtre, assassinat, parricide, infanticide.

Отравленіемъ называется здѣсь всякое посягательство на жизнь лица, посредствомъ такихъ веществъ, которыя могутъ произвести смерть въ болѣе или менѣе непродолжительномъ времени, безразлично какимъ-бы способомъ эти вещества ни были употреблены или даны, и каковы бы ни были ихъ послѣдствія [2]). Всякій виновный въ отравленіи, подобно винов-

---

[1]) Loi du 21 germinal an II.

[2]) Code Pénal, édition conforme à l'édition originale du bulletin des lois, stéréotype d'Herhan, art. 301 (стр. 68):

нымъ въ разбойническомъ убійствѣ, въ отцеубійствѣ и въ дѣтоубійствѣ — подлежитъ смертной казни [1]).

Въ мотивахъ редакторовъ уложенія мы находимъ слѣдующія объясненія. Преступленіе отравленія представляетъ собою настоящее разбойническое убійство, такъ какъ оно предполагаетъ непремѣнно предшествующій умыселъ. При этомъ изъ всѣхъ преступленій оно наиболѣе низко даже среди самыхъ ужасныхъ злодѣяній. (Le crime d'empoisonnement est un véritable assassinat, car il suppose nécessairement un dessein antérieur. Il est d'ailleurs, de tous les crimes, le plus lâche parmi les plus atroces) [2]).

Опредѣленіе данное этому дѣянію въ уложеніи 1810 г. значительно полнѣе опредѣленія, которое существовало ранѣе въ уложеніи 1791 года. Code Pénal de 1810 имѣетъ въ виду всѣ вообще средства, пригодныя для совершенія этого преступленія, и не ограничиваетъ область покушенія однимъ лишь частнымъ случаемъ, когда ядъ былъ данъ или примѣшанъ въ пищѣ или питьѣ (какъ это было въ уложеніи 1791 года). Существуетъ столько способовъ, которые могутъ быть изобрѣтены преступностію, и примѣры которыхъ представляетъ намъ исторія, что необходимо было прибѣгнуть къ болѣе общимъ выраженіямъ.

Съ другой стороны, редакторы Уложенія 1810 года нашли безполезнымъ прибавлять прежнее опредѣленіе 1791 г., что, — если до момента дѣйствительнаго совершенія отравле-

---

Est qualifié empoisonnement tout attentat à la vie d'une personne, par l'effet de substances qui peuvent donner la mort plus ou moins promptement, de quelque manière que ces substances aient été employées ou administrées, et quelles qu'en aient été les suites.

[1]) Code Pénal, art. 302: Tout coupable d'assassinat, de parricide, d'infanticide et d'empoisonnement sera puni de mort.

[2]) Motifs du Livre III, Titre II, Chapitre I, présentés par M. M. le chevalier Faure, et les comtes Réal et Giunti, Conseillers d'Etat. Seance du 7 fevrier 1810. C. P. стр. 79 и 80. Ср. также объясненія на стр. 85, 86 и 127.

нія, или до открытія отравы въ пищѣ или питьѣ, отравитель остановитъ исполненіе преступленія, уничтоживъ эту пищу или напитокъ, или не допустивъ ихъ въ употребленіе, — онъ подлежитъ оправданію. Это опредѣленіе было необходимо въ то время, такъ какъ тогда не существовало никакихъ общихъ законовъ о покушеніи. Уложеніе-же 1810 года, предусматривая въ статьѣ 2-ой и опредѣляя это понятіе, общимъ образомъ объявляетъ, что никакое покушеніе не будетъ разсматриваться какъ самое преступленіе, если оно было остановлено по волѣ совершителя, а не по случайнымъ, не зависѣвшимъ отъ его воли, обстоятельствамъ.

На ряду съ отравленіемъ Code Pénal 1810 года ставитъ еще вытравленіе плода, произведенное внутренними средствами, т. е. путемъ дачи какихъ-либо абортивныхъ средствъ: Кто съѣстными припасами, напитками, медикаментами, насильственными дѣйствіями или какимъ-либо инымъ средствомъ произведетъ выкидышъ плода беременной женщины (aura procuré l'avortement), все равно согласилась-ли она на это или нѣтъ, будетъ наказанъ смирительнымъ домомъ. Врачи, хирурги и прочіе медицинскіе чины, а равно и аптекари, которые укажутъ или употребятъ такія средства, будутъ приговорены къ срочнымъ каторжнымъ работамъ, въ томъ случаѣ, когда дѣйствительно произойдетъ изгнаніе плода [1]).

Впослѣдствіи эта статья была дополнена болѣе широкимъ опредѣленіемъ о причиненіи отравою всякаго разстройства здоровья вообще. Тотъ, кто причинитъ другому болѣзнь или неспособность къ личному труду, давъ ему (en lui administrant) добровольно, какимъ бы то ни было способомъ, такія вещества, которыя, хотя по свойству своему и не смертельны, однакоже вредны для здоровья, будетъ наказанъ тюрьмою отъ 1 мѣсяца до 5 лѣтъ и денежнымъ штрафомъ отъ 16 до 500 франковъ; онъ можетъ, сверхъ того, быть отданъ подъ

---

[1]) Code Pénal, art. 317; stéréotype d'Herhan, стр. 71; motifs стр. 84—86.

надзоръ высшей полиціи на время не менѣе 2 и не болѣе 10 лѣтъ. Если болѣзнь или неспособность къ личному труду продолжались болѣе двадцати дней, то наказаніе будетъ заключаться въ смирительномъ домѣ [1]).

Въ такомъ положеніи находится во Франціи вопросъ объ отравленіяхъ и понынѣ [2]).

По образцу французскаго права построено также и опредѣленіе Бельгійскаго кодекса: Почитается отравленіемъ (empoisonnement) умышленное убійство, совершенное посредствомъ (par le moyen) такихъ веществъ, которыя могутъ произвести смерть въ болѣе или менѣе непродолжительномъ времени, какимъ бы способомъ эти вещества ни были употреблены или даны (administrées); оно будетъ наказано смертною казнію [3]).

Независимо всего изложеннаго французское право попрежнему строго слѣдитъ за продажею и покупкою ядовитыхъ веществъ. 19-го іюля 1845 года былъ изданъ спеціальный ордоннансъ, который подтвердилъ строгія наказанія за несоблюденіе установленныхъ въ этой торговлѣ правилъ: Кто нарушитъ постановленія императорскихъ ордоннансовъ о продажѣ, покупкѣ и употребленіи ядовитыхъ веществъ, наказывается денежнымъ взысканіемъ въ размѣрѣ отъ 100 до 3000 франковъ и заключеніемъ въ тюрьмѣ на срокъ отъ 6 дней до 2 мѣсяцевъ, при чемъ судъ можетъ, если представятся къ тому основанія, примѣнить къ виновному статью 463 уголовнаго уложенія [4]). Чрезъ годъ и три мѣсяца, 29 октября 1846

---

[1]) См. Матеріалы для пересмотра нашего уголовнаго законодательства, томъ первый: уголовныя уложенія Венгріи, Германіи Бельгіи и Франціи, СПб., 1880, стр. 431.

[2]) Les codes annotés de Sirey, contenant toute la jurisprudence des arrêts et la doctrine des auteurs, par P. Gilber et Faustin Hélie: Code Pénal, Paris, 1872, стр. 468, 469, 475, 476 и друг.

[3]) Матеріалы, томъ I, Бельгійское уголовное уложеніе, статья 397, стр. 306.

[4]) Во всякомъ случаѣ, судъ могъ постановить объ отобраніи предметовъ, арестованныхъ за нарушеніе.

Съ обнародованіемъ этого ордоннанса о продажѣ ядовитыхъ ве-

года, снова были изданы подробныя правила о продажѣ ядовитыхъ веществъ, весьма внимательно опредѣлявшія порядокъ торговли сими веществами, а равно и права и обязанности аптекарей [1]).

ществъ, статьи 34 и 35 закона 21 Жерминаля XI года были отмѣнены.

[1]) Ibidem, томъ VII, выпускъ I, № 95 стр. 183, № 98 стр. 187.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Отравленіе въ исторіи англійскаго законодательства.

Въ отношеніи отравленія, законы древнихъ Англовъ, какъ было замѣчено выше, стоятъ на рубежѣ между законами Германцевъ и законами Франковъ, соприкасаясь и съ тѣми и съ другими. Древнѣйшій ихъ законодательный памятникъ, Lex Angliorum et Verinorum hoc est Thuringorum, видитъ въ отравленіи одинъ изъ случаевъ квалифицированнаго лишенія жизни. Также смотрятъ на отравленіе и законы Вильгельма Завоевателя. И только впослѣдствіи Англійскіе законы, каковы напримѣръ законы короля Генриха I, подобно законамъ Франковъ, придали отравленію не свойственное ему значеніе чародѣйства и колдовства.

Весьма интересный законъ объ отравленіи принадлежалъ Турингамъ, то-есть Англамъ и Варягамъ. Мѣста обитанія Саксонскихъ Турингов граничили къ западу съ Гессеномъ, къ востоку съ Мисіею, къ сѣверу съ Брауншвейгомъ и къ югу съ Франконіею, и заключались между рѣками Везеромъ, Заалою и Майномъ. Извѣстный германскій городъ Эрфуртъ считался ихъ столицею. Нѣкоторые думаютъ, что Туринги имѣли происхожденіе отъ Готовъ [1]), и что Готы въ Турингіи по-

---

[1]) Ср. Müller, der lex Salica und der lex Angliorum et Verinorum Alter und Heimath, Würzburg, 1840.

строили городъ своего имени Готу. Туринги оставили послѣ себя небольшой сборникъ законовъ, извѣстный подъ названіемъ Lex Angliorum et Verinorum, hoc est Thuringorum. Происхожденіе этого закона не вполнѣ выяснено. Въ противоположность Гауппу, который указываетъ на родство Франковъ и Англовъ (Турингов), Мюллеръ замѣчаетъ, что все то, что свойственно Франкамъ, далеко не свойственно Англамъ, и этому мнѣнію, конечно, надо отдать полное преимущество [1]).

Въ XIV титулѣ этого закона „de veneficiis" (объ отравленіяхъ) мы находимъ слѣдующее опредѣленіе о лишеніи жизни посредствомъ яда:

Si mulier maritum veneficiis dicatur occidisse, vel dolo malo ad occidendum prodidisse; proximus mulieris campo eam in nocentem efficiat: aut si campionem non habuerit, ipsa ad novem vomeres [2]) ignitos examinanda mittatur.

Это въ переводѣ обозначаетъ: если будетъ донесено, что жена своего мужа отравила ядомъ, или злымъ умысломъ подвергла убійству, въ такомъ случаѣ ближайшій родственникъ долженъ доказать ея невинность поединкомъ; если-же она поединщика не представитъ, то подвергалась девятиричному испытанію раскаленнымъ желѣзомъ [3]).

Женщина, обвинявшаяся въ одномъ изъ указанныхъ здѣсь преступленій, главнымъ образомъ въ отравленіи, и не

---

[1]) Müller, вышеприведенное сочиненіе, стр. VIII, IX.

[2]) Слово vomeres собственно значитъ „сошники". Въ жизнеописаніи Кунигунды, супруги короля Генриха, сказано, что она въ отвращеніе ревнивыхъ подозрѣній своего супруга велѣла для себя sex igniri vomeres, то-есть разжечь шесть сошниковъ.

[3]) Georgisch, Lex Angliorum et Verinorum hoc est Thuringorum, titulus XIV, стр. 452.

Руссовъ, Варяжскіе законы съ россійскимъ переводомъ и краткими замѣчаніями, СПб., 1824, titulus XIV de veneficiis, стр. 30.

Gaupp, das alte Gesetz der Thüringer oder die lex Angliorum et Verinorum hoc est Thuringorum in ihrem Verwandschaft mit der lex Salica und lex Ripuaria dargestellt, Breslau, 1834, стр. 403 и слѣд.

имѣвшая возможности подъискать среди своихъ родичей поединщика за свою невинность, тѣмъ самымъ навлекала уже на себя сильное подозрѣніе въ умышленномъ совершеніи своего противозаконнаго дѣянія. Вслѣдствіе такого подозрѣнія она и подвергалась ордаліямъ; именно, въ доказательство своей невинности, она должна была пройти по девяти раскаленнымъ сошникамъ.

Иныхъ, болѣе подробныхъ опредѣленій по вопросу объ отравленіи въ Англо-Саксонскихъ законахъ не имѣется.

Что-же касается древняго королевскаго права и дѣйствующаго statute-book, то они предполагаютъ знаніе неписаннаго права. Новѣйшее неписанное право можетъ еще быть приведено въ извѣстность, но подобныя части древнѣйшаго права, не будучи записаны, совершенно исчезли. Собраніе Древнихъ Законовъ и Учрежденій Англіи, изданное мистеромъ Thorpe, подъ редакціею Records Commissioners, заключаетъ во всѣхъ 47 сборникахъ законовъ, частію церковные, частію свѣтскіе статуты, носящіе имена сорока семи различныхъ правителей. Изъ нихъ Leges Henrici Primi, хотя наименѣе достовѣрны, но, можетъ быть, наиболѣе поучительны. Это была, очевидно, компиляція, сдѣланная во времена Генриха I какимъ-либо частнымъ лицомъ изъ законовъ, имѣвшихъ тогда силу въ Англіи. Они представляли родъ сборника, соединившаго въ одно цѣлое многія опредѣленія, находившіяся въ различныхъ актахъ, равно какъ и много опредѣленій, извлеченныхъ изъ гражданскаго и каноническаго права. Они заключали также различныя спеціальныя ссылки на Салическіе законы и законы Рипуарскихъ Франковъ. Это была безпорядочная компиляція, полная противорѣчій, повтореній и опредѣленій, не нужныхъ по существу и забытыхъ такъ-же скоро, какъ они были и сдѣланы. Со всѣми этими недостатками, произведеніе это даетъ, однако, наилучшее представленіе о древнемъ англійскомъ правѣ. Общее впечатлѣніе, которое оно производитъ таково, что оно заключало обиліе обычаевъ и законовъ, предназначенныхъ для практическихъ цѣлей, но оставленныхъ совершенно на произволъ всякаго, кто считался за ученаго

человѣка и готовъ былъ изъяснить какой-нибудь принципъ закона на основаніи источниковъ или даже безъ таковыхъ. Римское право было источникомъ, изъ коего извлекались такіе принципы и опредѣленія, такъ какъ тогда не существовало ничего другаго. Въ какое время, кѣмъ, въ какой степени эти принципы и опредѣленія были введены впервые,—это вопросы, на которые, вѣроятно, никогда не будетъ отвѣта, что, впрочемъ, и не особенно важно.

Законы различныхъ королей близко похожи одинъ на другой въ ихъ общемъ очертаніи. Въ самомъ дѣлѣ, это были большею частію повторенія одинъ другаго, съ нѣкоторыми прибавленіями и измѣненіями, и большинство изъ нихъ заключаетъ въ себѣ смѣсь нравственныхъ и религіозныхъ правилъ. Законы Альфреда начинаются, напримѣръ, съ десяти заповѣдей и содержатъ въ себѣ много положеній „Исхода" и извлеченій изъ актовъ и историческихъ статутовъ относительно распространенія христіанства. Сколько-нибудь полное и систематическое извлеченіе изъ такихъ матеріаловъ, очевидно, было невозможно. Существуетъ, правда, обильный запасъ современной литературы по этому предмету, но нельзя не замѣтить, что многіе выводы случайны и предположительны, и что большинство ученыхъ и писателей часто даютъ читателямъ скорѣе доказательства ихъ учености, знаній и геніальности, чѣмъ опредѣленныя указанія.

Преступленія противъ личности индивида были весьма строго преслѣдуемы по нѣкоторымъ изъ законовъ, которые содержали предписанія относительно убійства, различныхъ родовъ ранъ, изнасилованія и тяжкихъ обидъ. Правда, опредѣленія этихъ преступленій были искусственны, но было нѣсколько мѣстъ, которыя, въ нѣкоторомъ отношеніи, признавали различіе между убійствомъ злоумышленнымъ и убійствомъ по необдуманности. Различіе между murder и manslaughter, какъ это понимается нынѣ, значительно болѣе совершенно. Законы Альфреда заключаютъ предписанія относительно случая и неосторожности. Въ законахъ Генриха I постановлено

за правило, что „qui inscienter peccat, scienter emendat“ [1]).

Въ частности преступное лишеніе жизни посредствомъ отравленія, въ англійскомъ правѣ этой эпохи, стоитъ въ большинствѣ случаевъ на ряду съ чародѣйствомъ, которое влекло смертную казнь. Смертная казнь назначалась за волшебство и вѣдовство, причинившія смерть, если обвиняемый не могъ очистить павшее на него подозрѣніе, при чемъ эти дѣйствія ставились почти всегда въ связь съ отравленіемъ [2]).

Сопоставленіе тайныхъ искусствъ съ отравленіемъ, замѣчаемое въ древнихъ законахъ, бо̀льшею частію нормировавшихъ ихъ въ однихъ и тѣхъ же статьяхъ, показываетъ, что отравленіе преслѣдовалось въ то время не столько какъ видъ убійства или какъ delictum sui generis, сколько какъ квалифицированный видъ чародѣйства. Юридическая природа дѣянія съ точки зрѣнія древняго права почти не измѣнялась отъ того, даны-ли вредные напитки съ цѣлію лишенія жизни, изгнанія плода или поврежденія разсудка; все это обыкновенно сливалось въ понятіи волшебства, представляясь большею частью наиболѣе опасною его формою [3]).

Еще въ законахъ короля Этельстана понятіе отравленія смѣшивалось съ различными чародѣйственными дѣйствіями, колдовствомъ, гаданіемъ и т. п. Мало того, спеціальнаго постановленія о лишеніи жизни посредствомъ яда не имѣлось вовсе, такъ какъ случаи этого рода обнимались одною общею статьею о прорицателяхъ и отравителяхъ чародѣйственными напитками „de sortilegis et liblacis“. Здѣсь для тѣхъ и для другихъ установлено одно и то-же наказаніе—смертная казнь.

Decrevimus, говорится въ законѣ, etiam de sortilegibus [4])

---

[1]) A history of the criminal law of England, by Sir James Fitzjames Stephen, London, 1883, chapter III.

[2]) Aethelstan's Gesetze, cap. II, стр. 6. Schmidt, die Gesetze der Angelsachsen, 1858, стр. 135, 655.

[3]) Л. С. Бѣлогрицъ-Котляревскій, преступленія противъ религіи въ важнѣйшихъ государствахъ запада, Ярославль, 1886, стр. 100.

[4]) Sortilegus, — прорицатель, гадатель по жребію; въ древне-

et liblacis [1]) et mortem [2]) dantibus: si hominem occiderint, et negare non possint, vitae suae culpabiles judicentur. То-есть: Постановляемъ въ отношеніи гадателей, отравителей чародѣйственными напитками и другихъ подобныхъ лицъ, причиняющихъ смерть, слѣдующее: если они дѣйствительно лишатъ кого-нибудь жизни, и не въ состояніи будутъ опровергнуть такое обвиненіе, то они сами за это отвѣчаютъ своею жизнью и приговариваются къ смертной казни [3]).

Если-же они выразятъ желаніе опровергнуть взводимое на нихъ обвиненіе, но послѣ троекратнаго испытанія ордаліями окажутся всетаки виновными, тогда они должны были отсидѣть сто двадцать ночей въ тюрьмѣ, и только послѣ этого могли быть взяты отсюда родственниками, съ уплатою, однако, — королю сто двадцати шиллинговъ, а родичамъ убитаго его виры, при чемъ родные виновнаго должны были поручиться за него въ томъ, что онъ впредь будетъ воздерживаться отъ подобныхъ дѣяній (et eant eis in plegium, quod super hiis abstineant in aeternum) [4]).

Иную, болѣе простую и болѣе нормальную постановку отравленія, не какъ чародѣйства, а какъ квалифицированнаго вида лишенія жизни, находимъ мы въ законахъ Вильгельма Завоевателя, которые, вообще, для своего времени, отличались очень логическими и здравыми опредѣленіями. Если кто-нибудь лишалъ жизни другаго посредствомъ яда, то онъ дол-

---

англійскомъ правѣ sortilegium имѣло особое названіе wicce-craeftum. Schmid, die Gesetze der Angelsachsen, in der Ursprache mit Uebersetzung, Leipzig, 1858, Antiquarisches Glossar, стр. 655.

[1]) liblâc, — отравитель чародѣйственными напитками. Schmid, l. c., стр. 624: das Wort scheint verzugsweise Vergiftungen durch Zaubertränke und Zaubersalben zu bezeichnen.

[2]) Въ нѣкоторыхъ спискахъ вмѣсто словъ „mortem dantibus“ стоитъ выраженіе, болѣе подходящее къ общему характеру этого закона „sortem dantibus“.

[3]) Ср. Schmid, die Gesetze der Angelsachsen, стр. 165, Aethelstan's Gesetze, II, cap. 6 pr.

[4]) Aethelstani Reg., I, 6, § 1.

женъ былъ быть казненъ или навсегда изгнанъ изъ отечества (si quis alterum veneno occiderit, aut occidatur aut in exilium perpetuum agatur) [1]).

Но такой здравый и естественный взглядъ продержался очень недолго. Уже въ законахъ Генриха I [2]) отравленіе снова заняло мѣсто въ ряду различныхъ видовъ чародѣйства, волшебства и тайныхъ искусствъ. По этимъ законамъ, если кто-либо, посредствомъ яда, чародѣйства, сглаза [3]), или другимъ злодѣйскимъ способомъ, совершитъ убійство, то безразлично, причинено-ли оно тому, для кого приготовлялось, или другому, такъ какъ дѣяніе является само по себѣ смертоноснымъ и ни коимъ образомъ не искупимымъ. Во всякомъ случаѣ тотъ, кто окажется въ этомъ виновенъ, долженъ быть отданъ родственникамъ и друзьямъ убитаго, дабы на себѣ испыталъ милость или судъ тѣхъ, которыхъ не пощадилъ самъ. И если, гласитъ законъ, будетъ имѣть мѣсто прощеніе или соглашеніе, и онъ полностію заплатитъ виру умершаго и буссу (et vitam et manbotam), и надлежащимъ образомъ умиротворитъ всѣхъ, то пусть отыщетъ себѣ поручителей въ томъ, что впредь не совершитъ такого проступка; въ дѣлахъ такого рода примѣнялось при этомъ троекратное очищеніе или искупленіе. Если-же околдованный не умеръ, но ему было причинено поверхностное поврежденіе или разстройство здоровья, то виновный въ этомъ долженъ былъ вознаградить согласно древнимъ обычаямъ, какъ придется, сообразно особенностямъ каждаго даннаго случая.

Такимъ образомъ, отравленіе въ законахъ Генриха I заняло мѣсто въ ряду преступленій противъ религіи, каковыми, между прочимъ, считались: чародѣйство, гаданіе, заклинаніе и вызываніе умершихъ, изготовленіе околдованныхъ любов-

---

[1]) Wilhelmi („the Conqueror"), I, cap. 36; Schmid, l. c., стр. 343: si home enpuissuned altre, seit occis u permanablement eissilled.

[2]) Leges Henrici Primi, cap. LXXI, § 1 и 2; Schmid, стр. 472.

[3]) Invultuatio—in vultu actio,—особый родъ чародѣйства, именно чародѣйный сглазъ (bezauberndes Anschauen, Schmid, стр. 617).

ныхъ напитковъ, въ ближайшей связи съ которымъ и стояло изготовленіе ядовъ вообще, какъ дѣяніе, имѣвшее цѣлію лишеніе жизни посредствомъ отравленія [1]).

Много лѣтъ прошло со временъ Генриха I, нѣкоторые предразсудки и суевѣрія исчезли, иные только нѣсколько измѣнились, большинство-же уступило мѣсто другимъ. Такъ случилось отчасти и по вопросу о наказуемости отравителей. Отравители, дѣйствительно, представляли чрезвычайную опасность въ тѣ времена, когда естественныя науки находились еще на низкомъ уровнѣ развитія и когда преобладали вѣрованія въ волшебныя силы и другія „maleficia“.

Даже во времена Генриха VIII можно отмѣтить поразительное, по своей суровости и странности, отношеніе къ отравителямъ. Извѣстенъ случай съ однимъ поваромъ-отравителемъ, который былъ въ это царствованіе сваренъ до смерти по спеціальному акту парламента, а изслѣдованіе сэра Е. Кока „Great Oyer of Poisoning“ представляетъ подобные-же примѣры.

Дѣйствительно, при Генрихѣ VIII отравленіе было объявлено верховною измѣной (treason), и виновные въ немъ подвергались ужасному наказанію, состоявшему въ кипяченіи ихъ до смерти; и этотъ законъ не бездѣйствовалъ: нѣсколько человѣкъ были такимъ способомъ сварены, пока, наконецъ, это опредѣленіе, возмущавшее народную совѣсть, не было отмѣнено статутомъ 1 Эдуарда VI. Постановленіе Генриха VIII объ отравителяхъ представляетъ собою, правда, единственный случай, въ которомъ въ Англіи примѣнялась квалифицированная смертная казнь за обыкновенныя преступленія, кромѣ измѣны и ереси [2]).

---

[1]) Ср. Phillips, Englische Reichs- und Rechtsgeschichte seit der Ankunft der Normanen im Jahre 1066 nach Christi Geburt, Berlin, 1827, zweiter Band, geschichte des Englischen Rechts, von Wilhelm I bis auf Heinrich II, стр. 304 и слѣд.

[2]) Stephen, a history of the criminal law of England, vol. I, London, 1883, chapter II, стр. 19; chapter XIII, стр. 476.

Основою этого отвратительнаго наказанія служило то соображеніе, что изъ всѣхъ видовъ убійства самый ужасный — лишеніе жизни посредствомъ яда, такъ какъ отъ него труднѣе гарантировать себя, нежели отъ другихъ видовъ смерти, и его труднѣе избѣжать, даже при наличности силы, смѣлости и предусмотрительности. По этимъ-то соображеніямъ статутъ 22 Генриха VIII [1]) и опредѣлялъ отравленіе какъ особый родъ измѣны, который влекъ наиболѣе мучительную и наиболѣе медленную смертную казнь, какой мы не встрѣчаемъ вообще въ обычномъ правѣ.

Эта чрезвычайная казнь была воспринята англійскимъ законодательствомъ по особымъ обстоятельствамъ одного преступнаго случая, который и послужилъ источникомъ на будущее время. Дѣйствительно, предисловіе къ статуту указываетъ намъ, что нѣкій поваръ John Roose былъ обличенъ въ томъ, что онъ положилъ ядъ въ большой котелъ съ супомъ, приготовленнымъ для прислуги архіепископа Рочестерскаго и для бѣдныхъ церковнаго прихода. Этотъ преступникъ и былъ приговоренъ впервые, въ силу особаго опредѣленія объ обратномъ дѣйствіи этого статута, къ погруженію въ кипящую воду до тѣхъ поръ, пока не умретъ. Лордъ Кукъ, какъ замѣчено выше, приводитъ много подобныхъ-же примѣровъ и называетъ много лицъ, подвергшихся этой страшной казни [2]).

Такимъ образомъ, въ 1530 году преступленіе отравленія было объявлено принадлежащимъ къ разряду преступленій верховной измѣны (high treason). Подлинныя слова закона были таковы: „всякое умышленное убійство — а отнынѣ и то, которое совершено посредствомъ отравы — должно считаться

---

[1]) Statute 22 Henr. VIII, c. 9.

[2]) Blackstone, commentaries on the laws of England, a new edition by Kerr, vol. IV, London, 1857.

Blackstone, commentaires sur les lois anglaises, avec les notes de M. Ed. Christian, tome cinqième, Paris, 1823, стр. 538 и 539, и примѣчаніе.

верховной измѣной", безъ привилегіи для духовенства [1]). Въ 1547 году всѣ новые случаи high treason, внесенные статутомъ Генриха VIII, были исключены изъ этого разряда статутомъ 1 Эдуарда VI [2]), который указываетъ, между прочимъ, что всякое добровольное лишеніе жизни посредствомъ яда должно быть судимо какъ намѣренное убійство (murder) съ злостнымъ предумышленіемъ. По поводу извѣстнаго рѣшенія по дѣлу R. v. Mawridge, Holt говоритъ, что подсудимый былъ оправданъ потому, что ядъ въ данномъ случаѣ не подходилъ ни подъ древнее опредѣленіе Брактона, который указывалъ, что отрава должна быть „manu hominum perpetrata", ни подъ опредѣленіе статута 13 Ричарда II [3]); этотъ статутъ, не допускавшій помилованія, даетъ первое статутарное опредѣленіе умышленнаго убійства (murder).

Законъ Эдуарда VI долженъ былъ привести все это въ порядокъ, и снова долженъ былъ помѣстить отравленіе въ разрядъ преступленій, изъ которыхъ законъ Генриха VIII его исключилъ. Кромѣ того, слѣдуетъ помнить, что отравленіе въ 1530 году допускало привилегію для духовенства. Убійство-же вообще было впервые исключено изъ разряда привилегированныхъ для духовенства преступленій въ слѣдующемъ году, статутомъ двадцать третьимъ Генриха VIII [4]). Законъ Эдуарда VI уничтожилъ привилегію духовенства (benefit of clergy) во всѣхъ случаяхъ предумышленнаго и злостнаго убійства; что-же касается отравленія, то, во-первыхъ, была уничтожена смертная казнь чрезъ кипяченіе живыхъ (boiling alive), и, во-вторыхъ, было установлено, что лишеніе жизни по-

---

[1]) Смертоубійцы, не исключая и дѣйствовавшихъ съ обдуманнымъ заранѣе намѣреніемъ, могли пользоваться привилегіею духовнаго званія (benefit of clery), освобождавшею ихъ отъ казни (Stephen, a general view of the criminal law of England, London and Cambridge, 1863, русск. перев. В. Д. Спасовича, 1865, стр. 54).

[2]) Statute 1 Edw. 6, c. 12.

[3]) Statute 13 Rich. II, s. 2, c. 1.

[4]) Statute 23 Henr. VIII, c. 1.

средствомъ яда всегда заключаетъ въ себѣ злостное предумышленіе (malice aforethought) [1]).

Предумышленное лишеніе жизни вообще, а слѣдовательно и отравленіе въ частности, было объявлено, какъ преступленіе верховной измѣны (high treason) и въ Ирландіи, статутомъ десятымъ Генриха VII [2]).

Въ періодъ времени отъ Елизаветы до Анны, а равно и въ послѣдующія царствованія Георговъ I и II, мы не встрѣчаемъ особыхъ статутарныхъ опредѣленій по вопросу объ отравленіи [3]). Но уже во времена Георга III потребовалось болѣе точно формулировать основные признаки этого преступнаго дѣянія.

Статутъ 43 Георга III [4]) указываетъ, что если кто-либо добровольно и съ обдуманнымъ заранѣе намѣреніемъ причинитъ вредъ, дастъ или прикажетъ дать, или заставитъ принять одного изъ подданныхъ короля смертельный ядъ, съ умысломъ лишить жизни, — то онъ будетъ виновенъ въ фелоніи, безъ привилегіи для духовенства, да и не только онъ самъ, но и его совѣтчики, пособники и сообщники. Такимъ образомъ, покушеніе на убійство посредствомъ отравленія, которое въ самомъ законѣ было лишь проступкомъ, по закону Георга III превращено въ уголовное преступленіе [5]).

---

[1]) Stephen, a history of the criminal law of England, vol. III, chapter XXVI, стр. 44 и слѣд.

[2]) Statute 10 Henr. VII, c. 21. Irish statutes.

[3]) А между тѣмъ случаи отравленій за этотъ періодъ были довольно часты. Не только въ простомъ народѣ, но и при королевскомъ дворѣ пользовались ядомъ для лишенія жизни политическихъ соперниковъ. Такъ, напримѣръ, при Іаковѣ I, былъ отравленъ посредствомъ ядовитой клизмы, составленной аптекаремъ Лебелемъ и поставленной Ривомъ, — извѣстный поэтъ и членъ Нижней Палаты Томасъ Овербюрю.

[4]) Statute 43 Geo. III, c. 58.

[5]) Blackstone, commentaires sur les lois anglaises, стр. 539, примѣчаніе Христіана.

Blackstone, commentaries, IV, chapter XIV.

Во времена Георга IV и Вильгельма IV никакихъ измѣненій по этому предмету не послѣдовало. Окончательная-же нормировка разсматриваемаго преступленія имѣла мѣсто въ царствованіе королевы Викторіи, когда это дѣяніе приняло, наконецъ, ту форму, которую оно сохраняетъ и въ настоящее время по дѣйствующему англійскому законодательству.

Трудно повѣрить, но тѣмъ не менѣе справедливо, что до самаго 1861 года покушеніе на всякаго рода мэрдеръ разсматривалось только какъ мисдеминоръ, наказуемый заключеніемъ не свыше двухъ лѣтъ съ тяжкими работами; въ то-же самое время однимъ изъ первостепенныхъ преступленій считалась подача яда съ цѣлію отравленія. Этотъ страшный пробѣлъ въ законѣ былъ пополненъ весьма характеристическимъ образомъ. Въ четырехъ статьяхъ (sections) статута 24 и 25 Vict. [1]) перечисляются десять или двѣнадцать способовъ покушенія на мэрдеръ, причемъ наказаніе за всѣ эти способы остается одно и то-же.

Почти одинаковыя наказанія положены за причиненіе тяжкаго тѣлеснаго поврежденія, сопровождаемаго намѣреніемъ причинить это поврежденіе, или намѣреніемъ причинить иное какое-либо преступленіе. Одна статья (18) направлена противъ тѣхъ, которые стрѣляютъ или покушаются стрѣлять или ранить; другая (21) противъ пытающихся задушить или удавить; иная (22) противъ злоупотребляющихъ хлороформомъ; иная (23) противъ злоумышленнаго сообщенія яда. Всѣ эти случаи, справедливо замѣчаетъ Стифенъ, могли бы быть совмѣщены въ одной общей формулѣ [2]).

На основаніи статута (24 & 25) Викторіи, всякій, кто дастъ или заставитъ дать или принять какой-либо ядъ или иное вредоносное вещество, или какимъ-либо способомъ ранитъ или причинитъ тяжкое тѣлесное поврежденіе другому лицу, съ намѣреніемъ совершить убійство,—виновенъ въ фе-

---

[1]) Statute 24 & 25 Vict., c. 700.

[2]) Stephen, a general view of the criminal law of England, chapter IV, русск. перев. стр. 158 и слѣд.

лоніи, и, будучи изобличенъ, подлежитъ, по рѣшенію суда, уголовному рабству пожизненно или на срокъ не менѣе трехъ лѣтъ, или содержанію въ тюрьмѣ на время не свыше двухъ лѣтъ съ тяжкими работами или безъ нихъ, въ одиночномъ заключеніи или безъ онаго [1]). Равнымъ образомъ и тотъ, кто покушался дать, или пытался заставить дать или принять отраву, *съ умысломъ на убійство*, все равно причинилъ-ли онъ какое-либо тѣлесное поврежденіе или нѣтъ, виновенъ въ фелоніи, и подлежитъ тому-же самому наказанію (уголовному рабству или заключенію въ тюрьмѣ на тѣ-же сроки) [2]). Наконецъ, тотъ, кто противозаконно и злоумышленно дастъ или заставитъ дать или принять ядъ, *съ умысломъ на тѣлесное поврежденіе*, и причинитъ нѣкоторое разстройство здоровья, виновенъ въ мисдеминорѣ и подлежитъ упомянутымъ наказаніямъ на меньшіе сроки (уголовному рабству на три года,

---

[1]) Statute 24 & 25 Vict., c. 100 section 11.

Russel, a treatise on crimes and misdemeanors, vol. I, London, 1877, стр. 911.

The criminal law consolidation acts with notes of the cases decided on their construction, by Edward Cox and Thomas Saunders, London, 1870, стр. 201:

Whosoever shall administer to or cause to be administered to or to be taken by any person any poison or other destructive thing, or shall by any means whatsoever vond or cause any grievous bodily harm to any person with intent to commit murder, shall be guilti of felony, and being convicted thereof shall be liable in penal servitude for life or for any term not less than three years, or to be imprisoned for any term not exceeding two years, with or without hard labour and with or without solitary confinement.

[2]) 24 & 25 Vict., c. 100 section 14.

Russel, a treatise on crimes and misdemeanors, I, стр. 913.

The criminal law consolidation acts, стр. 202:

Whosoever shall attempt to administer to or shall attempt to cause to be administered to or to be taken by any person any poison or other destructive thing, with intent to commit murder, shall, whether any bodily injury be effected or not, be guilty of feloni, and being convicted thereof shall be liable to be kept in penal servitude for life or for any term not less thon three jeares etc.

тюремному заключенію не свыше двухъ лѣтъ съ тяжкими работами или безъ нихъ) [1]).

Извѣстный англійскій юристъ-писатель Джемсъ Фицъ-Джемсъ Стифенъ, основываясь главнымъ образомъ на статутахъ Викторіи, предлагаетъ въ своемъ „Digest of the criminal law" слѣдующія формулы, опредѣляющія преступныя посягательства посредствомъ яда:

Виновенъ въ *фелоніи* и подлежитъ, по изобличеніи, десятилѣтнему уголовному рабству тотъ, кто противозаконно и злоумышленно дастъ или заставитъ дать или принять другое лицо ядъ или иное зловредное вещество, съ опасностью для жизни, или съ причиненіемъ тяжкаго тѣлеснаго поврежденія [2]).

Виновенъ въ *мисдеминоръ* и подлежитъ пятилѣтнему уголовному рабству тотъ, кто противозаконно доставитъ или достанетъ ядовитыя или вредныя вещества, съ цѣлію произвести абортъ у женщины [3]).

Въ другихъ своихъ сочиненіяхъ Стифенъ приводитъ рядъ любопытныхъ примѣровъ изъ судебной практики. Таковы, напримѣръ, слѣдующіе процессы объ отравленіи: дѣло Джона Донэллена 1781 года [4]), дѣло Уилліама Пальмера 1856 года [5]),

---

[1]) 24 & 25 Vict., c. 100 section 24.

Russel, ibidem, vol. I, стр. 915.

Cox and Saunders, l. c., стр. 206:

Whosoever shall unlawfully and maliciously administer to or cause to be administered to or taken by any other person any poison or other destructive or noxious thing, with intent to injure, aggrieve, or annoy such person, shall be guilty of a misdemeanor etc.

[2]) James Fitzjames Stephen, a digest of the criminal law, fourth edition, London, 1887, chapter XXV, article 238, стр. 181.

[3]) Stephen, digest, chapter XXVI, article 239, стр. 182.

[4]) The case of John Donellen 1781.

Stephen, a general view of the criminal law of England, London, 1863, стр. 338. Русск. переводъ Спасовича, стр. 430.

Stephen, a history of the criminal law of England, vol. III, стр. 371.

[5]) The case of William Palmer 1856.

дѣло Уилліама Дова 1856 года [1]), дѣло Ѳомы Смитгерста 1859 года [2]).

Приведемъ для примѣра одно изъ этихъ весьма интересныхъ дѣлъ, хотя-бы извѣстный громкій процессъ Уилліама Дова (Dove).

16 іюля 1856 г. Уилліамъ Довъ былъ преданъ суду въ Іоркѣ за умерщвленіе (murder) своей жены Генріетты Довъ и осужденъ послѣ судоговоренія, которое продолжалось четыре дня подъ предсѣдательствомъ барона Брамуэля. Довъ имѣлъ около 30 лѣтъ и былъ женатъ четыре или пять лѣтъ, когда жена его умерла. Онъ имѣлъ до 100 ф. дохода съ своего состоянія и жилъ съ женою въ разныхъ мѣстахъ. Въ день ея смерти (1 марта 1856 г.) они жили въ Лидсѣ. Служанка Елизавета Фишеръ, жившая у нихъ около года до смерти мистриссъ Довъ, показывала, что въ послѣднее время супруги жили весьма неладно, онъ порою напивался пьянъ и становился наглъ, слѣдствіемъ чего были ссоры. При одной такой ссорѣ Довъ до того озлился, что служанка прибѣжала помогать барынѣ, вслѣдствіе чего Довъ бросилъ въ служанку бутылкою. Въ другой разъ Фишеръ видала, какъ Довъ схватилъ одною рукою жену, и грозилъ, что зарѣжетъ ее ножемъ, который держалъ въ другой рукѣ. Впослѣдствіи, когда мистриссъ Довъ требовала, чтобы онъ ей далъ часть полученныхъ имъ денегъ, Довъ сказалъ, „что онъ готовъ дать эти деньги всякому, но только не ей, а что онъ ей дастъ пилюлю, которая её успокоитъ“. Эти слова произвели такое впечатлѣніе на мистриссъ Довъ, что въ присутствіи мужа она объявила слу-

---

Stephen, general view, стр. 357. Русск. перев., стр. 450. History, vol. III, стр. 389.

[1]) The case of William Dove 1856.

General view, стр. 391. Русск. перев. стр. 489. History, vol. III, стр. 426.

[2]) The case of Thomas Smithurst 1859.

General view, стр. 403. Русск. перев. стр. 502. History, vol. III, стр. 438.

жанкѣ, что вотъ что̀ мужъ сказалъ ей. Въ день, когда Елизавета Фишеръ отходила отъ Дововъ со службы, мистриссъ Довъ сказала ей: „Елизавета, если я умру, а тебя здѣсь не будетъ, я хочу, чтобы ты передала моимъ друзьямъ, что мое тѣло должно быть вскрыто“. Елизавета отошла отъ господъ 19 февраля во вторникъ, въ слѣдующую-же субботу (23 февраля) мѣсто ея заняла мать ея Анна Фишеръ. Въ понедѣльникъ до завтрака мистриссъ Довъ была здорова. Послѣ завтрака она пошла на верхъ убрать постель и жаловалась, что съ нею дѣлается нѣчто странное. Вскорѣ появились симптомы, которые указывали на то, что она была отравлена стрихниномъ. Припадокъ прошелъ, но она слегла въ постель и была пользуема м-ромъ Морли, котораго пригласилъ самъ Довъ. Подобные-же припадки повторились въ среду, четвергъ, они стали еще хуже въ пятницу ночью. Рано утромъ въ субботу (1 марта) больной было лучше, но около половины восьмаго наступилъ новый припадокъ, отъ котораго она скончалась въ двадцать минутъ одинадцатаго. Осмотръ и вскрытіе тѣла произведены м-рами Морли и Ноннели и доказали несомнѣнно, что она умерла отъ стрихнина. Вещества, извлеченныя изъ трупа, отравили нѣсколькихъ животныхъ, которыя околѣли, являя симптомы точь въ точь похожіе на симптомы отравленія стрихниномъ.

Обнаружено также, что ядъ поднесенъ былъ г-жѣ Довъ съ намѣреніемъ лишить её жизни, съ предумышленіемъ и съ предосторожностями относительно сокрытія преступленія. Мистриссъ Довъ хворала, впрочемъ, неопасно, за нѣсколько времени до своей смерти. Её пользовалъ м-ръ Морли около трехъ мѣсяцевъ. Довъ ходилъ обыкновенно въ его докторскій кабинетъ (surgery) за лекарствомъ. Воспитанникъ м-ра Морли, Элетсонъ, показалъ: „Г. Довъ приходилъ за мѣсяцъ до смерти жены. Онъ толковалъ о судѣ надъ нѣкіимъ Пальмеромъ. Онъ говорилъ, что Пальмеръ извелъ свою жену, поднося ей многократно сурьму и упомянулъ, что Кукъ [1]) отравленъ

---

[1]) 14 мая 1856 г. Пальмеръ судился по распоряженію суда

стрихниномъ. Довъ утверждалъ, что стрихнина нельзя найти въ тѣлѣ послѣ смерти, я же доказывалъ, что можно. Я рекомендовалъ селитряную кислоту, какъ реактивъ, и сослался на сочиненіе Перейры, *Materia medica*. Онъ взялъ изъ рукъ моихъ книгу и прочелъ стр. 903 и слѣд. Онъ говорилъ, что въ домѣ у него много одичалыхъ кошекъ, которыхъ надо извести, и что всего лучше приготовить для нихъ отраву. Я сказалъ да. Довъ попросилъ у меня стрихнина. Я далъ ему немного стрихнина, около 10 гранъ, завернулъ этотъ стрихнинъ въ бумажку въ видѣ порошка и надписалъ сверху „ядъ". Впослѣдствіи Довъ пріобрѣлъ еще отъ 3 до 5 гранъ стрихнина такимъ же образомъ; кромѣ того, кучеръ м-ра Морли видалъ его въ кабинетѣ доктора, когда никого тамъ не было. Такъ какъ при разговорѣ своемъ съ Элетсономъ, онъ могъ замѣтить, гдѣ помѣщается бутыль съ стрихниномъ, то онъ имѣлъ уже потомъ возможность брать оттуда ядъ не спросясь, когда оставался наединѣ. Онъ отравилъ двухъ кошекъ и одну крысу, показывая видъ, что пользуется ядомъ только съ цѣлью отравлять животныхъ.

Обвиняющею стороною было доказано превыше всякаго сомнѣнія и безъ всякаго отрицанія со стороны защиты, что Д. причинилъ смерть женѣ многократнымъ поднесеніемъ ей стрихнина, который онъ получалъ подъ лживыми предлогами и который онъ давалъ женѣ съ цѣлію лишить ее жизни, отчасти потому что былъ съ нею не въ ладахъ, отчасти потому что хотѣлъ жениться на другой женщинѣ. Главный и самый интересный пунктъ защиты состоитъ въ томъ, что дѣяніе Д. не было произвольное и злоумышленное, потому что Д. помѣшанъ и, слѣдовательно, или лишенъ знанія того, что его дѣяніе злое, или увлеченъ былъ непреодолимымъ поры-

---

Королевской скамьи, дѣйствовавшаго на основаніи статута 19 Vict. c. 16, за отравленіе Джона Персонса Кука въ Роджели въ Стаффордшайрѣ. Судоговореніе продолжалось 12 дней до 27 мая; этого числа подсудимый былъ осужденъ и приговоренъ къ смертной казни, которая была надъ нимъ исполнена потомъ въ Стаффордѣ.

вомъ къ совершенію его. Доказательства, объясняющія его умственное состояніе, даны отчасти свидѣтелями обвиненія, отчасти свидѣтелями со стороны защиты.

Одного изъ приглашенныхъ врачей, Д-ра Уилліамса, бывшаго 30 лѣтъ врачемъ въ домѣ умалишенныхъ въ Іоркѣ, послѣ разныхъ вопросовъ, клонящихся къ выводу заключенія, что въ людяхъ подобныхъ Дову причиною злодѣянія могъ быть порокъ, не только сумасшествіе, спросили: „если нѣкто живя съ женою ненавидѣлъ её, рѣшился на убійство и убилъ её, какая разница между такою рѣшимостью, когда она порокъ, и такимъ влеченіемъ, когда оно слѣдствіе душевнаго разстройства?“ Онъ отвѣтилъ: „прежняя жизнь подсудимаго должна служить поясненіемъ того, былъ-ли это порокъ или умственное разстройство“.

Присяжные дали слѣдующій вердиктъ: „виновенъ, но мы представляемъ его къ помилованію, по причинѣ недостаточности умственныхъ способностей“. Довъ былъ приговоренъ къ смерти и повѣшенъ въ Іоркѣ [1]).

---

[1]) Подобные-же приговоры имѣли мѣсто и по другимъ дѣламъ объ отравленіи: Пальмеръ за отравленіе былъ казненъ (см. выше). Смитгерстъ, за умерщвленіе Изабеллы Бэннсъ въ Ольдъ-Бейли, былъ осужденъ и приговоренъ къ смертной казни, но былъ помилованъ на томъ основаніи, что вина его была недостаточно доказана. Доналленъ, за отравленіе брата своей жены, сэра Ѳеодосія Эдуарда Эллесли Боутона, былъ осужденъ и казненъ потомъ повѣшеніемъ.

Стифенъ, уголовное право Англіи, русск. перев. В. Спасовича, стр. 447, 450, 489 и слѣд., 502.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Отравленіе въ исторіи славянскихъ законодательствъ.

Большинство славянскихъ нарѣчій почерпаютъ свои опредѣленія для понятія вредно-дѣйствующихъ веществъ изъ двухъ этимологическихъ источниковъ, которые заключаются въ двухъ русскихъ словахъ *ядъ* и *отрава*.

Первое изъ названныхъ словъ (*ядъ*) по польски произносится jad, по чешски jed, по сербски также jed, и имѣло первоначально значеніе ѣдкаго, разъѣдающаго змѣинаго яда [1]), въ каковомъ значеніи jad и понынѣ употребляется преимущественно въ польскомъ языкѣ, въ то время какъ въ русскомъ языкѣ онъ принимаетъ болѣе значеніе ядовитаго вещества вообще.

Второе славянское слово для опредѣленія вредно дѣйствующихъ веществъ, корень котораго заключается въ формахъ tru, trov, trav, есть русское *отрава*, по чешски otrava, trávenina и trávnice, по малороссійски отрава, отрова, отрута, отруя, — всѣ со значеніемъ яда вообще. То-же надо сказать и о сербскомъ отров и о польскомъ trucizna. Эти слова этимологически имѣютъ какъ-бы нѣкоторую связь со словомъ трава̀ (зелень, растеніе). Это можетъ указывать на то, что тра-

---

[1]) Вообще въ смыслѣ яда животнаго.

вы, растенія были родовымъ понятіемъ, а ядовитыя травы, ядъ —производнымъ [1]).

Между тѣмъ, по мнѣнію профессора И. А. Бодуэнъ-де-Куртенэ здѣсь имѣется обратное соотношеніе: общій всѣмъ относящимся сюда словамъ корень обозначалъ первоначально: раздроблять, разъѣдать, истреблять, и весьма вѣроятно имѣлъ сродство съ основнымъ корнемъ русскаго слова тру и польскаго tre—въ значеніи растирать (латинское terrere). Изъ понятіе тереть [2]) легко развиваются потомъ и родственныя понятія разъѣдать, разрушать, уничтожать. Производныя отсюда существительныя trut, -trov, travà означаютъ поэтому прежде всего разъѣдающее, повреждающее средство. Современное значеніе слова трава—зелень является, такимъ образомъ, какъ-бы второстепеннымъ, а первичное его значеніе—вредоносное, чародѣйственное средство, ядъ. Дѣйствительно, во всѣ времена отравляли и колдовали, главнымъ образомъ, при помощи травъ.

Предположеніе профессора Бодуэнъ-де-Куртенэ о томъ, что первоначальное значеніе слова „трава“ было — разъѣдающее средство опирается на значеніе производныхъ отъ этого слова понятій. Такъ, напримѣръ, польское trawa обозначаетъ только зелень, а глаголъ trawić обозначаетъ переваривать, съѣдать. Точно также, хотя значеніе русскаго слова „трава“ нынѣ зелень, но его verbum denominativum травить обозначаетъ разъѣдать, вытравлять (напримѣръ крѣпкой водкою на мѣди), затѣмъ портить, повреждать, истреблять, уничтожать, гнать (на охотѣ) и т. п.

Эти два, повидимому, противуположныя воззрѣнія, изъ коихъ одно производитъ слово отрава отъ *трава*, другое отъ *тру* (тереть), какъ оказывается, совершенно не трудно примирить,

---

[1]) R. Kobert, Lehrbuch der Intoxicationen, Stuttgart, 1893, стр. 15 и 16.

[2]) Припомнимъ также, что въ старину (еще со временъ отравленія Сократа) ядовитыя вещества растирались въ порошокъ и въ такомъ видѣ всыпались въ кушанье, питье, платье и т. п. Въ большинствѣ старыхъ дѣлъ объ отравленіяхъ постоянно находимъ упоминаніе о тертыхъ ядовитыхъ порошкахъ.

даже безъ всякихъ натяжекъ. По разъясненію весьма почтенныхъ спеціалистовъ-филологовъ слово отрава происходитъ отъ глагола *трути* [1]), что означаетъ кормить, кормиться, ѣсть. Какъ извѣстно польское potrawa обозначаетъ именно кушанье, а trutka—прикормку; очевидно и слово трава первоначально означала кормъ (для скота).

Такое толкованіе, разъясняя бытовое происхожденіе слова отрава, позволяетъ кромѣ того установить тѣсную связь между этимъ понятіемъ и понятіемъ яда, которыя на первый взглядъ кажутся совершенно несродными. А между тѣмъ, согласно приведенному выше разъясненію, становится вполнѣ понятно, что бытовое происхожденіе обоихъ этихъ словъ (ядъ и отрава) совершенно одинаково: *ядъ* происходитъ отъ слова ядь, ѣда, *ѣсть* [2]); *отрава*—отъ слова *трути* (по чешски traviti)—кормиться, ѣсть. И то и другое означаетъ вредно-дѣйствующее вещество, примѣшиваемое въ пищу или питье.

Въ словенскомъ нарѣчіи, кромѣ рѣдко употребляемаго слова otrov, имѣется еще другое слово, которое преимущественно обозначаетъ ядовитыя вещества, именно — strup. Не трудно понять, какимъ путемъ пришли къ употребленію этого слова въ значеніи яда, тогда какъ въ другихъ славянскихъ нарѣчіяхъ оно обозначаетъ струпъ, наростъ, болячки, а въ церковно-славянскомъ еще и раны. Очевидно, между ядомъ и струпомъ, какъ нѣчто среднее, лежитъ понятіе струпа на гнойной ранѣ, причиненной ядовитой змѣей (R. Kobert, l. c.) [3]).

---

[1]) Аналогическое словообразованіе: слути—слово—слава; трути—отрова—отрава.

[2]) Ср. опредѣленія нашего Академическаго Словаря: *ядъ*—вещество или составъ вредоносный; *ядь* — пища, кушанье (Исавъ за ядь едину отдалъ есть первородство свое, Евр. XII, 16); стар.—ѣда, употребленіе пищи (Царь многи дни лишенъ былъ яди, Копнихинъ, 5).

[3]) Въ извѣстномъ сравнительномъ словарѣ Фика находимъ не менѣе любопытныя указанія по разбираемому вопросу, именно:

на стр, 60: teru: tṛu bewältigen u. s. w., s. tarute, táru, táruṇa nicht =τέρην, tarutar, tárus: tûrya, tartûrya. τερό-σκω. τερό-νης τρύω τρυ-τός vlg. *ksl. trovą truti aufreiben* (Vergleichendes Wörterbuch der Indoger-

Послѣ этихъ филологическихъ разсужденій, разсмотримъ теперь значеніе преступнаго лишенія жизни посредствомъ яда въ законахъ отдѣльныхъ славянскихъ народовъ. Въ этомъ отношеніи несомнѣнный интерессъ представляютъ: I. Право южныхъ славянъ, то-есть хорвато-далматское и сербское право; II. Чешское право; III. Польское право.

ОТДѢЛЪ I.

Право южныхъ славянъ.

I. Хорвато-далматское право.

Въ то время какъ Русская Правда совершенно игнорируетъ понятіе отравленія, другія славянскія законодательства той эпохи уже выдѣляютъ его среди преступленій противъ жизни, какъ особый видъ убійства. Таково въ особенности хорвато-далматское законодательство, и именно Винодольскій Законъ [1]).

Въ ученіи о преступленіяхъ противъ личныхъ и имущественныхъ правъ, исчерпывающихъ по Русской Правдѣ всю

---

manischen Sprachen von August Fick, Göttingen, 1890: I. Wortschatz der Indogermanischen Grundsprache).

на стр. 227: turva—überwältigen, besiegen, part. praes. turvan(t). s. tû'rvati pt. tû'rvan besiegend=z. ṭbaêṣô-taurvañt, verethra-taurvañt besiegend. (II Wortschatz der arischen Spracheinheit).

на стр. 443: tero-reiben, bohren. τερετρον, τορός, τορέω, lat. tero trivi tritus, *ksl. tĭrą trěti reiben*, lit. trinù trinti reiben, schleifen. -teru: trû aufreiben, prs. trûyô. τερύνης, τερυχω, τρύω, *vgl. ksl. trovą truti aufreiben*, tryją, tryti=τρυώ. Mit. lat. trucîdâre vgl. lit. trúkti reissen, bersten. (III. Wortschatz der westeuropäischen Spracheinheit).

[1]) Другіе памятники хорвато-далматскаго права, каковы, напримѣръ, Законы града Загреба, Полицкій Статутъ, подобно Русской Правдѣ, не упоминаютъ особо объ отравленіи. Загребскій Статутъ говоритъ вообще объ убійствѣ, при чемъ оно считается наиболѣе тяжкимъ преступленіемъ; особый его видъ составляетъ только разбой. Статутъ Полицкій, наоборотъ, различаетъ цѣлый рядъ особыхъ видовъ убійства или крви.

область уголовнаго права, винодольскій законъ не многимъ отличается отъ этого памятника. Убійство, разбой, членовредительство, побои и другія личныя обиды, татьба и порча чужихъ вещей — преступленія, развитыя винодольскимъ закономъ рѣшительно въ духѣ Русской Правды. Къ новымъ явленіямъ, не извѣстнымъ послѣдней, относятся: измѣна, преступленія по должности, лжесвидѣтельство, изнасилованіе женщинъ, *отравленіе* и наконецъ преступленія церковныя.

Отравленіе вмѣстѣ съ разбоемъ составляли здѣсь особые виды „убойства“ [1]). Тварници (отравители), пойманные въ первый разъ въ злодѣяніи, подлежатъ отвѣтственности наравнѣ съ простыми убійцами. При вторичномъ обвиненіи они выдаются князю на потокъ — „гдн кнез ю каштигай по нега воли“ (статья 59-ая) [2]).

Именно въ законѣ Винодольскомъ говорится: Если бы обнаружилось, что какая-либо женщина занимается приготовленіемъ ядовъ (**Йошѣ ако би се ка жена нашла тварница**) и можно доказать это достовѣрнымъ свидѣтельствомъ, то за первое преступленіе 100 либръ князю, или же сжечь ее, если бы не было чѣмъ уплатить пеню (**кнезѹ либар сто, вола се сажги, ако би се не имело од чеса платити**). Если бы и впредь она

Ѳ. И. Леонтовичъ, Древнее хорвато-далматское законодательство, въ запискахъ Импер. Новороссійскаго Университета, 1868 г., томъ I, выпуски 3 и 4. Отдѣльно—Одесса, 1868, стр. 15, 27, 28, 57, 129.

[1]) Вообще, Винодольскій уставъ опредѣляетъ сущность этого преступленія въ духѣ Правды Ярослава.

[2]) Законъ Винодольскій открытъ въ Новомъ и изданъ А. Мажураничемъ въ загребскомъ журналѣ „Kolo, clanci za literaturu, umetnost i narodni zivot (III, 1843)“, откуда перепечатанъ Бодянскимъ въ чтеніяхъ въ Обществѣ исторіи и древностей россійскихъ (№ 4, 1846). Кромѣ списка Мажуранича, теперь извѣстенъ другой, болѣе исправный списокъ Винодольскихъ Законовъ, открытый въ шестидесятыхъ годахъ на островѣ Cherso (старомъ Кркѣ, см. Knjizevnik 1865. Rocn. IV. 571). Мажураничъ отнесъ ихъ къ 1280 г., но по справедливому мнѣнію Ѳ. И. Леонтовича и В. В. Ягича они были написаны въ 1288 году.

продолжала заниматься тѣмъ-же, господинъ князь пусть накажетъ ее по своей волѣ (**кнєз ю каштигай по нега воли**). Такимъ же наказаніемъ да будетъ наказываемъ также мужчина, который окажется виновнымъ въ томъ же преступленіи.

Тварница, говоритъ профессоръ В. В. Ягичъ [1]), означаетъ, безъ сомнѣнія, отравительницу, т. е. женщину, занимающуюся приготовленіемъ разныхъ ядовъ и средствъ для порчи, своего рода колдунью. Слово „тварница" менѣе извѣстно чѣмъ: отравница, стравница, затравница; однакожъ нѣтъ причины замѣнять слово менѣе извѣстное болѣе обыкновеннымъ, въ особенности когда „тварница" опирается на слѣдующіе примѣры: Миклошичъ приводитъ въ словарѣ *тварьникъ*: „всакь тварьникъ да есть проклеть", „чародѣие тварьници злодѣие", гдѣ по смыслу видно, что „тварник" тоже можетъ быть не что иное, какъ ядотворецъ. Въ хорватскомъ нарѣчіи до сихъ поръ отравить значитъ: ostwariti, ядъ-же: ostwar. Извѣстно также употребленіе словъ: потворъ, потворьникъ, потворьнъ, потвореніе въ значеніи ядотворства.

Въ отличіе отъ Винодольскихъ законовъ, Полицкій Статутъ представляетъ въ ученіи объ убійствѣ (крви) капитальное различіе отъ Русской Правды и большинства другихъ славянскихъ памятниковъ въ томъ отношеніи, что въ немъ убійство не опредѣляется сословными началами. Статутъ различаетъ въ убійствѣ различные признаки и основанія виновности или безотвѣтственности за преступленія и большей или

---

[1]) В. В. Ягичъ, законъ Винодольскій, подлинный текстъ съ русскимъ переводомъ, критическими замѣчаніями и объясненіями, СПб., 1880, стр. 82 и 83, примѣч. 159: О значеніи корня „твор" подробно говоритъ Лавровскій въ своемъ „Описаніи семи рукописей" стр. 77 и слѣд. Приводимый-же здѣсь примѣръ ускользнулъ отъ вниманія и Лавровскаго и Миклошича. Ближе всего подходитъ къ нему однакожъ статья закона крчскаго: „капитул од *твори* женскихъ Ошѣе хоте, ако би ке жени прѣтиле *творми* имѣй се вложит в берлину; ако ли би се нашло по истинѣ, имѣй се поставити на муку; ако се отда на муцѣ имѣй быти сажгана; и вазда буди в разумѣ судац".

меньшей тяжести самаго наказанія убійцъ. Въ немъ обращается вниманіе на братство т. е. семейныя связи между убійцей и убитымъ, различается убійство учиненное изванскимъ (чужеземцемъ) и поличаниномъ, убійство въ свадѣ и въ разбоѣ, мртва крвь т. е. убійство на мѣстѣ ссоры и кровь живая, когда прибитый умиралъ послѣ ссоры и т. п. [1]). Статутъ говоритъ, наконецъ, объ удавленіи дитяти матерью и о самоубійцахъ, но ничего особо не говоритъ, повидимому, объ отравленіи и отравителяхъ.

Такое кажущееся умолчаніе о весьма важномъ видѣ лишенія жизни (посредствомъ яда) объясняется весьма просто тѣмъ, что составленіе и приготовленіе ядовъ образовало въ то время совершенно самостоятельное, особое преступленіе ядотворства — чародѣйства, колдовства или волшебства, обнимавшаго также и всѣ случаи умышленнаго отравленія.

И дѣйствительно въ статьѣ 246 Полицкаго Статута мы находимъ такое опредѣленіе: „ако би се истином нашла коѣа *вишћица* али *чаровница* али *варжарица*—од првого обнашашћа има се фруштати; ако ли се веће наће, има се *сажгати*“.

Подобное-же опредѣленіе существовало въ Статутѣ Сплѣтскомъ: „nulla persona presumat facere *artes magicales vel herbarias*, nec operam det ad predicta facienda: qui contrafecerit, *igne comburatur* ita quod moriatur“ (Monum. histor. jurid. I, 2, 174).

Еще обширнѣе и пространнѣе выражено это въ статутѣ Корчульскомъ: „si aliqua mulier vel vir fecerit *erbariam* vel maleficium erbarie, propter quod homines possent mori vel perdere sensum vel membrum et quod possit probari saltem per duos viros idoneos quod per ipsam herbariam sit mortuus vel amiserit sensum vel membrum: *igne comburatur*... (Monum. histor. jurid. I, 1, pag. 9). [2]).

---

[1]) См. подробнѣе Ѳ. И. Леонтовичъ, вышеприв. сочин.; стр. 129 и 130.

[2]) В. В. Ягичъ, l. c.

II. Сербское право.

Изъ другихъ славянскихъ законодательствъ этого періода, довольно опредѣленно говоритъ объ отравленіи извѣстный Законникъ Стефана Душана—**Ꙁаконь благовѣрнаго цара Стефана**—1349 года. Законникъ этотъ былъ изданъ только для Сербіи. Онъ составленъ на сербскомъ соборѣ, въ присутствіи сербскаго патріарха Іоанникія.

Законы Душана, по мнѣнію профессора Ѳ. Ѳ. Зигеля [1]) могутъ быть съ полнымъ правомъ отнесены къ тому типу славянскихъ юридическихъ сборниковъ, которые Ѳ. И. Леонтовичъ весьма удачно назвалъ судебно-административными уставами, служившими для руководства судей и правителей (Древнее хорвато-далм. законод. стр. 16). Въ сербскихъ законахъ, какъ и въ Винодольскихъ и въ Русской Правдѣ, все содержаніе возводится къ суду и администраціи; все то, что лежало за предѣлами вѣдомства царскихъ судей и царскихъ правителей, не вызывало дѣятельности верховной власти, не вызывало соборныхъ постановленій. Такимъ характеромъ сербскихъ законовъ объяснимы важные пропуски въ сербскомъ законодательствѣ.

Вопросу о лишеніи жизни посредствомъ яда посвящена въ Законникѣ Душана статья 109 объ отравахъ:

ѿ. Ѡ отровѣхь. Магїнникь и ѡтровникь, кои се нанде ѡбланѵно, да се каже по ꙁаконꙋ скетнхь ѡтьць.

То-есть: Колдунъ и отравитель, который будетъ уличенъ, да накажется по закону святыхъ отцевъ.

Выдѣляя, такимъ образомъ, лишеніе жизни чрезъ отравленіе въ разрядъ дѣяній, кои подлежали наказаніямъ „по закону святыхъ отцевъ“,—Законникъ Душана вполнѣ опредѣлительно относится ко всѣмъ другимъ видамъ лишенія жизни. Среди обыкновенныхъ видовъ лишенія жизни, онъ различаетъ убій-

---

[1]) Ѳ. Ѳ. Зигель, Законникъ Стефана Душана, СПб., 1872, 1 выпускъ, стр. 115 и 33.

Lex Stephani Dušani, edidit Fr. Miklosich. Fasc. prior., textum continens, Vindobonnae, 1856.

ство въ дракѣ (статья 86) [1]), убійство преднамѣренное и непреднамѣренное (статья 87) [2]). Квалифицированными видами лишенія жизни считались убійство отца, убійство матери, братоубійство и дѣтоубійство (статья 96) [3]). Ненамѣренное убійство влекло денежный штрафъ въ размѣрѣ 300 перперовъ, за намѣренное убійство полагалось отрубать обѣ руки, за убійство родственное и дѣтоубійство установлена была смертная казнь чрезъ сожженіе. Убійство-же посредствомъ яда было поставлено на ряду съ колдовствомъ, какъ чародѣйство, какъ преступленіе противъ вѣры, противъ церкви, а потому и наказаніе за отравленіе назначалось по законамъ церковнымъ, а не свѣтскимъ; а этимъ въ свою очередь опредѣлялась и подсудность дѣлъ объ отравленіи церковному суду.

Церковные-же суды руководились, по всѣмъ вѣроятіямъ, Синтагмою Матвѣя Властаря (1335 года). Трудъ М. Властаря издавна пользовался широкою и почетною извѣстностію въ славянской письменности. Три раза онъ былъ вполнѣ переведенъ на славянскій языкъ: въ Сербскомъ царствѣ, вскорѣ послѣ выхода въ свѣтъ греческаго оригинала, и на Руси въ XVII и XVIII ст. Сверхъ того очень рано явились на славянскомъ языкѣ извлеченія изъ Синтагмы, находящіяся при текстѣ Законника Душана.

Объ отравленіи говорится здѣсь въ **М** съставѣ, въ главѣ первой—„О влѣхвах и баилницѣх и прочіих звѣздословцѣх и чародѣех и отравницѣх и навѣзателєх“. Глава эта была заимствована изъ 1-ой главы подлинника Περὶ μάγον, μαθηματικῶν, καὶ μάντεων, ἔτι δὲ καὶ ἀστρολόγων, ἐπαοιδῶν, ἀλλὰ

---

[1]) Статья 86, объ убійствѣ: И гдѣ откроется убійство, тотъ, который зачалъ драку, да будетъ виноватъ, если и будетъ убитъ.

[2]) Статья 87, объ умышленномъ убійствѣ: Кто не пришелъ намѣренно съ насиліемъ и сотворилъ убійство, заплатитъ 300 перперовъ, буде же пришелъ намѣренно, отрубить ему обѣ руки.

[3]) Статья 96, объ убійствѣ: Кто окажется убившимъ отца или мать или брата или дитя свое, да будетъ такой убійца сожженъ на огнѣ.

δὴ καὶ γοητειῶν, φαρμακειῶν, καὶ περιάπτων. Суевѣрія всякаго рода, волшебства въ сербскомъ народѣ, искони стоявшемъ на патріархальной ступени развитія, всегда было довольно, особенно въ старину, въ ту эпоху, о которой идетъ рѣчь. Дѣйствовавшія въ Византіи узаконенія противъ людей, эксплоатировавшихъ невѣжество народной массы и занимавшихся разными видами волшебства и чародѣйства, могли быть на руку и сербскимъ законодателямъ. Они и вошли цѣликомъ въ названный памятникъ [1]).

Въ указанной главѣ Синтагмы М. Властаря существовали слѣдующіе „законы" объ отравленіи: „Иже отраву въ мѣсто врачби рабоу давь подлежит тоижде казни ꙗко выну сьмрьть подавь, такожде и иже дрьзостнѣ и несъмотрънѣ давь напоеніе. Иже изьумитисе кому отравою твореще повинни соут иже досадѣ законоу. Иже о оубіицах закону повиньнь есть иже за ꙗже оубити чл҃ка творе отравоу или продае (подаꙗ) или имѣе [2]). Аще кто и не злѣмь помыслом подасть женѣ на зачетіе, и оумрѣт пріемшіа, да затакаетьсе подавіи. Аще кто свободь или раб о коеи любо винѣ дасть напоеніе любо мужу, любо женѣ, или рабѣ или госпожди, и от сего разболѣвшіисе оумроуть пріемшіи, мьчем подавы да моучень боудеть" [3]).

Какъ было замѣчено выше, эти опредѣленія были помѣщены въ М составѣ въ главѣ первой о волхвахъ и чародѣяхъ. Сравнивая заголовокъ данной главы по текстамъ славянскому и греческому, мы видимъ, говоритъ профессоръ Т. Д.

---

[1]) Проф. Т. Д. Флоринскій, Памятники законодательной дѣятельности Душана Царя Сербовъ и Грековъ. Хрисовулы, Сербскій Законникъ, Сборники Византійскихъ законовъ. Кіевъ, 1888, I, стр. 307, 349, 416; II, стр. 181 и 184.

[2]) Въ греческомъ текстѣ: Τῷ περὶ φονέων νόμῳ ὑπόκειται ὁ διὰ τὸ φονεῦσαι ἄνθρωπον ποιῶν φάρμακον, ἢ πιπράσκον, ἢ ἔχων.

[3]) Сокращенная Синтагма Матвѣя Властаря при Законникѣ Душана по Ходошскому списку (XV вѣка).

Флоринскій [1]), что въ славянскомъ недостаетъ двухъ названій, соотвѣтствующихъ словамъ „μαθηματικῶν и ἐπαοιδῶν“ греческаго текста. Совершенно не упоминая объ этихъ двухъ типахъ волшебниковъ и гадателей, составители сербской компиляціи, съ другой стороны, употребляютъ техническое славянское названіе, для котораго нѣтъ соотвѣтствія въ греческомъ текстѣ. Слово это — „обавници“, примѣненное къ людямъ, которые волшебствуютъ съ помощью змѣй. Сличая затѣмъ самый текстъ славянскій съ греческимъ, не трудно замѣтить, что составители компиляціи не совсѣмъ понимали смыслъ названій разныхъ волшебниковъ. Такъ слово „обавници“ употреблено въ разныхъ мѣстахъ, гдѣ въ греческомъ текстѣ стоятъ γόεις, μάντεις и даже φάφμακοι, то-есть отравители.

III. Законы Черногорцевъ.

Весьма интереснымъ памятникомъ представляются также Черногорскіе Законы — „Законикъ Данійла Првогъ Княза и Господара Слободне Црне Горе и Брдахъ установлѣнъ 1855 годинѣ на Цетинѣ“ [2]). Они отражаютъ въ себѣ стародавніе обычаи и древнѣйшее право, поскольку оно могло сохраниться до половины девятнадцатаго столѣтія. Въ нихъ, напримѣръ, признается еще законность мести, но лишь по отношенію самого преступника; убійство преступника разрѣшается, запрещается лишь убивать родичей виновнаго [3]).

---

[1]) Памятники законодательной дѣятельности Душана, стр. 416 и 420.

[2]) Черногорскій текстъ — въ оффиціальномъ изданіи, на Цетинѣ, 1855. См. также Pisani Zakoni na Slovenskom Jugu - V. Bogišića, u Zagrebu, 1872, стр. 83—89. Zeta (Crna gora).

Чешскій переводъ—Zákonník samostatných Černohorcův, z originálu věrně přeložil F. J. Jezbera, v Praze, 1864.

[3]) Тридесять девято: Како Црногорцы и Брђани имаду обичай чинити освету (месть) не само на кривцу и на крвнику (пре-

Этотъ Черногорскій Законникъ вовсе не выдѣляетъ отравленія изъ ряда другихъ видовъ лишенія жизни. Въ отношеніи всѣхъ вообще убійцъ установлена смертная казнь чрезъ разстрѣляніе:

Да бы се миръ и поредакъ и единство у народу одржало и да нема међусобногъ крвопролића, за онаго злочинца био Црногорацъ или Брђанинъ, кои безъ кривице (безъ права) и безъ нужде, већъ одъ силе и опачине (насильно и злобно) убіе брата Црногорца или Брђанина, такови убоица не може се никаковимъ благомъ одкупити, већъ ако се ухвати да буде огнѣмъ изъ пушака разнешенъ [1]).

Такимъ образомъ, Законникъ Даніила не различаетъ особыхъ видовъ лишенія жизни, и не говоритъ особо объ отравленіи. Можно думать вообще, что среди такого высоко честнаго и благороднаго народа, какъ Черногорцы, даже и не встрѣчаются случаи предательскаго, коварнаго убійства посредствомъ яда.

ОТДѢЛЪ II.

Чешское право.

Случаи отравленій и покушеній на отравленіе [2]) извѣстны были въ Чехіи еще съ древнѣйшихъ временъ. Подтвержденіе этому мы находимъ въ самыхъ лѣтописяхъ Чехіи. Такъ, напримѣръ, подъ 1130 годомъ разсказывается слѣдующій слу-

---

ступнику и убійцѣ), већъ и на правомъ брату нѣговомъ, то се такова освета по данасъ строго забранює, и кои бы правогъ чоека (человѣка) убіо, бы ће осуђенъ на смерть. Само крвника, коего и самъ судъ гони, може убити, али брата или близаку или свойту крвника, кои у томе ништа криви ніесу (кои въ томъ невинны), несміе.

[1]) Двадесеть седмо, стр. 12.

[2]) Отравленіе по чешски otravení (Vergiftung), trávení (Giftmischerei). Ядъ — jed, trávenina, trávnice, otrava. Отравители — otravec, otravitel (Vergifter), otravník, trávenec, trávič (Giftmischer), tra-

чай [1]). Во время поѣздки чешскаго князя Собеслава въ Ратиспонъ, двое какихъ-то слугъ имѣли намѣреніе лишить его жизни. Одинъ изъ злодѣевъ былъ схваченъ на мѣстѣ съ отравленнымъ копьемъ и съ отравленнымъ кинжаломъ (s kopím a dýkau kalenau — cum hasta et sicca toxicata). Другой-же бѣжалъ, но былъ задержанъ, при чемъ у него былъ найденъ отравленный мечъ (meč jedem napuštěný — gladium infectum veneno). Они оказались воинами Мірослава и Стрезиміра и были посланы ими съ цѣлію умертвить Собеслава. Вслѣдствіе сего самъ Мірославъ, братъ его Стрезиміръ и нѣкій врачъ, очевидно доставившій ядъ для отравленія, были подвергнуты смертной казни чрезъ четвертованіе (osekány jsau jim wšecky údi na tržišti—omnibus membris in foro privati sunt). Задержанные-же съ отравленнымъ оружіемъ слуги были колесованы съ предварительнымъ членовреждеціемъ: имъ вырвали глаза, отрубили языкъ и руки, перебили голени, послѣ чего уже положили на колесо [2]).

Древнее чешское земское право, именно древніе законы и акты Чехіи и Моравіи, не различаютъ особыхъ видовъ убійства. Таковы, напримѣръ: Statuta ducis Ottoni (Jura županorum, Jus Conradi) 1189 и 1222 года [3]), Lex Judaeorum 1254 года [4]), Ordo judicii terrae — памятникъ половины четырнад-

---

vička (Giftmischerin). Отравлять — traviti, otráviti, ojedowatiti. Ср. Jordan, Böhmisch.-Deutsch. Wörterbuch, Leipzig, 1868, стр. 143 и 280. J. Rank, Novy Slovník kopesní, v Praze, 1875, стр. 548 и 833.

[1]) Prameny dějin Českých, Dil II Kosmův letopis Český s pokračovateli, v Praze, 1874, II Kanownika Wyšehradského pokračování letopisu Kosmowa, стр. 208—211.

[2]) In rotam strictius implexi, oculis erutis, manibus cum lingua amputatis, cruribusque confractis super columpnas positi, quae interitui eorum apparatae fuerant, miseram vitam finierunt.

[3]) Quicunque nobilis vel rusticus *occiderit* aliquem, CLXXX denarios curiae solvat. Jireček, Codex Juris Bohemici, tomus primus, Pragae, 1867, стр. 56, § 16.

[4]) Тамъ же, стр. 136, § 10.

цатаго столѣтія, и многія другія законодательныя постановленія.

Затѣмъ въ извѣстномъ Уложеніи чешскаго земскаго права — Práwa a Zřijzenij Zemská Kralowstj Cżeskeho 1530, 1547, 1564 годовъ—существовала цѣлая глава объ убійствахъ „O Mordech“ [1]), при чемъ вопросъ этотъ разсматривался весьма казуистично; но опять-таки и здѣсь не дѣлалось никакого различія между отдѣльными видами лишенія жизни.

Ко всѣмъ убійствамъ вообще, безъ особыхъ различій по средствамъ и способу дѣйствія, чешскій законникъ относится совершенно одинаково:

Také kdozby koho zamordowal, kazdý z Hlawy buď winěn na swem Práwě, tak gakž Nález Cysaře Karla Dskami zemskými zapsaný vkazuge [2]).

Это въ переводѣ означаетъ слѣдующее: если кто кого убьетъ, то по закону отвѣчаетъ своей головой, какъ указываетъ постановленіе императора Карла (IV), записанное въ земскихъ доскахъ.

Приведенныя выше соображенія подтверждаются и изученіемъ ближайшей литературы вопроса объ убійствѣ. Ни у Иречка, ни у другихъ изслѣдователей чешскаго права мы не встрѣчаемъ особыхъ указаній по вопросу о составѣ преступленія и наказуемости лишенія жизни посредствомъ яда [3]).

---

[1]) Zřijzenij Zemska, по изданію 1604 года (folio), List CXXI и слѣдующ. до CXXV: O Mordech k XXXIII — k XXXVI.

Ср. также: List XLI, с XLIII: Mordéřě a Weytržnjka. List CLVI, M XVII: Mordeřůw a zločincůw powinen nenj žádný wydáwati. List CCXV, R XXII: Mordeřův, zločincůw a powalečůw (бродягъ) wyzdwihowánj.

[2]) List CCXXXVIII x X.

[3]) См. напр. Viktorina Kornelia ze Wsěbrd, knihy dewatery o práwach a súdiech i dskách země česke, w Praze, 1841, стр. 142 и 143: mord, zbitie, raněnie.

Hermenegild Jireček, Slowanské právo v Čechách a na Moravě, Doba druha, v Praze, 1864, стр. 250: viny proti životu a zdraví.

Какъ извѣстно, земское уложеніе Чехіи, при императорѣ Фердинандѣ II, было совершенно переработано, и издано вновь подъ названіемъ: Obnovené Zřízení zemské císaře Ferdinanda II z 10 května 1627, vydané pro království české. Здѣсь точно также говорится объ убійствахъ, безъ опредѣленія особыхъ ихъ разновидностей по средствамъ и способу дѣйствія [1]).

Иное надо сказать о городовомъ правѣ. Правда, древнѣйшее чешское городовое право, различныя привилегіи и грамоты, напримѣръ: Memoria ad Laetam curiam in suburbio Pragensi attinens 1101 года [2]), Diploma Constantiae reginae de locatione civitatis Hodonin 1228 года [3]), Jura et libertates civitatis Btunensis 1243 года [4]) и друг., — точно такъ-же, какъ и указанные выше памятники древняго земскаго права, не упоминаютъ особо объ отравленіи.

Затѣмъ въ сборникѣ чешскаго городоваго нрава—Codex juris municipalis Regni Bohemiae, Sbírka pramenů práva mestského Království Českeho — мы находимъ рядъ законодательныхъ постановленій, касающихся вопроса о лишеніи жизни вообще, безотносительно къ отдѣльнымъ его видамъ.

---

[1]) Úvod ve studium trestního hmotného práva vůbec a ve studium rakouského obecného zákonnika trestního ze dne 27 kwětna 1852 zvláště—sepsal Josef Slavíček, v Praze, 1867, стр. 282:

Obnovené zřízení zemské 1627, Čl. T. I — T. XXX: o vraždě a zabití.

Ср. Constitutio Criminalis Theresiana aneb římské císařské atd. milosti Marie Theresie hrdelní řád z 31 prosince 1768, Čl. 83: o vraždě, poranění a jiných smrtelných skutcích — de homicidio, vulnerationibus aliisque factis lethalibus (Slavíček, стр. 288).

[2]) Si quis alium vulnerat, solvit tres marcas; si *occidit*, omnibus spoliatur. Codex Juris Bohemici, tomus primus, Pragae, 1867, стр. 24, § 9.

[3]) Et si quis aliquem *interficerit*, caput pro capite ponderetur. Ibidem, стр. 60, § 8. (Hodonin, Göding — въ Моравіи).

[4]) Codex Juris Bohemici, стр. 72, § 2.

Въ этомъ общемъ смыслѣ безразлично употреблялись выраженія: vražda, mord, homicidium, occisio, caedes [1]).

Что-же касается позднѣйшаго чешскаго городоваго права, имѣвшаго въ основѣ право нѣмецкое съ сильнымъ вліяніемъ права римскаго, то оно уже начинаетъ проводить различіе между отдѣльными видами лишенія жизни. Извѣстно, что въ Чехіи, лежавшей на рубежѣ сѣверной и южной Германіи, постоянно боролись два юридическіе элемента — сѣверо-нѣмецкое или магдебургское право и южно-нѣмецкое право, сохранявшее начала права римскаго: послѣднее и одержало верхъ. Въ 1570 годахъ профессору Пражскаго Университета, Павлу Христіану зъ Колдина, было поручено составить Сборникъ дѣйствовавшихъ въ Чехіи законовъ; результатомъ чего явились—Práva Městska Království Českého a Markrabství Moravského, утвержденныя на сеймѣ въ 1579 году [2]).

Здѣсь вопросъ о лишеніи жизни изложенъ весьма толково; различные виды его уже довольно ясно дифференцировались между собою и выдѣлились изъ родоваго понятія смертоубійства, какъ противозаконнаго посягательства на жизнь ближняго:

Homicidium, *vražda* или *mord* — могутъ быть совершены посредствомъ насильственныхъ дѣйствій или посредствомъ *отравленія и другихъ различныхъ чаръ.* Лишеніе жизни въ обширномъ смыслѣ можетъ быть двояко: умерщвленіе посторонняго лица—homicidium; и умерщвленіе близкаго родственника — parricidium, наказаніе за которое еще у Римлянъ состояло въ томъ, что виновнаго зашивали въ мѣшокъ съ собакою, пѣтухомъ, гадомъ и обезьяной, и бросали въ воду.

Vražda обнимаетъ тѣ случаи, когда кто-либо убиваетъ

---

[1]) Jaromír Čelakovský, Sbírka pramenů práva městského Království Českého, Díl I Privilegia měst Pražských, v Praze, 1886, стр. 2, 7, 10, 48, 50, 111, 128, 194, 321, 371, 394, 419, 424 и друг.

[2]) Práva Městská Království Českého a Markrabství Moravského spolu s krátkou jich summou od M. Krystyana z Koldína. Vidání páté, upravil Josef Jireček, v Praze, 1876.

другаго въ дракѣ или ссорѣ. Враждельникомъ (vražedlník) въ собственномъ смыслѣ слова называется тотъ, который причинитъ смерть въ дракѣ или съ гнѣва, въ ссорѣ или изъ мести. Всякій, кто такимъ образомъ, умышленно умерщвлялъ другаго, подлежалъ смертной казни чрезъ отсѣченіе головы мечемъ. Въ чешскомъ правѣ существовало большое различіе между враждельникомъ и мордеромъ.

Mord имѣетъ уже другое значеніе. Мордеромъ (mordéř) назывался убійца, захватывавшій все, что находилъ при убитомъ; такимъ образомъ, это дѣяніе обыкновенно соединялось съ ограбленіемъ (laupež). Мордеромъ считался также тотъ, кто убивалъ лежащаго на землѣ, на скамьѣ, въ постели, сидящаго за столомъ, спящаго или моющагося въ банѣ; кто безъ всякой причины застрѣлилъ кого изъ ружья; кто строилъ козни, готовилъ засаду и поджидалъ жертву. Подобнаго убійцу привязывали къ лошади и влачили по улицамъ; по привлеченіи его на площадь, палачъ колесомъ перебивалъ ему суставы; затѣмъ его клали на колесо и выставляли на столбѣ, къ ужасу и устрашенію другихъ (ср. наше соборное Уложеніе: чтобы другимъ не повадно было).

Наконецъ, насильственное нападеніе съ цѣлію ограбленія носило названіе *laupež*. Лаупежникъ (laupežník), то-есть тотъ, который, не убивая другаго, его оберетъ, сниметъ платье, ограбитъ, наказывался обыкновенно, смотря по винѣ, смертною казнью чрезъ повѣшеніе. Такимъ образомъ, наказаніемъ для враждельника—являлось отсѣченіе головы мечемъ, для коварнаго мордера — колесованіе, для лаупежника — повѣшеніе [1]).

Vražda, Mord и Laupež, поставленные подъ общимъ титуломъ „vis privata“, считались за crimina ordinaria, и, какъ таковыя, влекли всегда строго опредѣленныя въ законѣ наказанія. По приведенной схемѣ различныхъ видовъ лишенія

---

[1]) J. Jireček, Prawa Městska Pavla z Koldína, Artikulové za veytržnost, kteráž slauti může vis privata, N XXVII — N XXXI, стр. 322—325. Ср. также стр. 326 и 350.

жизни возможно думать, что отравленіе (по крайней мѣрѣ единичное, не профессіональное) подходитъ подъ понятіе Mord. На самомъ же дѣлѣ, наказаніе за отравленіе опредѣлялось въ порядкѣ чрезвычайномъ, какъ за crimen extraordinarium.

Дѣло въ томъ, что вообще ординарными преступленіями назывались тѣ дѣянія, которыя считались преступными на основаніи строго опредѣленныхъ законовъ, и влекли наказанія въ этихъ законахъ означенныя. Наоборотъ, экстраординарными преступленіями назывались тѣ, которыя считались преступными на основаніи установившихся обычаевъ, и въ наказаніи которыхъ играло большую роль личное благоусмотрѣніе судьи; они разсматривались съ отступленіемъ отъ обычныхъ процессуальныхъ формъ и наказаніе за нихъ назначалось согласно потребностямъ минуты и случая [1]).

Въ самомъ текстѣ закона, среди постановленій о лишеніи жизни, мы находимъ такое опредѣленіе: „Убійства (Mordové) совершаются различными способами, и при помощи различныхъ средствъ, какъ-то: отравленіемъ, чарованіемъ бабъ-знахаровъ, которыя у другихъ вытравляютъ плодъ, покупкою яда для умерщвленія другихъ, отравленіемъ источниковъ, изсушеніемъ людей разными чарами, отравленіемъ скота. Какимъ-бы способомъ ни было учинено коварное убійство, — всѣ виновные подлежатъ *наказанію сообразно винѣ*“ [2]).

---

[1]) Práva Městská, P. XXIII: существуетъ много преступленій и провинностей, которыя не могутъ быть всѣ перечислены, и для которыхъ не установлено особыхъ наказаній; они называются crimina extraordinaria и караются juxta poena arbitraria, то-есть сообразно важности дѣла по усмотрѣнію суда.

Ср. напр. Holtzendorff, Handbuch des Strafrechts, I Band, Berlin, 1871, стр. 31.

A. Berner, Lehrbuch des Strafrechts, I Band, § 73. Русск. перев. Н. А. Неклюдова, стр. 322.

[2]) Práva Městská, o veytržnosti N. XXXVI: Mordove rozličnými spůsoby aneb prostředkem rozličnych příčin se vykonávají jako *trávením*, kauzly skrze baby, jenž traňky z jiných plod vyhánějí, *jed*

Затѣмъ, подъ титуломъ „De criminibus extraordinariis — o rozličných veystupcích aneb zavinění lidí“, между прочимъ, значится слѣдующее: „Всѣ злыя дѣла и проступки, нарушающіе обычаи и права королевства чешскаго, караются обычными наказаніями (то-есть наказаніями, выработанными обычаемъ). Какъ-то: если женщина занималась отравленіемъ, или злоумышляла разныя козни на жизнь своего мужа, другихъ изводила чарами, отравляла порошками или иными средствами, людей сушила и подготовляла смерть, то она подлежала закопанію заживо въ землю. Мужчина-же, уличенный въ подобныхъ преступленіяхъ, подлежалъ посаженію на колъ, или, по крайней мѣрѣ, отсѣченію головы“ [1]).

Что касается казни женъ-отравительницъ, то не безъинтересно замѣтить, что подобное-же наказаніе (окопаніе заживо въ землю) существовало и въ нашемъ русскомъ правѣ, именно, въ Соборномъ Уложеніи царя Алексѣя Михайловича [2]) и въ Новоуказныхъ статьяхъ 22 генваря 1669 года [3]).

ОТДѢЛЪ III.

Польское право.

Преступленія весьма часто бываютъ неотдѣлимы отъ обычаевъ и общаго склада мыслей даннаго народа. Со смѣною

---

skupujíce lidem ho *dodávají*, studnice nakažuji, rozličnými kauzly lidi suší, dobytky jich moří ... и т. д.

[1]) Тамъ-же, o veystupcích aneb zavinění. P. XXIV: Dopustila-li by se žena *trávení*, aneb žeby o bezhrdlí muže svého jakéžkoli auklady činila, lidi kauzly mámila, *prachy* aneb jakýmžkoli jiným spůsobem *trávila*, lidi sušila a o bezhrdlí strojila: ta buď za živa zahrabána. Muž pak, bude-li v tom shledan, na kůl vbit aneb při nejmenším sťat bude.

[2]) Соборное Уложеніе 1649 года, гл. XXII, ст. 14.
Полн. Собр. Зак., томъ I, № 1.

[3]) Новоуказныхъ статей ст. 100.
Полн. Собр. Зак., томъ I, № 441.

поколѣній смѣняются и преступленія; въ этой истинѣ убѣждаетъ насъ также и изслѣдованіе уголовныхъ дѣлъ маршалковскихъ судовъ въ Варшавѣ. Раскрывая исторію какого-бы то ни было государства, мы видимъ, что убійство посредствомъ яда принадлежитъ уже той эпохѣ, когда развилось умѣнье скрывать преступленія. Когда у насъ, говоритъ Чацкій, впервые появилось преступленіе отравленія, мнѣ неизвѣстно. Но извѣстно изъ сочиненія Стрыйковскаго (стр. 678). что лекарь Балинскій, называвшійся сотникомъ, потому что за каждое леченіе бралъ сто дукатовъ, уморилъ короля Александра; но даже и частые случаи причиненія смерти докторами, не суть еще отравленія. Когда королева Бона [1]) пріѣхала въ Польшу, съ нею вмѣстѣ перенеслось изъ Италіи и злосчастное умѣнье изготовлять яды. Въ актахъ Томицкаго можно найти указаніе на то, что Елизавета, первая жена Сигизмунда Августа, была отравлена [2]). Стрыйковскій (стр. 749)

---

[1]) Королева Бона—итальянка по происхожденію, изъ рода князей Сфорца въ Миланѣ.

Д. Иловайскій дѣлаетъ слѣдующую характеристику королевы Боны. Эта итальянская принцесса, вполнѣ усвоившая себѣ политическія идеи своего соотечественника Маккіавели, является какимъ-то злымъ геніемъ для Сигизмунда и для цѣлаго Польско-литовскаго государства. Не было предѣловъ ея сребролюбію и властолюбію, ея интригамъ и кознямъ. Пользуясь большимъ вліяніемъ на своего престарѣлаго супруга, она нерѣдко заставляла его совершать разныя несправедливости, въ особенности при раздачѣ высшихъ доходныхъ должностей, имѣній и староствъ, которыя просто продавала за деньги. Для достиженія своихъ эгоистическихъ цѣлей, она не останавливалась не только передъ подкупами, но и передъ *ядомъ* и тому подобными средствами, въ чемъ упредила другую королеву, свою соотечественницу, Екатерину Медичи. Она умерла въ 1557 году, какъ говорятъ, сдѣлавшись въ свою очередь жертвою *отравы* со стороны коварнаго любимца (Папагоди), который хотѣлъ воспользоваться ея богатствами.

[2]) Говорятъ, будто та-же королева Бона, опасаясь соперничества во вліяніи на сына, своими интригами постаралась произвести въ его сердцѣ охлажденіе къ молодой супругѣ, и послѣдняя вскорѣ

весьма убѣдительно свидѣтельствуетъ, что и вторая жена того-же короля, Варвара, была предательски отравлена однимъ италіянскимъ врачемъ [1]). Изъ письма Сигизмунда Августа къ Николаю Радзивиллу, писаннаго изъ Радома 20 января 1552 года, мы узнаемъ, что сынъ предъявилъ своей матери цѣлый рядъ обвиненій; когда-же она начала уговаривать его жениться на дочери Фердинанда Габсбурга, онъ отвѣтилъ, что уже двѣ его жены умерли неестественною смертью; въ письмѣ прибавлено: nie wiem jak to imość połknęła. Въ продолженіе всего того разговора король не снималъ перчатокъ, чтобы не быть отравлену кольцомъ, даннымъ королевою. Если, такимъ образомъ, сама королева часто прибѣгала къ помощи яда, то понятно, что это преступленіе, распространившись при дворѣ, начало проникать и въ прочіе классы населенія. Въ актахъ этого времени мы находимъ уже много дѣлъ объ отравленіи. Когда умеръ Сигизмундъ Августъ, пишетъ Оржельскій (Historia, рукопись библ. Тадеуша Чацкаго, стран. 62), Гижанка, фаворитка короля, обвинялась въ томъ, что она вмѣстѣ съ матерью приводила одну женщину изъ селенія Błonia, чтобы зачаровать короля; впослѣдствіи-же король былъ отравленъ различными любовными напитками; и дѣйствительно въ тѣлѣ его были найдены признаки отравленія. Эти лю-

---

умерла отъ огорченій, не оставивъ потомства; злые языки пустили даже слухъ объ отравѣ (Д. Иловайскій, исторія Россіи, томъ III, Москва, 1890, стр. 111 и слѣд.: Послѣдній Ягеллонъ и Люблинская Унія. Сигизмундъ I и королева Бона. Сигизмундъ Августъ и его три брака).

[1]) Незадолго передъ смертію Варвары, Бона примирилась съ нею въ присутствіи всего королевскаго двора. Но это примиреніе считали неискреннимъ; мало того, послѣ упорно держалась молва, будто злая свекровь отравила свою невѣстку. По другому извѣстію, Варвара умерла отъ тяжкой болѣзни, рака въ груди, который развился у нея отчасти вслѣдствіе различныхъ безпокойствъ и огорченій, отчасти по причинѣ снадобій, которыя она принимала изъ рукъ знахарокъ, чтобы доставить своему супругу столь желаннаго наслѣдника престола (Иловайскій, l. c.).

бовные напитки, называвшіеся filtra, упоминаются въ Польшѣ впервые въ трагедіи Pamela, напечатанной въ концѣ царствованія Сигизмунда I. Король Стефанъ умираетъ также послѣ непродолжительной болѣзни; и вотъ лечившіе его доктора, Симонъ Симоніусъ и Буцелла, обвиняютъ другъ друга въ умерщвленіи короля съ злымъ умысломъ при помощи ядовитыхъ лекарствъ. Показанія этихъ двухъ соперниковъ сохранились, но неожиданную смерть короля-богатыря надо отнести въ разрядъ необыкновенныхъ случаевъ. Вообще такого рода приключенія, справедливо замѣчаетъ Вольтеръ (въ сочиненіи: Le Siècle de Louis XIV), простой народъ исключаетъ изъ обыкновеннаго порядка вещей и приписываетъ преступленію. Былъ-ли отравленъ Стефанъ или нѣтъ, нельзя съ увѣренностію утверждать, но уже самая защита двухъ королевскихъ врачей свидѣтельствуетъ о томъ, что это преступленіе было довольно распространено. Первое сочиненіе объ отравленіяхъ въ Польшѣ, было издано Себастіаномъ Слезковскимъ въ Брунсбергѣ въ 1621 году подъ названіемъ: Incomparabilis Thesaurus Alexitericus. Въ заключеніе замѣтимъ, что стрѣлы, пропитанные ядомъ, были уничтожены въ литовскихъ войскахъ при князѣ Константинѣ Острожскомъ [1]).

Такимъ образомъ, у прежнихъ историковъ Польши, мы часто встрѣчаемъ указанія на то, что смерть того или другаго короля возбуждала подозрѣніе въ отравленіи. Что отравляли иногда, то это вѣрно; но нельзя безусловно утверждать, что Казиміръ Справедливый, король Александръ, Сигизмундъ Августъ, Стефанъ Баторій умерли непосредственно отъ отра-

---

[1]) Tadeusza Czackiego, o Litewskich i Polskich Prawach, o ich duchu, źródłach, związku etc., tom II, w Krakowie, 1861, стр. 106 и 107.

Изъ новѣйшихъ примѣровъ отравленія упомянемъ здѣсь-же случай изъ временъ Станислава Августа. Когда братъ послѣдняго Примасъ Михаилъ Понятовскій былъ заподозрѣнъ въ измѣнѣ и приговоренъ къ смертной казни, король самъ доставилъ ему ядъ, чтобы онъ отравился.

вы. Первый выпилъ слишкомъ много вина (spełnił za wielki kielich wina); второй лечился у лекаря Балинскаго; третьяго фаворитка напоила любовнымъ напиткомъ; наконецъ отравленіе Стефана Баторія приписываютъ небрежности врачей. Вообще до XVI вѣка отравленіе въ Польшѣ было дѣяніемъ чрезвычайно рѣдкимъ. Мужчины вообще даже никогда не прибѣгали къ яду, такъ какъ за убійство было назначено только денежное взысканіе; каждый поэтому предпочиталъ лучше убить своего противника открыто и явно, а не путемъ отравленія. Королева Бона вводитъ отравленіе въ моду. Съ этого времени отравленіе дѣлается весьма распространеннымъ видомъ лишенія жизни, и особенно часто повторяется между супругами, имѣя въ основаніи или желаніе овладѣть имуществомъ отравленнаго, или неравные браки старыхъ съ молодыми: разводы были трудны и обращались поэтому къ яду.

Отравленіе составляло въ эту эпоху предметъ вѣдомства гродскихъ судовъ (sądów grodzkich) и было разсматриваемо, какъ всякое другое убійство, иначе говоря — отравленіе не было еще выдѣлено въ разрядъ квалифицированныхъ видовъ лишенія жизни. Вниманіе законодателя было обращено на отравленіе впервые въ концѣ шестнадцатаго вѣка [1]). Что-же касается болѣе древняго періода исторіи Польши, то можно указать слѣдующее.

Въ юридическихъ обычаяхъ того времени говорится только объ убійствѣ вообще [2]). Что же касается отдѣльныхъ законодательныхъ памятниковъ древне-польскаго права, то надо также замѣтить, что и Статутъ Казиміра Великаго и послѣдующія узаконенія обходятъ молчаніемъ вопросъ о составѣ преступленія и о значеніи способа дѣйствія при отравленіи.

Статутъ Казиміра Великаго 1347 года [3]), извѣстный подъ

---

[1]) Moraczewski, Starożytności Polskie, porządkiem abecadłowym zebrane, tom II, Poznan, 1852, стр. 615: Trucizna.

[2]) Ср. R. Hube, Prawo polskie w wieku trzynastym, Warszawa, 1873.

[3]) Volumina Legum. Prawa, konstytucye y przywileie Królestwa

именемъ Статута Вислицкаго (Statuta Casimiri Magni, Visliciae anno 1347), предусматриваетъ различные виды лишенія жизни и различные случаи убійства, но не говоритъ особо объ отравленіи, не выдѣляя его, такимъ образомъ, изъ разряда обыкновенныхъ убійствъ. Именно, въ Вислицкомъ Статутѣ находятся слѣдующія законодательныя опредѣленія о различныхъ случаяхъ лишенія жизни:

De kmethone, seu rustico alium occidente, et solutione poenae capitis. Si plures de homicidio accusantur, quis eorum poena homicidii puniendus? De illis qui casu mortem incidunt. De milite qui occidit militem. De illo qui occidit matrem alicui. De fratricidio, patricidio, sororicidio. De milite occiso, item de kmethone occiso [1]).

Затѣмъ, просматривая всѣ Volumina Legum за много лѣтъ, нельзя найти въ нихъ ни одного болѣе или менѣе опредѣленнаго указанія на значеніе преступнаго лишенія жизни посредствомъ яда, на составъ этого преступленія и его наказаніе. То-же надо сказать и о важнѣйшихъ сочиненіяхъ по исторіи древняго польскаго права [2]).

Статутъ Казиміра Великаго представляется единственнымъ общимъ памятникомъ польскаго земскаго права. Послѣдующая судебная практика развила краткія положенія Статута, но разо-

---

Polskiego y W. X. Lit. y wszystkich prowincyi należących, na walnych seymach koronnych od seymu Wiślickiego r. 1347 aż do ostatniego seymu uchwalone, Warszawa, 1732—82. Petersburg, 1859—60: Volumen I.

Ср. Statut Wiślicki w polskim przekładzie r. 1460, Poznań, 1876.

[1]) Въ изданіи 1859 года, tom I, стр. 11 и 12.

Ср. Hube, Prawo Polskie w 14-tym wieku, Ustawodawstwo Kazimierza Wielkiego, Warszawa, 1881, стр. 201. Przestępstwa, zabójstwo. Положенія Вислицкаго Статута освѣщены здѣсь примѣрами изъ практики.

[2]) Ср. напримѣръ: Aleksandra Maciejowskiego, Historia prawodawstw Słowiańskich, w Warszawie i w Lipsku, 1832—1835.

Bandtkie-Stężyński, Historia prawa polskiego, Warszawa, 1850. Rozprawa o prawie i sądownictwie karzącem i urzędach w dawnej Polsce, Warszawa 1858; и друг.

браться въ этой далеко неоднообразной практикѣ представляется крайне затруднительнымъ [1]). Что-же касается мѣстнаго земскаго права, каково, напримѣръ, Мазовецкое право [2]) и такъ называемая Корректура Прусская 1598 года [3]), то оно, вслѣдствіе своей исключительности, не представляетъ для насъ существенной важности.

Но за симъ въ Польшѣ, какъ и въ Чехіи, кромѣ права земскаго существовало еще право городское.

Среди памятниковъ этого городскаго права, въ Польшѣ, какъ извѣстно, имѣли силу закона и различные сборники иноземнаго права, особливо право нѣмецкое. Изъ такихъ нѣмецкихъ источниковъ, дѣйствовавшихъ въ польскихъ и литовско-польскихъ городахъ, объ отравленіи, его составѣ и наказаніи, говорятъ:

1) Postępek wybrany z Praw Cesarskich 1562 (1565) года. По весьма вѣроятному мнѣнію изслѣдователей [4]), это была выборка и передѣлка, далеко отступающая отъ текста, а не отъ смысла подлинника, или вольная передача на польскомъ языкѣ извѣстнаго Constitutio Criminalis Carolina Карла V [5]).

---

[1]) R. Hube, Sądy, ich praktyka i stosunki prawne społeczeństwa w Polsce ku schyłkowi 14 wieku, Warszawa, 1886, стр. 242 и слѣд.: Zabójstwo.

[2]) K Dunin, Dawne mazowieckie prawo, Warszawa, 1880.

[3]) Jus nobilitatis Prussiae correctum a. D. 1598. Excudebat Thorunii Andr. Cotenius a. D. 1599.

[4]) А. Ѳ. Кистяковскій, очеркъ историческихъ свѣдѣній о сводѣ законовъ, дѣйствовавшихъ въ Малороссіи, подъ заглавіемъ: Права, по которымъ судится Малороссійскій народъ, Кіевскія Университетскія Извѣстія 1878 года, № 12, стр. 987.

[5]) Ten Postępek wybran iest z Praw Cesarskich, który Karolus V, Cesarz, kazal wydać po wszystkich swoich państwach, którym się nauka daie, iako w tych sądach à sprawach, okolo karania na gardle, àlbo na zdrowiu, Sędziowie y każdy Urząd ma się zachować y postępować wedle boiazni Bożey, sprawiedliwie, pobożnie, rostropnie, y nieskwapliwie. Cum gratia et privilegio S. R. M., w Krakowie, изд. 1562, 1565, 1619, 1626 и друг., w Przemyslu, 1760.

2) Porządek sądow y spraw mieyskich, B. Groickiego— сочиненіе дѣйствовавшее въ судахъ въ качествѣ руководства, составленное по Саксонскому Зерцалу и Weichbild, и по Jus Municipale Magdeburgense, то-есть по Магдебургскому праву [1]). Эта книга была не что иное, какъ сборникъ различныхъ сочиненій, въ которыхъ изложено было польскими юристами магдебурское право [2]).

Porządek считаетъ лишеніе жизни посредствомъ яда квалифицированнымъ видомъ убійства, и караетъ его сожженіемъ. Отравитель (zadawca jadu) поставленъ на одномъ уровнѣ съ чародѣемъ (czarownik) и богоотступникомъ (odszczepieniec wiary). И подобно тому, какъ отступленіе отъ вѣры христіанской подлежало смертной казни чрезъ сожженіе, такъ-же точно тому-же наказанію подлежали и чародѣи и отравители:

Odszczepieniec wiary Chrzeccianskiey ma byc spalon (сожженъ). Tąż smiercią ma zginąc czarownik y kto by komu jad zadał [3]).

Postępek равнымъ образомъ выдѣляетъ отравленіе изъ ряда другихъ видовъ лишенія жизни. За отравленіе кого-либо или за разстройство ядомъ здоровья, мужчины подвергались смертной казни чрезъ колесованіе, женщины-же, по уличеніи ихъ въ преступленіи, подлежали казни чрезъ утопленіе или какимъ-либо другимъ способомъ, смотря по винѣ:

Gdźieby kto kogo otruł à o zdrowie abo y o gardło przyprawił, ma iako ten kto zamorduie w kolo być wplećion (т. е. положенъ на колесо) iesliże chłop iest. Niewiástá gdźieby w tym doswiádczona byłá ma byc vtopioná, ábo iakimkolwiek

---

[1]) Porządek Sądow y Spraw Mieyskich Prawa Maydeburskiego w Koronie Polskiey, Bartholom. Groickiego, w Krakowie, изд. 1619, 1630 г. и друг.

[2]) Кистяковскій, вышеприв. сочин., стр. 983 и слѣдующ.

[3]) Porządek, część czwarta o karnosci złoczyńcow, o rozmaitey smierći rożnych złoczyńcow — jaką smierćią ktory złoczyńca ma być karan, по изд. 1630 года стр. 221 и 222.

innym obyczáiem według swoiego występku skarána ná gárdle [1]).

При этомъ, согласно статьѣ 130-ой Уголовнаго Уложенія Карла V, это наказаніе усиливалось еще ужасною членовредительною квалификаціей: до учиненія самой смертной казни, виновныхъ подвергали рванію тѣла раскаленными щипцами (клещами), для того, чтобы этимъ примѣромъ и строгостью кары устрашить и удержать другихъ отъ подобныхъ преступленій,—то-есть, выражаясь словами нашего Соборнаго Уложенія Царя Алексѣя Михайловича, „чтобы другимъ, смотря на то, не повадно было такъ дѣлать“:

Ale pierwey niżliby ktorą takową osobę na gardle skarano, ma być kleszczámi rospalonymi tárgána, mniey abo też więcey według baczenia na osobę y na zasłużenie: tak żeby drudzy tym przykladem a strogoscią skarania od takowych spraw odwiedzieni byli [2]).

Первымъ болѣе или менѣе законченнымъ уголовнымъ уложеніемъ въ Польшѣ былъ извѣстный „Kodex Karzący dla Królestwa Polskiego 1818 roku“ [3]). Здѣсь отравленіе еще не было

---

[1]) Postępek, Artykuł. Prawa Cesarskiego, Za innymi ciężkimi złoczyństwy, ktore sie porząd wypisuią, iakie karanie ma być czyniono; naprzod o tych, *ktorzy ludzi potaiemnie truią*, art. LXXIX, по изд. 1630 года стр. 66 и 67.

[2]) Ibidem. Ср. такъ-же Artykuł IX Gdżieby kto *o truciznę*, żeby się z nią obchodził, w podeyzrzeniu był, iakowa inquizycya y dowody dostateczne przećiw takowemu być maią. Artykuł LXVI *Ci co ludzi truią*, iako maią być karani, стр. 15 и 57.

По вопросу о чародѣйствѣ см. Art. XIV. Dowod przeciw czarownikom и Art. XXII Gdy się na męce przyzna ku czarownictwu, стр. 19 и 27.

[3]) Kodex Karzący dla Królestwa Polskiego 1818 roku—помѣщенъ въ Дневникѣ Законовъ; отдѣльное послѣднее изданіе w Warszawie, 1830. Въ русскомъ переводѣ имѣется общая часть книги о преступленіяхъ—„Уголовное Уложеніе Царства Польскаго 1818 г.“, переводъ Ѳ. Тарановскаго подъ редакціей В. Есипова, СПб., 1895.

выдѣлено въ разрядъ квалифицированныхъ родовъ убійства, но было тѣмъ не менѣе поставлено во главѣ другихъ видовъ лишенія жизни. Объ отравленіи говорится въ раздѣлѣ четырнадцатомъ—O zbrodni morderstwa i zabóystwa, то-есть о преступленіи предумышленнаго и непредумышленнаго убійства.

Виновнымъ въ убійствѣ считается вообще тотъ, кто, съ цѣлью лишить жизни человѣка, дозволитъ себѣ дѣйствіе, отъ котораго неминуемо воспослѣдуетъ смерть [1]). Виды убійства по Уложенію 1818 года, таковы: 1) убійство измѣнническое, которое учиняется дачею отравы или другимъ измѣнническимъ образомъ (morderstwo zdradzieckie, które się popełnia zadaniem trucizny, lub innym zdradliwym sposobem); 2) убійство въ разбоѣ, которое совершается съ цѣлью пріобрѣтенія чужой собственности посредствомъ насилія противъ лица; 3) убійство по подговору, которое кто-либо совершаетъ по найму или склоненный инымъ способомъ; 4) убійство простое, которое не принадлежитъ ни къ одному изъ названныхъ разрядовъ [2]).

Какъ извѣстно, Kodex Karzący, былъ основанъ на австрійскомъ уложеніи 1803 года [3]). Приведенная классификація убійствъ является почти буквальнымъ заимствованіемъ изъ австрійскаго права [4]).

За каждое оконченное убійство, какъ непосредственные убійцы, такъ и подстрекатели и сообщники (wspól-sprawcy) подлежали смертной казни. Совершившіе-же убійство лицъ, въ отношеніи которыхъ виновные имѣли особыя обязанности, (что имѣетъ мѣсто особенно часто при отравленіяхъ), препровожда-

---

Критическую оцѣнку см. въ сочиненіи Romualda Hube, studia nad kodeksem karnym 1818 roku, Warszawa, 1863.

[1]) Artykuł 113, въ изд. 1830 года стр. 26.

[2]) Artykuł 114, ibidem.

[3]) Codex poenalis de criminibus et delictis politicis, Viennae, 1803. Gesetzbuch über Verbrechen und schwere Polizeiübertretungen, Wien, 1815.

[4]) Ср. приведенныя выше постановленія австрійскаго уложенія, §§ 117 и 118: homicidium proditorium, quod veneno vel alio versuto modo committitur.

лись на мѣсто казни въ черномъ одѣяніи. Различные соучастники убійцы подлежали тяжелому заключенію на срокъ отъ 3 до 10 лѣтъ; соучастники-же убійства родственнаго, измѣнническаго (ktore się popełnia zadaniem trucizny—яда), разбойническаго и наемнаго подвергались заключенію въ каторжной тюрьмѣ (więzienie warowne) отъ 10 до 20 лѣтъ, съ предварительной выставкой къ позорному столбу (pręgierz—правежъ) [1]).

За покушеніе на простое убійство главные виновные и ихъ сообщники подвергаются тяжелому тюремному заключенію отъ 3 до 10 лѣтъ; за покушеніе-же на убійство родственное, измѣнническое (zdradzieckie—отравленіе), разбойническое и наемное—заключенію въ каторжной тюрьмѣ отъ 10 до 20 лѣтъ съ выставкою къ позорному столбу [2]).

Въ сороковыхъ годахъ текущаго столѣтія, одновременно съ работами по уложенію для Россіи начались таковыя-же по уложенію для Царства Польскаго (въ нихъ принимали участіе статсъ-секретарь по дѣламъ Царства Туркулъ и въ особенности Ромуальдъ Губе). Проектъ уложенія былъ утвержденъ 12 марта 1847 года [3]). Въ немъ было 1221 статья, то-есть меньше чѣмъ въ общемъ уложеніи, ибо сюда не были внесены нарушенія законовъ казеннаго управленія. Большинство статей, не только по содержанію, но и по буквѣ, было тождественно

---

[1]) Artik. 115, 28 и 116. Ср. § 119 Австрійскаго уложенія 1803 года и § 136 Strafgesetzbuch über Verbrechen, Vergehen und Uebertretungen 1852 года.

[2]) Artik. 117 и 118.

По кодексу 1818 года, преступленіе является вообще тѣмъ болѣе тяжелымъ, чѣмъ зрѣлѣе былъ умыселъ виновнаго, чѣмъ болѣе было обдуманности въ приготовленіи къ преступленію, чѣмъ важнѣе причиненный вредъ, чѣмъ большею опасностію угрожаетъ преступленіе, чѣмъ менѣе предосторожности можно было противъ него принять, чѣмъ меньше сопротивленія могъ опасаться преступникъ со стороны потерпѣвшаго, и, наконецъ, чѣмъ болѣе онъ нарушилъ обязанностей.

[3]) Kodex kar głównych i poprawczych, Warszawa, w drukarni Kommissyi Rządowéj Sprawiedliwości, 1847.

съ уложеніемъ для Имперіи [1]). Это, именно, надо сказать и относительно всѣхъ статей, которыя говорятъ объ отравленіи [2]).

Отравленіе считается квалифицированнымъ видомъ убійства, и, какъ таковое, въ противность кодексу 1818 года, выдѣлено изъ понятія обыкновеннаго лишенія жизни. Оно влекло лишеніе всѣхъ правъ и ссылку въ каторжную работу въ рудникахъ на время отъ 15 до 20 лѣтъ.

Karze, w 924 artykule postanowionéj (pozbawieniu wszelkich praw i zesłaniu do robót ciężkich w kopalniach na czas od piętnastu do dwudziestu lat), ulegną sprawcy rozmyślnego zabójstwa... gdy zabójstwo popełnioném zostało przez otrucie [3]).

Кто-же, съ обдуманнымъ заранѣе намѣреніемъ причинить кому-либо разстройство въ здоровьѣ, примѣшаетъ ядовитыя или другія вредныя вещества въ съѣстные припасы или напитки (przymięsza do żywności lub napojów trujące lub inne szkodliwe przedmioty), или же чрезъ иное какое-либо употребленіе такихъ веществъ повредитъ здоровью его, тотъ приговаривается къ опредѣленному за умышленное нанесеніе тяжкаго увѣчья наказанію, но всегда въ высшей мѣрѣ [4]).

Указомъ 13 сентября 1876 [5]) на Царство Польское распространено было общее русское Уложеніе о наказаніяхъ уголовныхъ и исправительныхъ 1866 года съ нѣкоторыми только измѣненіями, указанными въ особомъ приложеніи [6]). Вслѣдствіе сего диспозитивная часть постановленій, касавшихся вопроса объ отравленіи [7]) не измѣнилась, но измѣнилась санкція, опре-

---

[1]) Ср. Н. С. Таганцевъ, лекціи по русскому уголовному праву, выпускъ I, 1887, стр. 195 и слѣдующ.

[2]) Именно, artikuł 925 kodexu kar соотвѣтствуетъ статьѣ 1924 Уложенія о наказаніяхъ 1845 года, artikuł 929—статьѣ 1928, artikuł 958—статьѣ 1957, artik. 1126 и 1127—статьямъ 2125 и 2126.

[3]) Artykuł 925.

[4]) Artykuł 958 Kodeksu Kar.

[5]) Полн. Собр. Зак. № 56371.

[6]) Приложеніе VI, къ статьѣ 168 Уложенія.

[7]) Улож. ст. 1453, 1457, 1486.

дѣленная за оконченное лишеніе жизни посредствомъ яда. Именно, на основаніи 925 (и 924) art. Kodexu Kar 1847 г., высшимъ наказаніемъ за отравленіе была ссылка въ каторжныя работы (въ рудникахъ —w kopalniach) на время отъ пятнадцати до двадцати лѣтъ. По Уложенію-же 1866 года[1]), каторжныя работы могутъ быть назначены въ данномъ случаѣ даже безъ срока.

---

[1]) Улож. ст. 1453 (и 1452).

Уложеніе о наказаніяхъ угол. и исправ. изд. 1866 г. для Царства Польскаго—В. В. Микляшевскаго. Kodeks kar głównych i poprawczych wyd. 1866 r. dla Królestwa Polskiego (Ukaz 25 Września v. s. 1876 r.) z objaśnieniami, poczerpniętemi z wyroków kassacyjnych Departamentów Senatu Rządzącego — W. Miklaszewskiego, Warszawa, 1877.

С. М. Будзинскій, уложеніе о наказаніяхъ съ комментаріемъ, въ примѣненіи къ Варшавскому Судебному Округу, Варшава, 1892.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Отравленіе въ исторіи русскаго права.

ОТДѢЛЪ I.

Древнѣйшее право. Соборное Уложеніе. Воинскіе Артикулы.

Подобно законодательствамъ Запада, и русское право и русская Церковь относились весьма строго къ случаямъ квалифицированнаго лишенія жизни чрезъ отравленіе.

Въ древней Россіи, напримѣръ, даже простое зелійничество, то-есть приготовленіе различныхъ знахарскихъ и другихъ составовъ, которые могли, однако, послужить и для преступныхъ отравленій,—преслѣдовались Церковными Уставами нашихъ Великихъ Князей, какъ одно изъ наиболѣе грѣховныхъ дѣяній. Особенная грѣховность его была причиною выдѣленія зелійничества изъ вѣдѣнія свѣтской власти въ вѣдѣніе церковной власти: преступленіе это было передано Церковными Уставами въ компетенцію духовнаго суда. Но какъ относилась къ этому преступленію наша Церковь, какими законами руководствовалась?

Духовенство, явившееся изъ Византіи, не могло не руководствоваться правомъ Византійскимъ. Прохиронъ и Эклога, вѣроятно, служили для церковнаго суда главными сборниками и матеріальнаго и процессуальнаго права. По дѣламъ, выдѣленнымъ Владиміромъ въ вѣдомство церковныхъ судовъ, по-

слѣдніе были безусловно самостоятельны. Судъ, по большей части этихъ дѣлъ, былъ отдѣленъ на Церковь, согласно съ Греческимъ Номоканономъ. Но даже и въ дѣлахъ, подлежавшихъ свѣтскому суду, церковныя власти принимали участіе, поясняя то или другое дѣло въ духѣ христіанскаго ученія.

Въ Уставѣ Владиміра Святаго сказано такъ: „А тіуномъ своимъ приказываю суда церковнаго не обидити, ни судити безъ владычня намѣстника“ [1]). Въ такихъ случаяхъ наказаніе налагалось по свѣтскимъ законамъ, то-есть по Русской Правдѣ, что въ Уставѣ Ярослава выражено формулою: „а князь казнитъ“, а въ пользу духовной власти поступалъ особый штрафъ [2]).

Относительно дѣлъ, составлявшихъ привилегію духовенства, въ пространной редакціи Устава Владиміра Святаго прямо говорится: „разверзъше грецьскый номоканонъ и обрѣтохомъ в немъ, оже сихъ судовъ не подобно судити князю“. Изъ этого одного уже явствуетъ, что, съ выдѣленіемъ зелійничества, на основаніи Номоканона, въ вѣдѣніе духовнаго суда, оно должно было влечь и наказанія, установленныя въ Номоканонѣ. Номоканонъ-же смотрѣлъ на отравленіе и подобныя ему дѣянія, какъ на чародѣйство и волхвованіе. Таковъ

---

[1]) Бѣляевъ, лекціи по исторіи русскаго законодательства, Москва, 1879, стр. 207.

[1]) Калачовъ предлагаетъ, однако, другое объясненіе выраженія „князь казнитъ“. Слово „князь казнитъ“, замѣчаетъ онъ, въ статьяхъ 2, 22 и 10 не означаетъ исключительно казнь въ настоящемъ значеніи, но преимущественно денежное вознагражденіе (Калачовъ, предварительныя юридическія свѣдѣнія для полнаго объясненія Русской Правды. СПб., 1880, стр. 256). Правильнѣе въ этомъ отношеніи объясненіе профессора Владимірскаго-Буданова: Прибавка „а князь казнитъ“ или „да казнятъ его волостельскою казнію“ (ст. 29) указываетъ на то, что дѣянія, караемыя княземъ, считаются не только грѣхомъ, но и преступленіемъ предъ обществомъ; церковной власти по такимъ дѣламъ принадлежатъ денежные штрафы, гражданской власти право уголовной кары (Владимірскій-Будановъ, христоматія по исторіи русскаго права, вып. 1, СПб., 1889, стр. 216 и слѣд.).

былъ взглядъ Византійскаго права. Такъ должны были относиться къ нему и духовныя власти, примѣнители Византійскаго права на Руси.

По Церковному Уставу Владиміра Святаго, юрисдикція церкви была весьма обширна: „роспусть, смильное, заставанье, пошибенье промежу мужемъ и женою о животѣ, въ племени или сватовствѣ поймутся, *вѣдъство*, *зелійничество*, уреканье три: бляднею и *зельи* и еретичествомъ, зубояжа, отца или матерь бьетъ сынъ или дчи, братни ти дѣти тяжутся о задницѣ, церковная татьба, мертвецы волочатъ, крестъ посѣкутъ, или на стѣнахъ рѣжутъ, скоты или псы и потки безъ велики нужы введетъ, или что неподобно въ церкви подѣетъ; тѣ вся суды церкви даны суть“.

Уставъ о церковныхъ судахъ Великаго Князя Ярослава Владиміровича, который „далъ митрополитомъ и епископомъ тѣ суды, что писаны въ правилѣхъ, въ номоканонѣ“, не упоминаетъ приведеннаго положенія. Но, если признавать подлинность Церковнаго Устава Владиміра Святаго, это обозначаетъ лишь то, что Ярославъ не находилъ нужнымъ отмѣнять или измѣнять привилегій, данныхъ духовенству его отцемъ, а находилъ полезнымъ еще болѣе развить и дополнить ихъ.

Уставъ Великаго Князя Всеволода о церковныхъ судѣхъ и о людехъ и мѣрилѣхъ торговыхъ почти дословно повторяетъ начала Владимірова Устава: „А се суды церковные: распускы, смилное, заставаніе, умычка, пошибалное промежы мужемъ и женою о животѣ; въ племени или въ сватъвствѣ поймутся, *потворы и чародѣянія*, *волхвованіе*, *вѣдъство*, *зелейницьство*, зубояжа, уреканія три: бляднею, *зелія*, еретичьство, отца или мати бьетъ сынъ или дщи, или сноха свекровъ; братія или дѣти тяжутся о задници; церковъная татба; мертвечи съвлачають, крестъ посѣкають, или на стѣнахъ рѣжуть и т. д.“.

Наконецъ, въ уставной грамотѣ Смоленскаго князя Ростислава Мстиславича 1150 года, мы находимъ почти то-же самое: „А тяжъ епископлихъ не судити никомуже, судитъ ихъ самъ епископъ: первая тяжа роспустъ; другая тяжа ажъ

водитѣ кто двѣ жонѣ; третья тяжа аже кто поимется черезъ законъ; а четвертая уволочская, ажъ уволочетъ кто дѣвку, што возьметь князь, съ епископомъ на полы, или посадникъ что възметь свои тяжи, то съ епископомъ на полы; а пятое ажъ ту женку (пропускъ), то епископу; шестая вопросъ, а то епископу, *зелья и душегубства* тяжа епископля".

Такимъ образомъ, въ старину отравленіе имѣло у насъ совершенно особый характеръ: оно судилось церковными судами, потому что въ отравѣ видѣли не столько естественную силу веществъ, сколько дьявольскую; отравленія обыкновенно приготовлялись съ заклинаніями [1]).

Такое выдѣленіе зелійничества въ вѣдѣніе церкви, для современнаго человѣка можетъ показаться нѣсколько страннымъ, но оно не казалось таковымъ въ отдаленное время нашихъ удѣльныхъ князей. Въ настоящее время, конечно, при успѣхахъ секуляризаціи права отъ религіи, секуляризировалось и понятіе преступнаго отъ понятія грѣховнаго. Это въ особенности надо сказать въ отношеніи убійствъ чрезъ отравленіе. Преступленія противъ жизни ближняго и въ настоящее время являются нарушеніемъ шестой заповѣди, но никто не говоритъ уже о грѣховности этихъ дѣяній, такъ какъ это понятіе не имѣетъ никакого юридическаго значенія. Съ точки-же зрѣнія теоріи преступности, обращается вниманіе на значеніе бо̀льшаго или меньшаго напряженія волевыхъ и сознавательныхъ способностей при проявленіи во внѣ личнаго состоянія убійцы, какъ человѣка. Душевное-же состояніе отравителя, какъ грѣшника, не можетъ имѣть рѣшающаго характера. Оно можетъ имѣть лишь второстепенное значеніе при отравленіи по неосторожности и при отравленіи случайномъ, когда, ради нравственнаго успокоенія виновнаго, устанавливается необходимость церковнаго покаянія. Но подобныя разсужденія, конечно, были совершенно чужды древнѣйшей эпохѣ русскаго правосознанія.

---

[1]) А. Лохвицкій, курсъ русскаго уголовнаго права, СПб., 1871, стр. 532.

Въ нашемъ правѣ, справедливо замѣчаетъ профессоръ Таганцевъ [1]), повторилось явленіе совершенно аналогичное съ западными законодательствами: такъ-же, какъ и тамъ, долгое время понятіе объ отравленіи тѣсно связывалось съ понятіемъ чаръ и чародѣйства; обвиненія въ колдовствѣ и вѣдунствѣ шли обыкновенно въ тѣсной связи съ обвиненіями въ изготовленіи зелей и снадобьевъ, а самыя постановленія о немъ входили въ законы церковные, и дѣла этого рода вѣдались судами духовными.

Древнѣйшіе памятники русскаго свѣтскаго законодательства не содержатъ никакихъ спеціальныхъ опредѣленій объ отравленіи. Ни въ Русской Правдѣ [2]), ни въ Псковской Судной Грамотѣ [3]), ни въ Судебникѣ Великаго Князя Іоанна III [4]), ни въ Судебникѣ Царя Іоанна IV [5]), ни въ Уставной Книгѣ

---

[1]) Н. С. Таганцевъ, о преступленіяхъ противъ жизни по русскому праву, т. 2, стр. 84.

[2]) Калачовъ, предварительныя свѣдѣнія для полнаго объясненія Русской Правды, Москва, 1846; СПб., 1880. Текстъ Русской Правды, изд. 4, СПб., 1889.

Я. Г. Сѣверскій, Русская Правда, СПб., 1893.

Владимірскій-Будановъ, христоматія по исторіи русскаго права, вып. I, СПб., 1889; и другія изданія (Tobien'a, Rakowieckiego и т. д.).

[3]) Устряловъ, изслѣдованіе Псковской Судной Грамоты, СПб., 1855.

Энгельманъ, гражданскіе законы Псковской Судной Грамоты, СПб., 1855.

Мурзакевичъ, Псковская Судная Грамота, Одесса, 1847, 1868.

Miklosich u. Fiedler, Slawische Bibliothek, 2 Band, Wien, 1858.

Владимірскій-Будановъ, христоматія, вып. 1.

[4]) Судебникъ Великаго Князя Іоанна III.

Акты историческіе, томъ I, № 105.

Утинъ и Лазаревскій, собраніе важнѣйшихъ памятниковъ по исторіи древняго русскаго права, СПб., 1859.

Jireček, Swod Zákonův Slowanských, v Praze, 1880.

[5]) Акты историческіе; т. I, № 153.

Калачовъ, объ уголовномъ правѣ по Судебнику Царя Іоанна Васильевича, Юридическія Записки Рѣдкина, т. 2, Москва, 1842.

Владимірскій-Будановъ, христоматія, вып. 2.

Разбойнаго Приказа [1]) мы не встрѣчаемъ никакихъ постановленій, относящихся до отравленія. Только въ Соборномъ Уложеніи Царя Алексѣя Михайловича 1649 года [2]) находимъ мы впервые самостоятельныя опредѣленія о лишеніи жизни при помощи яда, какъ объ одномъ изъ видовъ убійства.

А между тѣмъ, случаи обвиненія и въ простомъ и въ чародѣйственномъ отравленіи были весьма часты въ Россіи, особенно до временъ Петра Великаго. Извѣстно, напр., что Царь Иванъ Васильевичъ Грозный обвинялъ Сильвестра и Адашева въ томъ, что они при помощи чародѣйства отравили и извели его первую любимую жену, Царицу Анастасію; имъ воспрещена была даже явка на судъ, дабы они не околдовали и самого Царя; сослали тогда не только Сильвестра и Адашева, но и всѣхъ ихъ родственниковъ и вообще близкихъ людей. Казнили тогда-же одну женщину (Марію), будто-бы находившуюся въ связи съ Адашевымъ и умышлявшую при помощи чаръ отравить Государя. Казнили по такому-же подозрѣнію Даніила Адашева, бояръ Сатиныхъ, Ивана Шишкина и другихъ. Въ рѣчи своей къ боярамъ Іоаннъ открыто высказываетъ это подозрѣніе: „извели нашу кроткую и благочестивую супругу Анастасію Романовну, и если бы Богъ насъ не охранилъ, то извели бы и насъ съ нашими дѣтьми“. Когда въ 1549 году скончалась вторая супруга Іоанна, Марія Темрюковна, Царь опять заподозрилъ, что и её отравили. Подобныя подозрѣнія отчасти поддерживалъ въ немъ голландецъ Бомелій, лекарь и астро-

---

[1]) Уставная Книга Разбойнаго Приказа.

Акты историческіе. т. III, № 167.

[2]) О значеніи Уложенія см. напр.: Линовскаго, изслѣдованіе началъ уголовнаго права, изложенныхъ въ Уложеніи Царя Алексѣя Михайловича, Одесса, 1847.

Ср. также сочиненія Строева, Есиповича, Утина, Сокольскаго и другія. Объ отравленіи, впрочемъ, эти писатели не упоминаютъ. Даже Строевъ, посвящая уголовному праву цѣлое отдѣленіе (3) въ главѣ VII своего сочиненія (Историко-юридическое изслѣдованіе Уложенія изд. Ц. А. М., СПб., 1833, стр. 82), ничего не говоритъ о значеніи отравленія.

логъ. Когда-же вскорѣ послѣ женитьбы умерла и третья жена Іоаннова, Марѳа Собакина, Царь окончательно былъ убѣжденъ, что её отравили родичи двухъ первыхъ женъ. Бомелій оказалъ тогда свою гнусную помощь: по его указаніямъ были отравлены князь Гвоздевъ-Ростовскій, Григорій Грязной и другіе [1]).

Во времена правленія Царя Василія Шуйскаго, племянникъ его, князь Михаилъ Скопинъ-Шуйскій, готовясь идти на Сигизмунда подъ Смоленскъ, вдругъ занемогъ и умеръ, отравленный, по свидѣтельству современниковъ, женою царскаго брата Дмитрія Шуйскаго. „23 апрѣля 1610 года князь Дмитрій давалъ обѣдъ Скопину. Бесѣдовали дружественно и весело. Жена Дмитріева, княгиня Екатерина, дочь того, кто жилъ смертоубійствами — Малюты Скуратова, явилась съ ласкою и чашею предъ гостемъ знаменитымъ: Михаилъ выпилъ чашу и былъ принесенъ въ домъ, исходя кровію, безпрестанно лившеюся изъ носа. Сію внезапную смерть юноши, цвѣтущаго здравіемъ, приписали яду“.... (Карамзинъ, Исторія Государства Россійскаго, томъ XII). Самъ Василій Шуйскій, по многимъ предположеніямъ, умеръ также отъ отравы. По низверженіи съ престола онъ вмѣстѣ съ братьями былъ привезенъ въ Варшаву и затѣмъ заключенъ въ Гостынскій замокъ. Плѣнники не прожили здѣсь и года, скончавшись въ 1612 году. Молва о ихъ насильственной смерти дошла и до Москвы, гдѣ разсказывали, что ихъ отравили. „Въ Литвѣ жъ царя Василья и брата ево князя Дмитрея и со княгинею умориша“ [2]). „Тамо-же и скончашася нужною смертью“ [3]).

---

[1]) Подробн. см. въ историческихъ сочиненіяхъ Полеваго, Карамзина, Костомарова, Соловьева, Иловайскаго. Ср. также новѣйшія работы:

Проф. Н. Н. Фирсова, Царь Иванъ Васильевичъ Грозный, 1892.

Проф. П. И. Ковалевскаго, Іоаннъ Грозный и его душевное состояніе, Харьковъ, 1894.

[2]) Русская лѣтопись по Никонову списку. VIII, 148.

[3]) Повѣсть о нѣкоей брани, належащей на благочестивую

На ряду съ такими дѣйствительными случаями отравленія у насъ не только въ Царскій, но даже и въ Императорскій періодъ по прежнему продолжаютъ встрѣчаться обвиненія въ порчѣ, заговорахъ, чародѣйствѣ и колдовствѣ. Такъ, напримѣръ, въ 1670 году сожжена была въ срубѣ монахиня еретица и вѣдунья, и съ нею вмѣстѣ ея воровскія заговорныя письма и коренья; въ 1689 году иноземецъ Квиринко (Квиринъ Кульманъ мистикъ, почти сумасшедшій) сожженъ „съ книгами и письмами богомерзкими" (Н. Д. Сергѣевскій, наказаніе въ русскомъ правѣ XVII вѣка, стр. 119. Есиповъ, грѣхъ и преступленіе, святотатство и кража, стр. 22). Смертная казнь чрезъ сожженіе была обыкновеннымъ и постояннымъ наказаніемъ для чародѣевъ и чернокнижниковъ. Объ этомъ свидѣтельствуетъ и Котошихинъ [1]): „А бываютъ мужскому полу смертныя казни: жгутъ живого за богохульство, за церковную татьбу, за содомское дѣло, *за волховство*, *за чернокнижство*, за книжное переложеніе". Самое сожженіе, какъ извѣстно, производилось у насъ на кострѣ или въ срубѣ [2]).

Такое отношеніе къ чародѣйству вполнѣ понятно, если припомнить суевѣрія среднихъ вѣковъ вообще. Въ теченіе

Россію. С. Ѳ. Платоновъ, Древнерусскія сказанія и повѣсти о Смутномъ времени XVII вѣка, СПб., 1888, 119.

Ср. А. Н. Поповъ, Изборникъ, М., 1869, 200: И тако отведоша его (ц. Василія) въ Литву къ Жигимонту королю, и тамо нужнымъ страданіемъ пріятъ кончину житія своего.

Д. В. Цвѣтаевъ, Царь Василій Шуйскій въ Польшѣ Варшавскія Университетскія Извѣстія, 1894, IV, стр. 1—7. Ср. Исторія Московской каплицы въ Варшавѣ, Варш. Унив. Изв., 1895 г., VIII, стр. 1 и 2.

[1]) Котошихинъ, о Россіи, въ царствованіе Алексѣя Михайловича, СПб. 1859, стр. 95.

[2]) Н. Д. Сергѣевскій, наказаніе въ русскомъ правѣ XVII вѣка, СПб., 1888, стр. 117 и слѣд.

Н. П. Загоскинъ, очеркъ исторіи смертной казни въ Россіи, Казань, 1892, стр. 56 и слѣд.

среднихъ вѣковъ и даже до половины 18 вѣка, было общее убѣжденіе не только въ массѣ народа, но и у людей правительственныхъ, даже ученыхъ, въ возможности союза человѣка съ дьяволомъ; что человѣкъ можетъ продать душу дьяволу, получивши въ замѣнъ этого власть дѣлать сверхъестественныя дѣла, направленныя на зло. Безъ сомнѣнія, колдовство было остаткомъ языческихъ религій. Въ нашей исторіи извѣстны появленія волхвовъ въ XI вѣкѣ, которые будто-бы дѣлали необычайныя дѣла, и волновали цѣлыя области; была въ ходу даже въ XVI и XVII вѣкахъ цѣлая литература чернокнижія, заклинаній отъ болѣзни, отъ любви и проч.; книги эти были прокляты на Стоглавомъ соборѣ [1]).

Только во времена Царя Алексѣя Михайловича, встрѣчаемъ мы первыя опредѣленія положительнаго права, разсматривающія отравленіе, не какъ чародѣйство, а какъ особый видъ лишенія жизни. Въ Соборномъ Уложеніи 1649 г. отравленіе, какъ было замѣчено выше, стоитъ на ряду съ другими видами убійства. Двѣ статьи Уложенія посвящены этому преступленію. Постановленія эти имѣютъ въ виду отравителей вообще и женъ-отравительницъ въ частности:

А будетъ кто кого отравитъ зельемъ, и отъ тоя отравы тотъ, кого отравятъ, умретъ: и того, кто такое злое дѣло учинитъ, пытати накрѣпко, напередъ того онъ надъ кѣмъ такова дѣла не дѣлывалъ-ли, и пытавъ его, казнити смертію [2]).

А будетъ жена учинитъ мужу своему смертное убійство, или окормитъ его отравою, а сыщется про то допрямa: и ее за то казнити, живу окопати въ землю и казнити ее такою казнію безо всякія пощады, хотя будетъ убитаго дѣти, или иные кто ближніе роду его, того не похотятъ, что ее казнити, и ей отнюдь не дати милости, и держати ее въ землѣ до тѣхъ мѣстъ, покамѣстъ она умретъ [3]).

---

[1]) Лохвицкій, названное сочиненіе, стр. 324.

[2]) Соборное Уложеніе, гл. XXII, ст. 23.
Полн. Собр. Зак., томъ I, № 1.

[3]) Соборное Уложеніе, гл. XXII, ст. 14.

Новоуказныя статьи о татебныхъ, разбойныхъ и убійственныхъ дѣлахъ 22 генваря 1669 года почти дословно повторяютъ приведенныя правила Соборнаго Уложенія Царя Алексѣя Михайловича, но присоединяютъ еще ссылку на Византійское право, именно, на Градскіе Законы:

Будетъ кто кого отравитъ зѣльемъ, и отъ тоя отравы тотъ, кого отравятъ, умретъ, и того, кто такое злое дѣло учинитъ, пытать накрѣпко, напередъ того онъ надъ кѣмъ такого дѣла не дѣлывалъ ли, и у кого тому злу учился, и пытавъ его, казнить смертью. А въ градскихъ законѣхъ написано: иже сотворивый чародѣянія, и на погубленіе человѣка, или у себя имый, или продавъ, яко убійца по закону мучится [1]).

А будетъ жена учинитъ мужу своему смертное убивство, или окормитъ отравою, а сыщется про то допрямa: и ее за то казнить, живу окопать въ землю, и т. д. [2]).

Кромѣ приведеннаго правила Градскихъ Законовъ, и другія положенія Византійскаго права оказали несомнѣнное вліяніе на построеніе понятія объ отравленіи въ нашемъ отечественномъ законодательствѣ. Проводникомъ Византійскаго права была у насъ, какъ замѣчено выше, Кормчая книга [3]), изъ которой и заимствовано опредѣленіе Новоуказныхъ статей [4]). Въ свою-же очередь, это правило Кормчей Книги есть буквальный переводъ изъ Прохирона [5]).

Полн. Собр. Зак. томъ I, № 1.

Е. П. Карновичъ, Собраніе узаконеній русскаго государства, томъ I, Царствованіе Царя Алексѣя Михайловича, СПб., 1875.

[1]) Новоуказныя статьи о татебныхъ, разбойныхъ и убійственныхъ дѣлахъ 1669 (7177) года, ст. 99.

Полн. Собр. Зак.. томъ I, № 441.

[2]) Новоуказныхъ статей ст. 100.

Полн. Собр. Зак., томъ I, № 441.

[3]) Калачовъ, о значеніи Кормчей въ системѣ древняго русскаго права, Москва, 1850.

Павловъ, Номоканонъ при большомъ Требникѣ, Одесса, 1872.

[4]) Закона Градскаго грань 39 о казнехъ, 2.

Кормчая Книга, часть II, глава 48, листъ 111 на оборотѣ.

[5]) Zachariae, Ὁ ΠΡΟΧΕΙΡΟΣ ΝΟΜΟΣ, Imperatorum Basilii, Con-

О пагубницѣхъ и о чародѣйцахъ говорится во многихъ мѣстахъ Кормчей Книги. Она смотритъ на нихъ такъ-же сурово, какъ смотрѣло и греко-римское право:

Губители, чаротворцы, на вредъ человѣчь призывающе бѣсы, мечемъ да оусѣчени боудутъ. Обрѣтаяижеся или свободенъ, или работенъ, виною любокакою давъ кому пити: или жена моужеви, или моужъ женѣ, или раба госпожи, и тоя ради вины в немощь впадетъ и пріемый питіе, и приключится ему истещи и оумрети, мечемъ да оусѣченъ боудетъ [1]).

Это опредѣленіе Кормчей, въ связи съ упомянутымъ правиломъ Градскихъ Законовъ, и были руководящими основаніями для законодателя Новоуказныхъ статей. Но въ Кормчей мы встрѣчаемъ и иныя опредѣленія, частію каноническаго, частію процессуальнаго свойства: одни изъ нихъ опредѣляютъ сроки покаянія для отравителей и чародѣевъ, другія регулируютъ порядокъ допроса въ случаяхъ отравленія:

Обаяніе и чародѣяніе исповѣдая, оубійцы время да пріиметъ, еже есть, двадесять лѣтъ. Обавникъ и чародѣй, яко убійцы суть: вольнаго убійства запрещеніе, обавницы и чародѣи да пріимутъ. Разбойници, чародѣйци, и идолослужители, двадесять лѣтъ по древнему обычаю запрещеніе да пріимутъ [2]).

---

stantini et Leonis Prochiron, Heidelbergae, 1837, tit. XXXIX. cap. 2.

Ср. Suallembergi, ΠΡΌΧΕΙΡΟΝ ΝΌΜΩΝ, Epitome Juris Civilis, quae Legum Prochiron, et Hexabiblos inscribitur, authore Constantino Harmenopulo, Parisiis, 1540.

[1]) Кормчая Книга, часть II, глава 49, Леона Царя премудраго и Константина вѣрною Царю главизны, зачало 16, гл. 20, листъ 134 на оборотѣ.

[2]) Кормчая Книга, часть I, глава 23, Святаго Василія Великаго правило 12, листъ 175. Его-же правило 65, листъ 170. Его-же правило 8, листъ 159.

См. Кормчую Книгу, часть II, главу 44, Новыхъ заповѣдей Іоустиніана Царя, девятыя грани гл. 9, листъ 38 на оборотѣ: „первое моучатся чюждіи раби, глаголюще, яко той есть отравилъ: и егда начнутъ глаголати вѣрно о согрѣшеніи, тогда глаголемый отравникъ моученъ боудетъ“. Здѣсь, такимъ образомъ, указано, что сперва до-

Придерживаясь взглядовъ Кормчей Книги, какъ Соборное Уложеніе, такъ и Новоуказныя статьи, приравниваютъ отравителей къ убійцамъ и разсматриваютъ это преступленіе на ряду съ прочими видами лишенія жизни. При этомъ, справедливо замѣчаетъ профессоръ Таганцевъ, по наказуемости отравленіе ничѣмъ не отличалось отъ другихъ видовъ убійства; законъ допускалъ только одно предположеніе, что отравленіе легко можетъ перейти въ привычку, сдѣлаться ремесломъ, почему и постановлялъ за правило пытать всякій разъ отравителя: не совершилъ ли онъ и другихъ дѣлъ этого рода.

Новоуказныя статьи къ этому требованію „пытать накрѣпко, напередъ того онъ надъ кѣмъ такова дѣла не дѣлывалъ ли“ присоединяютъ еще вопросъ: „и у кого тому злу учился“. Это послѣднее дополненіе какъ-бы свидѣтельствуетъ о томъ, что Новоуказныя статьи еще болѣе чѣмъ Уложеніе проникли́сь началами Византійскаго права. Дѣйствительно, Номоканонъ смотрѣлъ на отравленіе, какъ на профессіональное преступленіе особаго рода людей „обавниковъ и чародѣевъ“. У этихъ-то учителей преступленія и можно было достать ядовитыя и другія сильно-дѣйствующія вещества; у нихъ можно было узнать тайны чародѣйства и отравленія, и вообще „научиться тому злу“.

Наличность особыхъ постановленій, касающихся спеціально женъ-отравительницъ (и въ Соборномъ Уложеніи, и въ Новоуказныхъ статьяхъ), въ свою очередь, доказываетъ то, что и у насъ, какъ и на Западѣ, какъ и въ древнемъ мірѣ, отравленіе было преступленіемъ женскимъ по преимуществу. Въ ядахъ и отравахъ женщина находила наиболѣе легкія средства мести, средства избавиться отъ постылаго мужа, безъ всякихъ физическихъ усилій, которыя необходимы при другихъ преступленіяхъ.

Но и Соборное Уложеніе, и Новоуказныя статьи имѣли въ виду лишь отравленіе умышленное. Случаи неосторожнаго ли-

---

прашивается и пытается доносчикъ, а потомъ уже тотъ, на кого донесено, какъ на отравителя.

шенія жизни отравленіемъ не были вовсе предусмотрѣны. Между тѣмъ дѣянія такого рода повторялись и заставили, наконецъ, правительство обратить серьёзное вниманіе на ихъ значеніе.

Дѣло въ томъ, что уже съ XVI столѣтія знахарство въ Россіи начинаетъ уступать мѣсто медицинѣ, которая все болѣе и болѣе проникала въ наше отечество. Въ XVI столѣтіи значительно увеличивается пріѣздъ въ Россію иноземныхъ медиковъ, а въ XVII вѣкѣ можно уже отмѣтить рядъ весьма раціональныхъ мѣръ противъ эпидемическихъ болѣзней и моровыхъ повѣтрій. Царь Іоаннъ Васильевичъ разрѣшаетъ открыть въ Москвѣ первую аптеку. Затѣмъ учреждается аптекарскій приказъ [1]), который состоялъ въ началѣ исключительно изъ иноземныхъ лекарей; русскіе посылаются за-границу для узученія медицины, составляются травники, разводятся аптекарскіе сады. Но, конечно, и медицина въ это отдаленное время (какъ и понынѣ) не могла быть безусловно непогрѣшимой. Терапія того времени носила своеобразный характеръ, фармакологія была въ зачаточномъ состояніи. Неудивительно поэтому, что врачей часто упрекали въ неудовлетворительномъ леченіи, а иногда обвиняли и въ отравленіи. Не безъ строгости отнеслось къ нимъ и законодательство.

---

[1]) Въ Аптекарскомъ приказѣ, по словамъ Котошихина, сидѣли бояринъ да дьякъ; а вѣдомо въ томъ Приказѣ аптека, и докторы, и лекари, иныхъ государствъ люди, да для ученья Русскихъ людей съ 20 человѣкъ.

Точное время возникновенія Аптекарскаго приказа неизвѣстно, хотя существуютъ весьма вѣскіе доводы въ пользу того, что онъ существовалъ уже въ началѣ XVII вѣка, если только время возникновенія его не можетъ быть отодвинуто даже до конца XVI столѣтія. Въ писцовой книгѣ Вяземскаго уѣзда, относящейся къ концу XVI вѣка, идетъ рѣчь о „подъячемъ Аптекарскаго приказа“, откуда мы вправѣ заключить, что уже въ концѣ этого вѣка не только существовало это учрежденіе, но что за нимъ установилось то самое названіе, съ которымъ мы встрѣчаемъ его въ XVII столѣтіи (Н. П. Загоскинъ, врачи и врачебное дѣло въ старинной Россіи, Казань, 1891, стр. 29). См. также ниже, ч. II, гл. V, отд. 2, II.

4 Марта 1686 (7194) года послѣдовалъ именной указъ съ Боярскимъ приговоромъ, о наказаніи лекарей за *умерщвленіе больныхъ по умыслу и по неосторожности* (Полн. Собр. Зак., т. II, № 1171).

Лѣкаря Мишку Тулейщикова, говорится въ этомъ указѣ, за то, что онъ лѣкарю Андрею Харитонову, вмѣсто раковыхъ глазъ, отвѣсилъ въ пьянствѣ золотникъ сулемы, а онъ Андрей ту сулему давалъ въ ренскомъ подьячему Юрью Прокофьеву, и тотъ подьячій при немъ умре: велѣно сослать съ женою и съ дѣтьми въ Курскъ, а по лѣкарѣ Андреѣ Харитоновѣ собрать поручная запись, что ему такихъ вредительныхъ и смерть наводящихъ статей ни кому не давать, и сказанъ Великаго Государя указъ всѣмъ лѣкарямъ: буде изъ нихъ кто *нарочно, или не нарочно ко о уморятъ*, а про то сыщется, и имъ *быть казненнымъ смертью* [1]).

Этотъ Боярскій приговоръ заключаетъ въ себѣ три различныя опредѣленія, касающіяся: во-первыхъ, лекаря, отпустившаго въ пьяномъ видѣ ядъ вмѣсто безвреднаго лекарства; во-вторыхъ, лекаря, давшаго по небрежности ядовитое вещество вмѣсто безвреднаго; въ-третьихъ, всѣхъ лекарей, уморившихъ кого-либо нарочно или ненарочно. Лекаря, который вмѣсто раковыхъ глазъ отвѣсилъ въ пьянствѣ золотникъ сулемы, отъ чего приключилась смерть, предписывается сослать въ Курскъ, по тогдашнему обычаю съ женою и съ дѣтьми. По лекарѣ, который далъ это снадобье больному, велѣно собрать поручную запись, что онъ впредь никому не будетъ давать „такихъ вредительныхъ и смерть наводящихъ статей“. А всѣмъ лекарямъ вообще угрожается смертною казнью, если кто-нибудь изъ нихъ „уморитъ“ кого-либо умышленно или даже по неосторожности. Такимъ образомъ, неосторожность пьянаго врача влекла ссылку, неосторожность трезваго врача поручную запись, а за возможные въ будущемъ случаи подобной неосторожности угрожается смертною казнію. Но эта угроза смертною казнью за непра-

---

[1]) Ср. Н. Д. Сергѣевскаго, наказаніе въ русскомъ правѣ XVI вѣка, стр. 89.

вильное врачеваніе едва-ли имѣла частое практическое примѣненіе: осуществленіе ея могло-бы удерживать иностранныхъ медиковъ отъ пріѣзда въ Россію, чего, однако, мы не видимъ. Что-же касается пьянства и небрежности, то они имѣли тогда иное значеніе, чѣмъ теперь. Нынѣ аптекари, изобличенные въ нетрезвой жизни и нерадѣніи къ должности, послѣ замѣчаній и выговоровъ, лишаются навсегда права содержать аптеки; тоже наказаніе установлено и за неосторожность при отпускѣ ядовитыхъ и сильнодѣйствующихъ веществъ (Улож. о Нак. ст. 890, 885). Врачи-же, если отъ неправильнаго леченія послѣдуетъ кому-либо смерть, предаются церковному покаянію; а за незнаніе своего искусства и явныя ошибки имъ воспрещается практика (Улож. о Нак. ст. 870).

14-го Февраля 1700 года состоялся новый Боярскій приговоръ, о наказаніи незнающихъ медицинскихъ наукъ, и по невѣжеству въ употребленіи медикаментовъ, причиняющихъ смерть больнымъ. Здѣсь между прочимъ приводится цѣликомъ и указъ 1686 года. Приговоръ этотъ вызванъ былъ слѣдующимъ обстоятельствомъ [1]).

Взятъ былъ въ Стрѣлецкой приказъ Боярина Петра Петровича Салтыкова человѣкъ Алешка Каменской, для того, что онъ Боярина лѣчилъ, и принашивалъ лѣкарства, и отъ тѣхъ лѣкарствъ Бояринъ умре скорою смертью; а въ распросѣ и съ пытки, онъ Алешка сказалъ, что онъ Боярина лѣчилъ, и лѣкарства всякія, покупая въ зелейномъ ряду въ лавкахъ, давалъ; и Апрѣля де 17 числа Бояринъ говорилъ ему, чтобъ онъ принесъ лѣкарства отъ сна, и онъ Алешка купилъ арьяну на три деньги, осьмую долю золотника, и принесчи рознялъ на двѣнадцать доль, меньше конопляныхъ зеренъ, положа въ хрустальномъ стаканѣ, давалъ Боярину отъ сна, а не для отравы, и умыслу у него о томъ ни съ кѣмъ не было; а на другой день онъ то лѣкарство отдалъ Боярскому малому и тотъ де малый отдалъ Боярину все, а Бояринъ съ того числа по се

---

[1]) Полн. Собр. Зак., т. IV, № 1756.
Ср. также Загоскина, вышепривед. сочиненіе. стр. 66.

время не проспится. А по справкѣ съ Аптекарскимъ приказомъ и по свидѣтельству Докторовъ и Лѣкарей, того лѣкарства болящимъ даютъ по разсмотрѣнію, перцовыхъ зерна по три и по четыре и по пяти съ иными лѣкарствы, и принимаютъ его не вдругъ, а иной де болящій съ того лѣкарства и съ дву зеренъ умретъ. И нынѣ Алешку Каменскаго, за вышеписанное воровство, сослать въ ссылку въ Азовъ съ женою на каторгу.

Въ этомъ Боярскомъ приговорѣ нельзя не отмѣтить желаніе точно разъяснить судебно-медицинскую сторону дѣла, какъ путемъ допроса виновнаго, такъ и путемъ судебно-медицинской экспертизы; послѣднее видимъ мы въ справкѣ съ Аптекарскимъ приказомъ и въ указаніи на свидѣтельство докторовъ и лекарей. Что-же касается установленнаго здѣсь наказанія за неправильное врачеваніе лицомъ, незнающимъ медицинскихъ наукъ (ссылка въ Азовъ на каторгу), — то, по современнымъ понятіямъ, оно является слишкомъ суровымъ. По дѣйствующему уложенію, если отъ врачеванія лицами, не имѣвшими на то права и употреблявшими при леченіи ядовитыя и сильно-дѣйствующія вещества (Уст. Врач., ст. 879 и прил.), произойдетъ вредъ для здоровья, то виновные подвергаются: заключенію въ тюрьмѣ отъ двухъ до четырехъ мѣсяцевъ; или аресту отъ семи дней до трехъ мѣсяцевъ; или денежному взысканію не свыше трехсотъ рублей (Улож. о Нак. ст. 871[1]).

Что-же касается отравленія умышленнаго, то, послѣ Соборнаго Уложенія Царя Алексѣя Михайловича, при Петрѣ Великомъ дважды было подтверждено опредѣленіе о смертной казни отравителей. Первый разъ объ этомъ говорится въ именномъ указѣ, объявленномъ изъ Преображенскаго Приказа Приказу Судныхъ дѣлъ, въ 1703 году; второй разъ—въ Воинскихъ Артикулахъ и въ Морскомъ Уставѣ. Въ первомъ случаѣ отравленіе было уравнено съ прочими видами смертнаго умышленнаго убивства и наказывалось простою смертною казнью. Въ Воинскихъ-же Уставахъ оно считается тяжкимъ видомъ лишенія жизни и влечетъ квалифицированную смертную казнь.

Упомянутый указъ изъ Преображенскаго Приказа Прика-

зу Судныхъ дѣлъ состоялся 19 Ноября 1703 года [1]), по вопросу о наказаніи за бунтъ, измѣну и душегубство смертію, а за воровство ссылкою въ Азовъ на каторгу:

На Москвѣ, гласитъ Указъ, во всѣхъ Приказахъ приводныхъ всякихъ чиновъ людей, которые явятся по розыскнымъ дѣламъ, въ его Государевыхъ дѣлахъ, въ измѣнѣ и въ бунтѣ, и въ смертныхъ умышленныхъ убивствахъ, или кто кого какимъ *смертнымъ питіемъ или отравою уморитъ*: и тѣхъ людей за тѣ ихъ вины, *казнить смертію*. А которые люди явятся опричь вышеписанныхъ винъ въ иныхъ всякихъ воровствахъ: и тѣхъ, по прежнему Своему Великаго Государя указу, за ихъ вины, ссылать въ Азовъ на каторгу.

Затѣмъ, какъ въ Воинскихъ Артикулахъ, такъ и въ Морскомъ Уставѣ, встрѣчаются двоякаго рода опредѣленія объ отравленіи: на ряду съ обыкновенными случаями отравленія, здѣсь попрежнему встрѣчается еще и отравленіе чародѣйственное; и то и другое влекло квилифицированную смертную казнь: обыкновенное отравленіе—смертную казнь чрезъ колесованіе, чародѣйственное отравленіе—чрезъ сожженіе.

О чародѣйственномъ отравленіи говорится въ Уставахъ слѣдующее.

По Морскому Уставу: Наказаніе сожженія есть обыкновенная казнь чернокнижцамъ, и тѣмъ, которые *чрезъ отраву вредъ какой учинятъ* [2]). По Воинскому Уставу: Наказаніе сожженія есть обыкновенная казнь чернокнижцамъ, ежели оный своимъ *чародѣйствомъ вредъ кому учинилъ* [3]).

Кто чародѣя подкупитъ, или къ тому склонитъ, чтобъ онъ кому другому вредъ учинилъ, оный равно такъ какъ чародѣй самъ наказанъ будетъ. Это объясняется общимъ принципомъ Артикуловъ о солидарной отвѣтственности соучастниковъ: что

---

[1]) Полн. Собр. Зак., т. IV, № 1951.

[2]) Полн. Собр. Зак., т. VI, № 3485, Уставъ Морской, книга IV, глава I, арт. 1 толкованіе.

[3]) Полн. Собр. Зак., т. V, № 3006, Уставъ Воинскій, Артикуловъ глава I, арт. 1 толкованіе.

единъ черезъ другаго чинитъ, почитается такъ, яко бы онъ самъ то учинилъ [1]).

Упоминаніе въ Уставахъ о чародѣйственномъ отравленіи не должно насъ удивлять: Уставы были почти дословною копіею съ шведскихъ законовъ, и первая глава ихъ „О страхѣ Божіи (Von der Gottes-Furcht), гдѣ говорится о чародѣяхъ и чернокнижцахъ, весьма напоминаетъ такой-же титулъ шведскаго военнаго артикула короля Густава Адольфа, въ дополненной редакціи короля Карла XI [2]). (Ср. П. О. Бобровскій, происхожденіе артикула воинскаго и изображенія процессовъ Петра Великаго по Уставу Воинскому 1716 г., СПб., 1881, стр. 35).

Отравленіе обыкновенное, какъ особый видъ лишенія жизни, характеризуется и опредѣляется въ Уставахъ, сообразно общему взгляду на смертное убійство:

Убивство, читаемъ мы въ Уставѣ, двоякое есть: одно безъ вымысла во время драки, другое-же съ вымысла, коли противникъ ничего ему не дѣлаетъ; и таковые оба безо всякія пощады будутъ казнены смертію. Равно-же разумѣется и о тѣхъ, которые, хотя не ружьемъ, но *отравою убивство учинятъ, или учинить намѣрены.* Всѣмъ убійцамъ и намѣреннымъ на то смертная казнь [3]). Ежели кто другаго *отравою погубитъ*, онаго надлежитъ колесовать [4]).

Которые на убивство или *на отраву подкупаютъ*, соизволяютъ и научаютъ, или вѣдая о томъ намѣреніи, не объявятъ: тѣ, какъ вымышленные убійцы да судятся [5]). Ежели кто для прибыли или въ надеждѣ къ какой прибыли, договорится, наймется, или дастъ себя подкупить, или готова себя учинитъ кого убить смертно: тогда оный купно съ тѣмъ, кто его нанялъ, подкупилъ или упросилъ, колесомъ разломанъ и тѣла ихъ на колеса положены быть имѣютъ [6]).

---

[1]) Воинскій Уставъ, глава I, арт. 2 толкованіе.

[2]) Tit. I. Von der Gottes-Furcht und dem heiligen Wort Gottes.

[3]) Уставъ Морской, книга V, глава XV, арт. 107 и толкованіе.

[4]) Уставъ Воинскій, глава XIX, арт. 162.

[5]) Морской Уставъ, книга V, глава XV, арт. 109.

[6]) Воинскій Уставъ, глава XIX, арт. 161.

Такимъ образомъ, Уставы Петра Великаго убійству безъ умысла въ дракѣ противополагаютъ убійство съ вымысла. Но, съ другой стороны, они не различаютъ по наказанію самихъ убійцъ отъ тѣхъ, кто имѣлъ только намѣреніе на убійство: какъ убійцы, такъ и намѣренные ко убивству подлежатъ смерти. То-же начало было принято и въ отношеніи убійствъ, совершенныхъ при помощи яда: и оконченное отравленіе, и простое намѣреніе отравить влекли колесованіе. Колесованію подлежали также и тѣ, которые подкупали на отраву и наемные отравители, каковыми обыкновенно бывали холопы и крѣпостные.

Что-же касается не убійствъ чрезъ отравленіе, а причиненія ядомъ разстройства здоровья, то такія поврежденія влекли не колесованіе, а отсѣченіе головы. Установленіе смертной казни въ данномъ случаѣ мотивировалось безусловной смертельностью такого рода поврежденій: раны, которыя чрезъ отравныя вещи или звѣрей учинятся, всегда едва не суть смертоносны (неудачный переводъ нѣмецкаго текста: die Wunden, so durch gifftige Werckzeuge oder Thiere geschehen, sind fast allezeit tödlich. [1]).

Независимо сего, какъ законодательство Петра Великаго, такъ и послѣдующіе указы обращаютъ весьма серьёзное вниманіе на случаи неосторожныхъ отравленій, и выставляютъ цѣлый рядъ полицейскихъ предупредительныхъ мѣръ о порядкѣ храненія и продажѣ ядовитыхъ и сильно-дѣйствующихъ веществъ.

Такой характеръ имѣли, напримѣръ, слѣдующіе указы и постановленія. Сенатскій указъ 25 Іюля 1729 года, запрещаетъ медицинскую практику людямъ, не имѣющимъ свидѣтельствъ въ знаніи медицины [2]). Именной указъ 6 февраля 1731 года запрещаетъ держать и продавать мышьякъ въ лавкахъ и другихъ мѣстахъ кромѣ аптекъ [3]). Именной указъ 8

---

[1]) Воинскій Уставъ, Артикулы, глава XIX, 154 толкованіе.
[2]) Полн. Собр. Зак., томъ VIII, № 5449.
[3]) Полн. Собр. Зак., томъ VIII, № 5691.

января 1733 года точно также запрещаетъ продавать въ рядахъ, лавкахъ и на торгахъ мышьякъ и другія ядовитыя матеріалы и сильнодѣйствующія вещества, и угрожаетъ наказаніемъ тѣмъ, кто въ такой непозволительной продажѣ окажется виновнымъ; яды-же предписывается продавать въ однѣхъ только аптекахъ, а гдѣ ихъ нѣтъ, то въ Ратушахъ [1]). Сенатскій указъ 19 іюня 1758 года снова подтверждаетъ это правило о продажѣ ядовитыхъ матеріаловъ только въ однѣхъ аптекахъ и ратушахъ, подъ страхомъ наказанія и денежнаго штрафа за незаконную продажу ядовъ въ рядахъ; этимъ указомъ установлено было не только взысканіе пени съ виновныхъ, но и опредѣлено вознагражденіе для доносителей [2]). Наконецъ, извѣстная инструкція сотскому съ товарищи 30 декабря 1774 года, говоря объ обязанностяхъ старостъ, предписываетъ имъ наблюдать, дабы въ деревняхъ не были продаваемы ядовитыя вещества [3]). Такія полицейскія предупредительныя мѣры встрѣчаемъ мы и въ указахъ послѣдующаго времени [4]).

ОТДѢЛЪ II.

Литовскій статутъ и Малороссійское право.

I. Литовскій Статутъ.

Знакомство съ Литовскимъ правомъ представляется весьма важнымъ для изученія русскаго права, такъ какъ вліяніе его отразилось на многихъ постановленіяхъ древнерусскаго законодательства. Извѣстно, напримѣръ, что на наше Собор-

---

[1]) Полн. Собр. Зак., томъ IX, № 6304.

[2]) Полн. Сорб. Зак., томъ XV, № 10851.

[3]) Полн. Собр. Зак., томъ XIX, № 14231, п. 6.

[4]) Таковъ, напримѣръ, Сенатскій указъ декабря 1818 года объ осторожности при содержаніи караула колодниковъ, дабы не было даваемо имъ ядовитыхъ веществъ.

ное Уложеніе Царя Алексѣя Михайловича 1649 года, кромѣ Византійскаго права, оказало нѣкоторое вліяніе и право литовско-русское, то-есть Литовскій Статутъ. Но заимствованія изъ Литовскаго Статута дѣлались строго обдуманно и осмысленно. Рецепція Статута въ Уложеніи, справедливо замѣчаетъ профессоръ Владимірскій-Будановъ [1]), есть въ то-же время самостоятельное творчество права. Во всемъ Уложеніи едва можно отыскать двѣ-три статьи, въ которыхъ оно, слѣдуя буквальному смыслу Статута, потеряло чрезъ то свой собственный и всякій юридическій смыслъ.

Какъ извѣстно, существуетъ нѣсколько текстовъ Статута: Старый Статутъ 1529 года (13 раздѣловъ, 106 страницъ), Мамоническій текстъ 1588 года (14 раздѣловъ, 382 страницы), Волынскій текстъ (13 раздѣловъ, 222 страницы). Всѣ тексты изданы во Временникѣ Императорскаго Общества Исторіи и древностей Россійскихъ, кн. 18, 19 и 23 [2]). Для насъ важнѣе другихъ представляется — Статутъ Великаго Княжества Литовскаго, отъ найяснѣйшаго государя короля его милости Жикгимонта третьяго, на коронаціи выданный року 1588, (Вильна, у Мамоничей).

Въ Литовскомъ статутѣ 1588 года говорится объ отравленіи — „трутизнѣ“ — въ IV раздѣлѣ о судѣ [3]), именно, въ артикулѣ тридцатомъ о преступленіяхъ, подвѣдомственныхъ

---

[1]) Владимірскій-Будановъ, отношенія между Литовскимъ Статутомъ и Уложеніемъ Царя Алексѣя Михайловича, Сборникъ государственныхъ знаній Безобразова, томъ IV, СПб. 1877, стр. 23 и слѣдующ.

[2]) Ѳ. И. Леонтовичъ, очерки исторіи литовско-русскаго права, СПб., 1894; и цѣлый рядъ другихъ работъ по литовско-русскому праву.

Максимейко, источники уголовныхъ законовъ Литовскаго Статута, Кіевъ, 1894.

Малиновскій, ученіе о преступленіи по Литовскому Статуту, Кіевъ, 1894, стр. 113.

Демченко, наказаніе по Литовскому Статуту, Кіевъ, 1894.

[3]) Розделъ четвертый о судьяхъ и судехъ.

гродскому суду [1]), при чемъ здѣсь не опредѣляется ни составъ преступленія, ни наказаніе за него. Здѣсь установлены лишь предѣлы компетенціи суда городскихъ воеводъ и старостъ.

Даемъ моцъ, або воеводове и старостове наши судили и справовали о наездъ кгвалътовный, о кгвалтъ костела, о кгвалътоване невестъ, о разбой, о злодѣйство, о фальшъ, о пожогу, *о чародѣйство*, *о трутизну* и т. п., а большъ того не маеть судъ кгродскій позвовъ своихъ давати и судити [2]).

Такимъ образомъ, въ процессуальномъ отношеніи третій статутъ относитъ преступное лишеніе жизни посредствомъ яда, то-есть отравленіе, въ разрядъ тѣхъ дѣлъ, которыя подлежали вѣдѣнію гродскаго суда (sąd grodzki) [3]). Гродскіе суды разрѣшали дѣла подобнаго рода „водле сумненья своего", то-есть по совѣсти, и на основаніи „иншыхъ правъ хрестианьскихъ", главнымъ образомъ на основаніи городоваго (магдебургскаго или нѣмецкаго) права, какъ это было указано въ 54-мъ артикулѣ IV раздѣла Литовскаго Статута [4]).

---

[1]) Арътыкулъ 30. Што мають судити воеводове, старостове, и державцы, и о ихъ позвехъ о што мають даваны быти, и о сказанью за не станьемъ стороны, и о горячомъ учинку. Временникъ И. О. И. и Др. Р., кн. 19, 1854, стр. 120.

[2]) Раздѣлу четвертому третьяго и втораго Статута соотвѣтствуетъ раздѣлъ шестой перваго Статута (о судьяхъ, судахъ и власти суда). Но ни въ первомъ, ни во второмъ статутѣ не говорится объ отравленіи, какъ дѣяніи подсудномъ гродскому суду. Только третій статутъ добавилъ преступное лишеніе жизни посредствомъ яда къ той категоріи преступленій, которыя составляли компетенцію этого суда (по второму статуту).

[3]) O Litewskich i Polskich prawach, o ich duchu, źródłach, związku, i o rzeczach zawartych w pierwszym Statucie dla Litwy 1529 roku wydanym, przez Tadeusza Czackiego, tom II, w Krakowie, 1861, стр. 106: Statut trzeci trucizny występek dodał do tego rodzaju spraw, które sąd grodzki ma sądzić.

[4]) Арътыкулъ 54: Яко стороны у суду за позвы заховатися мають, а судъ ижъбы з головы ничого не судилъ.

Затѣмъ въ раздѣлѣ одиннадцатомъ, въ артикулѣ 6-мъ [1]), отравленіе довольно категорически выдѣляется изъ разряда обыкновенныхъ убійствъ и значительно квалифицируется сравнительно съ другими видами лишенія жизни. Статутъ говоритъ, однако, только объ отравленіи мужа или жены, а не объ отравленіи вообще, вѣроятно, потому, что и прежде къ яду прибѣгали всего чаще въ жизни супружеской, такъ какъ и понынѣ это дѣяніе является преступленіемъ, по преимуществу, супружескимъ:

Тежъ кгды бы з ненависти и немилости на обе две стороне такъ мужъ яко и жона будучы в ростырку зъ якихъ кольвекъ причинъ одинъ другого приправилъ о горло заморъдовалъ [2]) або струлъ [3]), и кгды семъ шляхътичовъ о того замордованнаго на кого присегнуть (по поводу „того мордеръства або трутизны“), таковый мордеръ безъ милости маетъ быти каранъ горломъ, тымъ способомъ яко бы отца або матку забилъ.

Такимъ образомъ, отравленіе считается не только квалифицированнымъ дѣяніемъ, но, по строгости наказанія, приравнивается къ самому тяжкому изо всѣхъ преступленій противъ жизни, именно, къ отцеубійству. А для отцеубійцъ, какъ извѣстно, существовала ужасная казнь чрезъ утопленіе, въ мѣшкѣ, въ который сажали собаку, пѣтуха, змѣю и кошку. Той-же казни подвергались и супруги-отравители:

Такою карностью смертью ганебною маеть каранъ быти, по рынку возечы клещами тело торгати, а потомъ въ мехъ скураный всадивъшы до него пса кура ужа котку [4]) и тое все посполу в мехъ всадивши и зашит и где наглубей до воды утопити [5]).

---

[1]) Розделъ одинадъцатый о кгвалтехъ о боехъ о головщинахъ шляхетскихъ. Арътыкулъ 6: о замордованье мужа або жоны на смерть промежу нихъ самыхъ.

[2]) Заморъдовалъ, т.-е. убилъ, собственно, замучилъ до смерти.

[3]) Струлъ, польск. „otrut“, то-есть отравилъ.

[4]) По польски — „kotkę“.

[5]) Арътыкулъ 7. У Чацкаго: z psem, kotem, jaszczurką i wężem ma być zaszyty i w wodę wrzucony.

Символическое утопленіе преступниковъ въ одномъ мѣшкѣ съ собакой, пѣтухомъ, змѣей и кошкой, очевидно, было заимствовано изъ древнеримскаго права; разница только въ томъ, что въ Римѣ вмѣсто кошки сажали въ мѣшокъ обезьяну, что трудно было сдѣлать въ Литвѣ. Всѣ эти животныя, по разъясненію Боцера [1]), имѣли значеніе строго опредѣленныхъ символовъ: собака должна была напоминать адскихъ фурій, змѣя указывала на особое коварство, пѣтухъ на особую злостность, обезьяна-же означала, что преступникъ утрачивалъ все человѣческое, кромѣ внѣшняго человѣческаго облика. Профессоръ Лохвицкій указываетъ на то, что этотъ способъ казни практиковался не только въ Литвѣ, но и въ древней Россіи, при чемъ онъ полагаетъ, что кошку, змѣю и собаку клали въ мѣшокъ, какъ для усиленія мученій, такъ и для показанія, что преступникъ оскорбилъ всю природу [2]).

---

[1]) Henrici Boreri, tractatus de omnis generis homicidio, in quo tota homicidii materia dilucide explicatur, Tübingae. 1629, стр. 346.

Иное объясненіе находимъ мы у Groickiego: Porządek Sądow y Spraw Mieyskich Prawa Maydeburskiego w koronie Polskiey, w Krakowie, изд. 1630 г., стр. 233 и 234: собака (pies) обозначала, что злодѣй, совершившій отцеубійство, былъ слѣпъ, какъ песъ, который родится слѣпымъ и не видитъ до 9 дней; пѣтухъ (kur, kogut) означалъ дерзкое намѣреніе (собственно — wysoką a hárdą mysl iego) противъ родителей; ящерица (jászczurká) указывала на несчастіе родителей (jászcz. znaczy nieszczęsliwosc rodżicow); обезьяна (málpá) указывала на утрату человѣческаго подобія.

[2]) Нѣкоторые польскіе писатели, именно, Petrycy въ 1619 г. и Ilowski въ 1631 году, въ своихъ диссертаціяхъ de poenis parricidii пытались уже опредѣлить происхожденіе и причины такого наказанія. Нѣкоторыя разъясненія можно найти у Валерія Максима (I, 1, 13) и у Ливія. Ѳома Демпстеръ въ книгѣ Antiquitatum romanarum corpus absolutissimum (изд. 1644 г., стр. 1414) полагаетъ, что прибавка пѣтуха была установлена закономъ императора Константина, и что Требоніанъ неправильно цитировалъ мнѣніе Модестина, будтобы это было опредѣлено Кнеемъ Помпеемъ. Грамматикъ Dositheus въ своемъ сочиненіи Sententiae et epistolae Hadriani imperatoris, ука-

Но при всемъ этомъ не слѣдуетъ забывать того обстоятельства, что квалифицированная смертная казнь, назначавшаяся въ подобныхъ случаяхъ, опредѣлялась не за отравленіе само по себѣ, но за отравленіе супружеское, наравнѣ со всѣми другими видами убійства супружескаго (такъ мужъ яко и жона одинъ другого заморъдовалъ або струлъ), такъ что и самая квалификація вызвана здѣсь особыми отношеніями виновнаго къ жертвѣ, а вовсе не особымъ значеніемъ средствъ преступленія и способа дѣйствія.

Въ заключеніе замѣтимъ, что это преступленіе преслѣдовалось не только при наличности жалобы со стороны родичей отравленнаго супруга, но и независимо сего, самимъ судомъ ex officio:

Таковое отрутеньство и замордованье дети або кревные того замордованнаго мають суседомъ околичнымъ того жъ часу, а потомъ и вряду оповедати и ожаловати, и инъстыкговати або фолъдровати на такового мордера. А хотя бы сыновe або кревные не хотѣли фолъдровати тогды врядъ з местъ-

---

зываетъ и на причины этого обычая: Fuit lex quaedam omnibus hominibus, ut qui parricidium fecisset, publice in culeum missus insueretur, cum vipera et simia et gallo et cane, impius homo impiis animalibus, et in plaustrum junctum nigris bobus deportaretur ad mare, et in profundum mitteretur. Императоръ-же Константинъ написалъ другую причину: ut omnium elementorum usu carere vivus incipiat, et ei coelum superstiti, terra mortuo aufferatur. Уголовное Уложеніе Карла V прибавило для отцеубійцъ (ст. 137) и для отравителей (ст. 130) еще и рваніе клещами, что также перешло въ Литовскій Статутъ (Чацкій, op. cit., стр. 134).

Но всего подробнѣе и основательнѣе разсмотрѣнъ вопросъ о происхожденіи символической казни чрезъ утопленіе въ мѣшкѣ (poena culei, безъ упоминанія, однако, о животныхъ) у Цицерона, въ рѣчи его за Росція Америна (cap. XXV и XXVI). См. по этому предмету: M. Tullii Ciceronis pro Sexto Roscio Amerino oratio, edidit W. G. Gossrau, Quedlinburgi, 1853, стр. 27, 28, 83. Особенно-же: Cicero's Rede für Sextus Roscius aus Ameria, mit Einleitung und Commentar, von Ed. Osenbrüggen, Braunschweig, 1844, стр. 24 и слѣд., 111 и слѣдующ.

ца своего маеть того особливе перестерегати, и с пилностью около того выведати се и въ околичныхъ суседовъ близскихъ о того заморъдованнаго опытъ чинити.

Въ отношеніи-же чародѣйства, которое было однимъ изъ главныхъ источниковъ отравленій, весьма интересныя и поучительныя бытовыя свѣдѣнія находимъ мы въ различныхъ современныхъ актахъ и документахъ, изданныхъ въ „Археографическомъ Сборникѣ документовъ, относящихся къ исторіи сѣверозападной Руси". Таковы, напримѣръ: жалоба жида Гошки Ескевича на крестьянина Юрка Войтюлевича по дѣлу о чародѣйствѣ [1]); протестъ Яна Лисовскаго на Криштофа Старымовича о чарахъ посредствомъ таракановъ [2]); дѣло о чародѣйствѣ Василія Брыкуна, уличеннаго и присужденнаго къ сожженію [3]); дѣло чародѣйки Анны Павлюковой Короткой [4]); дѣло чародѣйки попадьи Раины Громычиной [5]) и многія другія. Въ большинствѣ дѣлъ о чародѣйствѣ постоянно говорит-

---

[1]) Археограф. Сборникъ документовъ, относящихся къ исторіи Сѣверозападной Руси, изд. при упр. Вил. У. О., т. I, Вильна, 1867, № 105, стр. 295: жалоба отъ 1636 г. августа 10.

[2]) Ibidem, т. I, № 125, стр. 323: протестъ отъ 1640 г. ноября 28.

[3]) Ibidem, т. I, № 130, стр. 338: дѣло отъ 1643 г. февраля 27.

[4]) Ibidem, т. III, № 47, стр. 99: донесеніе Слонимскаго вознаго Василія Сороки о показаніяхъ снятыхъ имъ, вмѣстѣ съ ассесорами, съ чародѣйки Анны Павлюковой Короткой 1630 г. 1 марта.

[5]) Археогр. Сборн. Сѣверозап. Россіи, т. III, № 50, стр. 107: цедула вознаго Степана Дубины, заключающая въ себѣ изложеніе словъ и поступковъ чародѣйки попадьи Раины Громычиной, 1631 г. 9 сентября. — № 52, стр. 113: разслѣдованіе и постановленіе гродскаго Новогородскаго суда по дѣлу о чародѣйствѣ попадьи Раины Громычиной, 1631 г. октября 4. — № 54, стр. 129: постановленіе Минскаго трибунала по ея апелляціонной жалобѣ, 1631 г. 29 октября. — № 55, стр. 140: позывъ ей отъ Николая Сапѣги, воеводы Новогородскаго, ноября 4. — № 58, стр. 143: донесеніе возныхъ о снятыхъ съ нея показаніяхъ, 10 декабря.— № 59, стр. 147: переслѣдованіе и окончательное рѣшеніе дѣла, по указу Минскаго Главнаго Трибунала,

ся о зельяхъ и зелійничествѣ, то-есть объ отравахъ и отравленіяхъ.

Чародѣйство въ это время, какъ указано было и выше, считалось самымъ опаснымъ общественнымъ зломъ, преслѣдовалось и наказывалось на ряду съ самыми ужасными уголовными преступленіями. Едва-ли нужно поэтому удивляться, что упомянутое выше дѣло о Высоцкой попадьѣ чаровницѣ Раинѣ Громычиной, возбужденное при томъ по жалобѣ маршалка Литовскаго Яна Сапѣги, разбиралось въ свое время съ такими тонкостями и подробностями, переносилось для рѣшенія въ разныя судебныя инстанціи, и составляло предметъ изслѣдованія для опытнѣйшихъ и не послѣднихъ юристовъ того времени. При этомъ не удовольствовались обвиненіемъ попадьи въ способности къ разнымъ волшебствамъ, чарамъ и гусламъ, какъ-то: вылеченію тескницъ, варенью приправъ и зелій, составленію разныхъ напоевъ, шептанію, подлитію и т. п., не ограничились подозрѣніемъ ея въ сношеніяхъ съ мертвыми, въ сообщничествѣ съ злыми духами, но на основаніи словъ, выпытанныхъ на мукахъ, какой-то бабы чаровницы Павлюковой Короткой и сомнительныхъ показаній другихъ лицъ, обвинили несчастную въ ужасныхъ уголовныхъ преступленіяхъ: въ истребленіи стадъ при посредствѣ чаръ и, что всего важнѣе, въ покушеніи на здоровье и семейное счастіе маршалка Сапѣги [1]).

---

11 декабря. — № 60, стр. 164: донесеніе вознаго о допросахъ и наказаніяхъ на пыткѣ и во время казни, 18 декабря.

Ср. также Археогр. Сборн. С. З. Р., т. I, №№ 111, 126; т. III, №№ 49, 56, 57, 61 и 62.

[1]) Археограф. Сборн. С. З. Р., т. III, предисловіе, стр. XIII и слѣдующ.

Подробную характеристику чародѣйства этой эпохи находимъ мы въ сочиненіи: Młot na czarownice, postępek zwierzchowny w czarach, także sposob vchronienia sie ich, y lekarstwo na nie w dwoch częsciach zamykaiący. Xięga wiadomosci ludzkiey nietylko godna y potrzebna, ale y z nauką Kosciola powszechnego zgadzaiąca się. Przez Stanisława Zambkowica. W Krakowie. Roku Pańskiego 1614. Книга

II. Малороссійскія права.

Литовскій Статутъ, Porządek Sądow y spraw mieyskich. Postępek wybrany z Praw Cesarskich и другіе памятники [1]), главнымъ образомъ, памятники Литовскаго и Магдебургскаго права, послужили матеріаломъ для составленія особаго Свода Законовъ, дѣйствовавшихъ въ Малороссіи, подъ заглавіемъ: „Права, по которымъ судится Малороссійскій народъ“ [2]).

Система и идеи права Литовскаго Статута, говоритъ проф. Кистяковскій, легли въ основаніе Свода и служили руководствомъ и авторитетомъ для составителей его. Литовскій Статутъ служилъ по истинѣ *предньйшимъ*, какъ выразились составители Свода, правомъ и въ глазахъ, и въ работахъ составителей. Какъ въ Литовскомъ Статутѣ сначала идетъ изложеніе государственнаго и общественнаго права, затѣмъ частнаго гражданскаго и, наконецъ, уголовнаго; такъ-же точно, вообще говоря, эта система изложенія сохранена и въ Сводѣ. Но съ другой стороны, идеи права Литовскаго Статута въ большей или меньшей степени подверглись видоизмѣненію въ редакціи Свода не только въ своихъ положеніяхъ, касающихся государственнаго и общественнаго права, но и тѣхъ, которыя относятся до права гражданскаго и уголовнаго. Литовскій Статутъ есть тотъ законъ, въ основаніе котораго легла мысль о привилегіи дворянскаго сословія. Рѣзче всего это выражается въ постановленіяхъ, въ силу которыхъ убійство человѣка простаго дворяниномъ преслѣдуется при такихъ условіяхъ неблагопріятныхъ для убитаго и благопріятныхъ для убійцы, что получается слишкомъ

эта была буквальнымъ переводомъ извѣстнаго сочиненія Генриха Институтора и Якова Шпренгера: „Maleus maleficarum“, 1487 года.

[1]) Таковы, напримѣръ, право Хелмское, право Магдебургское, Зерцало Саксонское и т. д.

[2]) Этотъ Сводъ былъ составленъ во исполненіе Высочайшаго указа отъ 28 августа 1728 года. Для этой цѣли была составлена особая коммиссія, окончившая свою работу (въ г. Глуховѣ) въ 1743 году. 27 іюля 1744 года Сводъ былъ представленъ въ Сенатъ.

большой процентъ безнаказанности. Въ Сводѣ убійство человѣка простаго стану является такимъ-же убійствомъ, какъ и убійство всякаго, хотя бы привилегированнаго. Идеи права Литовскаго Статута также подверглись въ Малороссійскомъ Сводѣ, подъ вліяніемъ идей магдебургскаго права, или значительному развитію и болѣе обстоятельному изложенію въ первоначальномъ своемъ духѣ, или же замѣтному видоизмѣненію въ духѣ магдебургскаго права, или древнихъ обычаевъ [1]).

Но идеи, проникавшія уголовное право Свода, принадлежали къ тѣмъ, которыя возникли въ давнопрошедшія времена, въ вѣка другой общественности, а, главнымъ образомъ, которыя во время составленія Свода подвергались уже, какъ отживающія, рѣшительной критикѣ. Господство головщизны, употребленіе уродующихъ наказаній, сожженія (чародѣевъ), четвертованія (отравителей), окопанія въ землю (отравительницъ), — всё это ясно указываетъ на несоотвѣтствіе юридическихъ идей Свода съ тѣми, которыя обозначились уже тогда въ умахъ правительственнаго класса. Не удивительно послѣ этого, если, по повелѣнію Императрицы Елизаветы, Сводъ этотъ въ 1756 г. былъ возвращенъ гетману Разумовскому для того, чтобы онъ пересмотрѣлъ его съ той стороны, соотвѣтствовалъ-ли онъ тогдашнимъ обстоятельствамъ [2]).

О лишеніи жизни посредствомъ яда говорится въ Сводѣ въ главѣ двадцатой [3]), въ артикулѣ 18-мъ объ отравахъ, который состоитъ изъ шести пунктовъ:

---

[1]) Къ главамъ, коихъ матеріалъ почти цѣликомъ взятъ изъ Магдебургскаго права, принадлежитъ, напримѣръ, глава 25-ая: О приводимыхъ въ суды по криминальнымъ дѣламъ людяхъ, кои по какимъ подозрительствамъ роспросу и мученію не подлежатъ, а кои подлежатъ, такожъ и о смертной экзекуціи надъ виновными и о палачѣ или катѣ и о содержаніи въ судахъ книгъ называемыхъ чорныхъ и протестныхъ.

[2]) Ср. А. Ѳ. Кистяковскій, очеркъ историческихъ свѣдѣній о сводѣ законовъ Малороссіи, Кіевскія Университетскія Извѣстія, 1878 г., № 12, стр. 1011—1023.

[3]) Глава 20: О гвалтахъ или насиліяхъ, о нападеніи, о убійствѣ, побои, увѣччѣ, ранахъ, разбои и безчестіи, и о казни и нака-

1. Казнь тому, кто кого отравою умертвитъ.

2. Кто би отравою билъ умерщвленъ, а у другого съ которимъ тотъ умерщленний имѣлъ ссору найшлись би ядовитие матерьяли, — казнить смертью.

3. Казнь тому, кто отравою на здоровьи повредитъ и наказаніе за такое намѣренное и неисполненное злодѣяніе.

4. Казнь купующимъ ядовитие матерьяли, или совѣтующимъ кому отравить, либо изувѣчить кого на здоровьи.

5. Если у кого ядовитий матерьялъ сищется, а той би для своей нужди, а не на отраву чию держалъ, — отъ наказанія свободенъ.

6. Матерьяловъ ядовитихъ безъ вѣдома уряда и безъ порукъ никому не покупать и нигдѣ не продавать.

Изъ числа этихъ шести пунктовъ, которые изложены въ Сводѣ весьма подробно, 1-ый имѣетъ своимъ источникомъ — Порядокъ [1]): Права Цесарскаго [2]) артикулъ 79, съ поправленіемъ; 2-ой имѣетъ основаніемъ — Право Цесарское, артикулъ 66, отъ полу, съ поправленіемъ; 3-ій заимствованъ частью изъ Порядка (Права Цесарскаго артикулъ 66 и 79, артикулъ 87 съ поправленіемъ), частью изъ Зерцала Саксонскаго (подъ словомъ раненний, № 19, съ поправленіемъ). Пунктъ 4-ый составленъ также въ духѣ Порядка (или вѣрнѣе Правъ Цесарскихъ, арт. 66), но съ поправленіемъ и соизъясненіемъ. Наконецъ, пунктъ 5-ый является прибавленіемъ въ согласіе вышеупомянутыхъ Цесарскихъ Правъ, а пунктъ 6-ой также прибавленіемъ „въ согласіе Права Цесарскаго, артикуловъ 22 и 66, и великаго реестра подъ литерою полскою J. трутеизни непокупать“.

заніи въ томъ преступившихъ, такожъ о головщинахъ или платежѣ за голову, за увѣчче, за охромленіе и поврежденіе на составахъ, за побои, рани и безчестіе шляхтѣ или воинскаго званія и протчіимъ людемъ.

[1]) Porządek sądow y spraw mieyskich prawa magdeburskiego (см. выше).

[2]) Postępek, wybrany z Praw Cesarskich, który Karolus V kazał wydać (ibidem).

Въ качествѣ наказанія за оконченное лишеніе жизни посредствомъ яда была опредѣлена для мужчинъ смертная казнь чрезъ четвертованіе, для женщинъ—смертная казнь чрезъ окопаніе въ землю.

Кто-би кого отравою умертвилъ и то на него допрямa явно довелось, таковаго убійцу мужска полу четвертовать, а жену живу вкопать въ землю и держать оную тамо безо всякія пощады, поки умретъ, а сверхъ того за голову платежъ по званію умерщвленнаго доправить на имѣніи убийцевъ и отдать кому надлежитъ (п. 1).

Такимъ образомъ, поправленіе 79-го артикула Правъ Цесарскихъ выразилось здѣсь въ томъ, что колесованіе для отравителей было замѣнено четвертованіемъ, утопленіе-же для отравительницъ замѣнено окопаніемъ заживо въ землю. Кромѣ того, съ одной стороны, отброшена варварская квалификація смертной казни, именно рваніе тѣла раскаленными щипцами, съ другой стороны добавленъ платежъ за голову, смотря по званію отравленнаго.

Установленіе за „отравы“ тяжкой смертной казни, (то-есть четвертованія и окопанія), а не простой (отсѣченія головы) на ряду съ постановкою убійства при помощи яда независимо отъ другихъ видовъ лишенія жизни, категорически указываетъ на то, что, по бытовымъ воззрѣніямъ малороссійскаго народа, это дѣяніе было уже выдѣлено изъ разряда обыкновенныхъ убійствъ и считалось однимъ изъ наиболѣе низкихъ и гнусныхъ видовъ коварнаго умерщвленія. Этимъ въ свою очередь можетъ быть объяснено и то, что Малороссійскій Сводъ опредѣляетъ смертную казнь, правда, простую — чрезъ отсѣченіе головы, даже за покушеніе на отравленіе, причинившее лишь простое поврежденіе здоровья:

Буде же би отравленний отъ отравы оной не билъ умерщвленъ, но токмо на здоровьи поврежденъ билъ, то отравившаго казнить смертью отсѣченіемъ голови, если истецъ будетъ на то настаевать, и платежъ въ полъ противъ платежа за голову по званію отравленнаго доправить; если жъ би истецъ на смерти преступника не настоевалъ, то отсѣчь оному руку

и платежъ на немъ, яко за голову полний доправить, а если на отсѣченіе преступника руки отъ челобитчика не будетъ настоянія, то такой-же полний платежъ доправить, и сверхъ того жестокое оному преступнику на тѣлѣ учинить наказаніе.

Любопытнымъ здѣсь является то, что выборъ наказанія за покушеніе на отравленіе былъ предоставленъ самому потерпѣвшему. Хотѣлъ потерпѣвшій — казнили виновнаго смертью; если-же онъ не желалъ казни отравителя, то во всякомъ случаѣ отъ него еще зависѣло, подвергнуть-ли его отсѣченію руки или жестокому тѣлесному наказанію. При этомъ, только въ первомъ случаѣ взыскивался половинный платежъ. Въ послѣднихъ-же двухъ случаяхъ платежъ потерпѣвшему былъ одинаковый—полностію, какъ за голову. Иначе говоря, составителямъ Свода казалось достаточнымъ ограничить претензіи истца только тогда, когда онъ требовалъ казни: даже по народнымъ понятіямъ „съ одного вола двухъ шкуръ не дерутъ", почему въ этомъ случаѣ былъ установленъ половинный платежъ. Но за симъ редакторамъ казалось, повидимому, совершенно безразличнымъ, — требовалъ-ли челобитчикъ отсѣченія руки или тѣлеснаго наказанія; существенной разницы въ тяжести этихъ двухъ наказаній они не усматривали, и потому платежъ въ обоихъ случаяхъ былъ установленъ полностью.

По этимъ-же правиламъ предписывалось поступать и въ случаѣ всякихъ отъ кого нибудь злоумышленныхъ на чей животъ и здоровье, но за какимъ препятствіемъ неисполненныхъ намѣреній. Кромѣ того положено было брать подписку за порукою вѣры годныхъ людей, что впредь онъ таковаго и тѣмъ подобныхъ злыхъ намѣреній исполнять собою самъ ни чрезъ другихъ по наговору или по подкупу подъ смертною казнію не имѣетъ [1]).

Кромѣ отравителей въ узкомъ смыслѣ, Малороссійскія права преслѣдуютъ также и чародѣевъ, причинявшихъ весьма часто вредъ здоровью. О чародѣйствѣ говорится во второй главѣ

---

[1]) Кистяковскій, Права по которымъ судится Малороссійскій народъ, К. У. И., 1876 г., стр. 589 и 590.

Свода „о чести Божіей“, въ артикулѣ 5-мъ о чародѣяхъ и волшебникахъ, въ пунктахъ 1—6. Постановленія эти частію составлены вновь (п. 2, 5, 6), частію-же имѣютъ своими источниками: „Права Хелминскаго книги 5 розделъ 62. Зерцало Саксонское: подъ словомъ каранъе, № 6. Порядокъ, часть 4: о розличной смерти розличныхъ злодѣевъ, № 1; о убійцахъ, № 10; о дѣтяхъ, № 1; о судіяхъ и справедливости, № 20“.

Сами чародѣи и волшебники, причинившіе кому-либо вредъ своимъ чародѣйствомъ, подвергались смертной казни чрезъ сожженіе, а тѣ, которые къ нимъ обращались, подлежали публичному тѣлесному наказанію, политической и „прямой“ смерти:

Кто-бы, такъ мужеска, какъ и женска пола, чародѣйствомъ и волшебствомъ упражнялся и заповѣданныхъ наукъ учился, которими злихъ духовъ призивалъ, и кому своимъ чародѣйствомъ вредъ учинилъ, таковаго смертію казнить — живаго сжечь. А тѣмъ, которыи, для мнимой себѣ душевредной ползи либо чіего вреда, волшебства ихъ требовали, чинить жестокое наказаніе публично, а инихъ, по важности вини, политическою либо и прямою смертью казнить [1]).

Такимъ образомъ, различіе пола, имѣвшее значеніе при отравленіи (гдѣ, какъ было замѣчено выше, мужчинъ четвертовали, а женщинъ закапывали), не оказывало никакого вліянія на выборъ наказанія при чародѣйствѣ: и колдуны, и колдуньи, которые нерѣдко путемъ такъ называемаго зелійничества отравляли легковѣрныхъ людей, подлежали одному и тому-же наказанію—смертной казни чрезъ сожженіе.

Кромѣ этихъ главныхъ опредѣленій о чародѣйствѣ въ Малороссійскихъ правахъ существовали еще довольно подробныя правила: о казни согласующихъ чародѣемъ; о тѣлесномъ наказаніи малолѣтнихъ за чародѣйство и о сожженіи учителей волшебства; о наказаніи тюрьмою или ссылкою суевѣрцевъ по легкомыслію и обманующихъ волшебствомъ; и наконецъ о отпущеніи винъ являющимъ добровольно свои волшебства [2]).

---

[1]) Права, глава II, арт. 5, пункты 1-ый и 2-ой.

[2]) Ibidem, пункты 3-ій, 4-ый, 5-ый и 6-ой.

Въ дѣлахъ этого рода, какъ и вообще, малороссійскіе суды, не только магистратскіе, но и полковые постоянно руководствовались польскими ручными книгами магдебургскаго права. Такъ, напримѣръ, въ 1710 году іюня 23 дня въ Полтавскомъ судѣ судилась Евдоха Дацѣя, чаровничимъ дѣломъ бавячаяся, и Оришка, мачиха мужа Евдохи, о томъ-же чародѣйствѣ вѣдаючая. Самый приговоръ суда начинается такъ: „Судъ городовій Полтавскій, сее справи по самой сушности вислухавши, въ Саксонѣ Правѣ Майдебурскихъ, на листѣ сто сѣмъдесятъ четвертомъ винайшовши той текстъ: Ежели хто кого щаровалъ [1]), маетъ быти огнемъ спаленъ“ [2]).

ОТДѢЛЪ III.

Новѣйшіе проекты, Сводъ Законовъ и Уложеніе о Наказаніяхъ.

Въ царствованіе Императрицы Елизаветы Петровны, 24 Августа 1754 года, послѣдовалъ Сенатскій указъ о сочиненіи по судебнымъ мѣстамъ проектовъ Уложенія, по приложенному плану, и о представленіи таковыхъ-же проектовъ изъ Коллегій съ ихъ мнѣніями и планами на разсмотрѣніе Сената [3]). По этому плану отравленіе было отдѣлено отъ прочихъ преступленій противъ жизни главою о колдовствѣ и волшебствѣ. Именно, глава 28 части IV должна была говорить о смертномъ убивствѣ;

---

[1]) Щаровалъ, то-есть причинилъ вредъ (здоровью или жизни) при помощи чародѣйства.

[2]) Составъ суда, вѣдавшаго преступленія этого рода видѣнъ изъ начала акта по тому-же дѣлу: „Предъ нами Иваномъ Насвѣтомъ, на мѣстцу полковничимъ зостаючимъ, при битности Петра Кованьки, Судьи полку Полтавского, Никита Колекги, атамана городоваго, Ивана Григоровича войта, Ивана Иващенка бурмистра, и при многихъ общихъ особахъ“.

Очеркъ историческихъ свѣдѣній о сводѣ законовъ, дѣйствовавшихъ въ Малороссіи, стр. 996 и 997.

[3]) Полн. Собр. Зак., томъ XIV, № 10283.

глава 30—о самоубійцахъ; глава 31—кто отца или мать своихъ убіетъ; глава 32 — которые отцы и матери дѣтей своихъ убьютъ, также ежели жена мужа своего или мужъ жену убьютъ; глава 33 — о такихъ, которые дѣтей своихъ подкидываютъ; *глава 34—о колдунствѣ и волшебствѣ*; *глава 35—объ отравѣ.* Такая тѣсная близость между статьями объ отравленіи и статьями о колдовствѣ легко объясняется вліяніемъ предшествующаго законодательства, которое отравленію простому противополагало отравленіе чародѣйственное (См. выше: Церковные Уставы нашихъ Великихъ князей, Соборное Уложеніе, Новоуказныя Статьи, Уставы Петра Великаго).

Проекты уголовнаго уложенія 1754 и 1766 годовъ [1]) окончательно редактированные Романомъ Илларіоновичемъ Воронцовымъ и Михаиломъ Ивановичемъ Шаховскимъ, смотрятъ на отравленіе такъ-же, какъ смотрѣло на него Соборное Уложеніе Царя Алексѣя и Воинскіе Уставы Императора Петра I, которые и послужили основою для редакторовъ проекта.

Какъ изъ содержанія статей проекта 1754 года, такъ и изъ обозначенныхъ на поляхъ рукописной книги ихъ источниковъ, (въ изданіи Г. Востокова напечатанныхъ подъ статьями), мы видимъ слѣдующее. Статья 1 главы 31 объ отравѣ составлена по уложѐннымъ 21 главы 14 и 23 пунктамъ, по военному 162 артикулу; по указу 194 года марта 4 и 703 года ноября 19 числа. Статья 2 редактирована „по вышеобъявленному 162 арт. и по разсужденію комисіи". Статьи 3 и 4 написаны исключительно по одному разсужденію комисіи. Статья 5—по указамъ 731 года февраля 6 и 733 года генваря 8 числа; статья 6—по томужъ указу и по разсужденію комисіи. Всѣ эти постановленія „объ отравѣ", помѣщенныя въ главѣ 31, отдѣлены внѣшнимъ образомъ отъ статей „о колдунствѣ, волшебствѣ и чародѣйствѣ", помѣщенныхъ въ главѣ 40. Тѣмъ не

---

[1]) Проекты уголовнаго уложенія 1754—1766 годовъ, новоуложенной книги часть вторая, о розыскныхъ дѣлахъ и какія за разныя злодѣйства и преступленія казни, наказанія и штрафы положены. Текстъ подъ редакціею Востокова. Предисловіе Н. Д. Сергѣевскаго, СПб., 1882.

менѣе между этими двумя главами проекта существуетъ весьма тѣсная и близкая связь.

Текстъ проекта 1766 года нѣсколько отступаетъ и по редакціи и по содержанію отъ „прежней комисіи разсужденія". Всѣ предписанія этого проекта могутъ быть раздѣлены на двѣ группы: предписанія чисто-уголовнаго свойства и предписанія уголовно-полицейскія. Что касается первыхъ, карательныхъ постановленій объ отравленіи, то мы читаемъ въ проектѣ слѣдующее. „Нынѣ комисіею разсуждено":

Будетъ кто кого чѣмъ отравитъ и отравленный отъ той отравы умретъ, а по осмотру и свидѣтельству явится, что умершему смерть подлинно отъ отравы приключилась, таковыхъ, кто такое злодѣйство учинитъ, казнить смертію—колесовать; тожъ чинить и тѣмъ, кто кого станетъ чѣмъ лечить и съ умыслу отравитъ, буде въ томъ по слѣдствію подлинно будетъ изобличенъ. А которые злодѣи въ отравѣ подлинный умыслъ имѣли и всѣ къ тому пріуготовленія чинили, токмо того въ дѣйство произвесть не могли, а иные хотя и подлинно уже кому какія ядовитыя зелья дали, токмо тотъ, кому дали, отъ тѣхъ отравъ не умретъ, и въ томъ по розыску явно изобличены и съ тѣмъ пойманы будутъ, такихъ, буде состоящіе въ классахъ и дворяне и первой гильдіи купцы, ссылать, лиша первыхъ всѣхъ чиновъ, въ ссылку въ дальніе сибирскіе городы для житья вѣчно; а рангу не имѣющихъ и не дворянъ—сѣчь кнутомъ и съ вырѣзаніемъ ноздрей послать на казенную работу вѣчножъ. Кто такому злодѣю въ такомъ преступленіи сообщникомъ былъ и отравы оныя, которыми кого отравилъ, вѣдая злое его въ томъ умышленіе, продалъ или на то, какъ отравить, кого научалъ, и оному учинить равномѣрно тоже, какъ и самому убійцѣ (смертную казнь).

Независимо этихъ чисто-уголовныхъ постановленій, проекты 1754—1766 годовъ обобщили также и различныя полицейскія предписанія, касавшіяся торговли, покупки и продажи ядовитыхъ и сильно-дѣйствующихъ веществъ. Главнѣйшими источниками по этому вопросу послужили для нихъ въ особен-

ности указы 6 февраля 1731 года и 8 января 1733 года. Въ этомъ отношеніи „комисіею разсуждено“:

Для лучшей отъ такихъ злодѣевъ предосторожности какъ въ Санктъ-Петербургѣ, такъ и въ Москвѣ и въ другихъ городахъ Имперіи въ рядѣхъ, въ лавкахъ и на торжкахъ вредительныхъ зелій, а именно: мышьяку, сулемы, цылибухи, крѣпкой водки, купороснаго и янтарнаго масла, и прочаго тому подобнаго отнюдь не держать и не продавать; также и у портовъ купцамъ и никому другимъ не покупать и до того никого не допускать, а держать такія вещи въ аптекахъ, а гдѣ аптекъ нѣтъ, тутъ въ ратушахъ, и на потребныя нужды продавать изъ тѣхъ аптекъ и ратушъ, смотря по людямъ, кому можно будетъ вѣрить, съ запискою и съ росписками тѣхъ людей, кто покупать будетъ, въ которыхъ роспискахъ писать именно, на какую потребу покупаютъ. Ктожъ мышьякомъ и прочимъ тому подобнымъ торговать станетъ и съ тѣмъ пойманъ, или на кого въ томъ донесено будетъ, также и которые мимо аптекъ и ратушъ у кого покупать будутъ, а по слѣдствію явится, что въ томъ отъ нихъ злого умышленія не было, то такимъ, буде въ рангахъ не состоятъ и не дворяне и не первой гильдіи купцы, чинить наказаніе—сѣчь кнутомъ, а состоящихъ въ классахъ лишать одного чина до выслуги, дворянъ и первой гильдіи купцовъ сажать въ тюрьму на полгода.

Наконецъ, постановленія объ отравленіи стоятъ также прямо среди постановленій о колдовствѣ, волшебствѣ и чародѣйствѣ.

Ежели обманщики чародѣи чрезъ коренья, травы и другія какія вредительныя зелья чье здоровье повредятъ, или душевредному и злому своему ученію, ко вреду другихъ кого обучать будутъ, и сыщется про то подлинно, такихъ казнить смертію—отсѣчь голову. Которые-жъ, не боясь Бога, чародѣевъ на то подкупать и склонять статутъ, чтобъ кому какой вредъ учинить, или душевредному ихъ ученію, ко вреду другихъ, обучаться и послѣдовать будутъ, таковымъ учинить тожъ, что и самимъ чародѣямъ [1]).

---

[1]) Проекты уголовнаго уложенія 1754—1766 годовъ, глава 31,

Приведенныя статьи позволяютъ прійти къ слѣдующимъ выводамъ. Отравленіе, по проектамъ 1754—1766 годовъ, влечетъ наказаніе (смертную казнь чрезъ колесованіе) только въ тѣхъ случаяхъ, если между дѣяніемъ отравителя и наступившею смертію существуетъ непосредственная причинная связь: если „по осмотру и свидѣтельству явится, что умершему смерть подлинно отъ отравы приключилась". То-же начало принято и въ отношеніи лекарей, которые „кого станутъ чѣмъ лечить и съ умыслу отравятъ".

Приготовленіе къ отравленію и покушеніе соединены въ одной общей статьѣ о лицахъ, которыя „пріуготовленія чинили" или „хотя и зелья дали, токмо тотъ, кому дали, отъ тѣхъ отравъ не умеръ". Наказаніе и за приготовленіе и за покушеніе одинаково, именно: для привилегированныхъ — вѣчная ссылка на житье въ дальніе сибирскіе города; для непривилегированныхъ — ссылка на казенныя работы съ предварительнымъ тѣлеснымъ наказаніемъ кнутомъ и вырѣзаніемъ ноздрей.

Всѣ виды совмѣстной преступной дѣятельности, а равно и продажа ядовитыхъ средствъ, „вѣдая злое умышленіе", влекутъ то-же наказаніе, какъ и самое отравленіе, то-есть смертную казнь чрезъ колесованіе.

Чародѣйственное отравленіе, то-есть лишеніе жизни чародѣемъ посредствомъ заговорныхъ кореньевъ, травъ и другихъ „вредительныхъ зелій", точно такъ-же, какъ и подкупъ, склоненіе и всякое обращеніе къ помощи чародѣевъ, съ цѣлію причиненія вреда,—то-же влечетъ смертную казнь, но чрезъ отсѣченіе головы.

Наконецъ, подтверждая запрещеніе о продажѣ ядовитыхъ веществъ въ торговыхъ рядахъ и лавкахъ, проекты устанавливаютъ и наказаніе для нарушителей этого постановленія: для привилегированныхъ—лишеніе одного чина до выслуги и тю-

---

ст. 1—6; глава 40, ст. 1—6; въ изданіи А. А. Востокова (С.-Петербургъ, 1882), стр. 109, 110, 111, 148, 149.

ремное заключеніе на полгода; для непривилегированныхъ— тѣлесное наказаніе кнутомъ.

Императрица Екатерина II, въ Наказѣ, данномъ Коммиссіи о сочиненіи проекта Новаго Уложенія [1]), въ главѣ VII (о законахъ подробно) говоритъ: преступленія раздѣляются на четыре рода: перваго рода преступленія противъ закона или вѣры, втораго противъ нравовъ, третьяго противъ тишины и спокойства, четвертаго противъ безопасности гражданъ устремляются. Къ послѣднему роду преступленій должно отнести и лишеніе жизни чрезъ отравленіе. Но Наказъ не перечисляетъ преступныхъ дѣяній, составляющихъ эту четвертую группу; онъ говоритъ подробно только о ихъ наказаніи: „Наказанія сихъ преступленій называются особливымъ именемъ казни. Казнь не что иное есть, какъ нѣкоторый родъ обратнаго воздаянія, посредствомъ коего общество лишаетъ безопасности того гражданина, который оную отнялъ или хочетъ отнять у другаго. Сіе наказаніе произведено изъ свойства вещи, основано на разумѣ, и почерпнуто изъ источниковъ блага и зла. Гражданинъ бываетъ достоинъ смерти, когда онъ нарушилъ безопасность даже до того, что отнялъ у кого жизнь или предпріялъ отнять. Смертная казнь есть нѣкоторое лѣкарство больнаго общества“. Въ этихъ предначертаніяхъ Императрицы указано, такимъ образомъ, что всѣ виды лишенія жизни, а слѣдовательно и отравленіе, и въ новомъ уложеніи должны были влечь смертную казнь, какъ это было и раньше.

Что-же касается неосторожнаго отравленія, а равно и различныхъ полицейскихъ проступковъ и нарушеній правилъ о продажѣ и храненіи ядовитыхъ и сильно-дѣйствующихъ веществъ, то и въ этомъ отношеніи взгляды Императрицы не отличались отъ взглядовъ ея предшественниковъ. Такъ, напримѣръ, Инструкція сотскому съ товарищами, данная 30 декабря 1774 года, предписывая старостамъ наблюдать, чтобы въ

---

[1]) Полн. Собр. Зак., томъ XVIII, № 12949, Наказъ Императрицы Екатерины II, Гл. VII, ст. 68—72 и 79.

деревняхъ не были продаваемы ядовитыя вещества, повторяетъ требованія прежнихъ указовъ 1731, 1733 и 1758 годовъ (см. выше).

Какъ извѣстно, въ царствованіе Императора Александра I профессору университета въ Галле Якобу было поручено составленіе проекта новаго уголовнаго уложенія. Въ составленномъ имъ проектѣ найдено было, однако, полное отсутствіе русскаго національнаго права, почему онъ былъ переданъ вновь Якобу для пересмотра. Пересмотренный имъ проектъ былъ внесенъ въ Государственный Совѣтъ, гдѣ подвергся весьма значительнымъ измѣненіямъ. Въ такомъ измѣненномъ видѣ онъ извѣстенъ подъ названіемъ проекта 1813 года, въ противоположность первоначальному проекту Якоба [1]). Различіе этихъ двухъ проектовъ въ немногихъ словахъ таково. Проектъ Якоба слѣдовалъ общему духу современной ему германской доктрины. Проектъ 1813 года былъ вѣренъ историческимъ традиціямъ русскаго права [2]).

Въ проектѣ Якоба постановленія объ отравленіи, помѣщены въ раздѣлѣ III Von den Privatverbrechen, въ главѣ I von den tödtlichen Verletzungen des Menschen, въ отдѣленіи первомъ—prämeditirter Mord.

По проекту Якоба, если кто-либо умышленно и противозаконно лишитъ жизни человѣка, или совершитъ съ злымъ умысломъ какія-либо дѣйствія, которыя будутъ причиною смерти, то онъ подлежитъ третьей степени уголовнаго наказанія [3]);

---

[1]) Jacob, Entwurf eines Criminal-Gesetzbuches für das Russische Reich, Halle, 1818.

Criminal-Codex für das Russische Reich von der Kaiserlichen Gesetzgebungs-Commission entworfen, aus dem Russischen übersetzt, Jacob, Halle, 1818.

Ср. также Globig, System einer vollständigen Gesetzgebung für die Kaiserl. Russ. Gesetz-Commission, erster Theil, Criminal-Codex, Dresden, 1815.

Проектъ Уголовнаго Уложенія Россійской Имперіи, СПб., 1813.

[2]) В. Есиповъ, Очеркъ русскаго уголовн. права, Варшава, 1894.

[3]) Wer vorsätzlicher Weise einen Menschen widergesetzlich tödtet

именно, лица, изъятыя отъ тѣлесныхъ наказаній, подвергаются политической или гражданской смерти, т. е. вѣчной ссылкѣ на галеры, съ предшествующимъ лишеніемъ чести первой степени [1]) на эшафотѣ, и клейменіемъ щекъ; лица-же непривилегированныя — тому-же наказанію, въ соединеніи съ наказаніемъ кнутомъ рукою палача, передъ отправленіемъ въ мѣсто ссылки.

Если-же намѣреніе на *убійство* было заранѣе обдумано, или было выполнено тайнымъ образомъ и съ особою хитростью, или-же коварнымъ и злостнымъ способомъ, изъ засады, посредствомъ внезапнаго нападенія, или *при помощи яда*, то наказаніемъ за убійство является смертная казнь второй или первой степени [2]), именно — смертная казнь черезъ отсѣченіе головы или черезъ повѣшеніе съ лишеніемъ чести первой степени.

Въ проектѣ 1813 года, какъ и въ проектѣ Якоба, постановленія объ отравленіи помѣщены въ части III о наказаніяхъ за частныя преступленія, въ главѣ I о наказаніяхъ за смертоубійство, въ отдѣленіи I объ умышленномъ смертоубійствѣ.

По этому проекту, опредѣлено за умышленное смертоубійство вообще наказывать убійцу политическою или гражданскою смертію по второй степени, исключая тѣ случаи, на которые именно назначена высшая или низшая степень наказанія [3]). Вторая степень политической смерти, по проекту, есть, когда

---

oder in solcher bösen Absicht Handlungen begeht, welche die Ursachen seines Todes werden, soll mit dem dritten Grade der Criminalstrafe (§ 73) belegt werden (§ 366).

[1]) Лишеніе чести первой степени состоитъ, по проекту Якоба, въ лишеніи всѣхъ политическихъ и гражданскихъ, наслѣдственныхъ и пріобрѣтенныхъ правъ и преимуществъ, навсегда; оно является полнымъ исключеніемъ изъ гражданскаго общества (§ 39).

[2]) Die Strafe des Mörders soll Todesstrafe des zweiten oder esten Grades (§ 63) seyn: 1) Wenn der Mordanschlag vorher verabredet war, oder wenn er heimlich und mit Hinterlist, oder meuchelmörderischer und tückischer Weise durch Auflauern, Ueberfall, *Gift* u. s. w. ausgeführt ist и т. д. (§ 369).

[3]) Проектъ уголовнаго уложенія 1813 года, § 336.

преступникъ присуждается къ лишенію чиновъ и дворянства и къ вѣчной ссылкѣ на поселеніе, но безъ выставки на эшафотъ; простолюдимы же присуждаются къ меньшему числу ударовъ кнутомъ и также къ менѣе тяжкой работѣ [1]).

Но ежели смертоубійство учинено 1) во храмѣ Божіемъ, въ Государевомъ дворцѣ, въ присутственныхъ мѣстахъ, 2) если оно учинено родственнику, 3) начальнику, господину, воспитателю, 4) если оно учинено по предварительному заговору, съ разбоемъ, или при зажигательствѣ, 5) ежели учинено было беременной женщинѣ, спящему или безумному, и 6) когда оно учинено посредствомъ отравы, то наказаніе гражданской смерти налагается по первой степени [2]). Первая-же степень этого наказанія состоитъ въ томъ, когда оное сопровождается выставленіемъ преступника на эшафотъ, гдѣ прочитывается всенародно приговоръ. Буде-же преступникъ по состоянію своему не исключается отъ тѣлеснаго наказанія, то вмѣсто лишенія чиновъ и дворянства, коихъ не имѣетъ, наказывается кнутомъ съ заклейменіемъ лица и вырѣзаніемъ ноздрей [3]).

Такимъ образомъ, въ проектѣ 1813 года, подобно проекту Якоба, отравленіе стоитъ въ ряду квалифицированныхъ случаевъ лишенія жизни. Но здѣсь прибавлено еще одно характерное добавленіе: даже тотъ, кто только далъ другому съ злымъ умысломъ отраву, хотя смерть отъ нея и не послѣдовала, точно также всегда наказывается наравнѣ съ содѣявшимъ смертоубійство [4]).

„Повеленіемъ Государя Императора Николая Павловича“ былъ составленъ, какъ извѣстно, Сводъ Законовъ Россійской Имперіи. XV-ый томъ его заключалъ въ себѣ законы уголовные. Здѣсь въ книгѣ I о преступленіяхъ и наказаніяхъ вообще, въ раздѣлѣ VI о преступленіяхъ противъ безопасности жизни и противъ правъ общественнаго состоянія лицъ, въ

---

[1]) Проектъ, § 34.
[2]) Проектъ, § 337.
[3]) Проектъ, § 32.
[4]) Проектъ, § 345.

главѣ II о смертоубійствѣ, упоминается и объ отравленіи, но самымъ краткимъ образомъ. Отравленіе не было вовсе отличено отъ другихъ видовъ лишенія жизни. По Своду Законовъ „насильственная смерть, причиненная другому, нанесеніемъ ранъ, ушиба или отравленіемъ, почитается смертоубійствомъ“ [1]).

Эта статья, какъ видно изъ помѣщеннаго подъ ней указателя, имѣла своимъ источникомъ слѣдующія узаконенія: Соборное Уложеніе Царя Алексѣя Михайловича, гл. I, ст. 4; гл. III, ст. 3, 5, 6; гл. VII, ст. 30, 32; гл. X, ст. 198; гл. XXI, ст. 21, 38, 39; гл. XXII, ст. 1, 2, 14, 17, 19, 23, 26; Новоуказныя статьи о татебныхъ, разбойныхъ и убійственныхъ дѣлахъ 22 января 1669 г. (№ 441), ст. 11; Указъ 15 января 1686 года о наказаніи за смертоубійство, учиненное по повеленію отца его сыновьями и крестьянами (№ 1154); Указъ 19 ноября 1703 года о наказаніи за бунтъ, измѣну и душегубство (въ томъ числѣ и за отравленіе) смертію, а за воровство ссылкою въ Азовъ на каторгу (№ 1951); Указъ 28 января 1704 года о погребеніи умершихъ въ третій день (№ 1964); Воинскій Уставъ Петра Великаго 30-го марта 1716 г., гл. XLIX (№ 3006); Морской Уставъ 13 января 1720 г., книга V, глава XV (№ 3485); Указъ 19 декабря 1828 года (№ 2531).

Въ частности-же, по вопросу объ отравленіи, составители Свода Законовъ имѣли передъ собою цѣлый рядъ прежнихъ законовъ, указовъ и проектовъ. Таковы были, если припомнимъ: Соборное Уложеніе, гл. XX, ст. 14, 23; Новоуказныя статьи, ст. 99 и 100; именной указъ 4 марта 1686 г., съ боярскимъ приговоромъ, о наказаніи лѣкарей за умерщвленіе больныхъ по умыслу и по неосторожности (№ 1171); Боярскій приговоръ 14 февраля 1700 года о наказаніи незнающихъ медицинскихъ наукъ, и по невѣжеству въ употребленіи медикаментовъ, причиняющихъ смерть больнымъ (№ 1756); Указъ 19 ноября 1703 года о наказаніи за душегубство смертью; Воинскіе Артикулы (гл. I арт. 1 толков., арт. 2 и толк.,

---

[1]) Сводъ Законовъ Уголовныхъ, томъ XV, книга I, ст. 330.

гл. XIX, арт. 154 толк., 161, 162); Морской Уставъ (кн. IV, гл. I, арт. 1 толк., кн. V, гл. XV, арт. 109, 107 и толков.); Проекты 1754 и 1766 годовъ, Проекты Якоба, Проекты 1813 года и т. д.

Редакторы Свода зачеркнули всю эту серію узаконеній, и замѣнили ихъ однимъ словомъ „отравленіе", которое при этомъ потеряло свое прежнее квалифицированное значеніе, а сдѣлалось простымъ примѣрнымъ опредѣленіемъ различныхъ родовъ смертоубійства, на ряду съ ушибами и ранами. Такимъ образомъ, и здѣсь, какъ и при другихъ преступленіяхъ, Составители Свода Законовъ, въ своихъ стремленіяхъ къ обобщенію разновременно накопившагося матеріала, дошли до крайности. Зачеркнувъ старое, они не дали, однако, ничего новаго, цѣльнаго и законченнаго. Вмѣсто цѣлаго ряда правилъ, которыя въ свое время появлялись на пути развитія русскаго права, для удовлетворенія тѣмъ или другимъ потребностямъ общественной жизни, они дали одну безсодержательную статью о томъ, что̀ именуется „смертоубійствомъ". Этой (330) статьѣ въ Сводѣ Законовъ изд. 1842 года соотвѣтствуетъ статья 361, дословно повторяющая приведенное выше опредѣленіе.

Редакторы проекта уложенія 1844 года, при изложеніи правилъ о наказаніи за различные виды умышленнаго убійства, приняли основаніемъ постановленія о мѣрѣ наказанія по мѣрѣ умышленности въ преступленіи. Это начало разъясняютъ они слѣдующимъ образомъ. „Злодѣй, который, имѣя намѣреніе совершить убійство, прежде исполненія онаго придумывалъ и приготовлялъ всѣ нужныя для того средства, избиралъ мѣсто и время, или ожидалъ удобнаго къ тому случая, безъ сомнѣнія ожесточеннѣе и виновнѣе того, который совершаетъ убійство внезапно по первому на оное побужденію, можетъ быть, не рѣдко и потому, что увлекаемый преступнымъ порывомъ страсти, овладѣвшей слабою душою его, онъ не успѣлъ почувствовать гнусности своего намѣренія и, такъ сказать, прислушаться къ гласу своей совѣсти. Посему мы, говорятъ Редакторы, вездѣ, и особенно въ статьяхъ о убійствѣ, различаемъ преступленіе, совершенное съ обдуманнымъ заранѣе намѣре-

ніемъ или умысломъ, отъ тѣхъ, которыя учинены хотя и умышленно, но безъ обдуманнаго заранѣе намѣренія, и за сіи последнія полагаемъ наказанія менѣе строгія".

Сверхъ сего, продолжаютъ Редакторы, въ каждомъ изъ видовъ убійства мы старались означить разныя болѣе или менѣе важныя степени соединенной съ онымъ вины. Одна изъ самыхъ высшихъ степеней въ убійствѣ съ обдуманнымъ намѣреніемъ есть совершеніе его такимъ лицомъ, которое было уже однажды наказано за злодѣяніе сего рода. Наравнѣ съ этимъ поставляются тѣ убійства, въ коихъ виновный былъ соединенъ съ убитымъ связями брака, или близкимъ родствомъ или свойствомъ, или же былъ одолженъ ему воспитаніемъ своимъ или содержаніемъ, или былъ у него въ услуженіи. Въ третьей степени убійствъ предумышленныхъ, по важности вины, полагаются тѣ, которыя, хотя по роду своему и не столь ужасны, но были сопровождаемы обстоятельствами, доказывающими необыкновенное развращеніе и ожесточеніе виновнаго, слѣдственно увеличивающими гнусность его злодѣянія.

Редакторы старались здѣсь развить мысль 132 статьи Свода Законовъ Уголовныхъ, въ которой было постановлено, что чѣмъ болѣе было въ преступленіи злаго умысла, насилія и жестокости, тѣмъ болѣе вина преступника. Примѣняя это правило къ убійствамъ, они сводятъ въ одну группу: 1) убійство завѣдомо беременной женщины, 2) убійство чрезъ поджогъ, взрывъ пороха и другія тому подобныя дѣйствія, 3) убійства, сопровождаемыя истязаніями или мученіями, 4) убійство для ограбленія или завладѣнія чужою собственностію, и 4) *убійство* изъ засады или *чрезъ отравленіе*, какъ всегда уже непремѣнно предумышленныя, и къ коимъ способны даже люди, не имѣющіе и того, что можно назвать смѣлостію злодѣйства.

Такимъ образомъ, отравленіе въ Проектѣ Уложенія 1844 года, въ противность особенной части Свода (т. е. въ противность 361 статьѣ), но согласно съ общей его частью (ст. 132), —занимаетъ мѣсто въ ряду особенно тяжкихъ видовъ лишенія жизни, квалифицированныхъ по особому значенію злаго умысла, насилія и жестокости.

Когда убійство учинено посредствомъ отравленія, виновные въ такомъ убійствѣ съ обдуманнымъ заранѣе намѣреніемъ или умысломъ приговариваются къ лишенію всѣхъ правъ состоянія и ссылкѣ въ каторжную работу въ рудники на время отъ пятнадцати до двадцати лѣтъ, а буде виновный по закону не изъятъ отъ наказаній тѣлесныхъ, и наказанію плетьми чрезъ палачей (отъ восьмидесяти до девяноста ударовъ), съ наложеніемъ клеймъ [1]).

Этой (1858) статьѣ Проекта въ Уложеніи о Наказаніяхъ 1845 года соотвѣтствуетъ статья 1954, въ Уложеніи 1857 года—статья 2002, въ Уложеніи-же изд. 1866 и 1885 годовъ—статья 1453.

Кромѣ этого постановленія объ отравленіи, какъ о способѣ лишенія жизни, въ Проектѣ 1844 года, появляется еще другое совершенно новое (сравнительно со Сводомъ Законовъ) постановленіе о разстройствѣ здоровья путемъ отравы. Въ Сводѣ Законовъ Уголовныхъ были опредѣлены наказанія только за увѣчья и раны, и не упоминалось о другихъ поврежденіяхъ здоровья. Слѣдуя примѣру лучшихъ иностранныхъ законодательствъ, Редакторы Проекта признали нужнымъ дополнить наши законы въ этомъ отношеніи, и положили за злонамѣренныя поврежденія здоровья внутренними средствами тѣ-же самыя наказанія, которыя были опредѣлены ими за увѣчья, но всегда въ высшей ихъ мѣрѣ, по тѣмъ-же причинамъ, по коимъ наказывается строже и смертоубійство посредствомъ отравы:

Кто съ обдуманнымъ заранѣе намѣреніемъ причинить кому-нибудь разстройство въ здоровьѣ, примѣшаетъ ядовитыя или другія вредныя вещества въ съѣстные припасы или напитки, или же чрезъ иное какое-либо употребленіе такихъ веществъ повредитъ здоровью его, тотъ, смотря по роду и важности про-

---

[1]) Проектъ Уложенія о Наказаніяхъ уголовныхъ и исправительныхъ, внесенный въ 1844 году въ Государственный Совѣтъ, съ подробнымъ означеніемъ основаній каждаго изъ внесенныхъ въ сей проектъ постановленій, ст. 1858, п 5 (постановленіе новое), СПб., 1871 (изд. II отд. Соб. Е. И. В. Канцеляріи), стр. 611 и слѣд.

исшедшихъ отъ сего болѣзни или разстройства тѣлеснаго или умственнаго, приговаривается, въ случаѣ когда болѣзнь или разстройство будутъ признаны неизлечимыми: къ опредѣленному за умышленное нанесеніе тяжкаго увѣчья наказанію, но всегда въ высшей онаго мѣрѣ; (слѣдовательно: къ ссылкѣ въ каторжную работу на заводахъ на время отъ четырехъ до шести лѣтъ, съ наказаніемъ плетьми чрезъ палачей въ размѣрѣ отъ 30 до 40 ударовъ и съ наложеніемъ клеймъ для непривилегированныхъ).

Во всѣхъ прочихъ случаяхъ виновные приговариваются также къ высшей мѣрѣ тѣхъ наказаній, которыя опредѣляются за увѣчья менѣе тяжкія, соображаясь, однако, при семъ со степенью важности болѣзни и бо̀льшей или мѐньшей трудности излеченія оной; (слѣдовательно: къ лишенію всѣхъ особыхъ лично и по состоянію присвоенныхъ правъ и преимуществъ и къ ссылкѣ въ Сибирь на житье на время отъ двѣнадцати до пятнадцати лѣтъ, или для непривилегированныхъ—къ наказанію розгами въ размѣрѣ отъ 80 до 90 ударовъ и къ отдачѣ въ исправительныя арестантскія роты гражданскаго вѣдомства на время отъ шести до восьми лѣтъ).

Этой (1892) статьѣ Проекта въ самомъ Уложеніи о Наказаніяхъ 1845 года соотвѣтствуетъ статья 1957, въ Уложеніи 1857 года—статья 2036, въ Уложеніяхъ-же изд. 1866 и 1885 годовъ—статья 1486.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

ДОГМАТИЧЕСКОЕ ИЗСЛѢДОВАНІЕ ОТРАВЛЕНІЯ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Понятіе отравленія.

ОТДѢЛЪ I.

Литература отравленія.

Отравленіе, какъ особенно тяжкій видъ лишенія жизни, уже издавна вызывало необходимость правильной его постановки и постоянно подвергалось научной разработкѣ. Уже древнѣйшіе писатели по уголовному праву не оставляли безъ вниманія преступное убійство чрезъ отравленіе. Ангелъ Аретинъ, въ своемъ извѣстномъ трактатѣ „super maleficiis" (Angelus Aretinus, super maleficiis, Lugduni Batav., 1535) подробно касается этого предмета, въ особенности по вопросу о наказуемости отравленія и покушенія на таковое. Затѣмъ, мы находимъ экзегетическую разработку этого преступленія въ сочиненіяхъ Тиберія Деціана (Tiberius Decianus, tractatus de criminibus, Francof. ad M., 1591, lib. IX, cap. 22 de atrocitate veneficii), Юлія Клара (Julius Clarus, Sentent. Recept. opera omnia, Francof. ad M., 1582, lib. V, homicidium), Ипполита Марсилія (Commentaria Hippoliti de Marsiliis, Lugduni Batav., 1551, § ad legem Corneliam), Дамгудера (Damhuderi,

praxis rerum criminalium, Antverp., 1570, cap. 74 de homicidio per venenum), Фаринація (Farinacii, pract. criminal., opera omnia criminalia, pars V, Francof., 1597, quaest. CXXII), Маттэя (Antoni Matthaei, de criminibus, ad lib. XLVII et XLVIII Dig. commentarius, Amstelodami, 1661, cap. V de veneficis et divinatoribus), Лейзера (Leyser, Meditationes ad Pandectas, Specim. 609, de veneficio, 1739; de conatu veneficii, Viteberg., 1740), Бёмера (Meditationes ad Constitutionem Criminalem Carolinam, Halae, 1770, art. 130 veneficium quid? и т. д.), Карпцова (Practica nova rerum criminalium, Francof., 1758, Pars I, Quaest. 20, 21). Критическій разборъ этой древнѣйшей литературы, имѣвшей исключительно комментаторскій характеръ, сдѣланъ Генглеромъ въ его сочиненіи: „die Strafrechtliche Lehre vom Verbrechen der Vergiftung“.

На ряду съ этими комментаріями появляется мало по малу и монографическая литература, начинается монографическая разработка вопроса, какъ въ отдѣльныхъ диссертаціяхъ, такъ и въ другихъ самостоятельныхъ сочиненіяхъ. Но всѣ эти сочиненія первое время страдали отсутствіемъ оригинальности, и ограничивались однимъ толкованіемъ римскаго или германскаго права. Тѣмъ не менѣе, даже въ этомъ періодѣ развитія научной мысли, мы встрѣчаемъ цѣлую серію весьма талантливыхъ монографій и статей, посвященныхъ разбору преступленія отравленія. Съ постепеннымъ усовершенствованіемъ научнаго анализа, появляются все болѣе и болѣе законченныя разсужденія по разсматриваемому предмету. Не задаваясь цѣлію исчерпать всю литературу „отравленія“, мы ограничимся лишь указаніемъ на наиболѣе выдающіяся сочиненія, какъ старыхъ, такъ и новѣйшихъ авторовъ.

Не говоря уже о сочиненіяхъ Віера [1]) и Боцера [2]), это-

---

[1]) Johan Vierus, de praestigiis daemonum et incantationibus ac veneficiis, 1563.

[2]) Henrici Boceri, tractatus de omnis generis homicidio, de veneficio, Tubingae, 1629.

му вопросу посвящены прекрасныя сочиненія Вагнера [1]), Фогеля [2]), Цоллера [3]), Эрманна [4]). Бирнбаумъ [5]) разсматриваетъ это преступленіе съ точки зрѣнія римскаго права. Генглеръ [6]) касается и римскаго, и каноническаго, и германскаго права. Миттермайеръ [7]) представляетъ прекрасный анализъ положительнаго германскаго права. Barse [8]) составилъ практическое руководство для судовъ присяжныхъ по дѣламъ объ отравленіи (à l'usage des magistrats, des avocats, des experts, des

---

[1]) Thom. Wagner, de veneficii poena capitali, Erfurt, 1715.

[2]) J. G. Vogel, de veneficii, in casu ubi mors non secuta, poena non capitali, Dresden, 1715.

[3]) J. G. Zoller, de poena veneficii attentati, quamvis irreparabile inde oriatur damnum, ad mortem non extendenda, Lipsiae, 1761.

[4]) Jo. Franc. Ehrmann (Pr. Reiscissen) Diss. de veneficio doloso, Argent., 1781.

J. F. Ehrmann, de veneficio culposo, Argentor., 1782.

[5]) Birnbaum, über die Ansichten der Römer von dem Verbrechen der Tödtung, insbesondere über die Grundsätze, welche in den verschiedenen die Lex Cornelia de sicariis et veneficiis betreffenden Fragmenten, enthalten sind. (Neues Archiv des Criminalrechts, 1833, vierzehnten Bandes viertes Stück, Num. XXII, стр. 492 и слѣд., срав. XIII Bandes 3 Heft, стр. 441).

[6]) Gengler, die Strafrechtliche Lehre vom Verbrechen der Vergiftung, Bamberg, erstes Heft, 1842, zweites Heft, 1843.

[7]) Mittermaier, das Verbrechen der Vergiftung in seiner Bedeutung für Gesetzgebung, Strafrecht und Strafverfahren mit Rücksicht auf die neuesten Forschungen der Chemie und Medizin, mit einem Gutachten des Herrn Bunsen über die Mögligkeit der Verübung des Verbrechens der Vergiftung durch Cigarren (Archiv für Preüssisches Strafrecht, herausgegeben durch Goltdammer, vierter Bund, 1856, стр. 433 и сл., 577 и сл., 720 и сл.; fünfter Band, 1857, стр. 145 и сл.; ср. также X Band, 1862).

[8]) Jules Barse (de Riom), manuel de la cour d'assises dans les questions d'empoisonnement, ou recueil des principes de la toxicologie, ramenés à des formalités judiciaires, constantes et invariables, depuis le commencement de l'instruction d'une affaire, jusqu'à sa décision en Cour d'assises, Paris, 1845.

jurés et des témoins). Тардье [1]) весьма подробно изслѣдовалъ это преступленіе съ точки зрѣнія судебной медицины. Монографій объ отравленіи въ русской литературѣ не существуетъ.

Затѣмъ вопросъ о значеніи отравленія съ различныхъ сторонъ разсматриваютъ Бернеръ [2]), Гейеръ [3]), Merkel [4]), Lion [5]), Thomsen [6]), Günther [7]) и многіе другіе. Наконецъ, преступное лишеніе жизни посредствомъ яда занимаетъ весьма видное мѣсто и во всѣхъ учебникахъ и руководствахъ по особенной части уголовнаго права, во всѣхъ спеціальныхъ изслѣдованіяхъ о преступленіяхъ противъ жизни и противъ тѣлесной неприкосновенности, въ работахъ по судебной медицинѣ и токсикологіи.

---

[1]) Ambroise Tardieu, étude médico-légale et clinique sur l'empoisonnement, Paris, 1867.

[2]) Berner, Körperverletzung, Verletzung durch Gift, der Gerichtssaal, neunzehnter Jahrgang (1867), № 1, стр. 7 и слѣд. (статья эта была продолженіемъ статьи № 11 того-же журнала за 1866 годъ) Журналъ Министерства Юстиціи, 1867 г., № 7, томъ XXXIII, ч. II. Ср. болѣе старое изслѣдованіе Schmid'a, de crimine laesae sanitatis, Diss. inaug., Jenae, 1835. Также Eggert'a, der gewaltsamme Tod ohne Verletzung, Berlin, 1832.

[3]) Geyer, Verbrechen gegen die leibliche Unversehrtheit, die Vergiftung insbesondere, v. Holtzendorff Handbuch des deutschen Strafrechts, III Band, Berlin, 1874, XXV, стр. 556 и слѣд.; IV (Supplement) Band, Berlin, 1877, XIII, стр. 382 и слѣд.

[4]) Merkel, Vergiftung, v. Holtzendorff Rechtslexicon, Berlin, 1881.

[5]) Lion, gerichtsärztliche Betrachtungen über § 197 des Strafgesetzbuches (Gift und andere Stoffe, welche geeignet sind, Leben und Gesundheit zu zerstören), Archiv für Preussisches Strafrecht herausg. v. Goltdammer, XIV Band, 1866, стр. 797 и слѣд.

[6]) Thomsen, kritische Notizen zum Deutschen Strafgesetzbuch, die Vergiftungs-Bestimmungen, der Gerichtssaal, Band XXX, 1878, стр. 99 и слѣд.

[7]) Günther, die Hauptstadien der Entwickelung der Körperverletzung, Erlangen, 1884, стр. 241 и слѣд.

Что касается общихъ руководствъ по уголовному праву, то надо замѣтить, что уже въ учебникахъ начала нынѣшняго столѣтія вопросъ объ отравленіи анализируется весьма основательно; стоитъ припомнить, напримѣръ, учебники Титтмана, Мартина, Вехтера, Геффтера и другихъ, не говоря уже о безсмертномъ сочиненіи Фейербаха [1]). Еще съ бо̀льшимъ вниманіемъ относятся къ этому дѣянію новѣйшіе криминалисты; назовемъ, напримѣръ, Бернера, Листа, Гуго Мейера, Каррару, Chauveau и Hélie, Стифена и т. д. [2]). Въ нашихъ

---

[1]) Tittmann, Grundlinien der Strafrechtswissenschaft, Leipzig, 1800, §§ 163 и слѣд. Handbuch des gemeinen deutschen peinlichen Rechts, 1822--24, §§ 197 и сл., 760, 769.

Martin, Lehrbuch des Deutschen gemeinen Criminalrechts mit besonderer Rücksicht auf das neue Baierisch. Gesetzbuch, Heidelberg, 1825, § 131 и сл.

Wächter, Lehrbuch des Römisch-Deutschen Strafrechts, Tübingen, 1826, II, § 169.

Heffter, Lehrbuch des gemeinen Deutschen Criminalrechts, Halle, 1833, 1857, § 274 и слѣд.

Feuerbach, Lehrbuch des gemeinen in Deutschland gültigen peinlichen Rechts, herausg. v. Mittermaier, Giessen, 1836, Giftmord § 222 и слѣд., Vergiftung § 247 и слѣд.

[2]) Berner, Lehrbuch des deutschen Strafrechts, Berlin, 1886, 1892. (Русскій переводъ Н. А. Неклюдова, СПб., 1867). Verletzung durch Gift § 114. Gifttödtung § 182.

Liszt, Lehrbuch des Deutschen Strafrechts, Berlin, 1892, 1894. Vergiftung § 92, Giftmord § 83 (стр. 312).

Hugo Meyer, Lehrbuch des Deutschen Strafrechts, Leipzig, 1895, die sog. Vergiftung § 74 (стр. 485).

Carrara, programma del corso di diritto criminale, parte speciale, vol. II, §§ 1423—1425.

Chauveau et Hélie, théorie du Code Pénal, Paris, 1887, tome troisième, chapitre XLVI, § VII de l'empoisonnement, стр. 548--566. — Ср. Carnot, commentaire sur le Code Pénal, art. 301.

James Fitzjames Stephen, a general view of the criminal law of England, London and Cambridge, 1863. (Русскій переводъ В. Д. Спасовича, уголовное право Англіи въ краткомъ очертаніи, СПб., 1865). Въ этомъ сочиненіи приведены четыре большихъ процесса объ отрав-

русскихъ учебникахъ объ отравленій говорится въ обыкновенныхъ размѣрахъ академическаго курса; таковы сочиненія Калмыкова, Лохвицкаго, Неклюдова, Будзинскаго, Сѣверскаго, Фойницкаго [1]). Изъ всѣхъ изслѣдованій о преступленіяхъ противъ жизни, разбираемый вопросъ яснѣе всего изложенъ въ сочиненіи Таганцева [2]). Изъ работъ о преступленіяхъ противъ тѣлесной неприкосновенности, внимательнѣе всего относится къ отравленію цитированный выше трудъ Гюнтера.

Въ заключеніе не безполезно упомянуть, что ученіе объ отравленіи и о ядахъ служило также предметомъ изслѣдованій съ точки зрѣнія судебной токсикологіи, судебной медицины и т. п. Въ этой области встрѣчаются прекрасныя работы еще въ первой половинѣ текущаго столѣтія; таковы, напримѣръ, сочиненія Маркса, Орфила, Хюнефельда, Христизо-

---

леніи: дѣло Джона Донэллена, дѣло Уилліама Пальмера, дѣло Уилліама Дова, дѣло Фомы Смитгерста.

Stephen, a digest of the criminal law (crimes and punishments), London, 1887, administering poison with intent to harm. article 238, стр. 181.

[1]) Н. Д. Калмыковъ, учебникъ уголовнаго права (составленный А. Любавскимъ), СПб., 1866; убійство чрезъ отравленіе стр. 457, поврежденіе здоровья посредствомъ яда стр. 465.

А. Лохвицкій, курсъ русскаго уголовнаго права, 2-е изд., СПб., 1871; ядъ стр. 226, отравленіе стр. 531.

С. М. Будзинскій, о преступленіяхъ въ особенности, Москва, 1887; убійство стр. 43 и слѣд.

Я. Г. Сѣверскій, особенная часть русскаго уголовнаго права, краткій обзоръ началъ отъ Уложенія Царя Алексѣя Михайловича до Уложенія о Наказаніяхъ включительно, СПб., 1892.

И. Я. Фойницкій, курсъ уголовнаго права, часть особенная, посягательства на личность и имущество, СПб., 1893; отравленіе, стр. 42 и слѣд.

Н. А. Неклюдовъ, руководство къ особенной части уголовнаго права, томъ 1, СПб., 1876, отравленіе, стр. 288.

[2]) Н. С. Таганцевъ, о преступленіяхъ противъ жизни по русскому праву, СПб., 1870, томъ II, стр. 71—86.

на, Каспера, Фалька, Бёкера, Тайлора, Девержи, Шюрмайера, Фридрейха, Бури и другихъ [1]).

Изъ новѣйшихъ работъ и новыхъ изданій по судебной медицинѣ, судебной токсикологіи, судебной химіи и т. п., изъ коихъ нѣкоторыя существуютъ и на русскомъ языкѣ, нельзя не отмѣтить сочиненій Бухнера [2]), Германа [3]), Драгендорфа [4]),

---

[1]) Marx, geschichtliche Darstellung der Giftlehre, Göttingen, 1827; die Lehre von den Giften, Göttingen, 1829.

Orfila, traité de poisons, Paris, 1826; traité de toxicologie, 1852. Allgemeine Toxicologie oder Giftkunde, übers. von Hermbstädt, 1818. Médecine légale, tom III, 1848.

Hühnefeld, die Chemie der Rechtspflege, Berlin, 1832.

Christison, a treatise on poisons in relation to medical jurisprudence, 1845.

Casper, gerichtliche Leichenöffnungen, zweites Hundert, 1853.

Falk, die klinisch wichtigen Intoxicationen, Virchow's Handbuch, II B., 1 Abth., 1855.

Böcker, die Vergiftungen in forensischer und klinischer Beziehung, Iserlohn, 1857.

Taylor, on poisons in relation to medical jurisprudence, 1848.

Devergie, médecine légale théor. et pratique, tome II.

Schürmayer, Lehrbuch der gerichtlichen Medicin, Erlangen, 1854.

Friedreich, vom Begriff des Giftes und der Vergiftung, Archiv des Criminalrechts, 1843, стр 501. Compendium der gerichtlichen Anthropologie, 1848, §§ 173—200, стр. 271—332.

Buri, zur Frage über den Begriff des Giftes, Goltdammers Archiv für preussisches Strafrecht, X, стр. 745. Zur Lehre von der Vergiftung, ibidem, X, стр. 528. Ср. Engert, ueber den Begriff von Gift, ibidem, IX, стр. 675 и т. д.

[2]) Buchner, Toxicologie. Gerichtliche Medicin, §§ 284—332. Судебная медицина для врачей и юристовъ, сочиненіе Эрн. Бухнера, дополненное статьями русскихъ законовъ, перев. Шершевскаго подъ ред. Ловцова, СПб., 1870, стр. 200—233.

[3]) L. Hermann, Lehrbuch der experimentellen Toxicologie, Berlin, 1874.

[4]) Dragendorff, Beiträge zur gerichtlichen Chemie einzelner organischer Gifte, SPb., 1872. Manuel de toxicologie, traduit par Ritter, Paris, 1875. Die Ermittelung von Giften. Судебно-химическое откры-

Траппа [1]), Рабюто [2]), Гофмана [3]), Бёма, Наунина и Бёка [4]), Коберта [5]) и друг. Наконецъ, въ послѣдніе годы появилось новое изданіе прекраснаго сочиненія Фр. Отто [6]), такое-же новое изданіе работы Драгендорфа [7]), учебникъ Штрасмана [8]), полный курсъ интоксикаціи профессора Юрьевскаго Университета Д-ра Рудольфа Коберта [9]), пособникъ при судебно-

---

тіе ядовъ въ пищевыхъ веществахъ, воздухѣ, остаткахъ пищи, частяхъ тѣла и т. д., перев. Капустина и Ментина, СПб., 1875.

[1]) Траппъ, наставленіе для судебно-химическаго изслѣдованія ядовъ, СПб., 1877.

Ср. Кассельманъ, краткое руководство къ судебной химіи; употребляемые яды въ токсикологическомъ и судебно-химическомъ отношеніяхъ, 1871.

[2]) Rabuteau, élément de toxicologie et de médecine légale appliqué à l'empoisonnement, Paris, 1873. Руководство къ токсикологіи составленное по Рабюто, подъ редакціей Е. Пеликана, СПб., 1879.

[3]) Hoffmann, Lehrbuch der gerichtlichen Medicin. Учебникъ судебной медицины Эд. Гофмана, перев. п. р. Сорокина, СПб., 1891, смерть отъ отравленія, стр. 467—550. Ср. перев. Штольца, СПб., 1891.

[4]) Zimssen, Handbuch. Руководство къ частной патологіи и терапіи, подъ редакц. Цимссена, т. 15, отравленія, перев. Фридберга, Харьковъ, 1880: *Boehm*, отравленія вообще; *Naunyn*, отравленія тяжелыми металлами и ихъ солями, включая мышьякъ и фосфоръ; *Boeck*, отравленія растительными ядами.

Ср. Köhler, Handbuch der speciellen Therapie einschliesslich der Behandlung der Vergiftungen, Tübingen, 1868.

[5]) Кобертъ, Compendium практической токсикологіи, руководство для врачей и юристовъ, перев. съ нѣм. Ериховера подъ ред. Залѣсскаго, Дерптъ, 1888. Новое нѣм. изданіе — Stuttgart, 1894.

[6]) Fr. Jul. Otto, Anleitung zur Ausmittelung der Gifte, Braunschweig, 1892. Русскій переводъ только 1867 года „руководство къ открытію ядовъ".

Ср. Mohr, chemische Toxicologie, Anleitung zur chemische Ermittelung der Gifte, Braunschweig, 1874.

[7]) Dragendorff, назв. соч., Göttingen, 1895.

[8]) Fr. Strassmann, Lehrbuch der gerichtlichen Medicin, Stuttgart, 1895, стр. 404 и слѣд.; der Tod durch Vergiftung.

[9]) R. Kobert, Lehrbuch der Intoxicationen, Stuttgart, 1893.

медицинскомъ изслѣдованіи профессора Университета Св. Владиміра Н. А. Оболонскаго [1]) и нѣкоторыя другія сочиненія. Независимо сего весьма цѣнныя замѣчанія по вопросу объ отравленіи находимъ мы въ извѣстномъ руководствѣ для судебныхъ слѣдователей Ганса Гросса [2]).

Наконецъ, много любопытныхъ данныхъ, почерпнутыхъ изъ дѣйствительной жизни, находимъ мы въ различныхъ сборникахъ уголовныхъ дѣлъ и въ спеціально изданныхъ процессахъ объ отравленіи. Изъ новѣйшихъ дѣлъ этого рода можно отмѣтить процессъ Маріи Joniaux-Ablay [3]). Изъ болѣе старыхъ causes-célèbres объ отравленіи назовемъ, напримѣръ, процессы Уилліама Пальмера, Анны-Маргариты Цванцигеръ, Луизы Баумбахъ, графа и графини де-Бокарме и другіе [4]).

---

[1]) Н. Оболонскій, пособникъ при судебно-медицинскомъ изслѣдованіи трупа и при изслѣдованіи вещественныхъ доказательствъ, СПб., 1894. Смерть вслѣдствіе отравленія, стр. 422—447. Спеціальное изслѣдованіе ядовъ, стр. 545—565.

[2]) Hanns Gross, Handbuch für Untersuchungsrichter, Polizeibeamte, Gendarmen u s. w., zweite vermehrte Auflage, Graz, 1894. Vergiftungen, стр. 622—629. Ср. также стр. 121, 185, 186, 191, 212, 214, 342 и друг.

[3]) Der dreifache Giftmordprozess gegen Frau Marie Joniaux-Ablay in Antwerpen, nach den stenograph. Aufzeichung bearbeitet und ins Deutsche übertr., Zürich, 1895.

[4]) Prozesz gegen William Palmer, Dr. med. zu Rugeley in England, wegen wiederholter Giftmischerei, verhandelt vor dem Central-Gerichtshofe zu London, den 14 bis 27 Mai 1856. Gerichts-Chronik, 2 Heft, Berlin, 1856.—A Verbatim Report of the Trial of William Palmer etc. transcribed from the short-hand Notes of W. Angelo Bennett, London, 1856.

Feuerbach, aktenmässige Darstellung merkwürdiger Verbrechen, erster Band, Giessen, 1828, стр. 1—53: Anna Margaretha Zwanziger, die deutsche Brinvillier.

Der Prozess von Louise Baumbach, Denkschrift nebst stenographischen Berichte über die schwurgerichtliche Verhandlung, von R. v. F., Carlsruhe, 1861.

Procès du compte et de la comtesse de Bocarmé, 27 mai 1851, Cour d'assises du Hainaut, Bruxelles-Charleroi, 1851.

ОТДѢЛЪ II.

Опредѣленіе яда и отравленія.

Такимъ образомъ, литература вопроса объ отравленіи весьма богата. А между тѣмъ точнаго и безусловнаго опредѣленія понятія яда не существуетъ; не существуетъ по той простой причинѣ, что понятіе это постоянно измѣняется, вслѣдствіе постоянно новыхъ наблюденій и изслѣдованій, вслѣдствіе открытія новыхъ неизвѣстныхъ прежде токсическихъ веществъ.

Не только юристы, но и медики стараются избѣгать безполезныхъ общихъ опредѣленій яда. Тѣмъ болѣе опасно введеніе такихъ общихъ понятій въ положительное законодательство. Даже спеціалисты этого вопроса, — изслѣдователи судебной медицины, судебной и общей токсикологіи, — отказываются высказать полное и непогрѣшимое опредѣленіе понятія яда или отравы.

Понятіе о ядѣ, говоритъ, напримѣръ, Бухнеръ [1]), не составилось въ наукѣ, а выработалось въ обыденной жизни и заимствовано отъ публики. Вопросы о томъ, дѣйствуетъ-ли что-либо какъ ядъ и считается-ли ядомъ, рѣшаются путемъ

А. Любавскій, Сборникъ замѣчательныхъ уголовныхъ процессовъ (иностранные процессы). XV, стр. 274: процессъ доктора Яна, судимаго за отравленіе Луизы Бергеръ. XIV, стр. 239: отравленіе Джона Персонсъ-Кука Вильямомъ Пальмеромъ. XVI, стр. 301: покушеніе на отравленіе барона Баумбаха.

Его-же, русскіе уголовные процессы, СПб., 1866. VII, стр. 133: отравленіе крестьянкою Каменскою своего мужа. XIV, стр. 241: дѣло о врачѣ Василіи Ивановѣ, судимомъ за пособничество къ отравленію Александры Орлицкой. XXIV, стр. 379: дѣло о башкирцѣ Хамидуллинѣ, обвиненномъ въ отравленіи Мухаметьши (Ямгурова).

Дѣло объ отравленіи потомственнаго почетнаго гражданина Максименко, отчетъ о судебномъ разбирательствѣ, СПб., 1891. Э. Ф. Беллинъ, судебно-медицинская экспертиза по тому-же дѣлу, Харьковъ, 1896.

[1]) Э. Бухнеръ, судебная медицина для врачей и юристовъ, СПб., 1870, стр. 201 и 202.

опыта. Въ судебномъ отношеніи важенъ именно послѣдній моментъ, такъ какъ всегда предполагается, что вещество, о которомъ идетъ рѣчь, извѣстно за ядъ, то-есть за вещество, которое можетъ наносить вредъ здоровью или причинять смерть. Наиболѣе цѣлесообразно слѣдующее понятіе о ядѣ: ядомъ называются тѣ вещества, которыя, поступая въ тѣло въ малыхъ пріемахъ, наносятъ вредъ здоровью или причиняютъ смерть своимъ химическимъ дѣйствіемъ.

Подробное разсмотрѣніе опредѣленія понятія о ядѣ мы встрѣчаемъ у Фалька. Онъ называетъ ядомъ или химически вредными дѣятелями (Potenz), что̀ для него синонимъ, всѣ вещества, будутъ-ли они продуктами природы или искусства, которыя, дѣйствуя посредствомъ химической природы своихъ молекулъ и посредствомъ присущихъ имъ силъ, и приходя въ соприкосновеніе съ здоровымъ организмомъ, не только не служатъ для нормальнаго питанія, то-есть для образованія, дальнѣйшаго развитія и обновленія тѣла, но, напротивъ того, при извѣстныхъ условіяхъ, болѣе или менѣе нарушаютъ форму и смѣшеніе органическихъ частей и, вмѣстѣ съ тѣмъ, болѣе или менѣе разрушая органы, наносятъ очевидный вредъ здоровью или причиняютъ смерть.

Хотя въ общежитіи, замѣчаетъ профессоръ Кобертъ [1]), въ большинствѣ случаевъ вѣрно понимаютъ значеніе слова „ядъ“, тѣмъ не менѣе трудно дать вполнѣ научное опредѣленіе этого понятія. Вотъ почему *большинство новѣйшихъ руководствъ по токсикологіи прямо говоритъ, что невозможно вообще дать такого опредѣленія.* Съ теоретической точки зрѣнія это вполнѣ основательно, но въ интересахъ практическихъ желательно имѣть какое-нибудь опредѣленіе, хотя-бы и не вполнѣ совершенное. Принимая въ основаніе опредѣленіе Husemann'а, проф. Кобертъ предлагаетъ (конечно не безъ оговорокъ) слѣдующее опредѣленіе.

Подъ ядами разумѣются такія неорганизованныя, какъ

---

[1]) Р. Кобертъ, Compendium практической токсикологіи, Дерптъ, 1888, стр. 1—2. Ср. нѣм. изд. 1894 г. Lehrbuch, 1893, стр. 9 и сл.

органическія, такъ и неорганическія вещества, получаемыя отчасти искусственно, отчасти-же встрѣчаемыя готовыми въ природѣ, которыя при извѣстныхъ условіяхъ такъ дѣйствуютъ своими химическими свойствами на органы живаго существа, что его абсолютное или относительное здоровье повреждается временно или навсегда.

Это опредѣленіе исключаетъ всѣ механически дѣйствующіе яды, какъ напримѣръ стеклянная пыль, иголки и проч., а также и всѣ вредные микроорганизмы. Затѣмъ въ немъ устранена свойственная многимъ другимъ опредѣленіямъ погрѣшность, будто-бы яды суть только такіе фармакологическіе дѣятели, которые вредятъ лишь *здоровому* организму; на самомъ-же дѣлѣ многіе изъ нихъ, хотя и прекрасно переносятся здоровымъ организмомъ, отзываются однако весьма вредно при извѣстныхъ болѣзняхъ, и въ этихъ случаяхъ они суть яды; примѣромъ этому служитъ крѣпкій кофе. Отсюда видно, что „безусловныхъ ядовъ" вообще не существуетъ, и что необходимо сперва знакомство съ ближайшими обстоятельствами каждаго отдѣльнаго случая, чтобы признать данное вещество ядомъ.

Подъ именемъ ядовъ, заявляетъ профессоръ Гофманъ [1]), мы разумѣемъ вещества, которыя, будучи введены въ организмъ въ относительно малыхъ количествахъ, могутъ разстроить здоровье и даже причинить смерть, дѣйствуя не механически и не термически, а какимъ-либо инымъ образомъ. Правда, такое опредѣленіе представляется не совсѣмъ правильнымъ съ строго токсикологической точки зрѣнія, но за то вполнѣ соотвѣтствуетъ обыкновенному разговорному языку и можетъ считаться вполнѣ достаточнымъ, тѣмъ болѣе, что *до сихъ поръ не удалось дать совершенно точнаго опредѣленія понятія о ядѣ.* Кромѣ того, потребность въ точномъ опредѣленіи этого понятія въ настоящее время сдѣлалась менѣе настоятельной, такъ какъ новые законы, вполнѣ сознавая всю

---

[1]) Э. Гофманъ, учебникъ судебной медицины, перев. подъ ред. Сорокина, 1887, 1891, стр. 469 и 470.

трудность и даже невозможность точнаго опредѣленія „яда“, имѣютъ въ виду не только яды, но и „другія вредныя вещества“, способныя причинить разстройство здоровья. Безусловныхъ ядовъ, то-есть такихъ веществъ, которыя, будучи введены въ организмъ, во всякомъ случаѣ разстраиваютъ здоровье или причиняютъ смерть, не существуетъ; вещества, называемыя ядами, оказываютъ вредное дѣйствіе только при извѣстныхъ условіяхъ.

Такія-же заявленія о невозможности дать безусловно точное опредѣленіе понятія яда встрѣчаемъ мы и въ русской медицинской наукѣ. Такъ, напримѣръ, въ новомъ „Пособникѣ“ профессора Оболонскаго [1]) читаемъ мы слѣдующее: Точнаго опредѣленія понятія о ядѣ не существуетъ; ядомъ можно назвать такое тѣло, которое, въ силу своихъ химическихъ свойствъ, будучи введено въ организмъ, даже въ сравнительно небольшихъ количествахъ, можетъ вызвать тяжелое разстройство и даже самую смерть.

Тѣмъ не менѣе попытки дать твердое и законченное опредѣленіе яда не новы, какъ въ медицинѣ, такъ и въ юриспруденціи. Приведемъ для примѣра хотя нѣкоторыя изъ подобныхъ опредѣленій. Въ старинномъ руководствѣ Франка [2]) находимъ такого рода положеніе: Ядъ есть такое тѣло, которое, дѣйствуя на человѣка въ наималѣйшемъ количествѣ, подвергаетъ жизнь его величайшей опасности, хотя ядовитое вещество организмомъ человѣка не распространяется и не усиливается.

Орфила въ своемъ трактатѣ о ядахъ [3]) дастъ весьма ха-

---

[1]) Оболонскій, пособникъ при судебно-медицинскомъ изслѣдованіи трупа, СПб., 1894, стр. 424.

[2]) Joseph Frank, Handbuch der Toxicologie oder der Lehre von Giften und Gegengiften, Wien, 1803, § 4, стр. 2 и 3. Русскій перев. Ловецкаго, Москва, 1815, стр 13. Ср. Magasin für Toxicologie.

[3]) Orfila, traité des poisons tirés des règnes minéral, végétal et animal, ou toxicologie générale, considérée sous les rapports de la physiologie, de la pathologie et de la médecine légale, tome 1, 3 ed., Paris, 1826, стр. 1.

рактерное, краткое опредѣленіе отравы: On donne le nom de poison à toute substance qui, prise intérieurement à petite dose, ou appliquée de quelque manière que ce soit sur un corps vivant, detruit la santé ou anéantit entièrement la vie.

Гальтье предлагаетъ еще болѣе краткое опредѣленіе [1]): Est considéré comme poison tout corps qui par suite de son action chimico-dynamique locale, et surtout de son absorption, donne lieu à des accidents graves et mortels.

Рабюто [2]) въ своемъ руководствѣ говоритъ, что ядомъ называется всякое химическое вещество, способное причинить смерть или серьёзный вредъ здоровью своимъ дѣйствіемъ на ткани или соки тѣла. Отравленіемъ называется общая сложность припадковъ, обусловленныхъ ядовитыми веществами. Между ядомъ и лекарствомъ существуетъ лишь различіе въ дозахъ, а слѣдовательно и въ степени дѣйствія. Первый извращаетъ или уничтожаетъ отправленія организма; второе приводитъ ихъ снова къ нормальному состоянію.

Говоря вообще, яды сутъ химическія вещества, вѣсомыя, доступныя выведенію и дѣйствующія соразмѣрно принятымъ дозамъ. Нѣкоторые авторы (Böcker, Christison, Schauenstein) не согласны съ такимъ опредѣленіемъ; по ихъ мнѣнію ядовитыхъ веществъ въ собственномъ смыслѣ не существуетъ, а существуютъ только вещества, могущія сдѣлаться ядовитыми при

---

[1]) C. P. Galtier, traité de toxicologie médicale, chimique et légale et de la falsification des aliments, boissons, condiments, tome 1, Paris, 1855, стр. 1.

Ср. пространное опредѣленіе Фридрейха (compendium § 173): Gift ist ein im Organismus sich nicht wieder reproducirender Stoff, welcher, im Verhältniss zu andern, in kleinen Dosen durch eine besondere in ihm wohnende Kraft und nicht durch seine äussere Gestalt, in oder an den Körper gebracht, ohne wahrnehmbare mechanische Wirkung, Gesundheit und Leben in hohem Grade gefährdet.

[2]) Rabuteau, éléments de toxicologie. Руководство къ токсикологіи, составленное по Рабюто, подъ редакціей Е. Пеликана, СПб., 1879, стр. 29 и 30.

особыхъ условіяхъ. Тардьѐ [1]) идетъ еще дальше. Онъ окончательно отрицаетъ яды и не признаетъ за токсикологіей разумнаго бытія; на его взглядъ существуютъ одни отравленія, а слѣдовательно возможны только судебно-медицинскія изслѣдованія, наравнѣ съ случаями утопленія, повѣшенія и т. д.

Понятіе о ядѣ, замѣчаетъ извѣстный криминалистъ Бернеръ [2]), по своей относительности, не поддается почти никакому опредѣленію. Что въ иныхъ обстоятельствахъ дѣйствуетъ какъ ядъ, то въ другихъ можетъ служить лекарствомъ. На инаго человѣка, вслѣдствіе привычки, ядъ не производитъ никакого вреднаго дѣйствія, а на другаго онъ дѣйствуетъ особенно сильно. Инаго убиваетъ стаканъ воды, а для другаго совершенно безвреденъ значительный пріемъ мышьяку. Лошади безъ вреда для нея можно давать мышьякъ неоднократно большими дозами, коза ѣстъ болиголовъ, а свинья умираетъ отъ перцу.

Въ русской юридической наукѣ мы находимъ два опредѣленія понятія яда. Одно принадлежитъ профессору Н. С. Таганцеву [3]), другое было высказано профессоромъ И. Я Фойницкимъ въ его курсѣ уголовнаго права [4]).

---

[1]) Ambroise Tardieu, étude médico-légale et clinique sur l'empoisonnement, Paris, 1867.

Приведемъ еще, пожалуй, опредѣленіе Ванъ-Гассельта (Giftlehre, стр. 1): Gifte sind diejenigen Stoffe zu nennen, welche schon in einer verhältnissmässig kleinen Menge tödlich oder wenigstens schädlich auf den gesunden Organismus einwirken können.

Ср. дефиницію Тайлора (on poisons, vol. I, chapter 1): ядомъ называется всякое вещество, которое, будучи введено въ желудокъ или въ кишки, способно уничтожить жизнь, безъ всякаго механическаго воздѣйствія на тѣло.

[2]) Berner, Körperverletzung, Verletzung durch Gift, § 12. Русск. перев. Ж. М. Ю. 1867, № 7, стр. 58.

[3]) Н. С. Таганцевъ, о преступленіяхъ противъ жизни по русскому праву, томъ II, стр. 83 и 84.

[4]) И. Я. Фойницкій, курсъ уголовнаго права, часть особенная, посягательства на личность и имущество, СПб., 1893, стр. 43.

Тамъ, гдѣ извѣстное лицо, говоритъ профессоръ Таганцевъ, дѣйствуя съ намѣреніемъ лишить жизни, достигло желаемаго, опредѣленіе отравленія и понятія яда не представляетъ еще особенныхъ затрудненій. Ядомъ можетъ быть названо вещество, введенное въ организмъ или приведенное въ соприкосновеніе съ кровью и въ силу этого причинившее смерть лицу безъ всякаго механическаго воздѣйствія, такъ что поэтому не можетъ быть названо отравленіемъ проглоченіе кѣмъ-либо иголки или булавки, причинившее смерть. При этомъ совершенно безразлично, было-ли это вещество таково, что только въ чистомъ своемъ составѣ оно проявляетъ подобныя смертоносныя качества и утрачиваетъ ихъ при всякой смѣси или соединеніи съ другими веществами. какъ напр. сѣрная кислота, или наоборотъ дѣлается ядовитымъ только при извѣстныхъ соединеніяхъ, какъ амигдалинъ, и т. д. Въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ необходимо только выяснить, существовала-ли причинная связь между веществомъ, введеннымъ въ организмъ и смертью.

Но несравненно труднѣе является разрѣшеніе вопроса въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ данное вещество не произвело желаемаго дѣйствія, такъ какъ здѣсь необходимо имѣть въ виду, что вещества, даже относимыя къ наисильнѣйшимъ органическимъ ядамъ, данныя въ малой дозѣ, или становятся совершенно безвредными, или даже употребляются какъ лекарство, какъ напр. стрихнинъ, дигиталинъ, опіумъ и т. д., такъ что очевидно, что всякое безусловное опредѣленіе яда окажется несостоятельнымъ. Въ случаяхъ этого рода необходимо имѣть въ виду тѣ общія правила, которыя знаетъ законъ, какъ напр. наше Уложеніе относительно покушенія съ негодными средствами, т. е. судъ можетъ освободить виновнаго отъ отвѣтственности, коль скоро онъ найдетъ, что данныя вещества могли быть употреблены только по его крайнему невѣжеству или суевѣрію.

Въ виду отсутствія какого-бы то ни было опредѣленія яда въ нашемъ законодательствѣ и уподобленія съ нимъ всякихъ вредныхъ для здоровья веществъ, эти понятія, по справедливому замѣчанію проф. Фойницкаго, обнимаютъ всякое веще-

ство, которое, въ чистомъ видѣ или въ соединеніи съ какими-нибудь иными, хотя и отдѣльно употребленными, можетъ въ небольшихъ дозахъ произвести разрушительныя дѣйствія въ организмѣ при извѣстномъ его употребленіи (снаружи или внутрь, путемъ вдыханія, втиранія, введенія въ кровь или въ желудокъ).

Дѣйствительно, въ нашемъ законодательствѣ, въ Уставѣ Медицинской Полиціи, въ правилахъ о раздробительной продажѣ ядовитыхъ и сильно-дѣйствующихъ веществъ, мы находимъ только дѣленіе этихъ веществъ на разряды [1]), но не находимъ никакого опредѣленія понятія „яда".

Вещества ядовитыя и сильно-дѣйствующія раздѣляются на четыре разряда, смотря по большей или меньшей ихъ опасности для здоровья и жизни людей, необходимости для техническаго или исключительно фармацевтическаго употребленія и по степени доступности ихъ для народа. Къ первому разряду отнесены ядовитыя вещества, по преимуществу удобныя для употребленія съ злоумышленною цѣлью; ко второму — вещества ядовитыя и сильно-дѣйствующія, употребительныя въ техникѣ и притомъ неудобныя для злоумышленнаго употребленія; третій и четвертый разряды заключаютъ въ себѣ ядовитыя и сильно-дѣйствующія вещества, необходимыя для фармацевтическаго исключительно употребленія; изъ нихъ вещества, привозимыя изъ-за границы и употребляемыя на фабрикахъ и въ аптекахъ, помѣщены въ третьемъ разрядѣ, а въ четвертомъ— вещества туземныя, доступныя всякому на мѣстахъ, гдѣ произрастаютъ и водятся. Медицинскому Совѣту предоставляется подвергать списки этихъ разрядовъ веществъ ядовитыхъ и сильно-дѣйствующихъ ежегодно разсмотрѣнію и, буде окажется нужнымъ, дополнять ихъ или перемѣщать изъ одного разряда въ другой содержащіяся въ нихъ вещества, соображаясь въ

---

[1]) Сводъ Законовъ Россійской Имперіи, томъ XIII, Уставъ Врачебный, изд. 1892 года. Книга II Уставъ Медицинской Полиціи, глава IV о продажѣ ядовитыхъ и сильно-дѣйствующихъ веществъ, ст. 663—689.

этомъ какъ съ успѣхами химіи, такъ и съ требованіями врачебной полиціи.

Въ прежнемъ изданіи Свода Законовъ, въ особомъ приложеніи къ соотвѣтствующей статьѣ тринадцатаго тома [1]) были помѣщены и самые списки ядовитымъ и сильно-дѣйствующимъ веществамъ. Нынѣ, въ виду предоставленнаго Медицинскому Совѣту права измѣнять означенные списки, таковыхъ въ послѣднемъ изданіи Свода 1892 года уже болѣе не имѣется.

Между тѣмъ списки эти имѣли несомнѣнное практическое значеніе, а для насъ, кромѣ того, представляютъ особый интересъ, такъ какъ въ нихъ можно найти единственную законодательную попытку, если не къ опредѣленію, то къ классификаціи ядовитыхъ веществъ.

Въ спискѣ А были помѣщены ядовитыя вещества перваго разряда, то-есть вещества по преимуществу удобныя для употребленія съ злоумышленною цѣлью. Сюда относились:

1) Мышьякъ металлическій и сѣрый (Cobaltum матеріалистовъ), Arsenicum metallicum et griseum.

2) Мышьякъ сѣрнистый, желтый и красный мышьякъ (Оперментъ и Реальгаръ), Arsenicum sulphuratum-citrinum et rubrum.

3) Мышьяковистая кислота (Бѣлый мышьякъ), Arsenicum album.

4) Мышьякокислое кали, Kali arsenicum.

5) Ртуть дву-хлористая (Сулема), Hydrargyrum muriaticum corrosivum, Mercurius sublimatus corrosivus.

6) Ртутная окись (красная ртуть), Hydrargyrum-rubrum, Mercurius praecipitatus ruber.

Въ спискѣ Б были помѣщены ядовитыя вещества втораго разряда, то-есть вещества ядовитыя и сильно-дѣйствующія, употребительныя въ техникѣ и притомъ неудобныя для злоумышленнаго употребленія. Сюда относились:

---

[1]) Сводъ Законовъ, изданіе 1857 года, томъ XIII, Сводъ учрежденій и Уставовъ врачебныхъ по гражданской части, Приложеніе къ статьѣ 879.

1) Азотная или селитренная кислота, обыкновенная и дымящаяся (крѣпкая водка), Acidum nitricum et Acidum nitricum fumans (Aqua fortis).

2) Азотнокислый свинецъ, Plumbum nitricum.

3) Бромъ, Bromum.

4) Краски, содержащія мышьяковисто-кислую мѣдь, какъ-то:

a) зелень Англійская (Englischgrün).
b) — Базельская (Baselgrün).
c) — Брикснерская (Brixnergrün).
d) — Вирцбургская (Würzburgergrün).
e) — Вѣнская (Wienergrün).
f) — Грундиргринъ (Grundirgrün).
g) — Кайзерская (Kaisergrün).
h) — Кассельская (Kasselgrün).
i) — Курерская (Kurers'grün).
k) — Кирхбергская (Kirchbergergrün).
l) — Королевская (Königsgrün).
m) — Лебшицкая (Löbschützgrün).
n) — Лейпцигская (Leipzigergrün).
o) — Мюнхенская (Münchnergrün).
p) — Митисъ (Mitisgrün).
q) — Нейвидская (Neuwidergrün).
r) — Нейгринъ (Neugrün).
s) — Оригинальная (Originalgrün).
t) — Парижская (Parisergrün).
u) — Патентованная (Patentgrün).
v) — Пиккельгринъ (Pickelgrün).
w) — Цвикауерская (Zwickauergrün).
x) — Швейнфуртская (Schweinfurtergrün).
y) — Шобергская (Schobergrün).
z) — Эйслебенская (Eislebnergrün)

5) Синеродистое кали по методу Либига пригот. Cyanetum kalii Liebigii.

6) Соленая кислота, Acidum muriaticum (Spiritus salis).

7) Сѣрная кислота обыкновенная и дымящаяся, Acidum sulphuricum (Oleum Vitrioli et Oleum Vitrioli fumans).

8) Уксуснокислый свинецъ (свинцовой сахаръ), Plumbum aceticum (Saccharum saturni).

9) Фосфоръ, Phosphorus.

10) Щавельная кислота, Acidum oxalicum.

11) Щавельно-кислое кали (щавельная или кисличная соль), Kali bioxalicum (Sal Acetosellae).

12) Ѣдкое кали (ѣдкій камень), Kali causticum (Lapis Causticus).

Въ спискѣ В были помѣщены ядовитыя вещества третьяго разряда то-есть ядовитыя и сильно-дѣйствующія вещества, необходимыя для фармацевтическаго исключительно употребленія, привозимыя изъ-за границы и приготовляемыя на фабрикахъ и въ аптекахъ. Сюда относились:

1) Аконитинъ, Aconitinum.

2) Атропинъ, Atropinum.

3) Бобовникъ жгучій (стручки глистогонные), жгучій фасоль, Dolichos pruriens.

4) Бобы Игнатьевы, Fabae St. Ignatii.

5) Бруцинъ, Brucinum.

6) Вератринъ, Veratrinum.

7) Дигиталинъ, Digitalinum.

8) Елатерій, Elaterium.

9) Кодеинъ, Codeinum.

10) Колоквинты, Colocynthides.

11) Корень Бѣло-Мехоаканный, Radix Mechoakannae.

12) — Бѣлой чемерицы, Radix Veratri (s. Hellebori albi).

13) — Волчьяго дерева (корень Волкоперечный, Волколыковый), Radix Mezerei.

14) Корень Каинка (корень Бѣлоягодника), Radix Caincae.

15) — Красавицы (сонной одури, паслiона), Radix Belladonae).

16) Корень Морскаго лука, Radix Scillae.

17) — Песьяго языка, Radix Cynoglossi.

18) — Подлѣсника (Копытня, дикаго перца), Radix Asari europaei.

19) Корень Покрынный, Radix Mandragorae.
20) — Рвотный, Ipecacuanhae.
21) — Турпетный, Radix Turpethi.
22) — Черной чемерицы, Radix Hellebori nigri.
23) Кора волчьяго дерева, Cortex Mezerei.
24) Кукольванъ (Рыболовныя ягоды), Coculi Indici.
25) Лактукарій, Lactucarium.
26) Лупулинъ, Lupulinum.
27) Морфій, Morphium.
28) Масло кротоновое, Oleum Crotonis Tiglii:
29) — Эфирное горькихъ миндалей, Oleum Amygdalarum amarum aethereum.
30) Масло Эфирное Донскаго или казацкаго можжевельника (Арца), Oleum Sabinae aethereum.
31) Масло Эфирное руты или рутное, Oleum Rutae aethereum.
32) Масло янтарное, Oleum succini.
33) Оній, Opium.
34) Пиперинъ, Piperinum.
35) Рвотная соль, Tartarus emeticus (s. stibiatus).
36) Сабуръ, Aloë.
37) Скаммонъ, Scammonium.
38) Соланинъ, Solaninum.
39) Спорынья (хлѣбные или черные рожки, бабій зубъ), Secale cornutum.
40) Стрихнинъ, Strychninum.
41) Сѣмя Безвременника, Semen Colchici.
42) — Бѣлены (Блекотное), Semen Hyoscyami.
43) — Волколыкное, Semen Cocognidii.
44) — Гнидыши (мышьяго перца), Semen Staphidis agriae.
45) — Дурманное, Semen Daturae Stramonii.
46) — Китайской чемерицы, Semen Sabadillae.
47) — Кротоновое, Semen Crotonis Tiglii.
48) — Чилибухи (Кучелябя), Nuces vomicae.
49) Сѣрнокислый кадмій, Cadmium sulphuricum.

50) Трава Багуна, Herba Ledi palustris.

51) — Бѣлены (Блекотная), Herba Hyoscyami.

52) — Болиголова (Омега пестраго), Herba Conii maculati.

53) — Ветреница, Herba Pulsatillae.

54) — Дикаго Арвана (Божія милость), H. Gratiolae.

55) — Донскаго или казацкаго можжевельника, Herba Sabinae.

56) — Желтника ядовитаго, Herba Rhus radicantis et Toxicodendri.

57) Трава Дурмана, Herba Stramonii.

58) — Индійскаго табаку, Herba Lobeliae inflatae.

59) — Красавицы (Сонная одурь, Пасліонъ), Herba Belladonae.

60) Трава Латтука ядовитаго, Herba Lactucae virosae.

61) — Ломоноса, Herba Flamulae Iovis.

62) — Наперстника краснаго, H. Digitalis purpureae.

63) — Омега ядовитаго, Herba Cicutae virosae.

64) — Прострѣла (Волчій ядъ, Борецъ), Herba Aconiti.

65) Уксусъ древесный, Acidum pyrolignosum (s. Ligni empyreumaticum).

66) Фосфорная кислота, Acidum phosphoricum concretum.

67) Хлористая ртуть (сладкая ртуть), Chloretum Hydrargyri (Hydrargyrum muriaticum mite, Mercurius dulcis, Calomel).

68) Хлористый баритъ, Baryta muriatica, (Terra ponderosa salita).

69) Шпанскія мухи, Cantharides.

70) Эфиръ сѣрный, Aether (s. Aether sulphuricus).

71) Эвфорбій, Euphorbium (Gummi Euphorbii).

72) Эметинъ, Emetinum.

73) Ялапная смола, Resina jallappae.

74) Янтарная кислота, Acidum succinicum (Sal Succini).

Наконецъ, въ спискѣ Г были помѣщены ядовитыя вещества четвертаго разряда, то-есть ядовитыя и сильно-дѣйствующія вещества, необходимыя для фармацевтическаго исключи-

тельно употребленія, но вещества туземныя, доступныя всякому на мѣстахъ гдѣ произрастаютъ и водятся. Сюда относились:

1) Корень Волчьяго дерева (Волконеречный, Волколыковый), Radix Mezerei.

2) Корень Красавицы (сонной одури, Пасліона), Radix Belladonnae.

3) Корень Песьяго языка, Radix Cynoglossi.

4) — Подлѣсника (Копытня, Дикаго перца), Radix Asari europaei.

5) Корень Черной чемерицы, Radix Hellebori nigri.

6) Кора Волчьяго дерева, Cortex Mezerei.

7) Спорынья (хлѣбные или черные рожки, бабій зубъ), Secale cornutum.

8) Сѣмя безвременника, Semen Colchici.

9) — Бѣлены (Блекотное), Semen Hyoscyami.

10) — Волколыкное, Semen Mezerei (Grana Gnidii).

11) — Дурманное, Semen Stramonii.

12) Травы Багуна, Herba Ledi palustris.

13) — Бѣлены (Блекотная), Herba Hyoscyami.

14) — Болиголова (Омега пестраго), H. Conii maculati.

15) — Ветреницы, Herba Pulsatillae.

16) — Дикаго Аврана (Божія милость), H. Gratiolae.

17) — Донскаго или казацкаго можжевельника (Арца), Herba Sabinae.

18) Трава Дурмана, Herba Stramonii.

19) — Красавицы (сонная одурь, Пасліонъ), Herba Belladonae.

20) Трава Латтука ядовитаго, Herba Lactucae virosae.

21) — Ломоноса, Herba Flammulae Jovis.

22) — Наперстника краснаго, H. Digitalis purpureae.

23) — Омега ядовитаго, Herba cicutae.

24) — Прострѣлъ (Волчій ядъ, Борецъ), Herba Aconiti.

25) Шпанскія мухи, Cantharides.

Въ замѣнъ этихъ списковъ, Медицинскій Совѣтъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ издаетъ при Фармакопеѣ слѣдующіе списки: списокъ А, ядовитыхъ врачебныхъ средствъ, ко-

торыя должны храниться въ аптекахъ *подъ замкомъ*. Списокъ Б, сильно-дѣйствующихъ врачебныхъ средствъ, которыя должны храниться въ аптекахъ *съ предосторожностію*, отдѣльно отъ прочихъ врачебныхъ средствъ [1]).

Въ спискѣ А помѣщены слѣдующія вещества:

Acidum arsenicosum.
Aether phosphoratus.
Apomorphinum hydrochloratum.
Atropinum salicylicum.
Atropinum sulfuricum
Chininum arsenicosum.
Chininum hydrobromatum.
Homatropinum hydrobromatum.
Hydrargyrum amidato-bichloratum.
Hydrargyrum bichloratum.
Hydrargyrum bijodatum.
Hydrargyrum cyanatum.
Hydrargyrum oxydatum bevigatum.
Hydrargyrum oxydatum via humida paratum.
Hydrargyrum salicylicum.
Hyoscinum hydrobromatum.
Liquor Kalii arsenicosi.
Morphium sulfuricum.
Phosphorus.
Physostigminum salicylicum.
Strichninum nitricum.
Veratrinum.

Ядовитыя вещества, не помѣщенныя въ Фармакопеѣ, но находящіяся въ аптекахъ хранятся на основаніи тѣхъ-же правилъ, какъ и ядовитыя средства, поименованныя въ спискѣ А.

Кромѣ приведеннаго списка, въ Фармакопеѣ указаны так-

---

[1]) Примѣчаніе къ списку Б. Сильно-дѣйствующія врачебныя вещества, не помѣщенныя въ Фармакопеѣ, но находящіяся въ аптекахъ, хранятся на основаніи тѣхъ-же правилъ, какъ и средства, поименованныя въ спискѣ Б.

же высшіе пріемы ядовитыхъ и сильно-дѣйствующихъ врачебныхъ средствъ для взрослаго, на разъ и на сутки — въ особомъ спискѣ и при каждомъ ядовитомъ веществѣ въ отдѣльности [1]). Затѣмъ такіе высшіе пріемы отмѣчены также въ особой таблицѣ и въ такъ называемой „Аптекарской Таксѣ“ [2]). (Независимо сего Медицинскій Совѣтъ издаетъ еще періодически списки веществъ, ввозъ которыхъ въ Россію разрѣшается или воспрещается, для цѣлей таможенныхъ) [3]).

Указаніе въ Фармакопеѣ высшихъ пріемовъ ядовитыхъ и сильно-дѣйствующихъ веществъ имѣетъ существенно важное значеніе.

Даже для самыхъ сильныхъ изъ извѣстныхъ доселѣ ядовъ существуетъ такая минимальная доза, при которой они теряютъ всякое дѣйствіе на организмъ, и которая въ большинствѣ случаевъ выше употребляемыхъ гомеопатами. Съ увеличеніемъ этой недѣйствительной дозы получается такъ называемая фармакотерапевтическая или лечебная доза (Dosis pharmacotherapeutica), которая при извѣстныхъ болѣзняхъ можетъ оказать цѣлебное

---

[1]) Россійская Фармакопея, изданная по Высочайшему повелѣнію Медицинскимъ Совѣтомъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, четвертое изданіе, СПб., 1891, стр. 675 и слѣд., списокъ А; стр. 677 и слѣд. списокъ Б; стр. 683 и слѣд. высшіе пріемы.

[2]) Аптекарская Такса, составленная Медицинскимъ Совѣтомъ и утвержденная Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ, СПб., 1892, стр. 113 и слѣд.: Высшіе пріемы ядовитыхъ и сильно-дѣйствующихъ врачебныхъ средствъ для взрослаго, на разъ и на сутки; стр. 120 и слѣд.: Списокъ сильно-дѣйствующихъ врачебныхъ средствъ, не дозволенныхъ въ отпускъ изъ аптекъ въ составѣ лекарствъ по сигнатурамъ или копіямъ безъ подписи врача (къ § 15 Предувѣдомленіе Мед. Сов.).

[3]) Списокъ готовымъ медицинскимъ средствамъ, дозволеннымъ Медицинскимъ Совѣтомъ къ пропуску по ст. 113 таможеннаго тарифа. (Аптекарская Такса, 1892, стр. 128 и слѣдующ.).

Наконецъ всѣ новѣйшія распоряженія Медицинскаго Совѣта, въ отношеніи ядовитыхъ и сильно-дѣйствующихъ веществъ, печатаются всегда въ „Фармацевтическомъ Журналѣ“.

дѣйствіе. Съ дальнѣйшимъ увеличеніемъ мы достигаемъ ядовитой дозы (Dosis toxica), вызывающей уже опасныя явленія, но не влекущей еще за собою смерти. Наконецъ еще выше лежитъ т. н. смертельная доза (Dosis letalis), отъ которой организмъ обыкновенно гибнетъ. Въ числѣ обстоятельствъ, подъ вліяніемъ которыхъ организмъ видоизмѣняетъ дѣйствіе яда, особенно важны: 1) привычка и 2) физіологическіе факторы, какъ-то: возрастъ, тѣлосложеніе и состояніе питанія; сюда же слѣдуетъ отнести и т. н. идіосинкразію, обнаруживающуюся въ томъ, что, напр., незначительныя дозы каломеля, которыя у обыкновенныхъ людей не имѣютъ даже слабительнаго дѣйствія, у нѣкоторыхъ вызываютъ самыя тяжелыя явленія отравленія [1]).

Съ точки зрѣнія медицины общей—ядъ можетъ быть не только введенъ въ организмъ извнѣ, но можетъ развиться и въ самомъ организмѣ (автоинтоксикація). Съ точки-же зрѣнія судебной медицины—ядомъ именуется всякое сильно-дѣйствующее вещество, которое, именно, при введеніи его извнѣ, можетъ вреднымъ образомъ вліять на организмъ человѣка. Понятіе „вреднаго дѣйствія на организмъ“ надо понимать въ самомъ широкомъ смыслѣ: и химическое воздѣйствіе, и механическое воздѣйствіе одинаково подходятъ подъ понятіе отравленія, тѣмъ болѣе что всякое въ началѣ даже чисто механическое воздѣйствіе впослѣдствіи производитъ и химическую реакцію. Мало того „вредное дѣйствіе на организмъ“ могутъ оказывать даже вещества совершенно безвредныя сами по себѣ, но въ силу особыхъ условій получившія вредоносное значеніе. Такъ, напримѣръ, въ Варшавѣ былъ недавно случай самоотравленія пшеницей: одна дѣвушка, съ цѣлію самоубійства, наѣлась пшеницы, которая, разбухши въ желудкѣ, произвела механическое давленіе, а затѣмъ вызвала закупорку просвѣтовъ кишекъ, совершенно забивъ послѣднія; острые-же края

---

[1]) R. Kobert, Lehrbuch der Intoxicationen, 1893, стр. 20—24: Bedingungen der Giftwirkung.—Compendium практической токсикологіи, 1888, стр. 3—4: условія дѣйствія яда.

пшеницы вызвали мѣстныя кровоизліянія и причинили частныя нарушенія эпителія слизистой оболочки [1]).

Обращаясь къ академическому словарю, мы находимъ въ немъ такія опредѣленія разсматриваемыхъ понятій: 1) *Ядъ* — вещество, зеліе, или составъ вредоносный, причиняющій смерть; 2) *отрава* — зеліе или вещество, причиняющее смерть, ядъ; также дѣйствіе отравляющаго и отравившаго; 3) отравникъ, отравщикъ, отравитель—тотъ, который отравою лишаетъ жиз-

---

[1]) Изъ отчетовъ Медицинскаго Департамента Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, мы получаемъ слѣдующія цифры отравленій (конечно уже не только умышленныхъ, но и случайныхъ отравленій и самоотравленій) — минеральными и органическими ядами:

Губерніи	Годы	Отравленіе минеральными ядами		Отравленіе органическими ядами	
		Пользовалось	Умерло	Пользовалось	Умерло
Губ. Неземскія	1887	74	15	75	11
	1888	98	13	110	9
	1889	270	32	367	70
	1890	320	34	233	19
	1891	543	44	57	11
Средняя		261,0	27,6	168,4	24,0
Губ. Земскія	1887	837	121	481	23
	1888	979	108	569	10
	1889	2129	52	2956	35
	1890	2266	51	2350	27
	1891	1230	175	532	36
Средняя		1488,2	101,4	1377,6	26,2

ни, или повреждаетъ здравіе другаго; 4) отравлять, отравливать — отравою лишать жизни; лишать жизни, намѣшавъ въ пищу или питіе чего-нибудь смертоноснаго [1]).

Выше, разсматривая различныя опредѣленія вредно-дѣйствующихъ веществъ въ разныхъ славянскихъ нарѣчіяхъ, мы этимологически опредѣлили понятіе яда, какъ вредно-дѣйствующее вещество, примѣшиваемое въ пищу или питье. Таково бытовое значеніе яда. Но, кромѣ этого житейскаго значенія, ядъ имѣетъ еще специфическое медицинское значеніе, какъ вещество *химически* вредно-дѣйствующее на организмъ. Какъ таковое, ядовитое вещество можетъ быть введено въ организмъ не только путемъ пищи и питья, но и иными путями: клизмой, втираніемъ, впрыскиваніемъ, вдыханіемъ и т. п.

Безразлично, замѣчаетъ профессоръ Н. С. Таганцевъ [2]), убиваетъ-ли это вещество почти мгновенно (напр. достаточная доза синильной кислоты), или только по прошествіи нѣкотораго времени (напр. мышьякъ), а иногда и чрезъ весьма продолжительные сроки (свинцовые препараты); безразлично, далѣе, причиняетъ-ли оно смерть при введеніи въ организмъ чрезъ желудокъ, или безвредное этимъ путемъ оно дѣлается смертельнымъ только при соприкосновеніи съ кровью. Наконецъ, нечего говорить о томъ, что самые способы введенія вредно-дѣйствующаго вещества, какіе указываетъ намъ судебная практика, не имѣютъ никакого значенія для состава преступленія, а потому также безразлично, было-ли оно примѣшано къ лекарству, питью, пищѣ [3]), влито въ ухо [4]), введено

---

[1]) Словарь Церковно-Славянскаго и Русскаго языка, составленный II-мъ отдѣленіемъ Императорской Академіи Наукъ, томъ III, СПб., 1847, стр. 124 и слѣд. и стр. 480.

[2]) Н. С. Таганцевъ, о преступленіяхъ противъ жизни по русскому праву, томъ II, стр. 83.

[3]) Исторія знаетъ даже случаи, когда ядъ примѣшивался не только въ пищу или питье, но даже въ чашу со Св. дарами, въ облатку при причащеніи; таковы отравленія Папы Виктора II, Христофора I короля датскаго, императора Генриха VII (см. ниже).

[4]) Датская историческая легенда объ отравленіи короля Гамлета. Случай приводимый Рабюто (стр. 414).

при помощи клистира [1]) или въ женскія дѣтородныя части [2]), вдыхаемо въ парахъ [3]), произведено уколомъ, нарѣзомъ [4]), втираніемъ мази, помады [5]) и т. п.

Итакъ, ядомъ, въ смыслѣ медицинскомъ, называется всякое вещество, химически вредно-дѣйствующее на организмъ. Но противъ такого опредѣленія уже Адольфъ Генке, въ своемъ старомъ учебникѣ судебной медицины, возражаетъ слѣдующее: 1) что въ живомъ организмѣ никакое дѣйствіе не совершается чисто химическимъ, или чисто механическимъ путемъ, но сопровождается всегда противодѣйствующею органическою дѣятельностію; 2) что такъ называемое химическое дѣйствіе еще не ясно доказано; 3) что это опредѣленіе не полагаетъ надлежащей границы между лекарствами и ядами; 4) что такъ называемые механическіе яды (растолченое стекло, горный хрусталь, алмазный порошокъ) не только въ юридическомъ значеніи не могутъ быть исключаемы изъ разряда ядовъ вообще, но что и дѣйствіе ихъ не можетъ быть признано исключительно механическимъ (только уничтожающимъ связь), такъ какъ мы должны обратить главное вниманіе на производимыя ими раздраженіе, нагноеніе, воспаленіе, антоновъ огонь. Генке, какъ и многіе позднѣйшіе писатели, приходитъ къ слѣдующему выводу: „Нѣтъ безусловнаго яда, потому что изъ

---

[1]) Отравленіе императора Клавдія въ Римѣ. Отравленіе Овербюрю въ Англіи при Іаковѣ I.

[2]) Отравленіе Владислава короля Неаполитанскаго. Отравленіе Кальпорнеусомъ своихъ женъ. Случаи Брискена, Генке и Ансьо.

[3]) Отравленіе Папы Климента дымомъ ядовитой свѣчи. Отравленія угарнымъ чадомъ, свѣтильнымъ газомъ и т. п.

[4]) Этого рода отравленія были особенно часты въ старину, когда существовалъ обычай имѣть отравленное оружіе. Извѣстно, напримѣръ, что въ Литвѣ употребленіе отравленныхъ стрѣлъ въ войскахъ уничтожено только при князѣ Константинѣ Острожскомъ.

[5]) Мало того, извѣстны случаи отравленія отъ одного соприкосновенія ядовитаго или отравленнаго предмета съ тѣломъ: отъ отравленной обуви умеръ Іоаннъ король Кастильскій, отъ отравленныхъ перчатокъ скончался Генрихъ IV.

всѣхъ извѣстныхъ намъ веществъ нѣтъ ни одного, которое было бы ядомъ для всѣхъ живыхъ организмовъ и во всѣхъ случаяхъ“ [1]).

Введеніе въ организмъ или приведеніе въ соприкосновеніе съ тѣломъ подобныхъ веществъ, съ умысломъ лишить жизни, образуетъ понятіе отравленія, въ собственномъ смыслѣ слова. Къ этому основному типу иногда присоединяютъ еще часто повторяющіеся нынѣ случаи обливанія кислотами или другими сильно-дѣйствующими веществами, съ цѣлію причинить смерть. Если подкожныя впрыскиванія ядовитою жидкостью или втираніе ядовитою мазью образуютъ понятіе отравленія, то и облитіе кислотою, при наличности умысла лишить жизни, (а не одного только умысла причинить обезображеніе), заключаетъ въ себѣ точно такъ-же составъ преступнаго лишенія жизни при помощи яда, то-есть какъ-бы составъ отравленія.

Самое отравленіе можетъ быть совершено явно—насильственно и тайно — коварно. Первый видъ лишенія жизни ни чѣмъ не отличается отъ прочихъ видовъ обыкновеннаго убійства. Совершено-ли убійство ударомъ ножа или выстрѣломъ изъ револьвера, совершено-ли оно посредствомъ насильственнаго всунутія въ ротъ ядовитой пилюли, — это не представляетъ существенной разницы для состава преступленія и не вызываетъ никакихъ измѣненій въ наказуемости.

Иную картину преступленія имѣемъ мы при отравленіи тайномъ — коварномъ. Это дѣяніе, по своей гнусности и низости, вызываетъ уже усиленную уголовную репрессію, и считается квалифицированнымъ видомъ лишенія жизни. Впрочемъ, не всѣ криминалисты считаютъ признакъ тайны необходимымъ признакомъ состава этого преступленія. Такъ, напримѣръ, Бернеръ (l. c.) замѣчаетъ, наоборотъ, что нѣтъ никакой необходимости, чтобы отравленіе происходило непремѣнно въ тайнѣ: если кто-нибудь даетъ другому мышьякъ или синильную кислоту, употребляя при этомъ насиліе, то и это, конечно, будетъ

---

[1]) Ср. Berner, Körperverletzung, § 12, русск. перев. Ж. М. Ю. 1867, стр. 58 и слѣд.

отравленіе [1]). Мнѣніе-же, по которому отравленіе должно необходимо совершиться въ тайнѣ, основывается на томъ, что поврежденіе или убійство посредствомъ яда теряетъ свою характеристическую особенность тѣмъ, что оно совершается открыто или насильственно, и что поэтому это преступленіе не отличалось-бы отъ всякаго другаго насильственнаго поврежденія или убійства, при чемъ не было-бы надобности въ особенномъ законѣ [2]).

---

[1]) Такого-же мнѣнія, какъ и Бернеръ, Адольфъ Генке. За признакъ-же тайны, наоборотъ, категорически высказались Меркель и Миттермайеръ.

[2]) На признакъ тайны, какъ основной и необходимый элементъ лишенія жизни посредствомъ яда, указываютъ постоянно и наши юристы-практики. Такъ, напримѣръ, присяжный повѣренный Ѳ. Н. Плевако, въ блестящей рѣчи въ защиту Александры Максименко (обвинявшейся въ отравленіи своего мужа), въ Таганрогскомъ окружномъ судѣ, справедливо замѣтилъ, что „отрава — дѣйствіе не требующее участія многихъ силъ; здѣсь всего нужнѣе моментъ и тайна“.

См. Русскіе судебные ораторы въ извѣстныхъ уголовныхъ процессахъ, Москва, 1895, стр. 294—323: рѣчь Ѳ. Н. Плевако въ защиту А. Максименко (въ Таганр. окр. судѣ). Ср. рѣчь Н. І. Холевы (въ Харьк. окр. судѣ) по тому-же дѣлу, ibidem, стр. 233—293 (отд. изд. СПб., 1890). Ср. также Отчетъ о судебномъ разбирательствѣ по этому дѣлу, въ Таганр. окр. с., въ Прав. Сенатѣ и въ Харьк. окр. с., СПб., 1891.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Виды отравленія.

ОТДѢЛЪ I.

Отравленіе мышьякомъ [1]).

Отравленіе мышьякомъ считалось и считается однимъ изъ наиболѣе частыхъ отравленій одного лица другимъ. Причина этихъ, очень частыхъ, отравленій мышьякомъ объясняется общеизвѣстностью его смертоноснаго дѣйствія, далѣе тѣмъ, что отравить имъ очень удобно, такъ какъ онъ безъ запаха и почти безвкусенъ, и наконецъ тѣмъ, что его легче достать, такъ какъ онъ употребляется для различныхъ цѣлей, какъ напр. гончарами, шляпниками, въ красильняхъ и набивныхъ фабри-

---

[1]) Danger et Flandin, de l'arsenic, suivi d'une instruction propre à servir de guide aux experts dans les cas d'empoisonnement, Paris, 1841.

Schaper, Beiträge zu der Lehre von der Arsenicvergiftung, gesammelt am Krankenbette und in Gerichtshofe, Berlin, 1864.

Orfila, traité de toxicologie, Paris, 1852, tome I, стр. 375—616: des préparations arsenicales.

Böcker, die Vergiftungen, Is., 1857, стр. 28 и слѣд.: Vergiftung durch Arsenik.

Taylor, on poisons, die Gifte in gerichtlich medicinischer Beziehung, II Band, Cöln, 1863, стр. 184 и слѣд.: Arsenik.

Galtier, traité de toxicologie médicale et légale, Paris, 1855, t. I, стр. 289 и слѣд.: empoisonnement par les préparations arsenicales.

кахъ, при выдѣлкѣ стекла и при приготовленіи рисовальныхъ красокъ и особенно какъ средство для истребленія крысъ и мышей.

Препаратъ обыкновенно употребляемый при отравленіи мышьякомъ одного лица другимъ, есть мышьяковистая кислота, бѣлый мышьякъ и къ нему преимущественно относится только что сказанное. Затѣмъ слѣдуетъ сѣрнистый мышьякъ, соединеніе мышьяка съ сѣрой въ различныхъ пропорціяхъ. Нѣкоторыя изъ этихъ соединеній встрѣчаются въ природѣ, напр. реальгаръ и аурипигментъ; другія приготовляются искусственно. Они употребляются съ различными цѣлями, именно живописцами и въ красильняхъ. Остальные препараты мышьяка встрѣчаются почти только въ химическихъ лабораторіяхъ [1]).

Köhler, Handbuch der speciellen Therapie, Tübingen, 1868, B. II, стр. 370 и слѣд.: Arsenvergiftung, Arsenicismus.

Hasselt-Henkel, Handbuch der Giftlehre, Braunschweig, 1862, II Theil, стр. 231 и слѣд.: Arsen, Arsenicum.

Hermann, Lehrbuch der experimentellen Toxicologie, Berlin, 1874, стр. 224 и слѣд.: Arsenverbindungen.

Otto, Anleitung zur Ausmittelung der Gifte, Br., 1875, стр. 111 и слѣд.: Nachweisung des Arsens.

Mohr, Chemische Toxicologie, Br., 1874, стр. 54 и слѣд.: Arsenik.

Bandlin, die Gifte und ihre Gegengifte, Basel, 1869, I B., стр. 153 и слѣд.: Arsenik.

Kobert, Lehrbuch der Intoxicationen, Stuttgart, 1893, стр. 249 и слѣд.: Arsenikalien.

Фармакологія и токсикологія, сост. Arnold и друг., перев. подъ ред. Пашутина, СПб., 1896, стр. 572: мышьякъ.

Strassmann, Lehrbuch der ger. Medicin, 1895, arsenige Säure, стр. 412 и слѣд.

Hans Gross, Handbuch für Untersuchungsrichter, Graz, 1894, стр. 126, 626 и друг.

Н. А. Оболонскій, пособникъ при судебно-медицинскомъ изслѣдованіи трупа, СПб., 1894, отравленіе мышьякомъ, стр. 440 и 554.

[1]) Buchner, судебная медицина, § 300, стр. 209 и 210.

Но самое важное изъ всѣхъ мышьяковыхъ соединеній — мышьяковистая кислота, страшный ядъ, служившій съ давнихъ временъ средствомъ преступныхъ отравленій и самоубійствъ, а также нерѣдко дававшій поводъ къ печальнымъ случайностямъ. Такъ, знаменитый Кальпорнеусъ умерщвлялъ, какъ гласитъ преданіе, своихъ женъ, вводя имъ на пальцѣ во влагалище (digito interficiebat uxores) различныя ядовитыя вещества, между которыми, говорятъ, была и мышьяковистая кислота. По свидѣтельству римскаго судебнаго врача Zacchias'a, Владиславъ, Неаполитанскій король, умеръ вслѣдствіе отравленія мышьяковистой кислотой его дѣтороднаго члена такъ, что ядъ былъ введенъ во влагалище его любовницѣ [1]). Кромѣ этихъ, какъ-бы болѣе баснословныхъ разсказовъ, нельзя пройти молчаніемъ извѣстныхъ преступленій Александра VI и другихъ членовъ знаменитаго семейства Borgia. Но это чудовище и одинъ изъ его сыновей сами сдѣлались жертвами мышьяковистаго отравленія, сгубивши до того столько несчастныхъ. Одна только Лукреція Борджіа, дочь и любовница Александра VI, была имъ пощажена и могла продолжать свою развратную жизнь. Всѣмъ памятно также преданіе о знаменитой aqua toffana, aqua di Napoli, состоявшей, по Garelli, лейбъ-медику Карла VI австрійскаго, изъ мышьяковистой кислоты, растворенной въ перегонной водѣ cumbalariae [2]). Наконецъ, извѣстны преступленія, совершенныя маркизою Бренвилье и ея любовникомъ Сенъ-Круа, частью съ мы-

---

[1]) Брискенъ (Casper's Vierteljahrsschr. 1864, I, стр. 110) сообщаетъ также объ одномъ случаѣ отравленія мышьякомъ, посредствомъ введенія его въ маточное влагалище, отчего послѣдовала смерть. Генке (Lehrbuch, 8 Aufl., § 56) упоминаетъ, ссылаясь на Act. Reg. Societ. Havn. Bd. 13, стр. 178, объ одномъ крестьянинѣ, который отравилъ мышьякомъ своихъ трехъ женъ, вводя имъ во влагалище, послѣ совокупленія, катышки съ мышьякомъ. Въ Henke's Zeitschr. 1821, Bd. 2, стр. 189, описанъ этотъ случай и, кромѣ того, подобный, сообщенный Ансьо (Buchner, op. cit., стр. 211).

[2]) Изобрѣтатель этой aqua toffana признавался, что ему извѣстно около 600 смертельныхъ отравленій этимъ средствомъ (Nau-

шьяковистою кислотой, частью-же съ сублиматомъ, которымъ послѣдній и покончилъ съ жизнью [1]).

Таблица отравленій для Франціи, составленная Тардье, показываетъ, что съ 1851—1864 гг. на 617 случаевъ отравленія на долю мышьяка пришлось 232. Впрочемъ, съ тѣхъ поръ произошла большая перемѣна въ годичной пропорціи отравленій мышьякомъ; въ 1855 г. было, напримѣръ, 42 такихъ случая, а въ 1860 и 1862 только 3 [2]). Фалькъ (op. cit., стр. 255) замѣчаетъ, что изъ числа отравленій, преслѣдуемыхъ судебнымъ порядкомъ, отравленіе мышьякомъ составляетъ въ Англіи около $^1/_3$, во Франціи около $^7/_{10}$, въ различныхъ государствахъ Германіи около $^5/_{10}$ — $^8/_{10}$ и въ наибольшихъ городахъ Европы почти $^9/_{10}$. Но свѣдѣнія, приводимыя Фалькомъ, теперь уже устарѣли: отравленія мышьякомъ стоятъ теперь какъ-бы на второмъ планѣ (см. рѣчь Е. Пеликана въ „Трудахъ 1-го съѣзда русск. естествоиспыт. въ Петербургѣ", стр. 25). У насъ въ Россіи цифра ежегодныхъ отравленій мышьякомъ и до сихъ поръ еще довольно преобладающая. На это обстоятельство было указано въ той-же рѣчи Пеликана (Арх. судебн. медиц. и проч., № 2, іюнь 1868 г.). По свѣдѣніямъ медицинскаго департамента, смерть отъ отравленій въ Имперіи, напримѣръ, за періодъ времени съ 1867 по 1876 гг. представляетъ слѣдующія цифры: за эти 10 лѣтъ отравленій и самоотравленій мышьякомъ было — 1479, сулемою—218, другими неорганическими веществами—650, рыб-

---

пуп, отравленія тяжелыми металлами и ихъ солями, руководство патологіи и терапіи Цимссена, томъ XV, стр. 301).

[1]) Rabuteau — Пеликанъ, токсикологія, стр. 128.

[2]) Такимъ образомъ, во Франціи сравнительная частота отравленій мышьякомъ съ теченіемъ времени убавляется. Тогда какъ съ 1832 по 1840 г. изъ 194 случаевъ отравленія еще приходилось 141 на долю отравленія мышьякомъ, въ періодъ времени съ 1851 по 1862 г. такихъ отравленій было всего 232 изъ 617 случаевъ отравленія вообще. Начиная съ 1862 г., въ теченіи 6 лѣтъ, до свѣдѣнія суда дошло до 58 случаевъ отравленія мышьякомъ при 103 отравленіяхъ фосфоромъ (Naunyn, l. c.).

нымъ и колбаснымъ ядомъ—731, другими органическими ядами—737, спиртомъ—13673; иными словами, отравленіе мышьякомъ совершалось чаще всѣхъ другихъ видовъ, кромѣ только отравленія спиртомъ [1]).

Вообще говоря, отравленіе мышьякомъ было и остается еще до сихъ поръ довольно частою формою отравленія съ преступною цѣлью. Еще и теперь въ различныхъ странахъ европейскаго материка громадная цифра умышленныхъ отравленій или попытокъ къ нимъ приходится на долю мышьяковыхъ соединеній (Naunyn, l. c.). Эта сравнительная многочисленность умышленныхъ отравленій мышьякомъ объясняется, какъ замѣчено выше, съ одной стороны легкостію его пріобрѣтенія, такъ какъ онъ употребляется во многихъ ремеслахъ, для уничтоженія насѣкомыхъ и т. д., а съ другой стороны тѣмъ, что хотя онъ и трудно растворяется, но не имѣетъ ни вкуса, ни запаха, а потому удобно можетъ быть подмѣшанъ въ пищу, не возбуждая подозрѣній; кромѣ того, всѣмъ извѣстно, что уже въ малыхъ пріемахъ онъ представляетъ одинъ изъ сильнѣйшихъ ядовъ. Случайныя отравленія мышьякомъ встрѣчаются въ настоящее время еще чаще, чѣмъ прежде, благодаря большому его распространенію, особливо въ видѣ красокъ, содержащихъ мышьяковистыя соединенія. Отравленіе мышьякомъ можетъ быть не только острое, но и медленное, происходящее вслѣдствіе повторенныхъ пріемовъ не смертельныхъ, но токсическихъ дозъ мышьяка. Фланденъ (Тайлоръ, l. c., 202) сообщаетъ, что одна женщина ежеднев-

---

[1]) Buchner, судебная медицина, стр. 210.

Rabuteau—Пеликанъ, токсикологія, стр. 129.

Напротивъ того, рѣже всего наблюдаются отравленія мышьякомъ въ Австріи. Между 67 самоубійцами, принявшими ядъ въ продолженіи 1874 г. въ Вѣнѣ, только 2 отравились мышьякомъ; а изъ 57 случаевъ, имѣвшихъ мѣсто въ 1875 г., — ни одного. Отравленія мышьякомъ другихъ въ 1875 г. также не было ни одного случая, за то въ 1876 году оно наблюдалось 2 раза. (Hoffmann—Сорокинъ, судебная медицина, стр. 509, примѣч.).

но давала своей подругѣ небольшія дозы мышьяка въ супѣ, которыя всякій разъ вызывали тошноту и рвоту, а въ заключеніе обусловили крайній упадокъ силъ. Въ знаменитомъ процессѣ, бывшемъ въ Парижѣ (1878, Ann. d'hyg. publ. № 106, стр. 72), Дюваль обвинялся въ отравленіи своей жены посредствомъ повторенныхъ небольшихъ пріемовъ мышьяка [1]). Такіе-же примѣры повтореннаго отравленія мышьякомъ встрѣтились: въ 1895 году въ практикѣ Минскаго окружнаго суда (въ Новогрудкѣ), по дѣлу Алексѣя Медика, отравившаго подобнымъ способомъ свою жену; въ 1896 году въ практикѣ Ломжинскаго окружнаго суда по дѣлу Казиміры Опенховской, обвинявшейся въ медленномъ отравленіи мышьякомъ своего мужа.

Въ исторіи уголовнаго законодательства значеніе мышьяка, какъ особенно опаснаго средства отравленія, было отмѣчено еще съ древнѣйшихъ временъ. Изъ болѣе новыхъ законодательныхъ опредѣленій, касающихся умышленнаго и неосторожнаго отравленія мышьякомъ и его соединеніями, нельзя не припомнить знаменитый „édit pour la punition des empoisonneurs, devins et autres" 1682 года. Въ этомъ эдиктѣ Людовика XIV указывался рядъ строгихъ правилъ о продажѣ мышьяка (arsenic), реальгара (réagal, т.-е. краснаго мышьяка), опермента (orpiment, т.-е. желтаго мышьяка, аврипигмента) и сулемы (sublimé) [2]). Затѣмъ, при Людовикѣ XVI, въ виду развитія торговли аптекарскими и москотильными товарами, послѣдовали двѣ новыя декларацiи: во-первыхъ, Déclaration portant règlement pour les professions de la pharmacie et de l'épicerie à Paris [3]), и во-вторыхъ, Déclaration concernant les empoisonneurs [4]), — вызванныя частыми слу-

---

[1]) Гофманъ—Сорокинъ, судебная медицина, стр. 515.

[2]) Isambert, Decrusy, Taillandier, Recueil des anciennes lois françaises, tome XX, № 1022, стр. 399 и 400, art. 7 и 8.

[3]) Jourdan, Recueil, règne de Louis XVI, tome XXV, № 654, стр. 389 и слѣд.

[4]) Jourdan, Recueil, tome XXVII, № 1286, стр. 293 и слѣд.

чаями мышьяковистаго отравленія. Въ исторіи нашего права нельзя не назвать: именной указъ 6 февраля 1731 года, запрещавшій держать и продавать мышьякъ въ лавкахъ и другихъ мѣстахъ, кромѣ аптекъ [1]); именной указъ 8 января 1733 года, точно также запрещавшій продавать въ рядахъ, въ лавкахъ и на торжкахъ мышьякъ и другія ядовитыя матеріалы и сильно-дѣйствующія вещества, и угрожавшій наказаніемъ тѣмъ, кто въ такой непозволительной продажѣ окажется виновнымъ [2]) и т. п.

А между тѣмъ и понынѣ, въ торговлѣ встрѣчаются многіе предметы, содержащіе мышьякъ, какъ напр. цѣлый рядъ зеленыхъ красокъ: Шелевая зелень, состоящая изъ мышьяковистокислой мѣди; Швейнфуртская зелень, состоящая изъ мышьяковистокислой мѣди съ уксусокислою мѣдью. Эти краски служатъ для окраски обоевъ, занавѣсовъ, искусственныхъ цвѣтовъ, зеленыхъ матерій для бальныхъ платьевъ (т. наз. тарлатана, родъ прозрачной кисеи изъ пеньки), игрушекъ и многихъ другихъ предметовъ. Шведская, Парижская, Нейвидская, Брауншвейгская, Минеральная зелень и цѣлый рядъ зеленыхъ красокъ съ различными оттѣнками, состоящихъ изъ мышьяковистокислой мѣди,—всѣ эти краски могутъ производить отравленіе [3]). Стеариновыя свѣчи, приготовлявшіяся иногда съ прибавленіемъ мышьяковистой кислоты, при горѣніи распространяли въ воздухѣ летучія соединенія мышьяка [4]). Свинцовая дробь всегда содержитъ мышьякъ.

Припадки, производимые мышьякомъ, не очень характерны. Прежде всего наступаютъ явленія воспаленія желудка и кишекъ, сильная, повторяющаяся, ничѣмъ не удержимая рвота,

---

[1]) Полн. Собр. Зак., томъ VIII, № 5691.

[2]) Полн. Собр. Зак., т. IX, № 6304.

[3]) Траппъ, наставленіе для судебно-химическаго изслѣдованія ядовъ, стр. 26 и 27.

[4]) Отъ отравленной свѣчи умеръ, напримѣръ, папа Климентъ II.

чувство жженія, жара и стягиванія въ глоткѣ, иногда съ горькимъ, стягивающимъ вкусомъ во рту, съ оскоминой на зубахъ, съ увеличеннымъ отдѣленіемъ слюны, припуханіемъ и краснотой верхняго отдѣла пищевыхъ путей; чувство жгучей боли въ области желудка, которое распространяется постепенно на животъ, дѣлающійся очень чувствительнымъ; сильныя колики, сильное вздутіе или также судорожное сокращеніе живота; обильныя и жидкія испражненія зеленоватаго, черноватаго или кровянистаго цвѣта, или, напротивъ того, запоръ съ позывами и сильною болью [1]).

Въ трупахъ отравленныхъ мышьякомъ, въ желудкѣ и въ кишечномъ каналѣ оказываются обыкновенно явленія ихъ воспаленія, краснота, инфильтрація, размягченіе, даже образованіе струпьевъ и омертвѣніе [2]). При отравленіи бѣлымъ мышьякомъ нерѣдко бываютъ находимы зерна его, внѣдренныя въ слизистую оболочку желудка, которая представляется разъѣденною, опухшею и покраснѣвшею вокругъ этихъ зеренъ; эти зерна, будучи положены на раскаленные угли, распространяютъ чесночный запахъ. Важнѣе явленія, которыя наступаютъ въ трупахъ отравленныхъ мышьякомъ спустя болѣе долгое время послѣ смерти, и которыя при поздно производимыхъ отрытіяхъ труповъ служатъ доказательствами отравленія мышьякомъ. Именно, трупы отравленныхъ мышьякомъ нерѣдко не подвергаются обыкновенному гніенію, но переходятъ въ состояніе мумификаціи и высыхаютъ [3]).

---

[1]) По Россійской Фармакопеѣ, изд. 1891 года, высшій однократный пріемъ (pro dosi) мышьяка (acidum arsenicosum, acidum arsenosum anhydrum, arsenicum album): $^1/_{12}$ грана $=0,005$; высшій суточный пріемъ (pro die): $^1/_3$ грана $= 0,02$. (Р. Ф. стр. 12).

[2]) Драгендорфъ, судебно-химическое открытіе ядовъ, стр. 430 и 432.

Ср. Оболонскій, пособникъ при судебно-медицинскомъ изслѣдованіи трупа, стр. 440 и слѣд., стр. 551 и слѣд.

[3]) Buchner, вышеприведенное сочин., §§ 303 и 307, стр. 212 и 213.

Но анатомическія измѣненія при остромъ отравленіи мышьяковистою кислотой, замѣчаетъ Д-ръ Э. Ф. Беллинъ, вообще непостоянны. Какъ было сейчасъ указано, они касаются главнымъ образомъ желудочно-кишечнаго канала — желудка и кишекъ. Состоятъ они въ явленіяхъ остраго воспаленія слизистой оболочки и въ сильной инъекціи сосудовъ подперитоніальнаго покрова желудка и кишекъ; слизистая оболочка желудка въ типическихъ случаяхъ острой желудочнокишечной формы представляется набухшею, разрыхленною, налитою кровью, нерѣдко экхимозированною и съ мелкими эрозіями; послѣднія находятся въ связи съ мѣстнымъ коррозивнымъ дѣйствіемъ частицъ мышьяка, если онъ принятъ въ субстанціи. Содержимое желудка представляетъ тягучую, иногда кровянистую слизь. При острой цереброспинальной, паралитической (нервной или скрытой) формѣ отравленія, всѣ видимыя измѣненія со стороны желудочнокишечнаго канала могутъ отсутствовать; взамѣнъ этого находятъ явленія асфиксіи, паралича сердца, пораженіе центральной нервной системы, гиперемію мозга и его оболочекъ. (Э. Ф. Беллинъ, судебно-медицинская экспертиза въ дѣлѣ объ отравленіи Н. Максименко, Харьковъ, 1896).

Весьма любопытный случай отравленія мышьякомъ сообщаетъ проф. Шумахеръ: Процессъ Іоганна Оберрейтера. Архивъ Судебной Медицины и Общественной Гигіены, изд. Мед. Деп. М. В. Д., 1866, кн. 1, стр. 46—60; кн. 2, стр. 51—74.

ОТДѢЛЪ II.

Отравленіе стрихниномъ [1]).

Отравленіе стрихниномъ происходитъ въ томъ случаѣ, когда въ организмъ попадаетъ нѣкоторое количество этого яда или содержащихъ стрихнинъ растеній. Отравленія стрихниномъ принадлежатъ къ разряду частыхъ отравленій; особенно Англія и Америка ежегодно поставляютъ почтенную цифру ихъ. Большею частью это случайныя, такъ называемыя экономическія отравленія, происходящія отъ смѣшиванія яда съ другими веществами. Чаще всего причиной ихъ бываетъ употребленіе отравы для мышей и крысъ, приготовленной изъ муки или

---

[1]) Orfila, toxicologie, II, 588, strychnine.

Böcker, Vergiftungen, 149, Behandlung der Strychninvergiftung.

Taylor, on poisoning by strychnin, London, 1856. Die Gifte, III, 290.

Galtier, toxicologie med. et leg., II, 246 - 279: empoisonnement par les strychnées.

Köhler, Therapie—Vergiftungen, II, 1004: Vergift. durch Strychnin.

Hasselt-Henkel, Giftlehre, I, 261: die Strychnacea.

Hermann, Toxicologie, 312, Strychnin.

Otto, Ausmittelung der Gifte, 46, das Strychnin.

Mohr, Toxicologie, 128, Strychnin.

Bandlin, die Gifte, II, 76, die Strychnaceen.

Kobert, Lehrbuch der Intoxicationen, 1893, стр. 663 и слѣдующ.: Strychnin.

Фармакологія и токсикологія, сост. Arnold и др., перев. п. р. Пашутина, 1896, стр. 883 и слѣд.: чилибуха (Strychnos).

Strassmann, Lehrbuch der ger. Medicin, 1895, стр. 492 и слѣд. Strychnin.

H. Gross, Handbuch für Untersuchungsrichter, 1894, стр. 627.

Н. А, Оболонскій, пособникъ, 1894, отравленіе стрихниномъ, стр. 446 и 557.

хлѣба и стрихнина, иногда съ прибавленіемъ мышьяка. Нерѣдко также отравленія происходили отъ ошибокъ въ аптекѣ. Сюда относится напр. приведенный B. Danvin'омъ [1]) случай отравленія ребенка стрихниномъ, отпущеннымъ вмѣсто сантонина.

Съ цѣлью самоубійства стрихнинъ употребляется весьма часто, особенно аптекарями и медиками. Наконецъ, стрихнинъ довольно часто бывалъ и бываетъ средствомъ настоящихъ убійствъ. Наиболѣе извѣстны слѣдующіе случаи этого рода: убійство д-ромъ Palmer'омъ своего друга John Porsons Cook'a въ 1855 году; по всему вѣроятію Palmer давалъ маленькія дозы стрихнина нѣсколько разъ подъ-рядъ, пока тотъ не умеръ отъ столбняка [2]). Другой случай произошелъ въ 1856 году съ женою Dove'a [3]), которую мужъ отравилъ тоже стрихниномъ. Въ 1854 году Geo. T. Barker обнародовалъ случай быстраго убійства 6 гранами (= 0,36) стрихнина, данными внутрь. Сюда-же относится извѣстный случай отравленія 1865 года, произведеннаго, какъ говорятъ, Demme надъ Trümpy [4]).

Остановимся въ особенности на процессахъ Пальмера и Дова. Пальмеръ былъ вольнопрактикующій врачъ въ Роджели (Rugely), занимавшійся разными сдѣлками по спорту. Кукъ, близкій другъ его, былъ тоже любитель спорта. Оба они вмѣстѣ присутствовали на шрюсберійскихъ конскихъ скачкахъ 13 ноября 1855 года, возвратились вмѣстѣ въ Роджели, послѣ чего Кукъ скончался вскорѣ послѣ полуночи 21 ноября 1855 г. въ гостинницѣ „Тальботово оружіе" при обстоятельствахъ, которыя возбудили подозрѣнія, что онъ могъ быть отравленъ Пальмеромъ. Улики противъ Пальмера состояли въ томъ, что Пальмеръ былъ сильно заинтересованъ въ смерти своего друга,

---

[1]) Annal. d'Hygiène publ. et de Méd. leg., III, 1861.

[2]) Подробности объ этой cause célèbre см. у Taylor'a, въ обработкѣ Seydeler'a, die Gifte, т. III, стр. 316—329.

[3]) См. тамъ-же, стр. 329—332.

[4]) Boeck, отравленія растительными ядами; стрихнинъ; въ руководствѣ частной патологіи и терапіи Цимссена, т. XV, Харьковъ, 1880, стр. 419 и слѣдующ.

и что его поведеніе до смерти Кука, вмѣстѣ съ другими обстоятельствами, сопровождавшими эту смерть, не оставляло основательнаго сомнѣнія въ томъ, что онъ отравилъ Кука сурьмою (antimonium) и стрихниномъ. Пальмеръ былъ преданъ суду также и по предмету убійства жены, но такъ какъ его осудили за убіеніе Кука, то обвиненіе въ отравленіи жены не имѣло послѣдствій. Затѣмъ Пальмеръ былъ обвиненъ и въ умерщвленіи брата, но и это дѣло оставлено за осужденіемъ виновнаго на смертную казнь.

Въ числѣ различныхъ уликъ, медицинская книга, найденная у Пальмера, имѣла на поляхъ нѣкоторыя рукописныя отмѣтки, касающіяся стрихнина [1]). Одна изъ этихъ отмѣтокъ гласила: „убиваетъ, причиняя тетаническое сокращеніе мускуловъ дыханія". Обвинитель не доказывалъ, чтобы эта отмѣтка была составлена съ какою-либо опредѣленною цѣлью. Онъ старался только доказать, что Пальмеръ знакомъ былъ съ свойствами и послѣдствіями стрихнина. Остальныя данныя имѣли цѣлію доказать, что симптомы, сопровождавшіе смерть Кука происходили отъ отравленія его стрихниномъ и что въ его тѣлѣ найдена сурьма (antimonium), которая не прописывалась ему въ лекарствахъ. Общій выводъ изъ всѣхъ доказательствъ, представленныхъ обѣими сторонами, состоялъ въ томъ, что симптомы смерти Кука совпадаютъ съ симптомами отравленія стрихниномъ (о чемъ ниже), и что есть сильныя основанія полагать, что они не объяснимы никакою другою причиною. Прибавимъ къ этому, что Пальмеръ покупалъ стрихнинъ передъ каждымъ изъ двухъ припадковъ и что онъ обобралъ Кука, воспользовавшись всѣми его деньгами. Послѣ того нельзя сомнѣваться въ совершенной основательности вердикта.

---

[1]) Подобную же улику находимъ и въ процессѣ Доннэллена. Въ библіотекѣ Д. найдено было много сочиненій по естественнымъ наукамъ, въ которыхъ листы разрѣзаны были обыкновенно въ одномъ только мѣстѣ, а именно въ томъ, гдѣ описывалось какъ получить лавровую воду посредствомъ перегонки. (Stephen, назван. сочиненіе, стр. 442).

Другой также весьма интересный случай отравленія стрихниномъ представляетъ намъ процессъ Уилліама Дова. Мистриссъ Довъ отравлена была мужемъ въ Лидсѣ въ февралѣ 1856 года (за что мужъ ея былъ потомъ повѣшенъ). Начиная съ 24 февраля она имѣла пять припадковъ, въ понедѣльникъ, середу, четвергъ, пятницу и субботу. Она ощущала колотье въ ногахъ и подергиваніе въ рукахъ. Передъ спазмами она просила мужа натирать ей руки и ноги, но когда спазмы усиливались, то она не допускала прикасаться къ своимъ ногамъ. Послѣдній припадокъ длился $2^1/_2$ часа. Руки были вполовину вытянуты; ноги сильно согбены дугою. Легкія оказались наполненными кровью, равно какъ и спинной мозгъ. При вскрытіи прежде всего открытъ былъ черепъ, изъ котораго вытекло много крови, часть которой могла происходить и отъ сердца [1]).

Любопытный случай отравленія стрихниномъ имѣлъ мѣсто въ городѣ Варшавѣ, въ декабрѣ 1895 года. Нѣкто Т. М. получила отъ доктора К. рецептъ на покупку стрихнина, будто-бы для истребленія волковъ въ деревнѣ г-жи М. [2]). Передъ обѣдомъ, 10 декабря, она влила этотъ ядъ изъ рюмки въ свою тарелку съ супомъ; но затѣмъ, при входѣ матери, по неосторожности пролила свой отравленный супъ въ общую миску. Семья приступила къ обѣду. Вскорѣ послѣ обѣда у всѣхъ появились признаки отравленія стрихниномъ. Именно, сама г-жа М., взявъ съ тарелки ложку разлитаго изъ миски супа, почувствовала непріятный, горькій вкусъ, вслѣдствіе чего и оставила супъ; то-же самое сдѣлалъ и сынъ ея К. У г-жи М. тотчасъ послѣ обѣда появились судороги челюсти и глотки,

---

[1]) Stephen, a general view of the criminal law of England, London and Cambridge, 1863; русск. переводъ Спасовича, стр. 450—489.

[2]) Интересно, что этотъ предлогъ (т. е. предлогъ мнимаго истребленія животныхъ) и понынѣ, какъ и прежде, служитъ всегда невиннымъ поводомъ для введенія въ заблужденіе довѣрчивыхъ врачей, которые по-прежнему легко поддаются на подобные обманы. Припомнимъ, напримѣръ, что подъ тѣмъ-же предлогомъ былъ полученъ ядъ и въ приведенномъ выше процессѣ Дова.

а затѣмъ и нижнихъ конечностей, послѣ чего она лишилась сознанія. Дочь и сынъ стали было помогать ей, но вслѣдъ за этимъ мальчикъ заболѣлъ и черезъ полчаса скончался со всѣми признаками отравленія. Дочь заболѣла также, но, какъ она, такъ и мать ея, вскорѣ оправились отъ болѣзни. Братъ принялъ бо́льшую дозу стрихнина, такъ какъ, почувствовавъ себя дурно, онъ налилъ водки въ ту самую рюмку, гдѣ были остатки яда, и выпилъ эту водку [1]).

Изъ растеній, содержащихъ стрихнинъ, бобы св. Игнатія и въ особенности чилибуха—nux vomica, которые употребляются охотниками для умерщвленія вредныхъ животныхъ, не разъ давали поводъ и средство къ отравленіямъ [2]). Извѣстно весьма много случаевъ самоубійства стрихниномъ или солями его; случайныя отравленія встрѣчаются не часто, благодаря необыкновенно горькому вкусу, замѣтному даже въ самыхъ слабыхъ растворахъ этого вещества. Поэтому-же, кажется, довольно трудно отравить кого-нибудь стрихниномъ, если не считать медицинскихъ отравленій. Но, не смотря на это, умышленныя отравленія стрихниномъ встрѣчаются нерѣдко. Въ этомъ отношеніи приведенные процессы Пальмера и Дова и процессъ Демме-Трюмпи пользуются печальною извѣстностію. Въ Прагѣ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, одинъ актеръ отравилъ свою жену стрихниномъ въ малагѣ, которую онъ далъ ей

---

[1]) В. Д. 1895 года 12 и 13 дек., №№ 285 и 286.

Упомянутыя выше causes célèbres, т. е. дѣла Пальмера—Кука и Демме-Трюмпи, обсуждаются въ слѣдующихъ работахъ: A. Taylor, on poisoning by strychnin, London, 1856. — A. Tardieu, mémoire contenant l'affaire Palmer въ Annales d'hygiène publique, 1856, t. 6, 371.— K. Schaerer, der Tod des Speditors Caspar Truempy, stenograph. Bülletin über d. Schwurgerichtsverhandlung, Bern, 1864. — E. Emmert, der Criminalprozess Demme-Truempy von gerichtsärztlichen Standpunkte aus dargestellt, Wien, 1866.—См. также A. Verbatim Report of the Trial of William Palmer etc., transcribed from the short-hand Notes of W. Angelo Bennett, London, 1856.

[2]) Гофманъ, учебникъ судебной медицины, перев. Сорокина, стр. 544 и 545.

подъ видомъ лекарства отъ эпилепсіи. Летальными дозами считаются для взрослыхъ 4—8 сантиграммъ, для дѣтей 7—8 миллиграммъ. Максимальная доза для взрослыхъ по австр. фармакопеѣ 7 миллигр. pro dosi, 2 сантиграмма pro die; по герм. фармакопеѣ — 0,01 pro dosi и 0,02 pro die; по русской фармакопеѣ—$^1/_{10}$ грана pro dosi и $^3/_{10}$ грана pro die [1]).

Стрихнинъ былъ полученъ впервые въ 1818 году Пеллетье и Кавенту [2]). Дѣйствіе стрихнина уже рѣзко выражается у людей послѣ пріема 1 центиграмма [3]). Прежде всего ощущается въ зѣвѣ горькій вкусъ, не вызывающій, однако, ни тошноты, ни рвоты. Затѣмъ черезъ $^1/_4$—$^1/_2$ часа отравленный начинаетъ чувствовать безпокойство, сжатіе въ вискахъ и затылкѣ. Мышцы этой области и вслѣдъ за ними, или даже одно-

---

[1]) Arzneibuch für das Deutsche Reich. Dritte Ausgabe. (Pharmacopoea Germanica, editio III). Berlin, 1890, стр. 293: strychninum nitricum—Strychninnitrat — grösste Einzelgabe 0,01 g.; grösste Tagesgabe 0,02 g. (sehr vorsichtig aufzubewahren).

Ср. Французскую фармакопею—Codex medicamentarius, Pharmacopée Française redigée par ordre du gouvernement (decret du 13 février 1884), стр. 284 и 285: strychnine, strychnina (toxique).

Россійская Фармакопея, изданная по Высочайшему повелѣнію Медицинскимъ Совѣтомъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, четвертое изданіе, СПб., 1891, стр. 567 и 568: strychninum nitricum, азотнокислый стрихнинъ сохраняется въ хорошо закупоренной банкѣ подъ замкомъ (списокъ А). Высшій однократный пріемъ $^1/_{10}$ грана = 0,006. Высшій суточный пріемъ: $^3/_{10}$ грана = 0,018.

[2]) Еще Прусская Фармакопея 1827 года (Preussische Pharmacopöe, vierte Ausgabe, Berlin, 1827) не упоминаетъ вовсе о стрихнинѣ.

[3]) Согласно „руководству къ токсикологіи, состав. по Рабюто п. р. Пеликана“: минимальная смертельная доза для взрослаго человѣка равна $1^1/_2$—2 центигр.; въ нѣсколькихъ смертельныхъ случаяхъ, описанныхъ у Тайлора, дозы были въ $2^1/_2$—4 центигр.; для дѣтей достаточно 2—3 миллиграмма.

По мнѣнію проф. Коберта: смертельный пріемъ стрихнина, именно его азотнокислой соли, составляетъ для дѣтей 4, а для взрослыхъ 30 миллиграммовъ (Compendium практической токсикологіи, 1888, стр. 223). Die Dos. let. beträgt für Kinder 4 mg., für Erwachsene 30—100 mg. (Lehrbuch der Intoxicationen, 1893, стр. 664).

временно, жевательныя мышцы сокращаются непроизвольно. Раздражительность доходитъ вскорѣ до крайнихъ предѣловъ; въ конечностяхъ начинаются сильныя отрывистыя сотрясенія, быстрыя какъ молнія. Позднѣе судороги охватываютъ и всѣ прочія мышцы тѣла. При отравляющихъ дозахъ тетаническія судороги принимаютъ угрожающій характеръ; обнаруживается опистотонъ и тѣло до такой степени теряетъ гибкость, что его можно поднять за одну изъ конечностей, какъ цѣльную массу. Дыханіе останавливается вслѣдствіе судорожнаго сокращенія мышцъ, расширяющихъ грудную клѣтку; сердцебіенія замедлены; застой крови производитъ ціанозъ; зрачки расширяются. Страданія отравленныхъ ужасны; если не слышно стоновъ и криковъ, то только потому, что судорожное сокращеніе мышцъ гортани производитъ афонію. Каждыя полъ минуты или 1 минуту наступаетъ покой, вслѣдствіе истощенія нервной системы; тогда дыханіе и сердцебіеніе возстановляются; но вскорѣ, безъ всякаго видимаго повода или отъ малѣйшаго шума и прикосновенія, начинается новый припадокъ. Припадки принимаютъ все болѣе и болѣе грозный характеръ и наконецъ, при одномъ изъ нихъ, болѣе сильномъ или болѣе продолжительномъ чѣмъ прежніе, наступаетъ смерть—обыкновенно черезъ полчаса или часъ послѣ начала отравленія [1]).

Въ частности, токсическій столбнякъ, какой бываетъ при отравленіи стрихниномъ, отличается отъ столбняка, который появляется самъ собою, и отъ травматическаго столбняка тѣмъ, что первый появляется вдругъ, безъ предшествующихъ болѣзненныхъ явленій, и именно безъ предшествующаго судорожнаго сжатія челюстей. Далѣе, при токсическомъ столбнякѣ наступаютъ полныя паузы, конечно, прерываемыя рефлекторными судорогами, тогда какъ при самопроизвольномъ и травматическомъ столбнякахъ бываетъ только временное послабленіе судорогъ. Наконецъ, послѣдніе виды столбняка не убиваютъ, какъ столбнякъ отъ стрихнина, въ нѣсколько часовъ, а только спустя нѣсколько дней или недѣль.

---

[1]) Rabuteau—Пеликанъ, стр. 250 и 251.

Явленія въ трупѣ отравленныхъ стрихниномъ не характеристичны и такъ неопредѣленны, что имъ нельзя придавать большаго значенія при распознаваніи отравленія стрихниномъ. Самыми постоянными явленіями, какъ кажется, бываютъ переполненіе кровью оболочекъ головнаго и спиннаго мозга и большая разжиженность крови [1]).

ОТДѢЛЪ III.

Отравленіе кислотами.

Отравленія кислотами, какъ напр. сѣрною кислотой, соляною и т. д., обыкновенно относятся къ случаямъ самоубійства, такъ какъ вслѣдствіе жженія, производимаго этими кислотами во рту, возможно дать ихъ насильно только при большомъ превосходствѣ силы; поэтому кислотами отравляютъ почти только дѣтей. Кислоты имѣютъ различной степени концентрацію и легко доступны, такъ какъ онѣ разнообразно употребляются въ техническихъ производствахъ въ видѣ купороснаго масла (сѣрной кислоты), крѣпкой водки (азотной кислоты) и т. д. и отпускаются также изъ аптекъ въ ручной продажѣ [2]).

Въ частности сѣрная кислота [3]) относительно чаще упо-

---

[1]) Buchner, вышеприв. сочин., стр. 228 (§§ 324 и 325).

Ср. Dragendorff, вышеприв. сочин., стр. 200 и слѣд. (§ 164 и слѣд.).

Оболонскій, пособникъ, 1894, отравленіе стрихниномъ, стр. 446, 557 и слѣд.

Трапиъ, наставленіе для суд.-хим. изсл. ядовъ, 1877, стр. 195 и слѣд.

Kobert, Lehrbuch der Intoxicationen, 1893, стр. 663 и слѣд.

Otto, Anleitung zur Ausmittelung der Gifte, 1892.

[2]) Buchner, судебная медицина, § 318.

[3]) Сѣрная кислота (acidum sulfuricum, купоросное масло) до-

требляется съ цѣлью самоубійства, особенно низшими классами общества, прислугой, ремесленниками и т. п. Сюда по частотѣ примыкаютъ случайныя отравленія этимъ веществомъ, происходящія большею частію вслѣдствіе смѣшенія ея съ напитками въ трезвомъ или пьяномъ видѣ. Въ нѣсколькихъ случаяхъ смертельныя отравленія приключились, странно сказать, вслѣдствіе того, что сѣрная кислота была употреблена вмѣсто масла для клистировъ. Съ цѣлью убійства сѣрная кислота можетъ быть поднесена только дѣтямъ, пьянымъ и погруженнымъ въ глубокій сонъ. Первое, какъ видно изъ литературы, случалось довольно часто, тогда какъ послѣдніе два вида отравленія имѣли мѣсто только въ отдѣльныхъ случаяхъ. Christison [1]) разсказываетъ, что въ большихъ фабричныхъ городахъ Англіи преступленія умышленнаго изуродованія, посредствомъ обливанія лица сѣрной кислотой, съ нѣкотораго времени приняли такіе размѣры, что парламентъ принужденъ былъ причислить ихъ къ уголовнымъ преступленіямъ; а van Hasselt [2]) замѣчаетъ, что даже убійства производились такимъ образомъ, что вливали спящему сѣрную кислоту въ слуховой проходъ.

Трудно представить подробную статистику отравленій сѣрною кислотой (sulphoxysmus). Изъ 930 отравленій, наблюденныхъ въ Англіи, Франціи и Даніи, 100 произошли отъ сѣрной кислоты [3]). Въ числѣ 527 смертельныхъ отравленій, случившихся въ Англіи въ 1837 и 1838 гг., только 32 причинены были сѣрной кислотой. Въ Вѣнскомъ Allgem. Kran-

---

ступна публикѣ преимущественно въ видѣ англійскаго и нордгаузенскаго купороснаго масла. См. Драгендорфъ, судебно-химическое открытіе ядовъ, перев. Капустина и Ментина, СПб, 1875, стр. 634.

По Россійской Фармакопеѣ (1891 г.) высшій однократный пріемъ сѣрной кислоты: $^1/_2$ драхмы = 1,875; высшій суточный пріемъ: 2 драхмы = 7,50 (Р. Ф., стр. 37).

[1]) Christison, a treatise on poisons, стр. 160.

[2]) Van Hasselt-Henkel, Toxicologie, Braunschw., 1862, стр. 166.

[3]) Van Hasselt, l. c.

kenhaus число отравленій сѣрною кислотою за 1856—58 гг. составляло почти половину всѣхъ случаевъ отравленія (13 изъ 30), а, по Casper'у, $^{9}/_{10}$ всѣхъ случающихся въ Берлинѣ отравленій приходится на счетъ кислоты. Изъ 180 случаевъ, собранныхъ за 1841—1844 гг., Flandin нашелъ только 11 отравленій сѣрной кислотой, да и вообще, какъ кажется, этотъ способъ отравленія встрѣчается во Франціи рѣже, чѣмъ въ другихъ странахъ. Тѣмъ не менѣе изъ сообщенныхъ случаевъ, заимствованныхъ изъ токсикологіи Husemann'а [1]), можно вывести развѣ тотъ общій выводъ, что сѣрную кислоту слѣдуетъ причислить къ наиболѣе часто употребляемымъ ядамъ. Профессоръ Бёмъ собралъ изъ литературы за 50 лѣтъ 113 подробно изслѣдованныхъ случаевъ сульфоксизма. Изъ нихъ 37 или 32,7 проц. относились къ мужчинамъ, 55 или 47,7 проц. къ женщинамъ и 21 или 19,6 проц. къ дѣтямъ моложе 10 лѣтъ. Смертельный исходъ имѣли 77 или 68,2 проц., тогда какъ въ 36 или 31,8 проц. послѣдовало выздоровленіе. Въ этихъ числахъ бросается въ глаза преобладаніе сульфоксизма у женщинъ, на которое указывали уже и другіе авторы. Поводы къ отравленію возможно было съ достовѣрностію опредѣлить только въ 53 случаяхъ, и въ этомъ числѣ 24 произошли отъ случайности, 16 отъ самоубійства и 13 отъ убійства (дѣти) [2]).

Случаи отравленія продажной сѣрной кислотой особенно часты въ большихъ городахъ, гдѣ она употребляется не толь-

---

[1]) Husemann, Toxicologie, стр. 353 и 758.

[2]) Boehm, отравленія, sulphoxysmus; въ руководствѣ къ частной патологіи и терапіи Циммсена, томъ XV, переводъ Фридберга, Харьковъ, 1880, стр. 34 и 35.

Что касается нечаянныхъ отравленій, то они происходили отъ того, что сѣрную кислоту брали вмѣсто водки, воды, касторовaго масла; или отъ принятія внутрь Галлеровой, либо Рабелевой жидкости не каплями, а ложками. Наконецъ, извѣстенъ случай, гдѣ женщина употребила сѣрную кислоту на клизму, принявъ её за льняное масло. Руководство къ токсикологіи, сост. по Рабюто „Eléments de toxicologie", подъ ред. Пеликана, СПб., 1879, стр. 404.

ко для чистки металлическихъ предметовъ, но и въ различныхъ ремеслахъ, что и обусловливаетъ ея общедоступность. Такъ какъ эта кислота немедленно вызываетъ чувство сильнаго жженія на губахъ, то отравленіе ею взрослыхъ почти всегда является какъ самоубійство и только въ исключительныхъ случаяхъ какъ случайное отравленіе. Умышленному отравленію подвергались только дѣти и безпомощные субъекты; въ такихъ случаяхъ, такъ-же какъ и при случайныхъ отравленіяхъ, сѣрная кислота вливалась въ ротъ или вводилась посредствомъ клизмы. Дейчъ (Schmidts Jahrb. 1849, 63, Bd. 174) сообщаетъ случайное отравленіе сѣрной кислотой матери и ребенка посредствомъ клизмы. Наблюдался такой-же случай съ однимъ ребенкомъ, а въ другой разъ съ вдовою офицера, страдавшею параличемъ; клизма съ сѣрною кислотою была поставлена ей быть можетъ и не по ошибкѣ, а умышленно. Профессоръ Сорокинъ указываетъ нѣсколько вполнѣ удавшихся отравленій разведенными кислотами съ цѣлью убійства; кислота подавалась подъ видомъ водки лицамъ не вполнѣ пьянымъ, но привыкшимъ пить залпомъ; если возможны случайныя отравленія кислотами, при чемъ онѣ проглатывались вмѣсто воды или другаго напитка, то очевидно, что при подобныхъ условіяхъ возможны и преднамѣренныя отравленія [1]).

Хотя этотъ видъ отравленія, замѣчаетъ профессоръ Кобертъ [2]), сопряженъ съ чрезвычайно мучительными болями, тѣмъ не менѣе онъ долгое время представлялъ собою самый употребительный способъ отравленія, по крайней мѣрѣ, при самоубійствахъ. Это просто объясняется тѣмъ, что сѣрная кислота легко доступна всякому и имѣетъ широкое распростра-

---

[1]) Э. Гофманъ, учебникъ судебной медицины, перев. И. Сорокина, СПб., 1887, стр. 498 и 499.

Гаагеръ (Gross, die Strafrechtspflege in Deutschland, Jahrg. 4, H. 2, стр. 81) сообщаетъ весьма интересный случай отравленія постороннимъ лицомъ посредствомъ сѣрной кислоты одного взрослаго человѣка, который умеръ по истеченіи трехъ часовъ (Buchner, l. c.).

[2]) Р. Кобертъ, вышеприв. сочиненіе, стр. 55.

неніе, напр. для чистки посуды. Особенно непростительно то, что для послѣдней цѣли она отпускается въ любомъ сосудѣ, напр. въ пивной бутылкѣ безъ всякаго ярлыка съ обозначеніемъ яда, такъ что ошибокъ едва-ли возможно избѣжать.

Всякому извѣстно, что бо̀льшая часть отравленій, безъ всякаго умысла, себя или другаго встрѣчается вслѣдствіе безпорядка и небрежности у людей, привыкшихъ сохранять разныя ядовитыя вещества, преимущественно кислоты, въ стклянкахъ или бутылкахъ отъ вина, водки, уксуса, сельтерской или содовой воды и другихъ напитковъ. Означенная посуда, вмѣщающая въ себѣ кислоту, бываетъ или вовсе не снабжена надписью, или-же, что еще хуже, снабжена надписью вышепоименованныхъ напитковъ, находившихся въ немъ прежде. Нѣтъ того города, той деревни или мѣстности, въ которыхъ не встрѣчались-бы отравленія по ошибкѣ [1]).

Что-же касается умышленныхъ отравленій сѣрною кислотою, то за послѣднее время стали особенно часто повторяться случаи обливанія лица этою кислотой. Субъектами этихъ дѣяній чаще всего бывали женщины; мотивомъ ихъ — бывала злоба, ревность, неудовлетворенная любовь; обманутыя жены и брошенныя любовницы не разъ прибѣгали къ этому страшному средству; но иногда виновными оказывались и мужчины. Такъ, напримѣръ, еще 17-го декабря 1837 года супруги Лоусонъ были обвинены въ томъ, что 17-го октября умышленно обезобразили и изувѣчили А. Кэмпбелля, обливъ его сѣрной кислотой; послѣдствія ихъ дѣянія были ужасны: кожа лѣвой половины лица К. побѣлѣла, мѣстами обнажилась; одинъ глазъ былъ совершенно пораженъ (разрушеніе его закончилось прободеніемъ роговой оболочки и выпаденіемъ хрусталика), на всей лѣвой рукѣ были бѣлыя пятна, побурѣвшія чрезъ нѣсколько часовъ; 30 октября Кэмпбелль скончался [2]). За послѣднее время идея обливать лицо сѣрной

---

[1]) Ю. Траппъ, наставленіе для судебно-химическаго изслѣдованія ядовъ, СПб., 1877, стр. 117.

[2]) Rabuteau—Пеликанъ, токсикологія, стр. 409 и 410.

кислотой особенно развилась во Франціи. Такъ, напримѣръ, женская мысль обливать кислотой своихъ любовниковъ принадлежитъ безусловно Парижу. Вдовѣ Грассъ принадлежитъ честь этого изобрѣтенія, или скорѣе возобновленія, въ 1875 году; но существуютъ уже теперь не только города, но и деревни, гдѣ это сѣмя принесло плодъ, и сами крестьянки пробуютъ теперь примѣнять сѣрную кислоту и извнѣ и внутрь [1]).

Наконецъ, по вопросу о судебно-медицинскомъ значеніи сульфоксизма, отмѣчаютъ обыкновенно слѣдующія особенности. Трупы долго противостоятъ гніенію. Полосы въ видѣ потековъ, идущія отъ угловъ рта обыкновенно внизъ и кнаружи, сѣровато-желтаго цвѣта, пергаментной плотности. На наружныхъ покровахъ передней поверхности тѣла разсѣяны буроватыя сухія, покрытыя струпьями пятна съ краснымъ, часто экхимозированнымъ дномъ. Слизистая оболочка губъ и полости рта совершенно бѣлаго цвѣта или съ желтоватымъ оттѣнкомъ, какъ-бы обварена, легко снимается лоскутами [2]).

Что-же касается другихъ кислотъ, напримѣръ, карболовой кислоты, то случаи отравленія ею [3]) не составляютъ также исключительнаго явленія, хотя и не столь часты, какъ случаи сульфоксизма. Конечно, по причинѣ своего вкуса и запаха, карболовая кислота чаще дается дѣтямъ, чѣмъ взрослымъ; случаи-же убійства дѣтей карболовой кислотой повторяются и понынѣ. Подобный случай встрѣтился недавно въ практикѣ Варшавскаго окружнаго суда.

4-го декабря 1895 года Варшавскій окружный судъ слушалъ дѣло о мѣщанкѣ посада Пясечно, Гроецкаго уѣзда, Антонинѣ Ивановой Корсакъ, 20 лѣтъ, обвинявшейся въ пре-

---

[1]) Emile Laurent, l'anthropologie criminelle, Paris, 1891 (1895), стр. 44 и 45.

[2]) Н. А. Оболонскій, пособникъ при судебно-медицинскомъ изслѣдованіи трупа, СПб., 1894, стр. 432.

[3]) Особенно опасна кристаллизованная карболовая кислота, фенолъ, бензофенолъ (Acidum carbolicum crystallisatum, acidum phenylicum, phenolum). Высшій однократный пріемъ (по Р. Ф.): 1 гранъ = 0,06; высшій суточный пріемъ: 5 гранъ = 0,3. Р. Ф., стр. 18.

ступленіи, предусмотрѣнномъ 1451 и 1453 ст. улож. о нак. Обстоятельства дѣла слѣдующія. 25-го января 1895 года, въ гор. Варшавѣ, дѣвица Антонина Корсакъ родила ребенка, котораго она затѣмъ отдала на воспитаніе въ деревню Глосковъ Маріаннѣ Шульцъ, съ платой по 4 руб. въ мѣсяцъ, заявивъ, что деньги эти будетъ платить лицо, съ которымъ она прижила ребенка. Затѣмъ, заплативъ Шульцъ по 6-е марта 1895 года, Корсакъ стала жаловаться, что ей не удалось найти мѣста, что она слишкомъ слаба и боится поступить на новое мѣсто въ качествѣ служанки. 16-го апрѣля Корсакъ, придя къ Шульцъ около часу дня, стала заниматься своимъ сыномъ и угостила Ш. и ея мужа водкой, а подъ вечеръ, когда Ш. пошла доить корову, Корсакъ съ своимъ сыномъ осталась въ избѣ, гдѣ находилась также малолѣтняя дочь Ш. Послѣдняя прибѣжала вскорѣ къ матери и заявила, что ребенокъ К. заболѣлъ и страшно кричитъ. Ш. прибѣжала въ комнату. К. держала ребенка на рукахъ и ходила съ нимъ по комнатѣ; ребенокъ стоналъ. По всей комнатѣ разносился въ это время сильный запахъ карболки; сверхъ того, Ш. замѣтила на шеѣ, подбородкѣ и въ углахъ рта ребенка какія-то пятна буроватаго цвѣта. Въ виду этого, она стала спрашивать К., что та сдѣлала съ ребенкомъ. К. на это отвѣтила, что обтерла лишь ротикъ ребенку платкомъ, надушеннымъ духами. Не смотря на медицинскую помощь, ребенокъ въ 4 часа утра на слѣдующій день умеръ. При судебно-медицинскомъ осмотрѣ трупа оказалось, что ребенокъ былъ отравленъ растворомъ карболовой кислоты, при чемъ кислотой этой была обожжена часть лица, въ ротъ-же попало незначительное ея количество, оттуда часть попала въ пищепріемникъ, а часть въ гортань и дыхательное горло, а потомъ въ формѣ паровъ въ клѣтчатку легкихъ, что повлекло за собой воспаленіе слизистой оболочки и отекъ легкихъ, а затѣмъ смерть. (В. Д. 1895, № 285).

Затѣмъ отравленія одного лица другимъ при помощи азотной кислоты [1]) также не безъизвѣстны исторіи и практикѣ,

---

[1]) По нашей фармакопеѣ 1891 года высшій однократный пріі-

но не въ особенно большомъ числѣ. Не смотря на значительное употребленіе азотной кислоты (крѣпкой водки) при разныхъ производствахъ, особенно при гравированіи на металлическихъ доскахъ, несчастные случаи и преступныя отравленія сравнительно рѣдки. Тартра могъ собрать не болѣе 56 случаевъ за 4 вѣка (до 1802 года). Въ статистикѣ преступныхъ отравленій во Франціи на 617 случаевъ приходится 3, гдѣ орудіемъ злаго умысла служила азотная кислота. Озенбрюггенъ (Med. deutsche Strafrechtszeit. 1865) описалъ отравленіе отцомъ своихъ собственныхъ 6-ти дѣтей, тотчасъ послѣ рожденія, азотной кислотою [1]).

Весьма характерный случай отравленія азотной кислотой находимъ мы въ руководствѣ Rabuteau—Пеликана. Катерина О., 40 лѣтъ, крѣпкаго сложенія, предавалась пьянству. Мужъ воспользовался однажды ея сномъ, чтобы влить ей въ правое ухо азотной кислоты—по его увѣренію, съ единственной цѣлью отучить жену отъ водки. Соотвѣтственная сторона лица и шеи покрылась немедленно желтыми пятнами, которыхъ нельзя было отмыть. Шесть дней спустя изъ слуховаго прохода отдѣлился толстый перепончатый струпъ, а на другой день изъ уха вытекло около 20 унцій крови. На седьмой день у женщины отнялась правая рука, кровотеченіе повторилось и ослабило её до того, что мужъ, ожидая смерти, хотѣлъ съ горя зарѣзаться. Докторъ, призванный на восьмой день, нашелъ слѣдующее: изъязвленія на поверхности уха, особенно въ глубинѣ раковины, также на шеѣ и лицѣ съ

емъ азотной кислоты (acidum nitricum): 16 капель = 1,0; высшій суточный пріемъ: 1 драхма = 3,75. Р. Ф., стр. 30.

По Уложенію о Наказаніяхъ, даже за одно несоблюденіе требованій, установленныхъ правилами относительно приготовленія азотной кислоты и о торговлѣ ею, виновные, если будетъ доказано, что они имѣли при этомъ въ виду какую-либо противную государственной безопасности или спокойствію цѣль, подвергаются наказаніямъ, опредѣленнымъ въ статьѣ 987 Уложенія (ст. 869 [1]).

[1]) Buchner, op. cit., § 318, стр. 224.

правой стороны; слухъ уничтоженъ. Начиная съ 15-го дня, вся правая половина тѣла Катерины была парализована; рядомъ съ этимъ она страдала судорожными подергиваніями, повторявшимися довольно часто, даже при лежаніи въ постели. По истеченіи 6-ти мѣсяцевъ, со дня отравленія, она умерла отъ постепенно возраставшаго упадка силъ [1]).

Далѣе синильная кислота употребляется еще рѣже, съ цѣлію отравленія одного лица другимъ. Правда, исторія указываетъ намъ, что еще въ древнемъ Египтѣ ядъ этотъ былъ уже извѣстенъ; жрецы египетскіе употребляли синильную кислоту, добывавшуюся изъ косточекъ персиковъ, для отравленія тѣхъ, кто рѣшался огласить священныя жреческія тайны. Въ наше время рѣдко кто прибѣгаетъ къ синильной кислотѣ для убійства, случаи-же самоубійства довольно часты. Въ одномъ случаѣ, который былъ сообщенъ Ф. С. Шнейдеромъ (Lehrb., стр. 127), одинъ купецъ былъ найденъ мертвымъ въ постели, а на ночномъ столикѣ около него стояла стклянка съ синильной кислотою, заткнутая стекляной пробкой. Осталось сомнительнымъ, отравилъ-ли онъ себя самъ, и успѣлъ-ли онъ, отравившись, заткнуть стклянку пробкой, удобно улечься и даже покрыться одѣяломъ.

Припадки при отравленіяхъ кислотами очень сильны и рѣзки съ момента принятія кислоты. Отравленія кислотами обыкновенно обнаруживаются уже при наружномъ осмотрѣ. Губы, языкъ, зѣвъ и т. д. представляются какъ-бы обваренными и обожжёнными. Отравленные жалуются на сильное жженіе во рту и глоткѣ, равно какъ и на острый, кислый вкусъ. Попадая въ подгортанникъ или даже въ гортань, кислоты производятъ судорожные приступы кашля и удушья, которые могутъ повести даже къ задушенію. Если кислота попадаетъ въ желудокъ, то является сильно жгучая боль вдоль пищепровода и въ сторонѣ желудка. При сильной икотѣ и чувствѣ стягиванія горла появляется рвота веществами, содер-

---

[1]) Rabuteau, op. cit., стр. 410 и 414.

жащими кислоту, къ которымъ позже примѣшиваются отдѣлившіеся куски эпителія, кровянистая слизь или черная масса, похожая на чернила.

Явленія въ трупѣ отравленныхъ кислотами весьма характеристичны: болѣе или менѣе распространены рѣзкіе признаки жгучаго ихъ дѣйствія, смотря по тому, какъ глубоко проникла кислота. Здѣсь отличаются такія различныя степени дѣйствія кислотъ, какія наблюдаются при ожогахъ. При самой слабой степени дѣйствія кислоты, эпителій тѣхъ частей, которыхъ коснулась кислота, представляется бѣлымъ, легко снимается или уже отдѣлился, лежащія подъ нимъ слизистыя оболочки болѣе или менѣе воспалены. При болѣе сильномъ разъѣденіи замѣчаются бурые или черные струпья, или размягченныя, воспаленныя или изъязвленныя мѣста слизистой оболочки или даже подлежащей мышечной и серозной оболочекъ. При очень сильномъ разъѣденіи, пораженныя мѣста обуглены или размягчены и омертвѣлы или продыравлены [1]).

ОТДѢЛЪ IV.

Нѣкоторыя другія отравленія.

Отравленіе фосфоромъ [2]).

Фосфоръ (phosphorus) попадаетъ въ тѣло въ пяти видахъ, въ формѣ фосфорныхъ спичекъ, фосфорной кашки (отрава для крысъ), гораздо рѣже въ видѣ фосфорнаго масла, фосфорнаго эфира и чистаго фосфора. Въ преобладающемъ большинствѣ случаевъ прибѣгаютъ къ фосфорнымъ спичкамъ, и притомъ съ цѣлью самоубійства. Въ послѣднія десятилѣтія примѣненіе этого яда для самоубійства страшно возросло, хотя

---

[1]) Buchner, op. cit., §§ 320, 321, 328, стр. 224, 225, 230.

[2]) Высшій однократный пріемъ (по Русск. Фармак. 91 г.): $^1/_{60}$ грана = 0,001; высшій суточный пріемъ: $^1/_{12}$ грана = 0,005. Р. Ф., стр. 451.

въ послѣдніе годы оно, повидимому, уменьшилось. Фосфорныя спички много разъ употреблялись также съ цѣлью убійства. Случайное-же отравленіе ими встрѣчается почти только у дѣтей. Фосфорная кашка примѣнялась, какъ съ цѣлью убійства, такъ и съ цѣлью самоубійства, а иногда просто случайно. Чистый фосфоръ и фосфорное масло, равно какъ и фосфорный эфиръ, недоступны для простой публики; отравленіе ими большею частью случается при медицинскомъ назначеніи. Въ Англіи нашли много фосфора въ одномъ изъ тайныхъ средствъ противъ глистовъ, которое въ одномъ случаѣ вызвало смертельное отравленіе. Tardieu говоритъ, что извѣстны случаи отравленія отъ употребленія мяса отравленныхъ фосфоромъ животныхъ (свиней, куръ) [1]).

Однако, собственно отравленія фосфоромъ одного лица другимъ относительно рѣдки, такъ какъ вслѣдствіе его дурнаго вкуса, равно какъ и вслѣдствіе его свойства издавать въ темнотѣ даже въ очень малыхъ количествахъ синеватый свѣтъ, почти невозможно дать его кому-либо такъ, чтобы это осталось незамѣченнымъ. Напротивъ того, гораздо чаще производятся судебныя слѣдствія по поводу попытокъ къ отравленію фосфоромъ, не удавшихся вслѣдствіе вышеупомянутыхъ обстоятельствъ, такъ какъ дурной вкусъ пищи, къ которой примѣшивался фосфоръ, равно какъ и синеватый свѣтъ, который былъ замѣчаемъ въ то время, когда брали пищу ложкой или вилкой, были причиною того, что тѣ, которыхъ хотѣли отравить такимъ образомъ, не употребляли этой пищи, возбуждавшей у нихъ подозрѣніе объ отравленіи [2]).

Весьма любопытнымъ примѣромъ въ этомъ отношеніи является довольно извѣстное дѣло о покушеніи на отравленіе фосфоромъ барона Баумбаха. 20 мая 1862 г., Иванъ Лофингенъ и Амелія Ванштадъ, находившіеся въ услуженіи у барона Баумбаха (гофмаршала при дворѣ Великаго Герцога Ба-

---

[1]) Naunyn, отравленіе фосфоромъ, въ руководствѣ къ частной патологіи и терапіи подъ ред. Цимссена, томъ XV, стр. 288.

[2]) Buchner, § 313, стр. 221.

денскаго), пришли къ аптекарю Рёдеръ и показали ему небольшой кусокъ фосфора. Узнавъ отъ аптекаря, что показанное ими вещество есть ядъ, они объявили, что нашли его въ тепломъ пивѣ, приготовленномъ для питья г. Баумбаху, и тотчасъ послѣ того, какъ баронесса всыпала туда мелкаго сахару. Они присовокупили къ этому, что и наканунѣ того-же дня подобное вещество найдено было ими въ пивѣ, приготовленномъ для барона. Аптекарь посовѣтовалъ имъ извѣстить о случившемся домоваго доктора и священника. На другой день Иванъ Лофингенъ, отправившись къ доктору Бюгль, прямо объявилъ ему, что г-жа Баумбахъ имѣла намѣреніе отравить своего мужа, и присовокупилъ, что кухарка видѣла, какъ баронесса что-то опустила въ пиво, назначенное для барона; когда-же она, кухарка, вынула оттуда это вещество, то оно дымилось при треніи и было признано аптекаремъ за фосфоръ. Въ то-же время Л. вручилъ доктору найденный, (по объясненію его), въ пивѣ маленькій кусокъ фосфора. Прежде чѣмъ донести о случившемся судьямъ, докторъ увѣдомилъ баронессу, что слуги ея нашли въ кушаньѣ барона ядъ. Баронесса отвѣтила очень спокойно, что не можетъ себѣ объяснить этого, и, по возвращеніи мужа домой, тотчасъ-же передала ему слышанное. Но еще до этого, докторъ передалъ данный ему кусокъ фосфора слѣдственному судьѣ, который и произвелъ обыскъ въ домѣ барона: на полу въ кладовой нашли до 14-ти маленькихъ кусковъ сушенаго хлѣба, натертаго фосфоромъ, для истребленія мышей и крысъ. За стѣной сада слѣдователи нашли еще стеклянные осколки съ остатками фосфора. Въ виду существовавшихъ будто-бы семейныхъ несогласій между супругами, обвинительная палата въ городѣ Брюксалѣ постановила: людей, составлявшихъ прислугу семейства Баумбахъ, оставить отъ суда свободными, а г-жу Б. предать суду за покушеніе отравить своего мужа фосфоромъ. 26 сентября 1862 года въ ассизномъ судѣ въ Брюксалѣ происходилъ докладъ этого дѣла. Послѣ судебнаго слѣдствія, преній сторонъ и резюмированія дѣла, присяжные удалились для

совѣщаній. Минутъ черезъ пять они воротились и объявили что г-жа Баумбахъ невинна [1]).

Отравленіе сулемою [2]).

Изъ другаго рода отравленій довольно часто встрѣчаются случаи отравленія сулемою. Во Франціи этотъ видъ отравленій уже давно вынудилъ законодателя съ особенною внимательностію отнестись къ самому вопросу о продажѣ, храненіи и употребленіи сулемы (sublimé), во избѣжаніе умышленныхъ и неосторожныхъ отравленій. Уже извѣстный эдиктъ Людовика XIV о наказаніи отравителей подробно останавливается на этомъ вопросѣ и установляетъ цѣлый рядъ уголовно-полицейскихъ предписаній въ отношеніи этого ядовитаго вещества [3]). Декларація Людовика XVI о профессіи аптекарей и москотильщиковъ, а равно его-же декларація объ отравителяхъ повторяютъ эти предписанія, по прежнему помѣщая сулему въ ряду наиболѣе опасныхъ ядовитыхъ веществъ [4]). То-же видимъ мы и въ постановленіяхъ германскаго законодательства, напримѣръ, въ Общемъ Прусскомъ Земскомъ Правѣ — „Allgemeines Landrecht für die Preussischen Staaten“ и т. п.

У насъ въ Россіи случаи отравленія сулемою также не рѣдкость. Довольно интереснымъ въ этомъ отношеніи являет-

---

[1]) Любавскій, сборникъ замѣчательныхъ процессовъ, СПб., 1866, XVI, стр. 301 и слѣд.

Der Prozess von Louise Baumbach, von R. v. F., Carlsruhe, 1861.

[2]) Высшій однократный пріемъ сулемы (mercurius sublimatus corrosivus): $^1/_3$ грана = 0,02; высшій суточный пріемъ: 1 гранъ = 0,06. Росс. Фармак., стр. 305.

[3]) Isambert, Decrusy, Taillandier, Recueil des anciennes lois françaises, règne de Louis XIV, tome XX, № 1022, стр. 396 и слѣдующ.: édit pour la punition des empoisonneurs, art. 4—11.

[4]) Jourdan, Recueil, règne de Louis XVI, tome XXV, № 654, стр. 389 и слѣд.: Déclaration portant règlement pour les professions de la pharmacie et de l'épicerie à Paris, art. 9—11. — Tome XXVII, № 1286, стр. 293 и слѣд.: Déclaration concernant les empoisonneurs.

ся дѣло крестьянки Федоровой. Въ Костромскомъ окружномъ судѣ былъ предложенъ присяжнымъ засѣдателямъ слѣдующій вопросъ: „виновна-ли крестьянка Прасковья Федорова, 19 лѣтъ, въ томъ, что, задумавъ лишить жизни мужа своего Осія Иванова, пріобрѣла сулему и, всыпавъ ее въ пирогъ, 2 апрѣля 1873 года, подала его своему мужу съ тѣмъ, чтобы онъ съѣлъ; но цѣли своей не достигла потому, что онъ, съѣвъ часть пирога и почувствовавъ отравленіе, пилъ молоко и ѣлъ масло, поданныя матерью?“ присяжные отвѣчали: „да виновна, но заслуживаетъ снисхожденія“. Окружный судъ приговорилъ Ф., какъ признанную виновною въ покушеніи на предумышленное убійство мужа чрезъ отравленіе, остановленномъ по обстоятельствамъ, независѣвшимъ отъ воли подсудимой,— къ лишенію всѣхъ правъ состоянія и къ ссылкѣ въ каторжныя работы на заводахъ на 4 года. Въ кассаціонной жалобѣ Ф. приводила основаніемъ къ отмѣнѣ приговора неправильное примѣненіе 114 ст. Улож. и то, что присяжнымъ не было предложено вопроса о томъ, окончено-ли было покушеніе на отравленіе или нѣтъ. Сенатъ нашелъ, что въ тѣхъ обстоятельствахъ событія, которыя признаны присяжными дѣйствительно совершившимися, заключается опредѣлительное указаніе на то, что преступленіе Ф. не совершилось лишь по обстоятельствамъ отъ воли ея не зависѣвшимъ; вслѣдствіе чего жалоба Ф. оставлена была безъ послѣдствій [1]).

Другіе виды отравленій.

Наконецъ, судебной практикѣ не безъизвѣстны случаи отравленія морфіемъ, опіемъ, никотиномъ, дигиталиномъ и тому подобными веществами. Въ Vierteljahrschr. für gerichtliche Medicin 1865 г., стр. 109, былъ сообщенъ одинъ, правда, нѣсколько сомнительный случай, въ которомъ прусская депутація по врачебной части заключила объ умышленномъ

---

[1]) Кассац. рѣшеніе по дѣлу крестьянки Прасковьи Федоровой, 1874 года № 57. (Рѣшенія Уголовнаго Кассаціоннаго Департамента Прав. Сената, первое полугодіе 1874, стр. 97 и слѣд.).

умерщвленіи трехмѣсячной дѣвочки отваромъ маковыхъ головокъ. Е. Вольфъ (Henke's Zeitschrift, 1853, H. 3, стр. 126) подробно описалъ случай, въ которомъ Бокарме отравилъ, въ 1851 году, никотиномъ своего зятя [1]). Де-ла-Поммерэ отравилъ госпожу де-По дигиталиномъ; въ этомъ случаѣ не безъинтереснымъ является то, что трупъ госпожи По, вскрытый на тринадцатый день послѣ смерти, по словамъ Амбруаза Тардье, вполнѣ сохранился (Annales d'hygiène publique, 1864, Juillet, стр. 80. Buchner, §§ 329, 331 и 332).

---

[1]) Procès du comte et de la comtesse Bocarmé, 27 Mai 1851, Cours d'assises du Hainaut, Bruxelles-Charleroi, 1851.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Субъектъ преступленія при отравленіи.

ОТДѢЛЪ I.

Общія замѣчанія.

Преступленія противъ жизни вообще, а въ томъ числѣ и отравленія, слѣдуя закону жара, особенно распространены въ странахъ южныхъ. Въ Италіи кровавыя преступленія, по крайней мѣрѣ, въ три раза многочисленнѣе, чѣмъ во Франціи. Убійство простое здѣсь въ шесть разъ чаще. Убійство предумышленное въ Италіи значительно уменьшается, но остается еще въ два раза чаще, чѣмъ во Франціи, гдѣ оно клонится къ увеличенію. Статистика отравленій показываетъ уменьшеніе и во Франціи и въ Италіи. По изслѣдованіямъ Лакассаня, во Франціи стало меньше преступныхъ отравленій за послѣдніе двадцать лѣтъ: ежегодное число отравленій уменьшилось на половину.

При всемъ этомъ, на Западѣ, какъ и у насъ, отравленія совершаютъ по преимуществу женщины. А между тѣмъ, вообще, преступность женская, повидимому, значительно ниже преступности мужской. При равной цифрѣ обоюднаго населенія, по оффиціальнымъ даннымъ, напримѣръ, во Франціи, среди мужчинъ ежегодно насчитывается въ пять разъ больше осужденныхъ, и въ шесть разъ больше обвиняемыхъ, чѣмъ среди женщинъ. Это могло бы указывать на врожденное нравствен-

ное превосходство женщины, если не на вліяніе болѣе строгаго и заботливаго воспитанія [1]).

У насъ въ Россіи надо отмѣтить почти такое-же явленіе: отравленіе уже издавна является излюбленнымъ дѣяніемъ женщинъ. Не говоря уже о приведенныхъ ниже (Гл. VII) данныхъ нашей новѣйшей уголовной статистики, еще и прежде замѣчалось подобное соотношеніе цифръ отравительницъ и отравителей. Такъ, напримѣръ, въ четыре года, съ 1843 по 1847, изъ 128 убійцъ собственныхъ женъ было только 5 отравителей, изъ 190 женщинъ за тотъ-же періодъ времени 67 отравительницъ. Женщины наши часто обвинялись въ былое время въ лишеніи жизни своихъ помѣщиковъ. Убійцы-женщины выходили на это преступленіе съ ядомъ, и ходили при этомъ въ самую нѣжную пору жизни (отъ 15 до 20 лѣтъ). При этомъ охотнѣе поднимали онѣ руку на владѣльцевъ, чѣмъ на своихъ родственниковъ и мужей (больше убивали крѣпостныя женщины только дѣтей и постороннихъ) [2]).

Между тѣмъ какъ мужчину въ преступленіяхъ противъ личности, по даннымъ напр. французской статистики, особенно характеризуютъ изнасилованіе и любострастіе (61%) и другія дѣянія, требующія физической силы, каковы убійство предумышленное (14%) и умышленное (10%), тяжкія и смертельныя тѣлесныя поврежденія (8%), женщина свою преступную дѣятельность направляетъ преимущественно противъ жизни дѣтей (дѣтоубійство и изгнаніе плода, 74%), давая также высокую цифру для убійствъ предумышленныхъ (10%) и частью умышленныхъ (3%), *особенно* для *отравленія*, гдѣ число подсудимыхъ женщинъ (70%) въ $2^1/_2$ раза превышаетъ число подсудимыхъ мужчинъ [3]).

---

[1]) Émile Laurent, l'antropologie criminelle et les nouvelles théories du crime, Paris, 1891 (ср. 1895), стр. 67 и 71.

[2]) Максимовъ, Сибирь и каторга, СПб., 1891, часть вторая, виновные и обвиненные, глава II убійцы, стр. 67 и 69.

[3]) Ср. Compte général d'administration de la justice criminelle en France pour l'année 1880. И. Я. Фойницкій, женщина-преступница.

Разсмотрѣніе ряда преступленій, совершаемыхъ женщиною наименѣе часто сравнительно съ мужчиной, показываетъ, по справедливому замѣчанію профессора Фойницкаго, что въ немъ заключаются прежде всего дѣянія, предполагающія схватку съ сильнымъ противникомъ и употребленіе значительной физической силы; таковы разбой, грабежъ, вооруженная кража, убійство умышленное, убійство въ дракѣ и вообще съ непрямымъ умысломъ, тѣлесныя поврежденія; въ замѣнъ того женщина отдаетъ предпочтеніе дѣятельности, которая не предполагаетъ физическаго сопротивленія жертвы, какъ-то: дѣтоубійству и изгнанію плода, сокрытію трупа, отравленію, поджогу, частью простымъ кражамъ и болѣе или менѣе отдаленнымъ формамъ соучастія, гдѣ физическая сила не требуется. Такимъ образомъ, первымъ и весьма нагляднымъ факторомъ относительной женской преступности оказывается различіе въ физическихъ силахъ ея и мужчины. Недоступные для нея кистень и топоръ замѣняются ею ядомъ (въ отравленіи даже абсолютныя цифры у насъ и во Франціи для женщины выше мужскихъ), или поджогомъ, также не требующимъ физической силы.

Разница въ физической организаціи въ связи съ многовѣковымъ подчиненнымъ положеніемъ женщины необходимо должны были выработать между нею и мужчиною разницу въ сознавательныхъ и волевыхъ способностяхъ, т. е. въ силахъ психическихъ, что также проявляется на относительной женской преступности. Отвага и натискъ замѣняется у нея лукавствомъ и осторожностію, внезапная рѣшимость раздумьемъ. Говоря объ участіи женщинъ въ преступленіяхъ противъ жизни по даннымъ французской статистики, г. Тарновскій замѣчаетъ: „Лишеніе жизни въ состояніи крайняго раздраженія, подъ вліяніемъ минутнаго импульса гнѣва, для женщины оказывается несравненно болѣе труднымъ, чѣмъ другіе виды убійства. Средняя женщина, благодаря своему изолированному положенію у семейнаго очага, имѣетъ меньше поводовъ къ яростнымъ вспышкамъ, чѣмъ мужчина, историческое прошлое котораго развило въ немъ большое пренебреженіе въ чужой жизни и бо̀льшую рѣшимость, чѣмъ въ женщинѣ. Но уже въ слѣ-

дующемъ видѣ убійства—предумышленномъ, участіе женщины равно среднему участію вообще: предумышленное убійство предполагаетъ (въ бо̀льшей мѣрѣ чѣмъ умышленное) отсутствіе борьбы со стороны жертвы и потому легче для слабѣйшаго физически пола. Въ отравленіи женщина даже беретъ верхъ надъ мужчиной; это преступленіе, вытекающее изъ ея семейнаго положенія, ея подчиненности и коварной мстительности, какъ слабѣйшаго существа" [1]).

Ломброзо изучалъ очень много женщинъ-преступницъ. Онъ указываетъ, что у нихъ повторяются замѣчательно часто слѣдующія свойства; прогнатизмъ, глаза злые и кривые, выступающія скулы, мужеподобность лица, грубая кожа, тонкія губы. Лобныя впадины, оттопыренныя уши, косоглазіе, неправильные зубы, монгольское лицо встрѣчаются менѣе часто у женщинъ, чѣмъ у мужчинъ преступниковъ. Но что̀, по мнѣнію Ломброзо, отличаетъ преступницъ отъ женщинъ нормальныхъ и особенно сумасшедшихъ, это—чрезмѣрное изобиліе волосъ на головѣ, и расположеніе волосъ на лобковой выпуклости, которое имѣетъ почти мужской характеръ. Сверхъ того, волосы у нихъ почти всегда черные. Эти выводы къ тому-же соотвѣтствуютъ ченіямъ, опубликованнымъ П. Тарновской [2]).

Г-жа Тарновская утверждаетъ, что проститутки и преступницы (воровки) принадлежатъ къ классу женщинъ ненормальныхъ, выродившихся или вырождающихся. Онѣ, по ея мнѣнію, являются продуктомъ подваловъ, подонковъ общества, количество которыхъ уменьшается по мѣрѣ того, какъ условія жизненнаго развитія улучшаются въ образованномъ обществѣ. Д-ръ Эмиль Лоранъ отчасти раздѣляетъ эти идеи и разсматри-

---

[1]) Тарновскій, преступленія противъ жизни по поламъ, возрастамъ и семейному состоянію, Юрид. Вѣстн. 1886 года, томъ XXIII, стр. 279.

И. Я. Фойницкій, женщина-преступница, Сѣверный Вѣстникъ, 1893 года, № 2, стр. 131—134.

[2]) П. Тарновская, воровки, антропологическое изслѣдованіе, СПб., 1891.

ваетъ проституцію какъ средство предохраняющее или, лучше, отвлекающее отъ преступленія. „Если, говоритъ онъ, человѣкъ необразованный, лѣнивый, безъ инициативы и безъ энергіи, очутится когда-нибудь на улицѣ, безъ работы, безъ денегъ, безъ крова и безъ хлѣба, онъ почти неизбѣжно украдетъ, если не рѣшится просить милостыню, а на другой день проснется въ тюрьмѣ. Поставьте на его мѣсто женщину одинаковаго или даже низшаго умственнаго развитія, но молодую и хотя немного красивую, она подождетъ проходящаго болѣе или менѣе приличнаго господина, и черезъ часъ у нея будетъ въ карманѣ луидоръ, а завтра, быть можетъ, она будетъ одѣта въ шелковое платье".

По ученію Италіянской школы, женщина-преступница, по различнымъ признакамъ черепа, гораздо болѣе мужеподобна, чѣмъ женщина честная. Это замѣчаніе подкрѣпляется изслѣдованіями Д-ра Ле-Бона, который указалъ, что прогрессъ цивилизаціи сопровождается возрастающею дифференціаціею двухъ половъ [1]). Ottolenghi указываетъ, что у преступницъ и морщины встрѣчаются чаще чѣмъ у порядочныхъ женщинъ, хотя эта разница выступаетъ не такъ рѣзко. Достаточно взглянуть на бюстъ знаменитой сицилійской отравительницы, хранящійся въ національномъ музеѣ въ Палермо; ея лицо сплошь покрыто морщинами [2]).

---

[1]) Émile Laurent, l'anthropologie criminelle et les nouvelles théories du crime, Paris, 1891 (1895), chapitre XI la femme criminelle, стр. 101—108.

Ср. типы женщинъ-преступницъ вообще и женщинъ-отравительницъ въ частности, которые даетъ Ломброзо въ своемъ Атласѣ, Lombroso, Uomo delinquente, L'homme criminel, Atlas, Rome-Turin, 1888. planche XIV, № 30: l'Eberżeny, qui poussa son amant à l'empoisonnement de sa femme; № 42: empoisonneuse du mari (Appendice, стр. 14).

[2]) Ottolenghi, la Calvizie la Canizie e le Rughe nei normali, nei criminali, negli epiletti e nei cretini (Archivio di Psichiatria in Torino, 1889, X). Ср. Lombroso, l'anthropologie criminelle et ses récents progrès, Paris, 1890, стр. 52 и 53; fig. 2; l'empoisonneuse de Palerme. (Русск. перев. Раппопорта, подъ ред. Берлина, 1892, стр. 59).

Съ другой стороны мужчины, совершающіе такія преступленія, которыя составляютъ главный удѣлъ женщинъ, каковы отравленіе и поджогъ, отличаются зачастую нѣкоторыми женственными чертами. Именно, нѣкоторыя особенныя черты лица преступниковъ, каковы отсутствіе бороды, обиліе волосъ, блѣдность и т. п., дѣлаютъ ихъ физіономію болѣе мягкою и болѣе привѣтливой, чѣмъ она является въ дѣйствительности. Таковъ, напримѣръ, былъ Desrues, извѣстный отравитель, который имѣлъ наружность духовнаго лица (phisionomie cléricale), очень тонкія губы, развитыя челюсти и т. д., при полномъ отсутствіи усовъ и бороды [1]).

Мало того, Ломброзо и Лакассань обратили вниманіе на ту аналогію, которая существуетъ у преступниковъ между двумя полами въ ихъ наружности. Мужчины до нѣкоторой степени становятся женоподобны: формы ихъ слишкомъ округлы, какъ у женщинъ; бедра слишкомъ развиты, волосы ихъ длинны и тонки, голосъ также тонкій. Женщины же, наоборотъ становятся мужеподобны, т. е. пріобрѣтаютъ манеры, формы и голосъ мужчины [2]).

Преступныя наклонности очень часто прекрасно уживаются съ крайнею религіозностію [3]). Въ мірѣ преступниковъ, а особенно среди женщинъ, существуетъ не мало лицъ, строго соблюдающихъ церковные обряды; существуютъ и такія, которыя, не колеблясь, осмѣливаются призывать Божью помощь для удачи совершенія своего преступленія.

„Гдѣ найти болѣе религіознаго человѣка или лучшаго ханжу, чѣмъ маркизу Brinvilliers, которая весьма хладнокровно, и за долго до своего заключенія, приготовляла свою письменную исповѣдь, присоединяла къ отцеубійству, поджогамъ, отравленіямъ и разврату,—пропущенную или небрежно совер-

---

[1]) Lombroso, L'homme criminel, Atlas, planche VI, fig. 6 (Explication, стр. 4).

[2]) Xavier Francotte, l'anthropologie criminelle, Paris, 1891. стр. 117.

[3]) Ср. A Corre, les criminels, caractères physiques et psychologiques, Paris, 1889, стр. 216 и слѣдующ.

шенную исповѣдь, — и которая наканунѣ ареста возмущалась тѣмъ, что ей разрѣшаютъ въ постный день ѣсть скоромное" (Lombroso, l'homme criminel, стр. 420) [1]).

Затѣмъ, преступницы вообще сильнѣе поддаются вліянію соціальныхъ условій, нежели преступники; далѣе, большое вліяніе на нихъ оказываетъ старость, сумасшествіе и алкоголизмъ родителей, которые даютъ почти столько-же преступницъ, сколько и преступниковъ (Lombroso, l'anthropologie criminelle et ses récents progrès, 1890, стр. 39; р. п. 1892, стр. 49) [2]).

Наконецъ, практика знаетъ случаи отравленій, совершенныхъ исключительно подъ вліяніемъ внушенія. Такъ, напримѣръ, недавно еще разсматривалось дѣло купчихи Румянцевой и запаснаго фельдшера, Хрисанфова, обвинявшихся въ томъ, что, по взаимному между собою уговору, они отравили отца первой, купца Буравова [3]). Родная дочь, для которой, повиди-

---

[1]) По M-me de Sévigné, Brinvilliers лишилась дѣвственности семи лѣтъ. Она практиковалась въ отравленіи на своей прислугѣ, на своихъ друзьяхъ и на больныхъ госпиталя. Она отравила самоё себя для того, чтобы испытать противоядіе. Наконецъ она отравила отца, двухъ братьевъ и сестру. Отца она отравляла въ теченіи двухъ мѣсяцевъ, отвѣчая на его ласки удвоеніемъ дозы отравы.

Исторія этой отравительницы Brinvilliers напоминаетъ отчасти исторію девяти отравленій, совершенныхъ Маріею Jeanneret (см. ниже). Но, очевидно, что Jeanneret была несомнѣнно душевно-больная, а на этомъ основаніи естественно, что чувство отвращенія, возникающее по отношенію къ Brinvilliers, невольно замѣняется чувствомъ сомнѣнія и недоумѣнія. (Dr. A. Cullere, les frontières de la folies, границы сумасшествія, перев. подъ ред. проф. П. И. Ковалевскаго, 1889, стр. 153 и слѣдующ.).

[2]) Любопытныя данныя находимъ въ сочиненіи E. Cabadé, de la responsabilité criminelle, Paris, 1893.

[3]) Дѣло это разсматривалось въ Петрозаводскомъ Окружномъ Судѣ, въ С.-Петербургской Судебной Палатѣ и въ Правительствующемъ Сенатѣ. Сенатъ опредѣлилъ, что, въ виду особыхъ обстоятельствъ дѣла и рѣшенія Сената за 1895 годъ № 17 по дѣлу Палемъ, приговоръ палаты и окружнаго суда въ отношеніи Румянцевой,

мому, не могло существовать корыстныхъ мотивовъ для совершенія убійства, такъ какъ къ ней, какъ къ единственной дочери, и безъ того перешло бы состояніе отца, дочь, всегда расположенная къ своему родному отцу, вдругъ начинаетъ проявлять ничѣмъ необъяснимую и отвратительную жестокость—медленное и ежедневное отравленіе—исключительно подъ вліяніемъ внушенія со стороны Хрисанфова. Чтобы не ослабла въ ней сила внушенія, Хрисанфовъ, ежедневно массируя, гипнотизировалъ её и тѣмъ поддерживалъ ежедневно свое „вліяніе" надъ нею. Отрави Румянцева сразу или убей съ одного удара своего отца, можно было-бы допустить какой-нибудь поводъ: напр. ссора съ отцомъ, сильное оскорбленіе чести или необходимость самозащиты и т. п. Въ данномъ-же случаѣ мы видимъ исподволь медленное отравленіе, гдѣ все ясно было обдуманно разсчитано. Но кѣмъ? Слабою-ли женщиной, несомнѣнно истеричною, надъ которою ежедневно производился массажъ, вызывающій гипнозъ, и слѣдовательно, лишенной, какъ у загипнотизированной, способности къ сопротивленію, или здоровымъ мужчиною, человѣкомъ бѣднымъ, человѣкомъ, который отдавалъ себѣ полный отчетъ въ своемъ поступкѣ и принимающимъ дѣятельное участіе въ убійствѣ, какъ видно изъ того, что онъ снабжалъ её какими-то порошками? Х., какъ фельдшеръ, не могъ не знать, что какой-бы ни былъ ядъ, разъ онъ введенъ въ организмъ, онъ не можетъ пройти безслѣдно для него и, на случай смерти, вскрытіе сейчасъ-же это обнаружитъ. Х. также зналъ и о коммулятивномъ дѣйствіи яда и поэтому онъ снабжалъ свою жертву ежедневными минимальными дозами, давшими въ совокупности отравленіе. На судѣ эксперты гипнотизировали подсудимую и заставили въ гипнотическомъ снѣ, путемъ внушенія, вспомнить то, что съ нею было прежде во

а равно и опредѣленіе палаты объ утвержденіи обвинительнаго акта и о преданіи ея суду — подлежатъ отмѣнѣ за нарушеніемъ 692, 353—356 ст. у. у. суд., и дѣло должно быть передано для новаго разсмотрѣнія и дальнѣйшаго движенія въ установленномъ закономъ порядкѣ въ петербургскую судебную палату.

время свиданія ея съ X. Во время разспросовъ въ гипнотическомъ снѣ подсудимая вспомнила о производившихся X. во время сеансовъ массажа внушеніяхъ, о которыхъ при разбирательствѣ дѣла въ залѣ суда, не смотря на многократные разспросы экспертовъ, не могла припомнить [1]).

ОТДѢЛЪ II.

Нѣкоторыя особенности отравителей.

Иногда отравленіе совершается, повидимому, подъ исключительнымъ вліяніемъ извращенія нравственной чувствительности. Въ большинствѣ случаевъ такіе преступники страдаютъ не только наслѣдственнымъ предрасположеніемъ, но и одной изъ формъ душевной неуравновѣшенности состоянія вырожденія. Весьма интереснымъ представляется въ этомъ отношеніи случай Маріи Jeanneret [2]).

Тридцати лѣтъ M. Jeanneret, воображавшая, что имѣетъ способности къ медицинѣ, поступила сестрою милосердія, про

---

[1]) Гипнотизмъ и внушеніе передъ судомъ присяжныхъ, Судебная Газета, 1896 г., № 6. Ср. также статью г. Фельдмана въ №№ 19 и 26 „Биржевыхъ Вѣдомостей“ за 1896 г., посвященную этому же процессу объ отравленіи (по внушенію).

Вопросъ о внушеніи вообще вызвалъ уже цѣлую литературу, таковы, напр., слѣд. соч.: Lilienthal, der Hypnotismus und das Strafrecht, 1887. Liegois, de la suggestion, 1889. P. Janet, l'automatisme psychologique, 1889. Bernheim, hypnotisme, suggestion, psychothérapie 1891. E. Laurent, les suggestions criminelles, 1891. Wundt, Hypnotismus und Suggestion, 1892, русскій перев. 1893. В. К. Случевскій, Достоевскій и внушеніе, Кн. Нед. 1893. Fuchs, über die Bedeutung der Hypnose in forens. Hinsicht, 1891. Wollny, process gegen d. Hypnotiseur Czynski, 1895. Reissig, Liebe u. Suggestion, 1895.

[2]) Chatelain, Considérations médico-légales sur l'état mental de Marie Jeanneret, convaincue d'avoir commis neuf empoisonnements Annales méd.-psych., 1869.

бывъ нѣкоторое время въ школѣ фельдшерицъ въ Лозаннѣ. Вскорѣ стали замѣчать, что всѣ больные, за которыми она ухаживала, проявляли странные болѣзненные признаки: глаза и вѣки ихъ были какъ-бы парализованы и они жаловались на боли въ желудкѣ,—у нихъ появлялись нервные припадки буйнаго бреда; больные то смѣялись, широко раскрывъ испуганные глаза, то у нихъ дѣлалась неудержимая рвота. Пять больныхъ умерли послѣдовательно въ одномъ и томъ-же домѣ, при одинаковыхъ странныхъ условіяхъ, — затѣмъ умерло еще четверо въ двухъ другихъ семействахъ. M. Jeanneret всегда имѣла при себѣ стклянки съ лекарствами, какъ для собственнаго употребленія, такъ и для больныхъ, за которыми она ухаживала и которыхъ отравляла различными ядами, какъ: атропинъ, морфій, рвотный камень, — она съ любопытствомъ слѣдила за признаками отравленія, внимательно разсматривала зрачки больныхъ и предсказывала заранѣе теченіе и печальный исходъ болѣзни. Она предсказывала даже смерть людей, которыхъ избрала для своихъ ужасныхъ опытовъ, еще тогда, когда они были совершенно здоровы. Нѣсколько другихъ лицъ, также отравленныхъ ею, какимъ-то чудомъ спаслись отъ смерти. Болѣе чѣмъ вѣроятно, говоритъ д-ръ Chatelain, что роковая дѣятельность ея не ограничилась этими девятью случаями; въ одной Женевѣ говорятъ о восьми или десяти другихъ лицахъ, которыя умерли на ея рукахъ. Когда всѣ эти факты были удостовѣрены слѣдствіемъ, M. J. была нѣсколько разъ допрошена слѣдователемъ. Она созналась, что тайно отъ докторовъ давала внутрь больнымъ морфій и атропинъ. Доставала она эти лекарства отчасти отъ докторовъ, подъ предлогомъ разныхъ страданій, въ особенности болѣзни глазъ, отчасти отъ аптекарей, которымъ показывала старые рецепты, или стклянки съ надписью атропинъ. Она призналась, что тайно давала атропинъ шести больнымъ, порученнымъ ей, которые умерли и въ отравленіи коихъ она обвинялась, а также и тремъ больнымъ, оставшимся въ живыхъ, покушеніе на отравленіе которыхъ составляло три отдѣльныхъ обвинительныхъ акта. Вмѣстѣ съ тѣмъ она утверждала, что во всѣхъ этихъ случаяхъ

не преслѣдовала преступной цѣли, а уступала желанію производить медицинскіе опыты, или облегчить страданія больныхъ, на которыхъ лекарства докторовъ производили раздражающее дѣйствіе. Нѣсколько врачей, которымъ было поручено изслѣдовать состояніе ея умственныхъ способностей, пришли къ заключенію, что она страдаетъ истеріей, но не нашли въ ней никакой аномаліи душевнаго состоянія. Она была приговорена къ двадцатилѣтнимъ каторжнымъ работамъ, такъ какъ судъ призналъ смягчающія обстоятельства [1]).

Первое, что поражаетъ въ этихъ девяти случаяхъ отравленія, говоритъ д-ръ Chatelain, хорошо изучившій этотъ въ высокой степени интересный случай, это полное отсутствіе какой-либо причины. У нея нѣтъ никакой цѣли,—она не удовлетворяетъ чувству мести, не преслѣдуетъ какой-либо выгоды,—она убиваетъ ради того, чтобы убить. Ей нѣтъ дѣла до пола, возраста, положенія, состоянія здоровья своей жертвы,—её непреодолимо влечетъ убить, и ничто, даже узы родства и дружбы, не въ состояніи остановить её. Болѣе того, она остается совершенно равнодушной къ своимъ преступленіямъ. Они не доставляютъ ей ни удовольствія, ни волненія, ни сожалѣнія, ни угрызеній совѣсти. По точнымъ свѣдѣніямъ извѣстно, что она съ полнымъ душевнымъ спокойствіемъ сидѣла возлѣ тѣла своихъ жертвъ, отдавая имъ послѣдній долгъ, своими руками убирала ихъ и отрѣзывала на память прядь ихъ волосъ. Такъ-ли поступаетъ преступникъ? [2]).

---

[1]) Dr. A. Cullerre, les frontières de la folie—границы сумасшествія, перев. К. Н. Ковалевской и Е. Н. Герстфельдъ подъ редакц. проф. П. И. Ковалевскаго, Харьковъ, 1889, стр. 145—147.

[2]) Марія Jeanneret осталась сиротой съ малыхъ лѣтъ и развитіе ея было задержано нервною горячкой, послѣ которой она долго не могла поправиться. Съ тѣхъ поръ она навсегда осталась нѣсколько ненормальною. У нея всегда былъ странный, нѣсколько тяжелый характеръ, жизнь она вела безпокойную, неровную. Она была непостоянна въ своихъ вкусахъ, неразсудительна, упряма, чувствовала потребность въ сильныхъ ощущеніяхъ и имѣла склонность ко лжи и сплетнямъ. У нея были нервные припадки, которые, къ сожалѣ-

Во всѣхъ преступленіяхъ отравленія, замѣчаетъ профессоръ Неклюдовъ, замѣшана непремѣнно женщина, или какъ главная участница физическая, или какъ подстрекательница, или-же какъ побудительная причина отравленія: отравленіе мужчиною мужчины, безъ участія женщины, почти неизвѣстно (французской статистикѣ). Отравленіе и другія убійства относятся между собою какъ ругательство въ лицо и клевета. Первое есть признакъ силы, прямоты; второе — признакъ относительнаго безсилія, трусости и коварства. Гдѣ мужчина дѣйствуетъ силой, нахрапомъ, прямо, тамъ женщина дѣйствуетъ изподтишка, лукаво, стороною. Такъ какъ главною участницею этихъ преступленій является женщина, то понятно, что и это преступленіе должно начаться съ возраста женскаго развитія, съ момента дѣятельнаго ея участія въ семейной жизни какъ женщины. А это, какъ мы знаемъ, относится къ возрасту отъ 21—25 лѣтъ — эпохѣ конкубинатства и брака. Согласно этому и отравленіе является преобладающимъ, начиная съ 21—25 лѣтняго возраста, а minimum его выпадаетъ на долю возраста отъ 1—16 лѣтъ. Существованіе-же самаго minimum'а въ такомъ раннемъ періодѣ объясняется весьма просто тѣмъ, что женщина развивается ранѣе мужчины,— съ 16 лѣтъ она бываетъ развратною конкубиною или наложницей, — а отравленіе, какъ мы сказали, совершается главнымъ образомъ женщинами. Maximum браковъ, плодовитости и конкубинатства заключается въ возрастѣ отъ 25—30 лѣтъ, а такъ какъ мотивомъ отравленія бываетъ дѣторожденіе, то

нію, ни кѣмъ не были ясно опредѣлены. Иногда она чувствовала странныя влеченія, какъ, напримѣръ, потихоньку вылить въ супъ какую-нибудь грязную и противную жидкость. Одно время она впала въ ипохондрическое настроеніе и стала лечиться у всевозможныхъ докторовъ. Она любила болѣзненные способы леченія и безъ всякой надобности прибѣгала къ прижиганіямъ каленымъ желѣзомъ; въ продолженіи трехъ лѣтъ она пускала себѣ атропинъ въ глаза, а затѣмъ лечилась отъ разстройства зрѣнія, которымъ стала страдать, а также и отъ обнаружившихся признаковъ отравленія, причину котораго она скрывала.

понятно, что и возрастъ отъ 25—30 лѣтъ долженъ быть однимъ изъ максимумовъ отравленія. Но главными побудительными причинами этого преступленія бываютъ прелюбодѣяніе мужа или жены, любовника или конкубины, ревность, ненависть, месть, семейная вражда и дрязги, а въ такомъ случаѣ понятно, что и максимумъ отравленій долженъ выпадать не на долю возраста отъ 25—30 лѣтъ, первой поры жизни семейной, такъ сказать, медоваго мѣсяца супруговъ, а нѣсколько позже, и именно на возрастъ отъ 30—35 и отъ 35—40 лѣтъ. Любовь въ теченіи пятилѣтняго сожительства успѣла уже притупиться; мужъ обзаводится наложницей, жена любовникомъ. Съ теченіемъ времени семейная вражда и дрязги усиливаются все болѣе: ненавистная той или другой сторонѣ жизнь брачная разрывается отравленіемъ. Наконецъ, дѣятельнымъ мотивомъ отравленія является не только любовь, но и алчность, алчность, не выходящая, правда, за предѣлы семейнаго очага. На рукахъ у вновь сформировавшейся семьи старикъ отецъ, дѣдушка, бабка, свекоръ или теща. У каждаго изъ нихъ есть свое родовое или благопріобрѣтенное имущество, долженствующее перейти къ новымъ супругамъ. Съ теченіемъ времени, молодые супруги успѣли уже сами обзавестись семьею, дѣтьми; мѣсто любви заступила забота о матеріальномъ благѣ жизни. Они боятся или лишиться совершенно имущества родныхъ, назначеннаго имъ по закону, или получить его уже изрядно растраченнымъ; вотъ почему они стремятся или обезпечить за собою наслѣдство, или-же ускорить самое время пріобрѣтенія его. Они и пріобрѣтаютъ его посредствомъ отравленія. А всѣмъ этимъ объясняется тотъ фактъ, почему главный максимумъ отравленія выпадаетъ на долю возраста отъ 30—35 лѣтъ, т.-е. является позднѣе прочихъ убійствъ, и почему отравленіе преобладаетъ гораздо долѣе ихъ, и именно не до 40 лѣтъ, а до 55 [1]).

---

[1]) Н. А. Неклюдовъ, уголовно-статистическіе этюды. Этюдъ I. Статистическій опытъ изслѣдованія физіологическаго значенія раз-

По мнѣнію Ломброзо, почти всегда отравители принадлежатъ къ интеллигентному классу общества; по большей части это — лица очень образованныя, врачи и химики; ихъ симпатичная наружность, пріятныя манеры и убѣдительныя рѣчи совершенно вводятъ въ заблужденіе тѣхъ жертвъ, которыхъ они себѣ избираютъ, часто даже между своими ближайшими родственниками (Тайлоръ, Моро, Пальмеръ). Затѣмъ, виновными въ отравленіяхъ являются еще, какъ было указано выше, очень часто женщины, обладающія очень пылкими страстями, какъ, напримѣръ, Локуста, Бонано, Тофани, Пикколи, Караччіоли, Констанца, Конти-Спина, княгиня де-Сери (Ademollo, Nov. Sicule, IX). Разсчитывая на вѣрную безнаказанность, находя въ этомъ преступленіи своего рода наслажденіе, эти презрѣнныя женщины зачастую лишаютъ жизни, при помощи яда, заразъ по нѣсколько человѣкъ, дѣйствуя иногда почти безъ всякаго повода. Такова была извѣстная Ламбъ, которая, кромѣ своего мужа и сыновей, отравила свою пріятельницу и, наконецъ, свою сосѣдку, съ которою даже не имѣла никакихъ соотношеній. Таковы еще: столь-же извѣстная Цванцигеръ [1]), которая отравила цѣлый рядъ прислуги и женщинъ, которыхъ ранѣе того она очень любила; Жегадо, которая отравила двадцать одну жертву; Май, которая дала мышьякъ своимъ четырнадцати сыновьямъ и своему брату; Шескамъ, отравившая четырнадцать человѣкъ (сыновей и мужей), два раза оправданная и, наконецъ, повѣшенная. Почти всѣ эти преступники и преступницы бывали побуждаемы страстью, любовью, но въ особенности необузданнымъ сластолюбіемъ. Лицемѣры, всегда спокойные, скрытные, они до самаго конца защищаютъ свою невиновность и уносятъ съ собою въ могилу тайну своей вины. Въ настоящее время очень рѣд-

---

личныхъ возрастовъ человѣческаго организма по отношенію къ преступленію, СПб., 1865, стр. 127—129.

[1]) Feuerbach, Aktenmässige Darstellung merkwürdiger Verbrechen, Giessen, 1828, erster Band, стр. 1—53: Anna Margaretha Zwanziger, die deutsche Brinvillier.

ки случаи, гдѣ въ отравленіи принимали-бы участіе нѣсколько соучастниковъ; противное имѣло мѣсто когда-то въ высшемъ французскомъ обществѣ и въ древнемъ Римѣ: преступленіе это имѣло тогда характеръ какой-то эпидеміи, особенно среди женщинъ [1]).

Весьма любопытнымъ кажется противорѣчіе во взглядахъ двухъ выдающихся писателей—Ломброзо и Тарда. Въ то время, какъ Ломброзо утверждаетъ (безъ особенныхъ доказательствъ), что отравителями являются по большей части лица интеллигентныя, Тардъ [2]) заявляетъ, что отравленіе въ настоящее время представляется преступленіемъ лицъ необразованныхъ, неграмотныхъ. Только прежде, напр. въ 16-мъ столѣтіи, говоритъ Тардъ, оно было преступленіемъ высшихъ классовъ общества, какъ это доказываетъ эпидемія различныхъ отравленій, которая свирѣпствовала при дворѣ Людовика XIV, съ 1670 по 1680 г., т.-е. съ того времени, когда итальянецъ Exili привезъ во Францію какія-то ядовитыя вещества. Маркиза Бренвилье кажется Тарду прямою прародительницею современныхъ деревенскихъ Локустъ. Въ средніе вѣка и даже до настоящаго столѣтія, существовалъ постоянно обычай, что за столомъ королей и важнѣйшихъ вельможъ ни одно блюдо не подавалось хозяевамъ, но будучи предварительно испробовано, отвѣдано, изъ страха отравленія. Эта черта указываетъ на большую распространенность этого преступленія при средневѣковомъ дворѣ и въ замкахъ различныхъ сановниковъ, особенно въ Италіи.

Это противорѣчіе во взглядахъ Ломброзо и Тарда объясняется тѣмъ, что туринскій профессоръ имѣетъ въ виду, главнымъ образомъ, тотъ разрядъ отравителей, который рекрутируется изъ числа врачей, аптекарей, фармацевтовъ, хи-

---

[1]) C. Lombroso, Uomo delinquente, l'homme criminel, criminel-né — fou moral — épileptique, étude anthropologique et médico-légale, Paris, 1887, стр. 433 и слѣд.: empoisonneurs.

[2]) G. Tarde, la philosophie pénale, Lion-Paris, 1891, chapitre VI, le crime, стр. 334: l'empoisonnement.

миковъ и т. п., Тардъ-же, по разбираемому вопросу, останавливается спеціально на женской преступности, и притомъ на преступности нисшаго сельскаго населенія.

Въ отношеніи вопроса о полѣ отравителей, Росси [1]) также указываетъ на громадную численную пропорцію женщинъ въ дѣлахъ объ отравленіи. Въ Италіи, съ 1880 по 1888 г., было судимо въ судахъ съ присяжными: за покушеніе на отравленіе и за отравленіе неудавшееся—женщинъ 31, мужчинъ 38; за отравленіе оконченное—женщинъ 29, мужчинъ 30. Другими словами, на 100 отравителей приходится 53,12 мужчинъ и 46,88 женщинъ. За девять лѣтъ было судимо въ ассизахъ 53619 мужчинъ и 3172 женщинъ, причемъ на 1000 осужденныхъ мужчинъ было 1,26 отравителей, а на 1000 осужденныхъ женщинъ—18,91 отравительницъ. По уголовной статистикѣ Шотландіи за 1888 годъ [2]), 37% обвиненій было направлено противъ женщинъ.

Въ заключеніе замѣтимъ еще, что субъектомъ этого рода преступныхъ дѣяній можетъ быть, конечно, всякое нормальное, вмѣняемое лицо вообще. Особое значеніе субъекта, въ случаяхъ причиненія разстройства здоровья путемъ отравленія лицами опредѣленныхъ профессій, каковы: врачъ, фармацевтъ, повивальная бабка, по большинству западноевропейскихъ уголовныхъ кодексовъ, служитъ только основаніемъ нѣкоторой квалификаціи. То-же видимъ мы и въ нашемъ дѣйствующемъ Уложеніи о Наказаніяхъ (см. напр. ст. 1486, 1487).

---

[1]) Rossi, Archivio di psichiatria, 12, IV. Torino, Bocca.

[2]) Morrison, Crimes and its causes, стр. 154.

Lombroso, nouvelles recherches de psychiatrie et d'anthropologie criminelle, Paris, 1892, стр. 122 и слѣд.

ОТДѢЛЪ III.

Самоотравленіе и отравленіе по согласію.

I. Самоотравленіе.

Случаи самоубійства при помощи яда встрѣчались съ древнѣйшихъ временъ. Уже въ священномъ писаніи находимъ мы примѣръ самоотравленія. Именно, во второй книгѣ Маккавейской повѣствуется слѣдующее: „Птоломей, по прозванію Макронъ, почелъ за лучшее соблюдать справедливость къ Іудеямъ, послѣ бывшихъ къ нимъ несправедливостей, и старался дѣла съ ними оканчивать мирно. Поэтому онъ былъ оклеветанъ любимцами передъ Евпаторомъ и, повсюду слыша названіе предателя за то, что оставилъ ввѣренный ему отъ Филометора Кипръ и перешелъ къ Антіоху Епифану, онъ, не имѣя почетной власти, отъ печали отравилъ себя, и такъ окончилъ жизнь свою“ [1]).

Ливій разсказываетъ, что Ганнибалъ всегда носилъ при себѣ ядъ (Livius, hist. rom. l. XXXIX, c. 51: venenum, quod multo ante preparatum, ad tales habebat casus); и онъ воспользовался имъ и отравился, когда ему грозила опасность быть выданнымъ римскому консулу Фламинію королемъ Виѳиніи, къ которому онъ бѣжалъ. Обычай имѣть при себѣ ядъ очень древняго происхожденія. Весьма многіе носили его всегда съ собою, дабы имѣть возможность въ любое время покончить съ жизнію. По свидѣтельству Плутарха и Плинія, еще Демосѳенъ, напримѣръ, постоянно носилъ ядъ въ своемъ кольцѣ (Plutarch: ἐν κρίνῳ κοίλῳ), которымъ и отравился въ 322 г. до Рождества Христова [2]).

---

[1]) Маккав. книга II, глава 10, 12—13.

[2]) Marx, geschichtliche Darstellung der Giftlehre, стр. 12.

Упомянемъ затѣмъ отравленіе Ѳемистокла, отравленіе Митридата Понтійскаго съ женами и дочерьми, смерть Клеопатры отъ ядовитой змѣи и тому подобные случаи.

Средніе и новые вѣка также сохранили довольно много историческихъ примѣровъ самоотравленія или покушеній на самоотравленіе. Припомнимъ, напримѣръ, отравленіе графа Мирабо (по свидѣтельству Мишле), отравленіе заподозрѣннаго въ измѣнѣ Примаса Михаила Понятовскаго, брата польскаго короля Станислава Августа (въ 1794 году), покушеніе на самоотравленіе Наполеона I (послѣ битвы при Фонтенебло въ 1814 году) и т. п. [1]). Примѣры самоотравленій повторялись сравнительно довольно часто среди литераторовъ и поэтовъ: такъ напр., по свидѣтельству г-жи Сталь, отравился Жанъ Жакъ Руссо (въ 1778 году); отъ яда умеръ англійскій поэтъ Томасъ Чатертонъ (въ 1794 году); отъ яда-же погибъ французскій писатель Альфонсъ Раббе (въ 1829 году); отравленіемъ окончилъ свою жизнь и нашъ Александръ Николаевичъ Радищевъ (авторъ извѣстнаго „Путешествія въ Москву“) [2]).

Въ настоящее время ядъ въ большомъ употребленіи въ Соединенномъ королевствѣ, особенно въ Ирландіи, и въ Италіи; къ нему рѣже прибѣгаютъ въ остальныхъ государ-

---

[1]) Даже Фридрихъ Великій постоянно имѣлъ при себѣ ядъ.

Увѣряютъ также, что Борисъ Годуновъ былъ самоубійцею, въ отчаяніи лишивъ себя жизни ядомъ; но обстоятельства и родъ его смерти не подтверждаютъ истину этого извѣстія. Карамзинъ, Исторія Государства Россійскаго, томъ XI, глава II. Извѣстно только, что Годуновъ прибѣгалъ иногда къ яду, напримѣръ, пытаясь отравить Самозванца, при помощи трехъ иноковъ. Ibidem. По словамъ лѣтописца, Симеонъ Тверской ослѣпъ будто-бы также отъ ядовитаго зелія, смѣшаннаго съ виномъ, присланнымъ Годуновымъ. Карамзинъ, томъ X, глава II. Затѣмъ враги Бориса распускали слухи о мнимомъ отравленіи имъ Ѳеодора Іоанновича, царицы Ирины и Датскаго королевича Іоанна.

[2]) Ср. другіе примѣры самоотравленія въ сочиненіяхъ:

Dzieduszycki, Samobójstwo, Lwow, 1876; русск. перев., Кіевъ, 1878.

П. Ѳ. Булацель, изслѣдованія о самовольной смерти, историческій очеркъ философскихъ воззрѣній и законодательствъ о самоубійствѣ, 1894.

ствахъ. Англичане-же и ирландцы, даже и въ чужой землѣ, отравляются чаще прочихъ національностей. Вообще способы самоубійства распространяются въ странѣ въ связи съ различными событіями общественной жизни; такъ лишь только открывается химіею новое ядовитое вещество, оно быстро становится средствомъ самоубійства (напр. ціанистый калій). Но, воспринимая вліяніе успѣховъ науки и промышленности, человѣкъ при данныхъ условіяхъ изъ года въ годъ съ замѣчательною правильностью прибѣгаетъ къ однимъ и тѣмъ-же средствамъ самоуничтоженія: Морзели приводитъ англійскія данныя (p. 442), изъ которыхъ видно, что въ Англіи (съ Валисомъ) въ періодъ съ 1863 по 1874 годъ ежегодно болѣе прочихъ употреблялись слѣдующіе яды: синильная кислота и ціанистый потассій (калій), опіумъ, щавельная кислота, мышьякъ, стрихнинъ; въ Вюртембергѣ на первомъ мѣстѣ изъ ядовъ стоитъ тоже ціанистый калій (Morselli, p. 441); то-же въ Вѣнѣ (Stat. Mon. 1879, X, p. 453). Здѣсь ясно объясняется предпочтеніе человѣкомъ извѣстныхъ опредѣленныхъ ядовъ: онъ избираетъ тѣ, которые всего быстрѣе дѣйствуютъ.

Въ Вѣнѣ любимымъ ядомъ для мужчинъ оказывается ціанистый калій (63,4%), для женщинъ—пятновыводная жидкость (Eau de Javelle, Laugenessenz—29,5% всѣхъ отравленій), ціанистый калій (21,5%), сѣрная кислота (20,1%) и фосфоръ (19,6%); въ Петербургѣ, повидимому, женщины всего чаще прибѣгаютъ въ послѣднее время къ отравленію посредствомъ раствора фосфорныхъ спичекъ – изъ 100 покушеній на самоубійство, сдѣланныхъ женщинами въ С.-Петербургѣ за періодъ 1866—1880 г. г. посредствомъ отравленія, — 44 были произведены путемъ этой отравы; изъ 61 покушенія мужчинъ, фосфоръ явился средствомъ лишь въ 17 случаяхъ. Фосфоръ, въ видѣ спичечныхъ головокъ, всегда находится подъ рукою и этому надо приписать его распространенность; но онъ рѣдко приводитъ къ смерти. Въ иныхъ случаяхъ отравленія женщинъ фосфоромъ происходятъ „не столько съ цѣлью самоубійства, сколько ради изгнанія плода“ (Учебникъ судебной медицины Гофмана, пер. И. М. Сорокинымъ, стр. 189).

Сравнительно чаще другихъ отравляются ремесленники, занимающіеся работою надъ металлами, потому что имъ легче достать ядъ. Въ Вѣнѣ, повидимому, занятіе вліяетъ на выборъ способа самоубійства (пер. 1869—1878 г. г.); тамъ отравляются особенно часто лица, профессія которыхъ требуетъ обращенія съ ядовитыми веществами: изъ 2 самоубійцъ химиковъ оба отравились, изъ 5 бронзовщиковъ отравились 4, изъ 16 золотыхъ и серебряныхъ дѣлъ мастеровъ отравились 11, изъ 9 фотографовъ—8. Отравленіе также очень распространено среди женской прислуги (изъ 108 самоубійцъ 62 отравились) и среди лицъ, безъ занятія живущихъ въ родительскомъ домѣ (изъ 17 самоубійцъ 11 отравились). По свидѣтельству-же Легуа, всѣхъ чаще пользуются ядомъ лица либеральныхъ профессій, всѣхъ рѣже—лица безъ опредѣленнаго занятія [1]):

Въ отношеніи наказуемости самоотравленій, надо замѣтить слѣдующее. Самостоятельное распоряженіе собственными благами, конечно, не ограничено. Это признано всѣми современными кодексами. Наше уложеніе признаетъ, однако, одно ограниченіе—въ отношеніи блага жизни, опредѣляя наказаніе и за самоубійство оконченное (ст. 1472) и за покушеніе на самоубійство (ст. 1473). Но наказаніе самоубійцы непризнаніемъ

---

[1]) А. В. Лихачевъ, самоубійство въ западной Европѣ и европейской Россіи, СПб., 1882: стр. 155—162.

Legoyt, le suicide ancien et moderne. Etude historique, philosophique, morale et statistique, Paris, 1881.

Morselli, il suicidio. Saggio di statistica morale comparata, Milano, 1879.

Oettingen, die Moralstatistik und die Christliche Sittenlehre, Gesetzmässigkeit sittlicher Lebensbewegung, Erlangen, 1868, стр. 918 и слѣд.

По замѣчанію Легуа, мужчина чаще вѣшается, стрѣляется, и зарѣзывается или закалывается, а *женщина—отравляется*, задыхается въ угарѣ жаровни, бросается съ высоты. Legoyt, le suicide, p. 387; la France et l'Etranger, études de statistique comparée, tome II, Paris, 1870, стр. 567: par ordre de fréquence, pour le sexe féminin—le poison, la submersion, les instruments tranchants, les moyens divers (asphyxie etc.), la chutte volontaire.

предсмертныхъ распоряженій и духовнаго завѣщанія — не выдерживаетъ никакой критики, потому что оно падаетъ не на самого виновнаго, а на неповинныхъ его родственниковъ, лишая ихъ послѣднихъ средствъ къ существованію. Точно также и лишеніе самоубійцъ христіанскаго погребенія является нравственною тягостью только для близкихъ имъ лицъ. Что-же касается церковнаго покаянія, назначаемаго за покушеніе на самоубійство, то мѣра эта имѣетъ лишь духовно-нравственный, но не карательный характеръ. Наказаніе за самоотравленіе отпадаетъ только при ненормальности субъекта, при самоотравленіи изъ патріотизма, или для спасенія цѣломудрія женщины отъ насилія (ст. 1474). Особо предусмотрѣны въ Уложеніи склоненіе (ст. 1475) и побужденіе къ самоубійству (ст. 1476). Проектъ не упоминаетъ о самоубійствѣ, говоря лишь объ участіи въ немъ, какъ о самостоятельномъ преступленіи, но съ особою строгостію относится къ подговору и къ содѣйствію къ самоубійству лицъ несовершеннолѣтнихъ и ненормальныхъ [1]).

---

[1]) Бульмерингъ, о самоубійствѣ, Юридическій Вѣстникъ, 1860—1861 г., № 5.

Кистяковскій, о самоубійствѣ, Журналъ Гражданскаго и Уголовнаго права, 1882 г., № 9.

Невзоровъ, о самоубійствѣ, Кіевъ, 1891.

Гвоздевъ, о самоубійствѣ съ соціальной и медицинской точки зрѣнія, Казань, 1889.

Лебедевъ, о самоубійствѣ съ медицинской точки зрѣнія, Архивъ Психіатріи, 1896.

Merkel, Selbstmord, v. Holtzendorff Rechtslexicon, 1881.

Westcott, suicide, London, 1885.

Holtzendorff (Handbuch) по поводу самоубійства замѣчаетъ: der Mensch nur zu anderen Personen, nicht zu sich selbst in ein Rechtsverhältniss steht.

Chauveau et Hélie (Théorie du Code Pénal): le suicide ne constitue point un délit; la complicité de suicide forme un délit, lorsque l'agent a preté son bras, a tenu l'arme etc.

II. Отравленіе по согласію.

И такъ виновнымъ въ отравленіи можетъ быть всякое нормальное вмѣняемое лицо, но лишь лицо постороннее. Въ этомъ отношеніи весьма существенными представляются вопросы о томъ, можетъ-ли имѣть оправдывающее значеніе согласіе самого отравленнаго, и можно-ли ограничивать право распоряженія собственными благами, если дѣло касается жизни.

Согласіе пострадавшаго [1]), по принципу „volenti non fit injuria" имѣетъ, какъ извѣстно, рѣшительное значеніе въ отношеніи посягательствъ на имущество. Но совершенно иной характеръ имѣетъ оно въ отношеніи преступленій противъ личности, и въ особенности въ преступленіяхъ противъ жизни. Благо жизни вообще признается, по огромной важности его, неотчуждаемымъ; хотя самоубійца по современнымъ воззрѣніямъ не наказуемъ, но невозможно предоставить всякому убивать другаго по выраженному послѣднимъ желанію; шансы лишенія жизни при этомъ больше, чѣмъ при самоубійствѣ, опасность злоупотребленія слабостями и душевнымъ волненіемъ лишаемаго жизни весьма велика; убійство не перестаетъ быть убійствомъ, хотя бы оно было сдѣлано съ согласія убитаго [2]). Инаго мнѣнія проф. Неклюдовъ: убійство другаго съ его согласія, говоритъ онъ, должно быть признано ненаказуемымъ, коль скоро оно не имѣло своимъ объектомъ лица, дѣйствовавшаго безъ разумѣнія [3]). Разрѣшеніе этого вопроса въ законодательствѣ также не представляетъ однообразія. Французское уложеніе вовсе не упоминаетъ объ убійствѣ по согласію; практика под-

---

[1]) Kessler, die Einwilligung des Verletzten, 1884; Zeitschrift, V, 268.

Breithaupt, volenti non fit injuria, 1891.

[2]) И. Я. Фойницкій, курсъ уголовнаго права, часть особенная, лишеніе жизни, СПб., 1893, стр. 14.

[3]) Н. А. Неклюдовъ, руководство къ особенной части русскаго уголовнаго права, томъ I, СПб., 1876, стр. 264 и 322.

водитъ эти случаи подъ статьи объ убійствѣ [1]). По Германскому уложенію (§ 216), кто совершитъ убійство, вслѣдствіе явственно выраженной и серьёзной просьбы убитаго, подвергается уменьшенному наказанію [2]). По нашему дѣйствующему уложенію случаи лишенія жизни по согласію не предусмотрѣны, и разсматриваются обыкновенно на практикѣ, какъ одинъ изъ видовъ убійства. Проектъ нашего новаго уложенія въ общей части не упоминаетъ о значеніи согласія, но послѣднее принимается во вниманіе въ преступленіяхъ противъ жизни. Въ объяснительной запискѣ Редакторы мотивируютъ это слѣдующимъ образомъ: „Хотя общая часть проекта и не упоминаетъ о согласіи пострадавшаго, какъ о причинѣ, уничтожающей преступность извѣстныхъ дѣяній, тѣмъ не менѣе таковая непреступность должна быть признаваема, какъ общее правило, при всѣхъ преступныхъ дѣяніяхъ, направленныхъ противъ правъ частныхъ лицъ, какъ имущественныхъ, такъ и личныхъ, если самимъ закономъ не установлены изъятія". Такимъ изъятіемъ въ проектѣ является убійство по согласію: виновный въ убійствѣ, учиненномъ по настоянію убитаго и изъ состраданія къ нему, наказывается заточеніемъ на срокъ не свыше шести лѣтъ. Постановка проекта представляется наиболѣе правильной. Но при этомъ надо имѣть въ виду слѣдующія условія. Согласившійся долженъ дѣйствовать сознательно, свободно, имѣя право распоряжаться извѣстнымъ благомъ, и не нарушая правъ другихъ лицъ. Кромѣ того самое согласіе должно быть дано прежде, а не во время совершенія дѣянія.

Съ отравленіемъ по согласію нельзя смѣшивать пособни-

---

[1]) Въ отношеніи французскаго законодательства у Chauveau et Hélie (Théorie du Code Pénal) читаемъ слѣдующее: la loi n'a point prévu l'hommicide commis sur l'ordre de la victime; ce n'est pas un assassinat, car il lui manque la volonté criminelle, mais c'est un délit distinct et separé.

[2]) Holtzendorff (Handbuch): das Gesetz verlangt mehr als eine passive Verhaltung; es verlangt ein ausdrückliches und ernstliches Verlangen des Getödteten.

чество къ самоотравленію. По нашему уложенію, кто склонитъ другаго къ самоубійству, или же чрезъ доставленіе средствъ къ тому, или инымъ какимъ-либо образомъ, будетъ участвовать въ совершеніи имъ сего преступленія, тотъ за сіе подвергается наказаніямъ, опредѣленнымъ за пособіе въ убійствѣ, учиненномъ съ обдуманнымъ намѣреніемъ или умысломъ, на основаніи правилъ о пособничествѣ въ преступленіи (ст. 1475). По проекту виновный въ доставленіи средствъ къ самоубійству (напримѣръ яда), буде вслѣдствіе сего самоубійство послѣдовало, наказывается заточеніемъ на срокъ не свыше трехъ лѣтъ. Различіе наказуемости убійства по согласію и пособничества къ самоубійству объясняется различіемъ состава этихъ дѣяній. Возьмемъ для примѣра слѣдующіе случаи. Вполнѣ здоровый человѣкъ А. проситъ другое лицо Б. налить ему въ стаканъ яду, съ цѣлію лишить себя жизни посредствомъ отравленія; въ данномъ случаѣ мы имѣемъ пособничество къ самоубійству. Но если съ подобною просьбой обратится человѣкъ больной, не имѣющій силъ сдвинуться съ мѣста, прося при этомъ влить ядъ въ ротъ, то это уже будетъ убійствомъ по согласію.

Ко всему этому замѣтимъ, что распоряженіе собственными благами здоровья въ уголовныхъ кодексахъ обыкновенно никогда не ограничивается, какъ таковое [1]). То-же видимъ мы и въ нашемъ Уложеніи о Наказаніяхъ; встрѣчающіяся въ немъ ограниченія (см. напр. ст. 201 и 514) вызваны совершенно особыми, спеціальными цѣлями, не имѣющими ничего общаго съ существомъ даннаго вопроса. Точно также и согласіе при поврежденіяхъ тѣлесныхъ въ большинствѣ кодексовъ не упоминается.

---

[1]) Wahlberg, Selbstverletzung, v. Holtzendorff Rechtslexicon, 1881.

ОТДѢЛЪ IV.

Отравленія, квалифицированныя по самому значенію субъекта.

Отравленіе совмѣстное и отравленіе повторное.

Отравленіе совмѣстное.

При лишеніи жизни, какъ актѣ совмѣстной дѣятельности, если убійство совершено безъ особыхъ увеличивающихъ вину обстоятельствъ, нѣсколькими сговорившимися людьми, по предварительному соглашенію, — наказаніе по нашему Уложенію можетъ быть возвышено для зачинщиковъ одною степенью, т. е. можетъ дойти до ссылки въ каторжную работу безъ срока (ст. 1454, ч. 2). Но это повышеніе наказанія предоставленное усмотрѣнію суда, имѣетъ мѣсто лишь при убійствѣ предумышленномъ, въ чемъ нельзя не усмотрѣть вполнѣ разумнаго ограниченія. Отравленіе, будучи само по себѣ убійствомъ, квалифицированнымъ по средствамъ и способу дѣятельности, при наличности соучастія, становится еще болѣе гнуснымъ дѣяніемъ, требующимъ самой строгой уголовной репрессіи.

Отравленіе повторное.

При лишеніи жизни, какъ актѣ неоднократной преступной дѣятельности, если кто-либо по отбытіи наказанія за предумышленное убійство, въ томъ числѣ и за отравленіе, будетъ снова изобличенъ въ такомъ-же смертоубійствѣ, — то подвергается ссылкѣ въ каторжныя работы безъ срока (ст. 1450) Важность вины такого преступника-рецидивиста призналъ еще Государственный Совѣтъ въ положеніи своемъ 12 іюля 1840 года о ссыльныхъ. Въ немъ было постановлено, что каторжный, учинившій убійство, долженъ быть наказанъ пятьюдесятью пятью ударами кнута, прикованъ къ стѣнѣ въ продолженіи пяти лѣтъ и потомъ закованъ въ желѣзы на всю жизнь. Редакторы нашего Уложенія полагали сначала за вторичное предумышленное убійство опредѣлить казнь смертную; но такъ какъ подобное предположеніе въ 1840 году было отвергнуто Государственнымъ Совѣтомъ, то они и ограничились опредѣленіемъ безсрочныхъ каторжныхъ работъ.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Предметъ посягательства при отравленіи.

ОТДѢЛЪ I.

Общія замѣчанія.

Отравленіе, какъ причиненіе смерти другому лицу посредствомъ яда, имѣетъ, конечно, своимъ главнымъ, непосредственнымъ предметомъ посягательства — жизнь другаго лица, какъ человѣка. Но этимъ не исчерпывается еще все содержаніе понятія объекта преступленія при отравленіи. Объектомъ преступленія можетъ явиться иногда только лишь тѣлесная неприкосновенность, въ смыслѣ тѣлесной цѣлости и здравія другаго лица.

Опредѣленія жизни, съ точки зрѣнія біологіи, весьма разнообразны. Согласно Ришерану, — жизнь есть совокупность явленій, слѣдующихъ одно за другимъ въ теченіе ограниченнаго времени, въ организованномъ тѣлѣ. По опредѣленію Де-Бленвиля,—жизнь есть двойное внутреннее движеніе соединенія и разложенія, вмѣстѣ общее и непрерывное. Шеллингъ видѣлъ въ жизни—результатъ химическаго дѣйствія окисленія (животная жизнь) и раскисленія (растительная жизнь). Бюхнеру жизнь представлялась какъ сумма явленій клѣточекъ. Льюисъ предлагалъ такую дефиницію: жизнь есть рядъ опредѣленныхъ и послѣдовательныхъ измѣненій, какъ въ строеніи, такъ и въ составѣ, которыя совершаются въ особи, не уничто-

жая ея тожества. Гербертъ Спенсеръ склоняется къ опредѣленію жизни, какъ координаціи дѣйствій и т. д., и т. д. [1]).

Профессоръ судебной медицины И. Гвоздевъ даетъ слѣдующее понятіе о жизни. Жизнь, въ смыслѣ эгоистическомъ, индивидуальномъ, есть самовозстановленіе или самообмѣнъ, т. е. такой процессъ, гдѣ частичка или молекула живаго вещества, сдѣлавшись для жизни даннаго вещества негодною, замѣняется, въ силу самаго жизненнаго процесса, годною, негодная-же частичка, хотя и удаляется, но можетъ быть еще полезною для экономіи живаго организма. Такимъ образомъ, жизнь наша, съ эгоистической или индивидуальной точки зрѣнія, состоитъ въ самовозстановляющемъ непрерывномъ обмѣнѣ нашего тѣла, съ проистекающимъ, вслѣдствіе движенія, разнообразіемъ проявленія силы, а слѣдовательно и разнообразіемъ физіологическихъ отправленій нашего тѣла.

Но всѣ эти и другія опредѣленія жизни не имѣютъ для насъ строго опредѣленнаго значенія. Жизнь, какъ объектъ преступленія, понимается не въ смыслѣ біологическомъ или физіологическомъ, а въ смыслѣ основнаго блага человѣка, лишеніе котораго приводитъ къ смерти, къ уничтоженію личности. Право на жизнь имѣютъ всѣ родившіеся на свѣтъ живыми. Нѣкоторое сомнѣніе возникаетъ, на первый взглядъ, лишь въ отношеніи такъ называемыхъ уродовъ.

---

[1]) Критику различныхъ опредѣленій жизни см. въ сочиненіи Г. Спенсера, основанія біологіи, томъ I, русск. перев., СПб., 1870, глава IV „ближайшее опредѣленіе жизни“, стр. 41—50.

Цѣлая серія опредѣленій жизни собрана В. Д. Вольфсономъ въ его сочиненіи „Основы біологіи“, СПб., 1888, глава IV, стр. 19 и слѣдующ. По мнѣнію Биша, жизнь есть совокупность отправленій, сопротивляющихся смерти. По Кювье, жизнь есть сила, сопротивляющаяся законамъ неорганической природы. По Дюже, жизнь есть дѣятельность, спеціально свойственная органическимъ существамъ. По Моргану, совокупность тѣхъ отправленій, которыя можетъ производить каждая особь, составляетъ ея жизнь. По мнѣнію Клода Бернара, жизнь есть направляющее начало или эволютивная сила бытія. По Спенсеру, жизнь есть опредѣленное сочетаніе разнородныхъ измѣненій, вмѣстѣ одновременныхъ и послѣдовательныхъ; и т. д.

Если объектомъ преступленія при отравленіи можетъ быть человѣкъ, какъ существо нормальное,—то возникаетъ вопросъ могутъ-ли быть предметомъ посягательства существа несовершенныя, т. е. уроды. По римскому праву различались monstra т. е. уроды, имѣвшіе нечеловѣческую голову, и ostenta. Только вторые находили охрану въ римскихъ уголовныхъ законахъ; убійство первыхъ было безнаказанно: monstrosos partus sine fraude caedunto. Въ средніе вѣка, Каролина и другіе памятники при дѣтоубійствѣ требовали, чтобы объектъ былъ lebendig и gliedmässig: убійство урода было ненаказуемо. Въ новыхъ законодательствахъ убійство урода составляетъ полицейскій проступокъ, такъ какъ оно можетъ послѣдовать лишь по разрѣшенію власти. Въ нашемъ правѣ, при Петрѣ Великомъ, было указано не убивать и не таить уродовъ, но объявлять о нихъ священникамъ, для представленія по начальству въ кунсткамеру; непредставленіе и убіеніе урода обложено было денежнымъ взысканіемъ и даже смертною казнію. Дѣйствующее уложеніе, въ главѣ о смертоубійствѣ, въ статьѣ 1469, опредѣляетъ убійство урода слѣдующимъ образомъ: кто въ случаѣ, когда какою либо женщиной будетъ рожденъ *младенецъ чудовищнаго вида или даже не имѣющій человѣческаго образа*, вмѣсто того, чтобы донести о семъ надлежащему начальству, лишитъ сего урода жизни (хотя-бы посредствомъ отравленія), тотъ за сіе, по невѣжеству или суевѣрію, *посягательство на жизнь существа, рожденнаго отъ человѣка и слѣдственно имѣющаго человѣческую душу*, приговаривается къ ссылкѣ на житье въ Сибирь и къ церковному покаянію (для христіанъ). Отнеся убійство урода въ главу о смертоубійствѣ, редакторы уложенія сохранили и Петровское постановленіе объ обязанности доносить начальству о такихъ новорожденныхъ [1]).

---

[1]) По вопросу объ убіеніи уродовъ Holtzendorff (Handbuch) между прочимъ замѣчаетъ: Deformitäten sind kein Grund die damit beschafften Wesen zu zerstören.

У Chauveau et Hélie (Théorie du Code Pénal) читаемъ также: Toute créature, quelque difforme et bizarre qu' elle soit, lorsqu'elle est née de l'homme, est protegée par la loi.

Но, какъ мы замѣтили выше, объектомъ преступленія при отравленіи можетъ быть не только самая жизнь, но также и тѣлесная неприкосновенность, тѣлесная цѣлость, здоровье другаго лица.

ОТДѢЛЪ II.

Разстройство здоровья посредствомъ отравленія въ особенности.

Здоровьемъ можетъ называться тотъ моментъ нашей жизни, когда самовозстановленіе молекулъ каждой клѣтки нашего тѣла совершается сообразно своему назначенію. Если-же, по какой-либо причинѣ, самовозстановленіе молекулъ нашего тѣла нарушается—будетъ ли это отъ недостатка годнаго, для самообмѣна молекулъ, вещества, или отъ невозможности удаленія негоднаго, или отъ перемѣны внѣшнихъ условій, необходимыхъ для нормальнаго перемѣщенія молекулъ — то здоровье разстраивается [1]).

По нашему праву, разстройствомъ здоровья именуются случаи двоякаго рода: во первыхъ, если кто-нибудь съ обдуманнымъ заранѣе намѣреніемъ примѣшаетъ ядовитыя или другія вредныя вещества въ съѣстные припасы или напитки, или-же чрезъ иное какое-либо употребленіе такихъ веществъ повредитъ физическому и психическому здоровью; во-вторыхъ, если кто-нибудь какимъ-либо другимъ средствомъ, но съ намѣреніемъ нанести вредъ, причинитъ кому-либо разстройство въ умственныхъ способностяхъ.

Условіями, опредѣляющими наказуемость случаевъ этого рода, служатъ: а) важность происшедшей болѣзни или разстройства тѣлеснаго или умственнаго и б) бо̀льшая или меньшая трудность излеченія. Если болѣзнь или разстройство признаны излечимыми, то опредѣляется наказаніе, установленное за ме-

---

[1]) И. Гвоздевъ, къ ученію о тѣлесныхъ поврежденіяхъ (по случаю проектируемаго уголовнаго уложенія), Казань, 1885, стр. 6.

нѣе тяжкое увѣчье; при неизлечимости имѣютъ мѣсто наказанія, назначенныя за увѣчья тяжкія, но въ обоихъ случаяхъ— въ высшей мѣрѣ (ст. 1486, 1487); наконецъ, если вслѣдствіе разстройства здоровья послѣдовала смерть, то виновные приговариваются къ высшей мѣрѣ наказанія, опредѣленнаго за квалифицированное увѣчье со смертнымъ исходомъ (ст. 1488).

Такимъ образомъ, за злонамѣренныя поврежденія здоровья внутренними средствами назначены тѣ-же самыя наказанія, которыя опредѣлены и за увѣчье, но всегда въ высшей ихъ мѣрѣ. Это усиленіе наказанія установлено въ Уложеніи по тѣмъ-же причинамъ, по коимъ наказывается строже и смертоубійство посредствомъ отравы.

По вопросу о разстройствѣ здоровья посредствомъ отравленія, много любопытнаго представляютъ нѣкоторые иностранные уголовные кодексы. Такъ, напримѣръ, въ прежнихъ партикулярныхъ германскихъ законодательствахъ существовали слѣдующія опредѣленія:

Баварія: „Кто далъ кому нибудь ядъ не съ цѣлью умертвить, но съ намѣреніемъ повредить его здоровью, и тѣмъ произвелъ временное или постоянное поврежденіе тѣла или ума, тотъ подвергается заключенію въ цухтгаузъ отъ 16 до 20 лѣтъ; если же ядъ не оказалъ никакого дѣйствія или произвелъ только непродолжительное разстройство, то виновный подвергается заключенію въ цухтгаузъ на время отъ 8 до 12 лѣтъ. Если-же кто нибудь далъ другому ядъ въ такомъ количествѣ, которое подвергало опасности его жизнь и если затѣмъ отравленный умеръ, то обвиненнаго должно считать виновнымъ въ отравленіи, если не будетъ положительно доказано, что потерпѣвшій умеръ отъ какой либо другой ближайшей причины“ [1]).

Вюртембергъ: „Если кто-либо далъ другому ядъ, желая не умертвить его, а только причинить ему вредъ, и если слѣдствіемъ этого была неизлечимая физическая болѣзнь или умственное разстройство, то виновный заключается въ цухтгаузъ

---

[1]) Баварское уложеніе 1813 года, часть I, ст. 183 и 184.

не менѣе какъ на 15 лѣтъ; въ тѣхъ-же случаяхъ, когда ядъ не произвелъ никакого дѣйствія или же произвелъ болѣе или менѣе сильное, болѣе или менѣе продолжительное поврежденіе, виновный присуждается къ наказанію въ предѣлахъ отъ 4-хъ лѣтняго заключенія въ рабочемъ домѣ до 15 лѣтъ цухтгауза“ [1]).

Ганноверъ: „Если кто нибудь далъ другому ядъ, имѣя намѣреніе не умертвить его, а только причинить ему вредъ, и если слѣдствіемъ этого была не смерть, а значительное неизлечимое поврежденіе здоровья, то виновный заключается въ цухтгаузъ на срокъ не свыше 20 лѣтъ; во всѣхъ другихъ случаяхъ—на срокъ до 15 лѣтъ. При назначеніи наказанія нужно обращать особенное вниманіе на опасность, происшедшую отъ отравленія, а также на степень и продолжительность вреда“ [2]).

Дармштадтъ: „Если кто нибудь, съ цѣлью повредить, а не убить, давалъ другому ядъ или другія вещества, о которыхъ онъ зналъ, что они дѣйствуютъ какъ ядъ, то онъ подвергается: 1) заключенію въ цухтгаузъ отъ 8 до 16 лѣтъ, если отъ яда послѣдовала совершенно или почти неизлечимая болѣзнь или умственное разстройство, или 2) заключенію въ цухтгаузъ не свыше 10 лѣтъ, если происшедшее поврежденіе незначительно“ [3]).

Баденъ: „Кто тайно, не съ цѣлью умертвить, а только повредить, давалъ другому ядъ или другія вещества, о которыхъ онъ зналъ, что они дѣйствуютъ какъ ядъ, тотъ наказывается заключеніемъ въ цухтгаузѣ не свыше 12 лѣтъ; если же слѣдствіемъ этого была смерть другаго или самое сильное поврежденіе (означенное въ § 225 № 1), то виновный подвергается или пожизненному заключенію въ цухтгаузѣ, или временному, но не менѣе какъ на 8 лѣтъ. Если же отъ яда не произошло никакого поврежденія или произошло, но весьма

---

[1]) Вюртембергское уложеніе, статья 269.
[2]) Ганноверское уложеніе, статья 244, II.
[3]) Дармштадтское уложеніе, статья 278.

незначительное, то наказаніе можетъ быть ограничено только рабочимъ домомъ“ [1]).

Баварское уложеніе 1861 года, въ замѣну прежнихъ опредѣленій кодекса 1813 года, установило слѣдующія общія начала: „Кто причинилъ другому тѣлесное поврежденіе предумышленно и этимъ противозаконно разстроилъ его здоровье, не имѣя, однако, намѣренія его умертвить, тотъ наказывается заключеніемъ въ тюрьму не болѣе какъ на 2 года, если это преступленіе не сопровождалось никакими важными или тяжкими послѣдствіями, но однако было совершено по соглашенію двухъ или болѣе лицъ, или если оно было совершено въ ночное время или при помощи оружія или яда“ [2]).

Прусскій законъ опредѣлялъ это преступленіе такимъ образомъ: „Кто предумышленно даетъ другому ядъ или другія вещества, разрушительно дѣйствующія на здоровье, тотъ наказывается заключеніемъ въ цухтгаузѣ на время не свыше десяти лѣтъ. Если слѣдствіемъ преступленія было тяжкое тѣлесное поврежденіе, то виновный наказывается заключеніемъ въ цухтгаузѣ отъ десяти до двадцати лѣтъ. Если слѣдствіемъ преступленія была смерть, то виновный подвергается пожизненному заключенію въ цухтгаузѣ. Эти опредѣленія не касаются того случая, когда убійство было совершено предумышленно“ [3]).

Наконецъ, по нынѣ дѣйствующему Общегерманскому уголовному уложенію,—лицо, умышленно давшее другому, невѣдомо для него, чтобы повредить его здоровье, ядъ или другія вещества, которыя по свойству своему могутъ произвести разстройство здоровья, подвергается заключенію въ цухтгаузъ до десяти лѣтъ; при наличности тяжкаго тѣлеснаго поврежде-

---

[1]) Баденское уложеніе, § 244.

[2]) Баварское уложеніи 1861 года, статья 234.

[3]) Прусское уложеніе, § 187. Анализъ этого закона см. у Berner'a, Körperverletzung, Verletzung durch Gift, Gerichtssaal, 1867, № 1. Журн. Мин. Юстиціи, 1867, № 7, стр. 60—64.

нія, цухтгаузъ назначается на срокъ не менѣе 5 лѣтъ; при наличности смерти—не менѣе 10 лѣтъ и пожизненно [1]).

Кромѣ этого § (229), германское уложеніе о наказаніяхъ —Strafgesetzbuch für das Deutsche Reich—трактуетъ о ядахъ еще въ §§ 324 и 367, не поясняя въ то-же время самаго понятія яда. Такимъ образомъ, нѣмецкій врачъ не стѣсненъ никакими предписаніями въ судебныхъ случаяхъ при подачѣ своего мнѣнія.

Въ комментаріяхъ къ германскому уложенію Olshausen говоритъ: „Въ общеупотребительной рѣчи подъ ядомъ понимаютъ вещество, способное въ малой дозѣ разстроить здоровье или уничтожить жизнь, благодаря своему химическому строенію". Такое опредѣленіе близко подходитъ къ приведенному выше опредѣленію профессора Коберта [2]).

Чтобы вполнѣ выяснить вопросъ о значеніи разстройства здоровья посредствомъ отравленія въ особенности, не безполезно ознакомиться еще съ постановкою вопроса о тѣлесныхъ поврежденіяхъ вообще.

Во Франціи, по закону 13 мая 1863 года, всякое лицо, которое добровольно причинило раны (blessures) или нанесло побои (coups), или совершило какое-либо насиліе (violence), или самоуправное дѣйствіе (voie de fait), если послѣдствіемъ такого рода насилій будетъ болѣзнь или неспособность къ личному труду (maladie ou incapacité de travail personnel) на время свыше 20 дней, — подвергается заключенію въ тюрьмѣ отъ 2 до 5 лѣтъ и денежному штрафу отъ 16 до 2,000 франковъ. Если-же насильственныя дѣйствія повлекли за собою увѣчье (mutilation), отнятіе (amputation) или лишеніе пользованія (privation de l'usage) какимъ-либо членомъ тѣла, слѣпоту, потерю одного глаза или иные непреходящіе недуги (infirmités permanentes), виновный наказуется смирительнымъ домомъ. Наконецъ, если нанесенные или причиненные добро-

---

[1]) Общегерманское уложеніе, § 229.

[2]) R. Kobert, Compendium практической токсикологіи, 1888, стр. 2. Ср. Lehrbuch der Intoxicationen, Stuttgart, 1893.

вольно, однако-же безъ намѣренія лишить жизни, удары и раны причинятъ тѣмъ не менѣе смерть, виновный подлежитъ срочнымъ каторжнымъ работамъ (Code Pénal, art. 309) [1]).

Въ Германіи понятіе тѣлеснаго поврежденія (Körperverletzung) охватываетъ дѣйствія троякаго рода: во-первыхъ, непосредственныя причиненія тѣлесныхъ страданій (körperliche Miszhandlung, Miszbehagen); во-вторыхъ, посредственное поврежденіе здоровья (Gesundheitsbeschädigung), и въ-третьихъ, насилія всякаго рода (Thätlichkeiten). Кто умышленно тѣлесно истязуетъ другаго (miszhandelt) или повредитъ его здоровье, наказуется тюрьмою до трехъ лѣтъ или денежнымъ штрафомъ до 1,000 марокъ. Буде-же тѣлесное поврежденіе имѣло своимъ послѣдствіемъ лишеніе пострадавшаго важнаго (wichtiges) члена тѣла, способности зрѣнія одного или обоихъ глазъ, слуха, дара слова или способности дѣторожденія, или существенное и непреходящее изуродованіе пострадавшаго (in erheblicher Weise dauernd enstellt wird), или же разслабленіе организма (Siechtum), параличъ чувствительныхъ или двигательныхъ нервовъ (Laehmung), или же душевную болѣзнь, — то назначается цухтгаузъ до пяти лѣтъ, или же тюрьма на время не менѣе одного года (Strafgesetzbuch für das Deutsche Reich, §§ 223 и слѣдующ.) [2]).

Въ Россіи въ отношеніи тѣлесныхъ поврежденій, до сихъ поръ сохранилась система Свода Законовъ, въ ея основныхъ чертахъ. Редакторы Уложенія о Наказаніяхъ лишь дополнили её, упомянувъ спеціально о поврежденіи здоровья средствами внутренними, о разстройствѣ умственныхъ способностей и о тяжкихъ и опасныхъ для жизни побояхъ. Оставивъ въ Уложеніи основное по Своду Законовъ раздѣленіе тѣлесныхъ поврежденій на увѣчья и раны, Редакторы установили только въ каждомъ изъ этихъ видовъ особыя подраздѣленія, смотря по тому нанесены-ли эти раны или увѣчья предумышленно, т. е.

---

[1]) Матеріалы для пересмотра нашего уголовнаго законодательства, томъ первый: уголовныя уложенія Венгріи, Германіи, Бельгіи и Франціи, СПб., 1880. [2]) Ibidem.

съ обдуманнымъ заранѣе намѣреніемъ, или хотя и безъ обдуманнаго заранѣе намѣренія, однакожъ умышленно, или въ запальчивости, или въ дракѣ, или по неосторожности, или, наконецъ, совершенно случайно.

Здѣсь-же замѣтимъ, что большинство классификацій различныхъ видовъ тѣлесныхъ поврежденій строятся или по признаку бо̀льшаго или меньшаго вреда экономическаго, или по признаку бо̀льшаго или меньшаго вреда патологическаго. Примѣръ перваго рода дѣленій находимъ во Французскомъ кодексѣ, который различаетъ обыкновенныя поврежденія отъ тѣхъ, которыя причинили неспособность къ труду въ теченіе болѣе 20 дней, разумѣя трудъ въ смыслѣ работы обычной, личной и мускульной (travail habituel, personnel, corporel). Образецъ классификаціи втораго рода встрѣчаемъ въ нашемъ отечественномъ законодательствѣ, въ Сводѣ Законовъ: здѣсь различаются поврежденія излечимыя и неизлечимыя, угрожающія опасностію жизни и не угрожающія, безусловно смертельныя и случайно смертельныя.

Редакторы Уложенія не могли не отмѣтить того обстоятельства, что, при опредѣленіи наказаній за различные виды тѣлесныхъ поврежденій, почти вездѣ главнѣйшими основаніями были: 1) бо̀льшая или меньшая степень причиненнаго этими поврежденіями *страданія*; 2) бо̀льшая или меньшая продолжительность *времени*, въ которое потерпѣвшій былъ лишенъ способности къ обыкновеннымъ своимъ трудамъ и занятіямъ; 3) *издержки*, коихъ стоило его излеченіе. Но они рѣшились предпочесть другую, болѣе близкую къ принятой ими вообще, систему, опредѣляя важность преступленія бо̀льшею или меньшею умышленностію его и сопровождавшими его обстоятельствами, а важность самыхъ тѣлесныхъ поврежденій свойствомъ ихъ „почти всегда достаточно доказываемымъ наружными ихъ признаками“.

По Уставу Судебной Медицины (Св. Зак. т XIII), который сохраняетъ свою силу и понынѣ, поврежденіями (laesiones) называются тѣ болѣзненныя явленія или перемѣны, кои происходятъ въ тѣлѣ отъ наносимыхъ снаружи насилій, какъ механическихъ, такъ и химическихъ (гл. XI, ст. 1855 и слѣд.).

По различному слѣдствію поврежденій, а особенно по тому, живъ-ли еще поврежденный человѣкъ, или уже умеръ, различаютъ и вопросы предлагаемые судебному врачу: если человѣкъ живъ, то у врача спрашивается, 1) излечимо-ли повреждеиіе или неизлечимо, и если излечимо, то 2) какъ великъ ущербъ, имъ причиненный, или 3) не угрожаетъ-ли оно опасностью и самой жизни; если-же человѣкъ уже мертвъ, то врачъ обязанъ рѣшить, 4) было-ли претерпѣнное имъ передъ смертью повреждение или насиліе причиною ея или нѣтъ. Излечимыми считаются повреждения малыя, поверхнія, простыя и внутреннихъ частей не касающіяся; неизлечимыми — повреждения большія, глубокія, многочисленныя и сопряженныя (complicitae). Ущербъ отъ повреждения считается тѣмъ больше, чѣмъ важнѣе поврежденный членъ, либо въ животной экономіи, либо относительно вліянія своего на возрастъ, полъ, родъ жизни, способъ пропитанія и проч. Опасными считаются тѣ повреждения, которыя касаются внутреннихъ, а особливо необходимо нужныхъ для продолженія жизни частей, или хотя и ограничиваются наружными частями, но весьма обширны, многочисленны и сопряжены съ большимъ разстройствомъ или потерею ихъ. Въ отношеніи смертельности повреждения раздѣляются на два класса: на обще или неизбѣжно смертельныя (laesiones universaliter seu absolute lethales), и особенно или случайно смертельныя (laesiones individualiter seu per accidens lethales). Безусловно смертельными являются: а) разстройство и размозженіе всего вообще тѣла или весьма многихъ частей его и совершенное отдѣленіе ихъ; б) всѣ тѣ повреждения, отъ которыхъ дѣйствіе жизненныхъ органовъ, т.-е. обращеніе крови, дыханіе и пищевареніе безвозвратно прекращаются; в) которыя бываютъ причиною неукротимыхъ кровотеченій или внутреннихъ кровоизліяній; г) отъ которыхъ прекращается вліяніе общаго чувствилища и нервовъ, т.-е. сотрясенія, угнетенія и разстроенія головнаго и спиннаго мозга и большихъ нервныхъ сплетеній. Подъ именемъ-же поврежденій особенно или случайно смертельныхъ разумѣются тѣ, которыя не у всѣхъ, но только у нѣкоторыхъ

людей и при особенныхъ обстоятельствахъ оканчиваются смертью; причины такой особенной или случайной смертельности могутъ заключаться: а) въ возрастѣ, полѣ и отправленіи онаго; б) въ сложеніи тѣла, в) въ состояніи и расположеніи духа и г) въ особенномъ расположеніи тѣла къ болѣзнямъ или въ дѣйствительно существовавшихъ болѣзняхъ.

ОТДѢЛЪ III.

Отравленія, квалифицированныя и привилегированныя по самому значенію объекта.

I. Отравленія квалифицированныя.

Отравленіе родителей. — Отравленіе родственное. — Отравленіе беременной.

Отравленіе родителей.

Убійство отца или матери поставлено въ нашемъ Уложеніи во главѣ всѣхъ видовъ лишенія жизни, какъ преступленіе, свидѣтельствующее о чрезвычайно развитой порочности, о чрезвычайно сильномъ напряженіи личнаго состоянія преступности лица, рѣшившагося на такое посягательство.

Убійство родителей, справедливо замѣчаютъ редакторы Уложенія, есть, безъ сомнѣнія, величайшее изъ всѣхъ преступленій противъ частныхъ лицъ. Кромѣ нарушенія воли закона, кромѣ посягательства на священнѣйшее изъ всѣхъ правъ человѣка, его существованіе, въ немъ есть нѣчто ужасающее природу, доказывающее въ преступникѣ отсутствіе всякаго нравственнаго чувства, и едва-ли не должно прибавить, всякой возможности исправленія. (Въ послѣднемъ замѣчаніи — о невозможности исправленія — нельзя не усмотрѣть нѣкотораго увлеченія). Это преступленіе во всѣ почти времена и у всѣхъ образованныхъ народовъ было подвергаемо особымъ высшей строгости, иногда соединеннымъ и съ излишнею же-

стокостію, наказаніямъ. По законамъ римскимъ (какъ было указано выше) отцеубійца подлежалъ утопленію въ одномъ мѣшкѣ съ собакой, пѣтухомъ, змѣей и обезьяной. По законамъ прусскимъ отцеубійцу влекли по землѣ до мѣста казни и потомъ колесовали. Во Франціи и понынѣ осталось особое символическое наказаніе для отцеубійцъ: они препровождаются на мѣсто казни въ рубашкѣ съ босыми ногами и съ покрытою чернымъ покрываломъ головой (C. P. art. 13).

Въ древней Россіи, какъ и въ Римѣ, отцеубійцъ топили въ мѣшкѣ, въ который клали кошку, змѣю и собаку. Въ Литовскомъ Статутѣ для отцеубійцъ было опредѣлено почти подобное-же наказаніе: по рынку возечы клещами тело торгати, а потомъ въ мехъ скураный, всадивъши до него пса, кура, ужа, котку, и тое все гдѣ наглубей до воды утопити (Лит. Ст., разд. XI, арт. 7). Въ Соборномъ Уложеніи Царя Алексѣя Михайловича, въ Воинскихъ Артикулахъ и въ Морскомъ Уставѣ Петра Великаго, за особенные виды смертоубійства, въ томъ числѣ и за убійство отца или матери, полагаются *тяжкія* смертныя казни, именно, вкопаніе живаго въ землю, колесованіе и т. п., тогда какъ за смертоубійства другаго рода опредѣляется хотя смертная казнь, но менѣе тяжкая. По Своду-же Законовъ Уголовныхъ (ст. 373), за умышленное убійство родителей полагается то-же самое наказаніе, какъ и за всякое другое умышленное убійство. Редакторы проекта Уложенія 1844 года, не вводя въ наше законодательство особыхъ мѣръ усиленія наказаній за отцеубійство, полагали, однако, что можно, по крайней мѣрѣ, принять для столь страшнаго злодѣянія казнь смертную, по примѣру всѣхъ лучшихъ европейскихъ Уложеній. Но предложеніе это не было принято Государственнымъ Совѣтомъ, ограничившимъ размѣръ наказанія каторжными работами безъ срока.

Дѣйствующее наше Уложеніе (ст. 1449) имѣетъ въ виду лишеніе жизни отца или матери, въ смыслѣ родства кровнаго, а не гражданскаго (изъ усыновленія) и не духовнаго (по воспріятію отъ крещенія). Кровное-же родство, въ свою очередь, понимается нашимъ закономъ только въ смыслѣ родства

законнаго, что усматривается, напримѣръ, изъ статьи 1451, понижающей наказаніе за убійство дѣтей незаконныхъ. Иначе относятся къ этому вопросу на Западѣ: французское уложеніе вполнѣ уравниваетъ родителей законныхъ съ незаконными; то-же начало принято и въ Германіи. Этотъ-же взглядъ перешелъ и въ проектъ нашего новаго уголовнаго уложенія, преслѣдующаго съ одинаковою строгостію убійство законнаго отца, и убійство матери, не только законной, но и незаконной.

Предусматривая „умышленное" убійство родителей, Уложеніе не различаетъ здѣсь никакихъ видовъ умысла, т.-е. ничѣмъ не отличаетъ лишеніе жизни предумышленное отъ убійства аффектированнаго. Наказаніемъ за отцеубійство и матереубійство является ссылка въ каторжную работу безъ срока, и еще съ особымъ отягчающимъ добавленіемъ: 1) виновные ни въ какомъ случаѣ и ни по какимъ причинамъ не переводятся въ отрядъ исправляющихся, и 2) увольняются отъ работъ не иначе, какъ за совершенною отъ дряхлости неспособностію, и даже тогда не освобождаются отъ содержанія въ острогѣ. Это правило о непереводѣ въ разрядъ исправляющихся должно быть примѣняемо къ осужденнымъ по 1449 ст. къ временной каторжной работѣ, лишь на время назначеннаго въ приговорѣ срока каторжныхъ работъ (касс. рѣш. по дѣлу Немировскаго, 1879 года, № 59).

Затѣмъ къ случаямъ отравленія, квалифицированнымъ въ силу самаго значенія объекта посягательства, принадлежатъ: отравленіе родственниковъ (ст. 1451) и отравленіе беременной женщины (ст. 1452).

Отравленіе родственниковъ.

Лишеніе жизни родственниковъ можетъ быть по нашему Уложенію, какъ предумышленнымъ (ст. 1451), такъ и умышленнымъ и даже аффектированнымъ (ст. 1455, ч. 3); сюда относятся: 1) убійство жены или мужа (убійство супружеское); 2) убійство сына, дочери, внука, внуки (уб. нисходящихъ); 3) убійство дѣда, бабки (уб. восходящихъ); 4) убійство бра-

та, сестры, дяди, тетки (уб. боковыхъ родственниковъ). Къ этимъ случаямъ приравнено также убійство: 1) начальника, господина [1]) или членовъ его семейства; 2) хозяина или мастера; 3) человѣка, коему убійца былъ одолженъ воспитаніемъ своимъ или содержаніемъ. За всѣ эти виды лишенія жизни, при предумышленіи, опредѣляется наказаніе, какъ за рецидивъ, т.-е. безсрочныя каторжныя работы; въ прочихъ случаяхъ опредѣленныя за убійство наказанія возвышаются одной степенью.

Отравленіе беременной.

Лишеніе жизни беременной женщины точно такъ-же, какъ и убійство родственное, можетъ быть, какъ предумышленное (ст. 1452), такъ и умышленное (1 ч. ст. 1455) и аффектированное (2 ч. ст. 1455); но квалифицированнымъ оно является лишь въ первыхъ двухъ случаяхъ; въ этихъ случаяхъ требуется, однако, завѣдомость, т.-е. знаніе, что женщина въ такомъ положеніи. При обдуманномъ заранѣе намѣреніи или умыслѣ, убійство беременной влечетъ каторгу безъ срока или отъ 15 до 20 лѣтъ; при простомъ умыслѣ — каторгу отъ 15 до 20 лѣтъ. Основаніемъ квалификаціи служитъ здѣсь какъ-бы двойное посягательство — на жизнь матери и на жизнь ея ребенка. Кромѣ того, здѣсь сказалось исторически утвердившееся уваженіе народа къ женщинѣ, какъ будущей матери, что было закрѣплено у насъ еще во времена Соборнаго Уложенія.

---

[1]) Подъ убійствомъ господина разумѣется убійство всякаго, кто нанимаетъ слугъ изъ платы, или имѣетъ у себя въ услуженіи постороннихъ для него людей (рѣш. Гос Совѣта по дѣлу Яковлева, 1852 г.). Понятіе господина отвѣчало въ особенности понятію помѣщика, во время крѣпостнаго права.

II. Отравленіе, привилегированное по значенію объекта.

Дѣтоубійство посредствомъ отравленія [1]).

Уже въ древнія времена отцу семейства принадлежало болѣе или менѣе неограниченное право надъ дѣтьми (jus vitae ac necis), такъ что и самое лишеніе ихъ жизни считалось дѣяніемъ или дозволеннымъ, или, по крайней мѣрѣ, не наказуемымъ. Аристотель и Платонъ вовсе не считали истребленіе дѣтей дѣяніемъ преступнымъ; Платонъ, напр., дозволялъ убивать дѣтей не только слабыхъ и худо сформированныхъ, но и вполнѣ развитыхъ, если число родившихся превышало извѣстную норму. Истребленіе плохо-сложенныхъ дѣтей имѣло законное примѣненіе въ Спартѣ; въ другихъ мѣстахъ ихъ приносили въ жертву богамъ.

Римское право не даетъ объ этомъ преступленіи никакого особеннаго опредѣленія; сначала оно наказывалось по lex Cornelia de siccariis et veneficiis; позднѣе — по lex Pompeja de parricidiis. Затѣмъ, подъ вліяніемъ христіанства, убійство дѣтей дѣлается мало-по-малу квалифицированнымъ видомъ лишенія жизни. Въ древнегерманскомъ правѣ дѣтоубійство влекло смертную казнь и лишь въ нѣкоторыхъ случаяхъ ослѣпленіе; дальнѣйшіе германскіе законы наказываютъ дѣтоубійцу зарытіемъ заживо въ землю и проткнутіемъ коломъ. Каролина сохраняетъ это наказаніе при усиливающихъ обстоятельствахъ, въ прочихъ-же случаяхъ назначаетъ утопленіе. Такое-же суровое отношеніе къ дѣтоубійству видимъ мы и въ старо-французскомъ правѣ, въ законахъ Генриха II и III, повторенныхъ потомъ и въ ордоннансахъ Людовика XIV [2]).

Совершенно иной взглядъ на дѣтоубійство выработался среди народовъ славянскихъ, болѣе склонныхъ къ сохраненію

---

[1]) А. Любавскій, о дѣтоубійствѣ, Юридическій Вѣстникъ, 1863 г., № 7.

[2]) Н. С. Таганцевъ, о преступленіяхъ противъ жизни, т. II, стр. 118 и слѣд.

Бернеръ, учебникъ уголовнаго права, II, § 183.

изстаринныхъ началъ. Литовскій Статутъ въ раздѣлѣ XI въ арт. 7 опредѣляетъ слѣдующее наказаніе за дѣтоубійство: годъ и шесть недѣлъ на замъку нашомъ седети увежи; къ этому добавлялось еще церковное покаяніе. Соборное Уложеніе Царя Алексѣя Михайловича проводитъ совершенно тѣ-же начала: А будетъ отецъ, или мать сына, или дочь убьетъ до смерти, и ихъ за то посадить въ тюрму на годъ, а отсидѣвъ въ тюрмѣ годъ приходить имъ къ церкви Божіи и у церкви Божіи объявлять тотъ свой грѣхъ всѣмъ людямъ въ слухъ; а смертію отца и матери за сына и за дочь не казнить (гл. XXII, ст. 3). Сводъ Законовъ 1832 года, наоборотъ, категорически указываетъ на то, что родители не имѣютъ права на жизнь дѣтей и за убійство ихъ судятся и наказываются по уголовнымъ законамъ (т. X, ч. I, ст. 170).

Составители Уложенія о Наказаніяхъ обратили особенное вниманіе на случаи убійства матерями своихъ незаконныхъ дѣтей. „Мы признали необходимымъ, говорятъ они, смягчить наказаніе въ томъ случаѣ, когда женщина убиваетъ своего новорожденнаго ребенка при самомъ его рожденіи, отъ стыда или страха. Положеніе виновной въ томъ женщины есть необыкновенное, и часто она, терзаемая стыдомъ, страхомъ, угрызеніями совѣсти и изнуренная тѣлесными страданіями, почти лишается разсудка, слѣдственно покушается на ужасное преступленіе безъ яснаго о немъ предъ собою сознанія“.

Дѣтоубійство имѣетъ характеръ привилегированнаго лишенія жизни и въ большинствѣ современныхъ европейскихъ кодексовъ. Такъ, напримѣръ, по общегерманскому Уложенію 1871 года, мать, которая умышленно убьетъ своего незаконнорожденнаго ребенка во время или-же тотчасъ послѣ родовъ, наказуется цухтгаузомъ; а при наличности смягчающихъ вину обстоятельствъ назначается даже тюрьма (§ 217). Наоборотъ, французское Уложеніе считаетъ дѣтоубійство не привилегированнымъ, а квалифицированнымъ видомъ лишенія жизни: виновные въ дѣтоубійствѣ (наравнѣ съ виновными въ разбойническомъ убійствѣ, въ отцеубійствѣ и въ отравленіи) подвергаются смертной казни (art. 302).

Дѣйствующее наше право слѣдуетъ болѣе вѣрному пути, относя дѣтоубійство къ случаямъ лишенія жизни привилегированнымъ.

Виновною въ этомъ преступленіи, въ смыслѣ нашего Уложенія, можетъ быть только мать — все равно дѣвица, замужняя женщина или вдова. Предметомъ посягательства является незаконнорожденный, новорожденный ребенокъ. Незаконнорожденность предполагаетъ зачатіе въ прелюбодѣйномъ сожитіи, рожденіе внѣ брака и рожденіе въ незаконномъ бракѣ. Новорожденными именуются, какъ дѣти рождающіяся и отдѣлившіяся отъ утробы матери, такъ и дѣти родившіяся въ продолженіи ихъ первыхъ дней [1]). Ребенокъ долженъ быть живой и не подходящій подъ понятіе урода. Внутренняя сторона преступленія характеризуется понятіемъ умысла, и наличностію особыхъ мотивовъ стыда и страха; впрочемъ, согласно основной мысли редакторовъ Уложенія, принимаются во вниманіе и другіе мотивы. Дѣтоубійство можетъ быть совершено какъ непосредственнымъ причиненіемъ смерти (ст. 1451 ч. 2), такъ и посредственно, путемъ оставленія въ безпомощномъ состояніи (ст. 1460).

Предумышленное непосредственное дѣтоубійство, (не представляющее рецидива), влечетъ ссылку въ каторжныя работы отъ 10 до 12 лѣтъ. Непредумышленное дѣтоубійство (особенно если женщина незамужняя и разрѣшилась отъ бремени въ первый разъ) наказуется лишь ссылкой на поселеніе (ст. 1451, ч. 2). Посредственное дѣтоубійство, т.-е. оставленіе младенца безъ помощи, влечетъ ссылку на житье въ Сибирь или заключеніе въ тюрьмѣ до 2½ лѣтъ (ст. 1460, ч. 1).

Дѣтоубійство посредствомъ отравленія представляется явленіемъ весьма зауряднымъ, особенно среди служанокъ, швей, мастерицъ и т. п. Въ такихъ случаяхъ матери прибѣгаютъ

---

[1]) Во Франціи ребенокъ можетъ быть предметомъ дѣтоубійства 3 дня—время необходимое для регистраціи рожденій. Въ Германіи считается достаточнымъ, по соображеніямъ физіологическимъ, ограничить дѣтоубійство однимъ днемъ.

обыкновенно къ различнымъ кислотамъ (см. выше), которыя дѣйствуютъ на дѣтскій организмъ сразу, совершенно разрушительнымъ образомъ.

На ряду съ дѣтоубійствомъ, и даже еще чаще, повторяются случаи чадоубійства при помощи ядовитыхъ веществъ. Въ этихъ случаяхъ виновныя прибѣгаютъ не только къ кислотамъ, но и ко всякимъ другимъ средствамъ, какія только находятся подъ рукою. Такъ, напримѣръ, въ 1896 году, передъ Калишскимъ окружнымъ судомъ обвинялась нѣкая Марія Доброговская въ томъ, что въ маѣ 1895 года, съ обдуманнымъ заранѣе намѣреніемъ, лишила жизни своего незаконнаго двухмѣсячнаго сына Викентія, давъ ему въ растворѣ хлорной извести. Какъ вскрытіемъ трупа, такъ и химическимъ изслѣдованіемъ внутренностей было установлено, что ребенокъ Д. дѣйствительно умеръ отъ воспаленія желудка и кишекъ, обусловленнаго введеніемъ достаточной для отравленія дозы хлорной извести, найденной въ трупѣ, при чемъ ребенокъ, вслѣдствіе сильнаго ожога въ полости рта, пищевода и желудка, долженъ былъ передъ смертью сильно страдать въ теченіе 2—3 часовъ послѣ пріема отравы [1]).

ОТДѢЛЪ IV.

Дѣянія родственныя съ отравленіемъ.

I. Вытравленіе плода.

На ряду съ отравленіемъ въ исторіи уголовнаго законодательства весьма часто стояло такъ называемое вытравленіе плода (foeticidium). Въ римскомъ правѣ плодъ, foetus, embrion, не считался объектомъ преступленія; при изгнаніи или вытравленіи его главнымъ предметомъ посягательства считалась мать. Въ новѣйшее время, мало-по-малу, за плодомъ признается, до извѣстной степени, значеніе субъекта правъ, а слѣ-

---

[1]) В. Д. 31 мая 1896 года, № 139.

довательно и объекта преступленій. Весьма рѣзко провозглашено было это положеніе каноническимъ правомъ, объявившимъ плодъ человѣкомъ и признавшимъ умерщвленіе плода за убійство. Современная доктрина и законодательства занимаютъ среднее мѣсто: плодъ, пока онъ находится въ утробѣ матери, еще не началъ жить самостоятельною жизнью, не можетъ быть признанъ членомъ общежитія; однако, существованіе его стоитъ подъ охраною закона [1]).

Наше законодательство противополагаетъ изгнаніе плода безъ вѣдома и согласія беременной женщины (ст. 1461 улож. о наказ.) вытравленію съ вѣдома и по согласію самой беременной женщины (ст. 1462); первое влечетъ ссылку въ каторжную работу, второе — ссылку на поселеніе [2]). Если-же

---

[1]) И. Я. Фойницкій, курсъ уголовнаго права, часть особенная, СПб., 1893.

Holtzendorff (Handbuch) строго различаетъ: Tödtung in Mutterleibe und Abtreibung einer im Geburtsorgane befindlichen, noch nicht abgestorbenen, Leibesfrucht.

[2]) *Улож. о Наказ. ст. 1461*: Кто, безъ вѣдома и согласія беременной женщины, умышленно какимъ-бы то ни было средствомъ произведетъ изгнаніе плода ея, тотъ за сіе подвергается: лишенію всѣхъ правъ состоянія и ссылкѣ въ каторжную работу на время отъ четырехъ до шести лѣтъ. Ежели, вслѣдствіе сего преступленія, причинится самой беременной женщинѣ, сверхъ изгнанія плода ея, какое-либо тяжелое поврежденіе въ здоровьѣ, то виновный, по лишеніи всѣхъ правъ состоянія, приговаривается къ ссылкѣ въ каторжную работу на время отъ шести до восьми лѣтъ. Когдажъ отъ того послѣдовала и смерть беременной женщины, то виновный въ семъ, по лишеніи всѣхъ правъ состоянія, подвергается ссылкѣ въ каторжную работу на время отъ восьми до десяти лѣтъ.

Ст. 1462: Кто, съ вѣдома и по согласію самой беременной женщины, умышленно, какимъ-бы то ни было средствомъ произведетъ изгнаніе плода ея, тотъ за сіе подвергается: лишенію всѣхъ правъ состоянія и ссылкѣ на поселеніе въ отдаленнѣйшихъ мѣстахъ Сибири. Сама беременная женщина, которая, по собственному произволу или по согласію съ другимъ, умышленно произведетъ изгнаніе плода своего, подвергается: лишенію всѣхъ правъ состоянія и ссылкѣ въ Сибирь на поселеніе.

въ изгнаніи плода изобличены врачъ, акушеръ, бабка или аптекарь, то наказаніе даже возвышается (ст. 1463). Подобное-же различіе проводится и въ проектѣ нашего новаго уголовнаго уложенія [1]).

Что касается самыхъ средствъ вытравленія плода, то небезъинтересно отмѣтить слѣдующее. Почти всѣ вещества, которымъ приписывается плодогонное дѣйствіе и которыя дѣйствительно употребляются съ этою цѣлью, принадлежатъ къ разряду ядовъ; такъ что съ полнымъ основаніемъ можно ихъ назвать вмѣсто внутреннихъ плодогонныхъ, — токсическими плодогонными средствами. Плодогонное дѣйствіе можетъ проявляться такимъ образомъ, что данный ядъ, кромѣ прочихъ, производимыхъ имъ функціональныхъ измѣненій, возбуждаетъ также и сокращенія матки, путемъ раздраженія нервныхъ центровъ, управляющихъ маточными мышцами. Въ другихъ случаяхъ, выкидышъ можетъ наступить вслѣдствіе того, что введенное въ организмъ матери вещество убиваетъ плодъ. Изъ числа плодогонныхъ средствъ, слѣдуетъ прежде всего назвать secale cornutum и его препараты (спорынья, т.-е. перерожденный, вслѣдствіе разростанія паразитнаго грибка, колосъ ржи), донской можжевельникъ (Juniperus Sabina Linn.), красный кипарисъ (Juniperus virginiana), скипидарное масло, шпанскія мушки, проносныя (drastica) и нѣкоторыя другія [2]).

---

[1]) Уголовное Уложеніе. *Проектъ* Редакціонной Коммисіи, СПб., 1895, *ст. 395*: Мать, виновная въ умерщвленіи своего плода, наказывается: исправительнымъ домомъ на срокъ не свыше трехъ лѣтъ.

Ст. 396: Виновный въ умерщвленіи плода беременной наказывается исправительнымъ домомъ. Если умерщвленіе плода учинено безъ согласія самой беременной, то виновный наказывается: каторгою на срокъ не свыше восьми лѣтъ. Если умерщвленіе плода учинено врачемъ или повивальною бабкою, то суду предоставляется воспретить виновному врачебную практику на срокъ отъ одного года до пяти лѣтъ по отбытіи наказанія и опубликовать приговоръ въ порядкѣ статьею 31 установленномъ.

[2]) Гофманъ, учебникъ судебной медицины, перев. И. М. Сорокина, стр. 177 и слѣд.

Ср. Ambroise Tardieu, étude médico-légale sur l'avortement, Pa-

Любопытный случай вытравленія плода *мышьякомъ* имѣлъ мѣсто въ 1896 году въ Варшавскомъ Судебномъ округѣ. Органистъ костела села Ржосня, Сѣрадзскаго уѣзда, Викентій Кобуцкій обвинялся передъ Петроковскимъ окружнымъ судомъ въ томъ, что произвелъ у Станиславы Панекъ, отъ него беременной, изгнаніе плода съ ея согласія, для чего давалъ ей два раза питье, въ составъ котораго входило значительное количество мышьяка, причемъ вслѣдъ за этимъ Панекъ дѣйствительно родила на шестомъ мѣсяцѣ мертваго младенца, а потомъ скончалась и сама. Вскрытіемъ ея трупа доказано было, что она передъ смертью приняла какой-то ядъ, а по заключенію губернскаго врачебнаго управленія, основанному на химическомъ анализѣ, въ организмѣ Станиславы найденъ былъ бѣлый мышьякъ въ количествѣ далеко превышающемъ смертельный пріемъ для взрослаго человѣка [1]).

II. Наркотизмъ.

Любовные напитки древнихъ слыли прежде таинственными лекарствами, которыя должны были воспламенять особъ обоего пола къ любви, какъ объ этомъ уже поютъ Ювеналъ, Горацій и другіе поэты. Любви, въ собственномъ смыслѣ этого слова, эти напитки, правда, не возбуждали; однако, нѣкоторые изъ этихъ *pocula amatoria* въ состояніи произвести сладострастныя возбужденія, которыя могутъ усилиться до половой ярости, а иногда даже причинить смерть. Съ одной стороны дурманъ, бѣлена, бѣшенная ягода, сонная одурь — были тайными средствами, посредствомъ которыхъ жертва половой страсти приводилась въ оцѣпенѣніе; съ другой-же стороны, нѣкоторые любовные напитки состояли изъ шпанскихъ мухъ и т. п. раздражающихъ средствъ. Многіе врачи видѣ-

---

ris, 1868, стр. 30 и слѣд.: Des substances abortives: iodure de potassium, if (taxus baccata), sabine, rue, ergot de seigle.

[1]) В. Д. 11 іюня 1896 г., № 148.

ли, что, вслѣдствіе употребленія подобныхъ напитковъ, возникало сумасшествіе или-же меланхолія. Если къ этимъ напиткамъ, какъ это часто случалось, примѣшивали фосфоръ, терпентинъ, ваниль, кантариды и т. д., то очень легко и часто возникалъ сатиріазисъ, за который, естественно, столь-же мало можно считать больнаго отвѣтственнымъ, сколь и за происходящія отъ этого влеченія беззаконныя дѣйствія. — Слѣдующій случай разсказываетъ докторъ Шпорреръ: „Одинъ молодой развратный человѣкъ вздумалъ отомстить своему дядѣ (за то, что тотъ часто дѣлалъ ему упреки) тѣмъ, что примѣшивалъ ему нѣкоторое время въ кушанье порошки изъ шпанскихъ мухъ. Старикъ вскорѣ сталъ страдать сильнѣйшимъ чувственнымъ желаніемъ, которое усилилось до половой ярости. Однажды вечеромъ, когда страсть его достигла сильнѣйшей степени, напалъ онъ на служанку, чтобы насильственно удовлетворить своему животному стремленію. Воспослѣдовала жалоба за изнасилованіе, и вотъ въ высшей степени нравственный человѣкъ былъ осужденъ и наказанъ за насильственное совокупленіе. Только по истеченіи нѣкотораго времени судъ получилъ нужное разъясненіе этого случая, послѣ чего человѣкъ этотъ былъ освобожденъ отъ дальнѣйшей отвѣтственности за свой поступокъ“ [1]).

Крафтъ-Эбингъ отмѣчаетъ особое значеніе отравленія такъ называемыми наркотическими веществами (Narcotismus). Цѣлый рядъ веществъ, изъ класса наркотическихъ эфирныхъ, каковы: опіумъ, гашишъ, hyoscyanus, datura stramonium, belladona, далѣе свинцовые препараты, эфиръ, хлороформъ могутъ производить преходящее разстройство самосознанія, влекущее за собою всякія правонарушенія. Въ такихъ случаяхъ клиническая картина болѣзни составляется изъ неопредѣленныхъ галлюцинацій и бреда, или-же изъ припадковъ бѣшеннаго возбужденія съ порывами ярости (belladona) или-же силь-

---

[1]) Шиллингъ, состояніе вмѣняемости или преступленіе и душевное разстройство передъ судомъ, русск. пер., Одесса, 1873, вып. III, стр. 383 и слѣд.

ной предсердечной тоски съ приступами страха и страшными видѣніями, подобно тому, какъ это бываетъ при raptus melancholicus.

Иногда, повидимому, хлороформъ оказываетъ особенное вліяніе на половую сферу, вызывая ощущенія совокупленія. Такъ въ литературѣ извѣстны случаи, въ которыхъ женщины обвиняли хлороформировавшаго ихъ врача въ томъ, что послѣдній воспользовался съ чувственною цѣлью ихъ безсознательнымъ состояніемъ во время наркоза, между тѣмъ, какъ по изслѣдованію обнаруживалось, что эти обвиненія основывались исключительно на галлюцинаціяхъ. О правовой отвѣтственности за уголовныя дѣянія, совершенныя въ состояніи наркотизма, конечно, не можетъ быть и рѣчи [1]).

Д-ръ Д. Г. Гинзбургъ-Шикъ сообщаетъ два любопытные случая отравленія datura stramonium, сопровождавшіеся психическимъ разстройствомъ. Въ обоихъ случаяхъ (8 сентября 1894 г. съ Владиславомъ О., 11 октября 1894 г. съ Митрофаномъ М.) ядъ былъ подмѣшанъ въ водку, съ цѣлію привести пившихъ въ безсознательное состояніе и затѣмъ обобрать имѣющіяся у нихъ деньги [2]).

III. Зараженіе.

Зараженіе обнимаетъ случаи сообщенія заразительной болѣзни, чрезъ умышленное совершеніе лицомъ, знающимъ о томъ, что оно одержимо подобной болѣзнію, такихъ дѣй-

---

[1]) Краффтъ-Эбингъ, начала уголовной психологіи, русск. перев. Лицкаго, СПб., 1874, стр. 107.

Ср. также П. И. Ковалевскаго, судебная психіатрія, Варшава, 1896, отдѣлъ III психозы отравленія (отравленія и самоотравленія), стр. 334 и слѣд.; въ частности — морфіоманія, стр. 398 и слѣд.

[2]) Д. Г. Гинзбургъ-Шикъ, отравленіе datura stramonium, сопровождающееся скоропреходящимъ душевнымъ разстройствомъ, отчетъ за 1894 г. (Архивъ Психіатріи, Нейрологіи и Судебной Психопатологіи, изд. подъ ред. П. И. Ковалевскаго и М. И. Попова, 1896, томъ XXVII, № 3, стр. 134 и слѣд.).

ствій, кои необходимо должны сообщить эту болѣзнь другому. Дѣяніе это въ Уложеніи помѣщено въ раздѣлѣ о преступленіяхъ и проступкахъ противъ общественнаго благоустройства и благочинія, во главѣ статей о нарушеніи постановленій противъ распространенія повальныхъ и прилипчивыхъ болѣзней (ст. 854). Но, кромѣ этого общаго типа зараженія, наше законодательство упоминаетъ еще два особыхъ вида подобной-же преступной дѣятельности. Таковы: поступленіе страдающей заразительною или вредною болѣзнью въ няньки или кормилицы (Улож. ст. 855) и сообщеніе другимъ происходящей отъ непотребства, любострастной болѣзни (Мир. Уст. ст. 103). Всѣ эти три, по существу квалифицированные, случая въ нашемъ правѣ не имѣютъ, однако, подобнаго значенія.

Въ отношеніи родоваго типа зараженія, надо замѣтить, что виновное лицо должно быть больнымъ, не какою-либо иною, а именно „прилипчивою или заразительною“ болѣзнью, подъ которыми наше законодательство (Уст. Мед. Пол., т. XIII, ст. 935 и слѣд.) разумѣетъ лишь болѣзни повальныя или эпидемическія. Вопросъ о родѣ средствъ и пріемовъ зараженія по Уложенію совершенно безразличенъ; но это безразличіе имѣетъ свои границы: 1) въ словѣ „неминуемо“, которое значитъ, что подсудимый долженъ дѣйствовать средствами безусловно пригодными для привитія болѣзни другому; 2) въ постановленіи 1486 статьи, наказывающей за умышленное разстройство здоровья ядовитыми или иными вредными веществами [1]). Обыкновеннымъ наказаніемъ является заключеніе въ

---

[1]) На этомъ основаніи простой поцѣлуй, пожатіе руки, ѣда за однимъ столомъ и т. п. не могутъ быть почитаемы достаточными для состава преступленія, ибо для этого необходимо дѣйствительное сообщеніе болѣзни, напр. намазаніе своимъ злокачественнымъ гноемъ нарѣза другаго и т. п. (Неклюдовъ, руководство, I, 242).

О предупредительныхъ мѣрахъ относительно заразныхъ болѣзней и объ особыхъ мѣрахъ относительно сифилиса см. напр. у И. Т. Тарасова, учебникъ науки полицейскаго права, выпускъ 2, Москва,

тюрьмѣ, но при неизлечимости назначаются наказанія, опредѣленныя за разстройство здоровья путемъ отравы.

Что-же касается поступленія страдающей заразительною болѣзнью въ няньки или мамки (не въ гувернантки, горничныя и т. п.), то виновная, по буквѣ закона, можетъ быть больна какою-бы то ни было „вредною“ (очевидно, для ребенка) болѣзнью, что является вопросомъ факта; наказаніе — арестъ или тюрьма, смотря по роду болѣзни и по обстоятельствамъ дѣла. Наконецъ, въ отношеніи случаевъ сообщенія другому „происходящей отъ непотребства“ болѣзни, слѣдуетъ имѣть въ виду, что здѣсь разумѣются лишь болѣзни сифилитическія (венерическія); для состава преступленія недостаточно одного факта сношеній, а необходимо дѣйствительное сообщеніе названной болѣзни; наказаніе — арестъ или денежный штрафъ; дѣяніе это преслѣдуется лишь по жалобѣ потерпѣвшаго, съ возможностью примиренія (Мир. Уст., ст. 18, 20; касс. рѣш. по дѣлу жены студента Дмитріевой, 1867 года, № 66) [1]).

1893, § 75, стр. 561 и слѣд; выпускъ 1, § 59, III, стр. 261 и слѣд. Общія предупредительныя мѣры относительно заразныхъ болѣзней не имѣютъ значенія для борьбы съ сифилисомъ, обнаруженіе и распространеніе котораго подчиняется условіямъ рѣзко отличнымъ отъ условій обнаруженія и распространенія всѣхъ другихъ заразныхъ болѣзней.

[1]) Слѣдовательно, подъ дѣйствіе 103 статьи Мироваго Устава подходитъ сообщеніе другому происходящей отъ непотребства заразительной болѣзни *(сифилиса)*; подъ дѣйствіе 854 статьи подходитъ сообщеніе другому заразительной или прилипчивой болѣзни (но *не сифилиса*); и, наконецъ, подъ дѣйствіе 855 ст.—поступленіе страдающей заразительною или иною вредною болѣзнью (слѣдовательно *и сифилитическою*) въ няньки или кормилицы. Но, по мнѣнію нѣкоторыхъ юристовъ-практиковъ, статья 103 М. У. преслѣдуетъ сообщеніе другимъ заразительной болѣзни (сифилиса), происшедшее только вслѣдствіе неосторожности зараженнаго, что видно будто-бы изъ того, что умышленное зараженіе кого-либо повальною или прилипчивою болѣзнью вообще—преслѣдуется по 854 статьѣ Улож. о Нак. (В. П. Ломновскій, руководство для Мировой юстиціи Царства Польскаго,

IV. Отравленіе и зараженіе скота, рыбы и растеній.

Среди имущественныхъ преступленій можно также отмѣтить нѣсколько дѣяній, по характеру своему родственныхъ отравленію. Таковы: во-первыхъ, зараженіе и отравленіе скота; во-вторыхъ, отравленіе рыбы, — преступленія, на которыя обращено вниманіе во всѣхъ иностранныхъ законодательствахъ. Но послѣднія присоединяютъ къ этимъ двумъ родамъ преступленій еще третій имъ сродный, именно, зараженіе растеній.

1. Зараженіе и отравленіе скота.

По нашему законодательству, кто нарочно и съ умысломъ сообщитъ заразительную болѣзнь чужому скоту, или-же употребитъ какое-либо средство для отравленія корма чужаго скота, тотъ, въ случаѣ если зараза или смертность отъ этого въ самомъ дѣлѣ распространились, подвергается заключенію въ тюрьмѣ на время до двухъ лѣтъ съ лишеніемъ нѣкоторыхъ правъ, а если болѣзнь не распространилась, то аресту на время до трехъ мѣсяцевъ (Уложен., ст. 862, 1623). За отравленіе-же чужаго скота или иныхъ домашнихъ животныхъ, виновные подвергаются денежному взысканію, аресту или заключенію въ тюрьмѣ до четырехъ мѣсяцевъ (Улож., ст. 1624, ч. 2). Наконецъ, за отравленіе отдѣльнаго животнаго назначается арестъ или денежное взысканіе (М. У., ст. 153). Слѣдовательно, въ нашемъ законодательствѣ различаются: зараженіе скота (ст. 1623), отравленіе скота и домашнихъ жи-

---

Варшава, 1887, стр. 375). Такимъ образомъ, по мнѣнію г. Ломновскаго, подъ дѣйствіе 854 ст. подходитъ и умышленное зараженіе сифилисомъ, съ чѣмъ едва-ли можно согласиться. Весьма вѣскія доказательства противнаго были уже представлены Н. А. Неклюдовымъ (Руководство для Мировыхъ Судей, томъ II, СПб., 1874, стр. 471 и слѣд.; руководство къ особенной части русскаго уголовнаго права, томъ I, СПб., 1876, стр. 232 и 443).

вотныхъ (ст. 1624) и отравленіе единичнаго животнаго (ст. 153 М. У.). Въ разъясненіе этихъ законоположеній замѣтимъ, что подъ именемъ скота Уложеніе разумѣетъ лишь большую совокупность животныхъ. Подъ именемъ-же домашнихъ животныхъ разумѣются, конечно, и домашнія птицы.

2. Отравленіе рыбы.

Отравленіе рыбы является поступкомъ совершенно аналогичнымъ съ отравленіемъ скота и птицъ, а потому и влечетъ большею частію сходное съ нимъ наказаніе, разумѣется, кромѣ тѣхъ случаевъ, когда самое отравленіе воды преслѣдуется, какъ самостоятельный проступокъ противъ общественнаго здравія (М. У., ст. 28, 111), или какъ средство для совершенія другаго болѣе важнаго преступленія, напримѣръ лишенія жизни (Улож., ст. 864). По дѣйствующему уложенію, за истребленіе рыбы въ прудахъ и рѣкахъ посредствомъ отравленія воды ядовитыми и сильно-дѣйствующими веществами, виновные подвергаются заключенію въ тюрьмѣ на время отъ четырехъ до восьми мѣсяцевъ (ст. 1624, ч. 1).

3. Зараженіе растеній.

Случаи сообщенія дорифоры картофелю и филоксеры виноградной лозѣ вызвали во французскомъ законодательствѣ спеціальныя карательныя постановленія 1878 и 1879 годовъ (ср. Фойницкій, вышеназв. сочин., стр. 333). Въ нашемъ правѣ подобные случаи породили законы 26 мая 1881 и 28 мая 1883 годовъ. На основаніи этихъ законовъ, за несоблюденіе установленныхъ мѣръ предосторожности противъ распространенія разнаго рода насѣкомыхъ и животныхъ, вредныхъ для сельско-хозяйственныхъ растеній, а также для плодовыхъ и древесныхъ насажденій, виновные подвергаются аресту не свыше одного мѣсяца, или денежному взысканію не свыше ста рублей (М. У., ст. 112[1]); за нарушеніе-же правилъ о мѣрахъ противъ филоксеры — денежному взысканію до трехсотъ рублей или аресту до трехъ мѣсяцевъ (М. У., ст. 112[2]).

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Внутренняя сторона преступленія при отравленіи.

ОТДѢЛЪ I.

Умыселъ, неосторожность и случай вообще.

I. Отравленіе умышленное.

Современныя уголовныя законодательства со всею подробностью разсматриваютъ различные случаи лишенія жизни, особливо случаи умышленнаго и предумышленнаго убійства, какъ наиболѣе серьёзныя преступныя дѣянія, требующія самаго строгаго наказанія. Но въ этомъ отношеніи европейскіе кодексы не представляютъ полнаго единообразія.

Въ Германскомъ правѣ виды лишенія жизни строятся по признаку бо̀льшаго или меньшаго хладнокровія, бо̀льшей или меньшей обдуманности (Ueberlegung) при выполненіи преступнаго намѣренія. На этомъ признакѣ основано и общее различіе преступленій, совершенныхъ въ состояніи взволнованномъ, нехладнокровномъ, ohne Ueberlegung, и преступленій, совершенныхъ въ состояніи спокойномъ, хладнокровномъ, mit Ueberlegung. Но это дѣленіе имѣетъ въ особенности серьёзное практическое значеніе въ отношеніи преступленій противъ жизни, среди которыхъ убійство хладнокровное и обдуманное (Mord) строго отличается отъ прочихъ видовъ лишенія жизни (Todschlag). Согласно этому, отравленіе большею частію подходитъ

подъ понятіе Mord, то-есть подъ понятіе хладнокровнаго и обдуманнаго убійства по преимуществу.

Во Французскомъ правѣ приняты нѣсколько иныя начала. Виды лишенія жизни различаются также по характеру умысла. Но конструкція умысла основана на бо̀льшей или меньшей обдуманности самаго преступнаго намѣренія (préméditation). Въ этомъ отношеніи Французское право приближается къ нашему отечественному законодательству, требуя, чтобы при предумышленіи возникновеніе преступнаго намѣренія было отдѣлено отъ его выполненія извѣстнымъ количествомъ времени, достаточнымъ для его обдуманности. По этому признаку обдуманности намѣренія и различаются два вида умысла, avec préméditation и sans préméditation, при всѣхъ преступленіяхъ вообще и при преступленіяхъ противъ жизни въ особенности; въ ряду послѣднихъ убійство съ заранѣе обдуманнымъ намѣреніемъ (assassinat) рѣзко противополагается другимъ видамъ убійства (meurtre). Отравленіе, какъ убійство въ большинствѣ случаевъ заранѣе обдуманное, представляетъ большею частію одинъ изъ наиболѣе характерныхъ видовъ assassinat.

Въ Англійскомъ правѣ основнымъ элементомъ умышленнаго убійства, какъ и въ другихъ законодательствахъ, является злая воля: умышленное преступленіе должно быть совершено прежде всего волимо (wilfully). Но самое понятіе воли имѣетъ нѣсколько оттѣнковъ по бо̀льшей или меньшей ея злостности (malice). Понятіе злостнаго (malicious) и составляетъ главный признакъ при различеніи видовъ лишенія жизни. Наиболѣе тяжкими его видами являются дѣянія, учиненныя волимо и злостно (maliciously). На основаніи этого различаются два вида убійства: manslaughter и murder, основнымъ признакомъ котораго является злостное предумышленіе (malice aforethought), т. е. обдуманное составленіе преступнаго плана и злостность при его выполненіи. Такимъ образомъ, въ этомъ отношеніи Англійское право какъ-бы соединяетъ систему Германскую съ системою Французскою. Отравленіе и по Англійскому праву, требуя въ большинствѣ случаевъ злостнаго предумышленія, является большею частію однимъ изъ случаевъ такъ называемаго murder.

При изложеніи правилъ о наказаніи за различные виды убійства, Редакторы нашего Уложенія приняли основаніемъ общія постановленія о мѣрѣ наказаній по мѣрѣ умышленности въ преступленіи. Это начало разъясняютъ они слѣдующимъ образомъ. „Злодѣй, который, имѣя намѣреніе совершить убійство, прежде исполненія онаго придумывалъ и приготовлялъ всѣ нужныя для того средства (напримѣръ ядъ), избиралъ мѣсто и время, или же ожидалъ удобнаго къ тому случая, безъ сомнѣнія ожесточеннѣе и виновнѣе того, который совершаетъ убійство внезапно по первому на оное побужденію, можетъ быть не рѣдко и потому, что увлекаемый преступнымъ порывомъ страсти, овладѣвшей слабою душою его, онъ не успѣлъ почувствовать гнусности своего намѣренія и, такъ сказать, прислушаться къ голосу своей совѣсти. Посему мы, говорятъ Редакторы, вездѣ, и особенно въ статьяхъ объ убійствѣ, различаемъ преступленіе, совершенное съ обдуманнымъ заранѣе намѣреніемъ или умысломъ, отъ тѣхъ, которыя учинены хотя и умышленно, но безъ обдуманнаго заранѣе намѣренія, и за сіи послѣднія полагаемъ наказанія менѣе строгія“.

Наше Уложеніе, подобно Французскому кодексу, въ преступленіяхъ и проступкахъ умышленныхъ различаетъ двѣ степени: первую, когда противозаконное дѣяніе учинено вслѣдствіе не внезапнаго, а заранѣе обдуманнаго умысла; и вторую, когда оное учинено хотя и съ намѣреніемъ, но по внезапному побужденію безъ предумышленія (ст. 4). Но въ раздѣлѣ о преступленіяхъ противъ жизни оно къ этимъ двумъ степенямъ умысла прибавляетъ еще третью; такъ здѣсь различается: убійство съ обдуманнымъ заранѣе намѣреніемъ или умысломъ (ст. 1454), убійство умышленное, но безъ обдуманнаго заранѣе намѣренія (1 ч. ст. 1455) и убійство учиненное въ запальчивости или раздраженіи (2 ч. ст. 1455). Кромѣ того наше Уложеніе знаетъ еще дѣленіе умысла при убійствѣ на прямой и непрямой (неопредѣленный, эвентуальный); о послѣднемъ спеціально говоритъ ст. 1458, предусматривающая тотъ случай, когда кто, зная и предвидя, что отъ его противозаконнаго дѣйствія другое лицо должно подвергнуться опасности, не

смотря на то, исполнитъ преднамѣренное и, хотя безъ прямаго умысла учинить убійство, лишитъ кого либо жизни, напримѣръ, всыпавъ ядъ въ общую миску.

Несомнѣнно, отравленіе можетъ быть совершено не только съ обдуманнымъ заранѣе намѣреніемъ или умысломъ, но и безъ обдуманнаго заранѣе намѣренія (однако умышленно), и даже въ запальчивости и раздраженіи: слуга, въ раздраженіи на своего больнаго хозяина даетъ ему вмѣсто нѣсколькихъ капель цѣлую рюмку ядовитаго лекарства; послѣдній-же не подозрѣвая объ отравѣ, залпомъ выпиваетъ её.

Но умыселъ можетъ быть направленъ не на лишеніе жизни во что-бы то ни стало, а лишь на разстройство здоровья, тѣлесное поврежденіе другаго лица. Какъ извѣстно, тѣлесныя поврежденія вообще и разстройство здоровья путемъ отравленія въ частности могутъ быть причинены умышленно, неосторожно и случайно.

Умыселъ является здѣсь въ двухъ формахъ: опредѣленный, когда обвиняемый имѣлъ прямое намѣреніе причинить именно данное поврежденіе; и неопредѣленный, когда виновный имѣлъ только animus nocendi вообще. Затѣмъ умыселъ при тѣлесныхъ поврежденіяхъ можетъ быть прямой и непрямой; послѣдній, по нашему Уложенію, приравненъ въ отношеніи наказуемости къ умыслу прямому (ст. 1490). Наконецъ Уложеніе при увѣчьяхъ и ранахъ различаетъ предумышленіе и аффектъ; въ прочихъ случаяхъ этого различія не проводится, а имѣется въ виду простой умыселъ вообще; то-же надо сказать и о разстройствѣ здоровья путемъ отравленія.

II. Отравленіе неосторожное.

Неосторожное лишеніе жизни вообще распадается въ Уложеніи на три вида, смотря по тому является ли оно послѣдствіемъ дозволеннаго дѣянія, или послѣдствіемъ полицейскаго проступка, или-же преступленія [1]).

---

[1]) Н. С. Таганцевъ, о преступленіяхъ противъ жизни; и Лекціи.

Согласно этому, нисшую степень неосторожнаго лишенія жизни посредствомъ отравленія представляетъ случай, предусмотрѣнный 1468 ст.: если отъ дѣянія закономъ не воспрещеннаго и такого рода, что нельзя было съ вѣроятностью ожидать вредныхъ отъ него послѣдствій, но однакожъ явно неосторожнаго, причинится кому-либо смерть. Какъ видно изъ этого текста, ст. 1468 примѣнима только къ случаямъ, когда лишеніе жизни посредствомъ отравленія является непредвидѣннымъ послѣдствіемъ не запрещеннаго закономъ дѣянія; при чемъ запрещенность или незапрещенность дѣянія выясняется не только по одной его формѣ, но и по умыслу, вложенному въ это дѣйствіе виновнымъ. Но мы находимъ въ другихъ частяхъ Уложенія нѣсколько отступленій отъ правила, высказаннаго въ 1468 статьѣ, по вопросу о наказуемости неосторожности этого рода; сюда относятся между прочимъ статьи 870 и 878.

Статья 870 подвергаетъ церковному покаянію врача, если отъ его неправильнаго леченія послѣдуетъ смерть или важный здоровью вредъ. Это изъятіе изъ ст. 1468 неосторожнаго лишенія жизни врачемъ при исполненіи имъ обязанностей не только не имѣетъ никакого разумнаго основанія, но, наоборотъ, противорѣчитъ выводамъ теоріи, которая говоритъ, что лицо, обязанное по своему званію и положенію въ обществѣ быть особенно внимательнымъ, должно подвергаться за неосторожность болѣе строгому взысканію. Ст. 870, какъ исключеніе изъ общаго правила, должна быть толкуема ограничительно. Она можетъ быть примѣнена только къ тѣмъ случаямъ, когда неосторожное причиненіе смерти совершено врачемъ при леченіи въ качествѣ врача, а не въ качествѣ частнаго лица. Исключеніе другаго рода, т. е. усиленіе отвѣтственности за неосторожное лишеніе жизни сравнительно съ ст. 1458, представляетъ ст. 878, которая говоритъ, что повивальная бабка, произведшая, хотя и по неосторожности, выкидъ, (напр. давъ secale cornutum), въ случаѣ смерти матери или младенца подвергается церковному покаянію и заключенію въ тюрьмѣ на время отъ 2 до 4 мѣс.

Второй видъ неосторожнаго лишенія жизни посредствомъ

отравленія предусмотрѣнъ ст. 1466: если кто, безъ намѣренія учинить убійство, дозволитъ себѣ какое-либо дѣйствіе, противное ограждающимъ личную безопасность и общественный порядокъ постановленіямъ, и послѣдствіемъ онаго, хотя и неожиданнымъ, причинится кому-либо смерть. Подъ ст. 1466 подходятъ т. о. случаи неосторожнаго отравленія, какъ послѣдствіе полицейскаго проступка. Для примѣненія ея необходимы два условія: а) недозволенность того дѣянія, послѣдствіемъ коего была смерть, при чемъ судъ долженъ непремѣнно указать какія именно постановленія закона нарушены виновнымъ, и б) это дѣяніе должно подходить подъ понятіе „проступка" по опредѣленію этого термина въ Уложеніи 1857 г. Но кромѣ ст. 1466 существуетъ много спеціальныхъ постановленій по тому-же предмету, частію повторяющихъ ст. 1466, частію усиливающихъ или уменьшающихъ сравнительно съ нею размѣръ наказанія. Такъ ст. 899 назначаетъ церковное покаяніе за причиненіе смерти при нарушеніи аптечнаго устава; статья эта подобно ст. 870, конечно, должна быть толкуема ограничительно. Затѣмъ по ст. 869 за смерть, происшедшую отъ неосторожнаго храненія ядовъ, назначается церковное покаяніе. Сюда же относится и ст. 865, которая за неосторожное лишеніе жизни при продажѣ недоброкачественныхъ съѣстныхъ припасовъ прибавляетъ къ санкціи 115 статьи Мир. Устава (арестъ до 1 мѣс. и штрафъ до 100 р.) церковное покаяніе.

Наконецъ, третій видъ неосторожнаго лишенія жизни, какъ послѣдствіе преступленія, указанъ въ ст. 1459. Но, не довольствуясь этимъ общимъ положеніемъ, законъ и здѣсь упоминаетъ еще о нѣкоторыхъ спеціальныхъ случаяхъ неосторожнаго убійства при совершеніи извѣстныхъ преступленій. Такъ, напримѣръ, статья 1461 говоритъ о смерти беременной женщины, какъ послѣдствіи вытравленія плода и т. п.

Таково значеніе неосторожности при лишеніи жизни посредствомъ отравленія. Но неосторожное обращеніе съ ядовитыми веществами можетъ имѣть своимъ послѣдствіемъ не лишеніе жизни, а лишь разстройство здоровья. Неосторожное разстройство здоровья предусмотрѣно въ статьѣ 1494 Уложенія

и въ статьяхъ 128 и 129 Мироваго Устава. Статья 129 Мироваго Устава опредѣляетъ отвѣтственность за неосторожное поврежденіе здоровья, бывшее послѣдствіемъ дозволеннаго дѣянія. Статья 128 М. У. и 1494 Ул. предусматриваютъ тоже неосторожное поврежденіе здоровья, но бывшее результатомъ проступковъ; изъ нихъ ст. 128 пересчитываетъ всѣ тѣ проступки, послѣдствіемъ которыхъ было поврежденіе здоровья, всѣ-же остальные случаи должны быть подводимы подъ ст. 1494. Но ни Мировой Уставъ, ни Уложеніе не предусматриваютъ того случая, когда неосторожное поврежденіе здоровья является послѣдствіемъ преступленія. Сенатъ, по дѣлу Абдулъ-Оглы, далъ такое толкованіе: неосторожное разстройство здоровья, причиненное проступкомъ, наказуемо по ст. 128 М. У. и по 1 ч. 1494 ст. Ул.; причиненное-же преступленіемъ должно быть подводимо подъ 2 ч. 1494 ст., которая трактуетъ о наказуемости тѣхъ случаевъ, когда за преступное дѣяніе, коего послѣдствіемъ было неосторожное разстройство здоровья, законами опредѣлено наказаніе болѣе строгое, чѣмъ тюрьма на 2—4 мѣсяца. Кромѣ этого, Уложеніе въ отдѣльныхъ статьяхъ, разбросанныхъ по разнымъ раздѣламъ, предусматриваетъ частные случаи неосторожности, повлекшей за собою поврежденіе здоровья; таковы, напримѣръ, статьи 870, 878 и другія (см. выше) [1]).

III. Отравленіе случайное.

На ряду съ неосторожностью наше Уложеніе знаетъ и случай. Случайное отравленіе характеризуется, какъ причиненіе смерти человѣку не только безъ намѣренія, но и безъ всякой неосторожности (ст. 1470). Такъ какъ случай вообще стоитъ внѣ всякой причинной связи и зависимости отъ его автора, то, конечно, не можетъ быть и рѣчи о наказуемости подобнаго рода дѣяній. Эта аксіома признается и нашимъ Уложеніемъ:

---

[1]) Н. С. Таганцевъ, лекціи.

виновный въ случайномъ отравленіи не подвергается за это никакому наказанію, и самое церковное покаяніе можетъ быть на него налагаемо не иначе, какъ по собственному желанію или по особому постановленію духовнаго начальства.

Что-же касается случайнаго поврежденія здоровья посредствомъ яда, то таковое вовсе не наказуемо: кто случайно, не только безъ намѣренія, но и безъ всякой съ его стороны неосторожности, нанесъ кому-либо увѣчье, рану или иное поврежденіе здоровью, тотъ не подвергается за это никакому наказанію (ст. 1495 Уложенія о наказаніяхъ).

ОТДѢЛЪ II.

Нѣкоторые спеціальные виды неосторожнаго отравленія въ особенности.

I. Отравленіе отъ неправильнаго и недозволеннаго врачеванія.

1. Исторія.

Исторія неосторожнаго лишенія жизни посредствомъ ядовитыхъ или другихъ сильно-дѣйствующихъ веществъ находится въ тѣсной связи съ исторіей врачеванія вообще. Исторія-же врачеванія, какъ это ни странно, у насъ въ Россіи, какъ и на Западѣ, въ свою очередь, находится въ связи съ исторіей знахарства, колдовства и чародѣйства.

Въ древней Руси, говоритъ профессоръ Н. П. Загоскинъ, существовалъ цѣлый контингентъ лицъ, которыя считались посредниками между человѣчествомъ и таинственными силами природы, и которымъ вѣдома была тайна обращать эти силы въ пользу или во вредъ человѣку. Пользуясь общеніемъ съ этими силами природы, они могли какъ наводить на человѣка немочь, такъ и освобождать его отъ приключившагося ему недуга. Это — кудесники, волхвы, вѣдуны и вѣдуньи, играю-

щіе видную роль въ древнихъ лѣтописныхъ сказаніяхъ и въ произведеніяхъ устной народной словесности. Племена финскаго корня были этнографическимъ элементомъ, который въ особенномъ изобиліи выдѣлялъ изъ себя всѣхъ этихъ кудесниковъ и волхвовъ. Къ нимъ, на сѣверъ, въ глубь первобытныхъ лѣсовъ, ходили русскіе люди за волхвованіями еще долго спустя послѣ водворенія христіанства въ при-Днѣпровской Руси,—ходили, какъ и теперь ходятъ къ какому-нибудь Кузьмичу [1]) или персидскому врачу [2]), даже тогда, когда въ крещеной Руси „волхвованія“ были уже возведены на степень наказуемаго антирелигіознаго преступленія [3]).

Колдуны и колдуньи издревле занимались врачеваніемъ, которое принадлежало въ язычествѣ къ обрядамъ религіознаго очищенія. Это врачеваніе, какъ-бы единственное вспомогательное средство въ простонародьи, долго пользовалось довѣренностію. Духовенство старалось истребить этотъ обычай, убѣждая, что тотъ, кто лечится у колдуновъ, губитъ не только тѣло, но и душу, потому что колдуны служатъ сатанѣ и врачуютъ его силою. Изъ вопросовъ кирика узнаемъ, что тотъ, кто приносилъ къ волхвамъ дѣтей для привязки амулетовъ (наузъ, узловъ) или искалъ у волхвовъ исцѣленія отъ своихъ болѣзней, подвергался эпитеміи. Митрополитъ Фотій въ посланіи своемъ къ новгородцамъ (1410 года) говоритъ священникамъ: „такожъ учите ихъ (христіанъ), чтобы басней не слушали, лихихъ бабъ не пріимали, ни узловъ, ни примовленья, ни зелья, ни вороженья и елика такова, занеже съ того гнѣвъ Божій приходитъ, и гдѣ таковыя бабы находятся учите ихъ, чтобы перестали и каялись-бы; имутъ слушати, не благословляйте ихъ, христіаномъ заказывайте, чтобы ихъ

---

[1]) Кузьмичъ — деревенскій самарскій знахарь, лечившій травами.

[2]) „Персъ-проходимецъ“, который нѣкоторое время пользовался большимъ успѣхомъ въ Казани.

[3]) Н. П. Загоскинъ, врачи и врачебное дѣло въ старинной Россіи, публичная лекція, читанная въ Казани 24 марта 1891 г.

не дрьжали между собою нигдѣ, гонили бы ихъ отъ себѣ, а сами бы отъ нихъ бѣгали, аки отъ нечистоты; а кто не имать слушати васъ, и вы тѣхъ отъ церкви отлучайте". Того-же требуетъ и царская окружная грамота 1648 года и Домострой; въ этомъ послѣднемъ сказано: „и волхвовъ и съ кореньемъ и зельемъ, кто тѣмъ промышляетъ, съ тѣмъ бы отнюдь не зналися", потому что въ болѣзняхъ не кудесниковъ призывать, а всегда на Бога возлагать надежду должно. Изъ Домостроя узнаемъ также, что бабы-колдуньи ходили по домамъ, лечили разные недуги, гадали, переносили вѣсти — и были принимаемы довольно охотно. Такъ было не въ одномъ простонародьи: духъ времени одинаково проникалъ всѣ общественные слои. При царѣ Іоаннѣ Вас. Грозномъ была составлена повѣсть, направленная противъ волшебства. О Василіи Ивановичѣ Шуйскомъ Кубасовъ говоритъ: „и къ волхованію прилежаше". Изъ крестоцѣловальныхъ записей на вѣрность царямъ Борису Годунову, Василію Шуйскому и Михаилу Ѳеодоровичу видно, что всѣ обязаны были клясться: „а лиха мнѣ Государю, Царицѣ и ихъ дѣтямъ не хотѣти, не мыслити и не дѣлати никоторою хитростію, — ни въ ѣствѣ, ни въ питьѣ, ни въ платьѣ, ни въ иномъ чемъ никакого лиха не учинити, и зелья лихаго и коренья не давати, и не испортити; да и людей своихъ съ вѣдовствомъ да со всякимъ лихимъ зельемъ и съ кореньемъ не посылати, и вѣдуновъ и вѣдуней не добывати на государево лихо, и ихъ, Государей, на слѣду всякимъ вѣдовскимъ мечтаніямъ не испортити, ни вѣдовствомъ по вѣтру никакого лиха не посылати и слѣду не выимати" [1]). Даже если кто узнаетъ о подобныхъ злыхъ намѣреніяхъ другаго человѣка, то долженъ его схватить или сдѣлать на него извѣтъ. При царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ была отправлена во Псковъ грамота съ запрещеніемъ покупать у литовцевъ хмель, потому что посыланные за рубежъ лазутчики объявили, что

---

[1]) Когда на престолъ вступалъ Лжедмитрій, то и ему присягали — служить вѣрно и не давать отравы (Карамзинъ, Исторія, т. XI, гл. IV).

есть въ Литвѣ баба-вѣдунья, и наговариваетъ она на хмель, вывозимый въ русскіе города, съ цѣлію навести чрезъ то на Русь моровое повѣтріе. Въ 1625 г. велѣно было выслать въ Москву изъ Верхотурья переселенца Якова, вмѣстѣ съ воровскимъ кореньемъ, такъ какъ во время обыска у него найдено было въ коробьи: трава багрова, три кореня да „комокъ перхчеватъ бѣлъ“, и такъ какъ въ допросѣ онъ самъ признался, что эти снадобья далъ ему казакъ Степанко Козьи Ноги. Подобный-же процессъ о кореньяхъ и травахъ былъ въ 1680 году. Иноземецъ Зинка Ларіоновъ сдѣлалъ извѣтъ на нѣкоторыхъ крестьянъ и подалъ въ Приказной Избѣ поличнаго „крестъ мѣдный да корешекъ не великъ, да травки немного связано въ узлишки у креста“. Крестьянинъ Ивашка, изъ числа обвиняемыхъ, призналъ крестъ своимъ, и сказалъ: „корень тотъ девесильной, а травка въ огородахъ растетъ, а какъ ее зовутъ—не вѣдаетъ, а держитъ корешекъ и травку отъ лихорадки, а лихихъ де травъ и коренья онъ не знаетъ и за дурномъ не ходитъ“. Призванъ былъ въ Приказную Избу посадской осмотрѣть коренья; онъ объявилъ: „коренишко де именуеца девятины, отъ сердечные скорби держать, а травишко де держать отъ гнѣтеншиные скорби, а лихого де въ томъ ничето нѣтъ“. Другой подсудимый объявилъ, что ему положили въ зепъ травы въ то время, какъ онъ былъ на кружевномъ дворѣ пьяный — въ безпамятствѣ. Обвиненныхъ пытали, а потомъ били батогами, чтобы впередъ неповадно было напиваться до безпамятства и носить при себѣ коренья; затѣмъ они были выпущены изъ Приказной Избы, за расписками (А. Аѳанасьевъ, колдовство на Руси, Н. С., 95, 3).

Что-же касается медицины въ собственномъ смыслѣ, то въ исторіи до-Петровской Руси, по справедливому мнѣнію Г. Германа, можно различить три періода: 1) Съ крещенія Владиміра Св. (988) до сверженія татарскаго ига, когда всѣ медицинскія познанія заносятся, главнымъ образомъ, духовенствомъ изъ Византіи [1]). 2) Съ 1480 г.—до учрежденія Апте-

---

[1]) Независимо отъ Византіи, медицинское искусство въ сред-

карскаго приказа, когда въ Московскую Русь (собственно къ царскому двору) начинаютъ проникать западно-европейскіе врачи. 3) Съ этого времени до (1682) Петра I, когда врачебное дѣло обособляется совершенно, переходитъ въ вѣдѣніе особаго административнаго учрежденія [1]).

Случаи отравленія отъ неправильнаго врачеванія и даже случаи умышленнаго отравленія самими докторами встрѣчаются довольно часто, въ особенности во второмъ періодѣ. Припомнимъ, напримѣръ, рядъ отравленій, совершенныхъ при

ніе вѣка существовало и въ Юго-Западной Азіи (Арабскіе врачи въ Персіи). Извѣстія о первомъ у насъ врачѣ называютъ его Половляниномъ или Половцемъ Иванцемъ Смерою. Гораздо вѣрнѣйшее свидѣтельство о давнемъ вліяніи на насъ азіатской медицины представляютъ сказанія Печерскаго Патерика о знаменитомъ армянскомъ врачѣ, жившемъ въ Кіевѣ въ половинѣ XI столѣтія. Я. В. Ханыковъ, очеркъ исторіи медицинской полиціи въ Россіи, Журналъ Министерства Внутр. Дѣлъ, 1851 г., № 3, стр. 336.

[1]) Ф. Л. Германъ, врачебный бытъ до-Петровской Руси. Матеріалы для исторіи медицины въ Россіи, выпускъ I, Харьковъ, 1891, стр. 11.

Ср. А. Ѳ. Змѣевъ, былое врачебной Россіи, СПб., 1890; русскіе врачебники — изслѣдованія въ области нашей древней врачебной письменности, СПб., 1896; чтенія по исторіи медицины въ Россіи, СПб., 1896.

В. М. Флоринскій, русскіе простонародные травники и лѣчебники, Казань, 1880.

A. Brückner, die Aerzte in Russland bis zum Jahre 1800, Russische Revue, XVI Jahrgang, 2 u. 3 Heft, 1887, стр. 131—171 и 261—300.

Рихтеръ, исторія медицины въ Россіи, въ трехъ частяхъ, Москва, 1814—1820. Richter, Geschichte der Medicin in Russland, Moskwa, 1813—1817.

См. также: Геллингъ, опытъ гражданской медицинской полиціи, Вильна 1842.

Лешковъ, медицина въ древней Россіи, Москвитянинъ, 1853.

Чистовичъ, очерки изъ исторіи русскихъ медицинскихъ учрежденій XVIII ст., СПб., 1870.

Андреевскій, полицейское право, СПб., 1874, т. I, § 88, стр. 336.

Царѣ Іоаннѣ Васильевичѣ Грозномъ, по указаніямъ его врача Бомелія (отравленіе князя Гвоздева-Ростовскаго, Григорія Грязного и другихъ) [1]). Отмѣтимъ, что Laville взводитъ на другаго врача, Ивана Ильфа, обвиненіе въ отравленіи самого Грознаго, что считается, однако, голословнымъ [2]). Затѣмъ въ правленіе Царя Ѳеодора Іоанновича производилось любопытное дѣло объ отравленіи въ Астрахани Крымскаго Царевича Муратъ-Гирея его земляками. Бусурманы прислали къ Муратъ-Гирею вѣдуновъ и испортили его. Воеводы, видя его болѣзнь великую, привели къ нему лѣкаря Арапа. Арапъ сказалъ, что его вылечить нельзя, пока не сыщутъ вѣдуновъ, которые его портили, взялъ съ собою русскихъ людей, пошелъ въ юрты, перехваталъ тамъ вѣдуновъ и началъ ихъ мучить. Когда царевичъ умеръ, Царь отправилъ въ Астрахань Астафія Пушкина съ приказаніемъ пытать вѣдуновъ, по чьему умышленію испортили царевича, и послѣ пытки пережечь; жегъ ихъ тотъ-же Арапъ „своимъ мастерствомъ“ [3]).

---

[1]) Бомелій (Elisaeus Bomelius) былъ родомъ голландецъ (такъ полагаютъ Миллеръ, Рихтеръ, Германъ); по историческимъ свидѣтельствамъ это былъ негодяй, подучавшій Іоанна на убійства и составлявшій отравы, отъ которыхъ несчастные погибали въ назначенную Грознымъ минуту; обвиненный потомъ въ сношеніяхъ съ Баторіемъ, онъ былъ сожженъ всенародно въ Москвѣ въ 1579 году.

См. Германъ, вышеприв. сочиненіе, стр, 48.

Рихтеръ, исторія медицины въ Россіи, часть первая, стр. 286 и слѣд.

Ханыковъ, исторія медицинской полиціи, Ж. М. В. Д., 1851 г., стр. 349.

Загоскинъ, врачи и врачебное дѣло въ старинной Россіи, стр. 24.

[2]) Германъ, вышеприв. сочиненіе; стр. 53.

[3]) Рихтеръ, l. c., стр. 319. Германъ, стр. 75. Соловьевъ, исторія Россіи, Москва, 1879, томъ VII, стр. 375: Пушкинъ пыталъ вѣдуновъ накрѣпко разными пытками, но ничего не могъ допытаться. Тогда тотъ-же Арапъ началъ говорить, что у нихъ такъ ничего не допытаться, и велѣлъ положить имъ въ зубы конскія удила, повѣсить ихъ за руки и бить ихъ не по тѣлу, а по стѣнѣ противъ нихъ,— и они стали все сказывать.

Далѣе, съ именемъ Бориса Годунова связанъ рядъ подозрѣній въ совершеніи имъ будто-бы различныхъ отравленій при помощи придворныхъ лекарей. Враги подозрѣвали Годунова и въ отравленіи Царя Ѳеодора [1]), и въ отравленіи своей сестры, Царицы-инокини Ирины [2]), и даже въ смерти жениха его дочери Ксеніи — Датскаго Герцога Іоанна. Но все это было лишь нелѣпою клеветою, которую распускали враги Годунова. Первыя два обвиненія не подтверждаются никакими серьёзными указаніями. „Лѣтописцы достовѣрнѣйшіе молчатъ о томъ, съ праведнымъ омерзеніемъ изобличая всѣ иныя злодѣйства Борисовы". По поводу-же третьяго обвиненія, нѣкоторые писатели (Миллеръ, Левекъ) [3]) утверждаютъ дѣйствительно, будто самъ Царь способствовалъ смерти Королевича посредствомъ придворныхъ своихъ медиковъ. Увѣряли, будтобы наружная красота и высокій родъ Королевича произвели въ простомъ народѣ желаніе возвести его самого на Россійскій престолъ, и что Борисъ Годуновъ, замѣтя это, возненавидѣлъ молодаго Королевича и сталъ помышлять о средствѣ, какъ-бы отъ него избавиться. Нѣкоторые увѣряютъ, будто

---

[1]) Карамзинъ (Исторія государства Россійскаго, томъ X, глава III), однако, съ глубокимъ убѣжденіемъ замѣчаетъ: нѣтъ, не вѣримъ преданію ужасному, что Годуновъ будто-бы ускорилъ сей часъ (кончину Царя Ѳеодора Іоанновича) отравою . . . Но исторія не скрываетъ и клеветы, преступленіями заслуженной.

[2]) Объ этомъ Карамзинъ (Исторія, томъ XI, глава II), говоря о кончинѣ Ирины, не упоминаетъ вовсе. Это была также гнусная клевета. Припомнимъ жалобы Годунова у Пушкина: „Молва лукаво нарекаетъ виновникомъ дочерняго вдовства меня, меня, несчастнаго отца! . . . Кто ни умретъ — я всѣхъ убійца тайный: я ускорилъ Ѳеодора кончину, я отравилъ свою сестру царицу, монахиню смиренную . . . все я!"

Годунова подозрѣвали также въ томъ, что онъ, хлопоча для прилики о бабкѣ для Царицы Ирины, чтобы помочь безчадію, хлопоталъ, вѣроятно, совсѣмъ о другомъ, именно, чтобы чадъ не было (Германъ, l. c., стр. 71).

[3]) Миллеръ въ Samml. Russ. Gesch., 5 B. Левекъ въ Histoire de la Russie, t. III, p. 214. Ср. Лѣтопись о мятежахъ.

Царь подлинно велѣлъ дать ему яду, а другіе, что онъ чрезъ своего родственника Семена Годунова, имѣвшаго тогда въ Москвѣ подъ своимъ вѣдомствомъ докторовъ и придворную аптеку, намекнулъ медикамъ дѣйствовать вреднымъ образомъ на здоровье Королевича. Между тѣмъ, это совсѣмъ противно истинѣ. Борисъ всегда былъ сердечно расположенъ къ Королевичу, а придворные врачи, по замѣчанію Рихтера, были всѣ ученые и честные мужи. Кромѣ того, Королевичъ пріѣхалъ съ большой свитой, въ которой находились и его собственные лейбъ-медики, два доктора медицины — Леонардъ Мецнеръ и Іоганъ Мюле, люди преданные своему Государю, которые, конечно, не допустили-бы Королевича принимать вредныя лекарства [1]).

Но, съ другой стороны, мы видимъ, что въ правленіе Годунова, съ цѣлію избавиться отъ политическихъ соперниковъ, прибѣгали иногда, при помощи врачей, къ искусственнымъ обвиненіямъ въ отравленіи, считая послѣднее какъ-бы за дѣяніе почти заурядное. Такъ, напримѣръ, тотъ-же Семенъ Годуновъ (вѣдавшій аптеку и докторовъ), подкупивъ казначея Романовыхъ, далъ ему мѣшки, наполненные кореньями, велѣлъ спрятать въ кладовой у боярина Александра Никитича и донести на своихъ господъ, что они, тайно занимаясь составомъ яда, умышляютъ на жизнь вѣнценосца. Въ Москвѣ сдѣлалась тревога: синклитъ и всѣ знатные чиновники спѣшатъ къ патріарху; посылаютъ окольничаго Михайла Салтыкова для обыска кладовой у боярина Александра, находятъ тамъ мѣшки, несутъ къ Іову и въ присутствіи Романовыхъ высыпаютъ коренья, будто-бы волшебные, изготовленные для отравленія Царя. Отдаютъ Романовыхъ подъ крѣпкую стражу и велятъ судить, какъ судятъ беззаконіе (Карамзинъ, Исторія Государства Россійскаго, томъ XI, глава II) [2]).

---

[1]) Рихтеръ, исторія медицины въ Россіи, ч. I, глава XXIV, стр. 383: о болѣзни Датскаго Королевича Іоанна въ Москвѣ.

Карамзинъ, Исторія Государства Россійскаго, т. XI, гл. II.

Иловайскій, исторія Россіи, Москва, 1890, т. III, стр. 366.

[2]) Особенно часто прибѣгали къ ложнымъ сообщеніямъ о раз-

При такомъ состояніи нравовъ, не удивительно то недовѣріе Государей и бояръ даже къ придворнымъ и приближеннымъ врачамъ, которое ясно замѣчается въ эту эпоху. Такъ, напримѣръ, Царь Іоаннъ Васильевичъ Грозный относился къ врачамъ очень хорошо и къ нѣкоторымъ изъ нихъ былъ весьма расположенъ, тѣмъ не менѣе лекарствъ изъ рукъ ихъ непосредственно не принималъ; оно подносилось ближнимъ бояриномъ, и это считалось гарантіей, что оно не заключаетъ въ себѣ отравы. Это говоритъ и Guaginus и Курбскій [1]). Вообще всегда, прежде пріема лекарства Царемъ, оно отвѣдывалось либо самимъ медикомъ, либо однимъ изъ приближенныхъ ко двору лицъ. Въ запискахъ голландскаго посланника, фанъ-Кленка, 1676 года, находимъ, что медикъ Розенбургъ вынужденъ былъ однажды выпить всю стклянку лекарства, назначеннаго для Царицы, которое, будучи, по неосмотрительности аптекаря, не слишкомъ точно приготовлено, произвело тошноту у одной изъ придворныхъ, отвѣдывавшей его, прежде поднесенія Государынѣ [2]). Извѣстно, что докторъ фонъ-Гаденъ и докторъ Гутменшъ были оба умерщвлены, по подозрѣнію въ отравленіи скончавшагося Государя Ѳеодора Алексѣевича. Подозрѣвали особенно, что Гаденъ отравилъ Государя посредствомъ яблока, разрѣзаннаго и наполненнаго ядомъ [3]).

Въ эту эпоху медицина по-прежнему часто смѣшивалась и отождествлялась съ колдовствомъ, сфера естественнаго со сферою сверхъестественнаго. Въ эту эпоху по-прежнему можно замѣтить вѣру въ чародѣйство и смѣшеніе профессіональ-

---

личныхъ мнимыхъ отравленіяхъ, при содѣйствіи врачей, въ смутное время. Такъ, напримѣръ, Гонсѣвскій, сообщая Лжедмитрію о томъ, что будто-бы Годуновъ живъ, добавляетъ, что Борисъ велѣлъ, вмѣсто себя, схоронить другаго человѣка, опоеннаго ядомъ (Карамзинъ, Исторія, т. XI, гл. IV).

[1]) Германъ, вышеназв. сочиненіе, стр. 46.

[2]) Ханыковъ, исторія медицинской полиціи въ Россіи, стр. 361 и 362.

[3]) Рихтеръ, исторія медицины въ Россіи, ч. II, стр. 264.

ныхъ ядотворцевъ съ колдунами. Все это лучше всего подтверждается усиленною законодательной и указной дѣятельностію въ этомъ направленіи.

Такъ, напримѣръ, 23-го декабря 1689 года послѣдовалъ именной указъ о казни волшебниковъ и чародѣевъ. „Воровъ и богоотступниковъ Андрюшку Безобразова да человѣка его Ивашку Щербачева, да волхвовъ и чародѣевъ нижегородскихъ коноваловъ Дорошку Прокофьева и Ѳедьку Бобылева, за ихъ воровство и на ихъ государское здоровье злой волшебный и богоотмѣнный умыселъ, по Уложенію, казнить смертію: Андрюшкѣ и Ивашкѣ отсѣчь голову, а волхвовъ-коноваловъ Дорошку и Ѳедьку [1]) сжечь въ срубѣ“ [2]). Вина этихъ четырехъ осужденныхъ состояла въ слѣдующемъ: Андрюшка умышлялъ на здоровье Великаго Государя и на Матерь его и посылалъ людей (Ивашку) по ворожей и по волхвовъ ворожить о ихъ здоровьи. Дорошка то вражеское дѣло на Великаго Государя заговорными словами дьявольски по вѣтру напускалъ. Ѳедька тому злому, вражескому и богоотступному дѣлу Дорошку училъ [3]).

По Воинскому Уставу Петра Великаго, всякое чародѣйство наикрѣпчайше запрещается; чародѣи гоняніемъ шпицрутенами наказаны или весьма сожжены имѣютъ быть. Какъ было указано выше, въ толкованіи къ этому артикулу прибавлено, что сожженіе есть обыкновенная казнь чародѣямъ, если они помощію чародѣйства причинятъ кому-либо вредъ [4]). По

---

[1]) Про него говорится въ указѣ: Ѳедька — конскій мастеръ и людскія болѣзни лѣчитъ.

[2]) Оба коновала были дѣйствительно сожжены „на болотѣ въ срубѣ“. Безобразову на площади отсѣкли голову, а Щербачеву „смертная казнь была сказана и на плаху былъ положенъ“, затѣмъ учинено ему было жестокое наказаніе „битъ кнутомъ на козлѣ нещадно и сосланъ въ сибирскіе города въ ссылку съ женою и дѣтьми на вѣчное житіе“.

[3]) Полн. Собр. Зак., томъ III, № 1362.

[4]) Полн. Собр. Зак., томъ V, № 3006, Уставъ Воинскій, Артикуловъ глава I, арт. 1 и толкованіе.

Морскому Уставу точно также всѣ чародѣйства съ великимъ подтвержденіемъ запрещаются: чародѣи и тѣ, кто причинили вредъ отравою, подлежали смертной казни чрезъ сожженіе [1]). Въ Регламентѣ-же Духовной Коллегіи, между прочимъ, говорится, что долгъ Сѵнода отмѣнить все, что именемъ суевѣрія наречено быть можетъ и есть лишнее, ко спасенію непотребное, а равно всѣ вымыслы, ведущіе человѣка въ недобрую практику [2]).

Въ царствованіе Императрицы Анны Іоанновны, 25 мая 1731 года, былъ объявленъ изъ Сената именной указъ о наказаніяхъ за призываніе волшебниковъ и о казни таковыхъ обманщиковъ: „оные обманщики, говорится въ указѣ, казнены будутъ смертію — сожжены“ [3]). Тѣмъ не менѣе, случаи этого рода повторялись по-прежнему, доказательствомъ чему служитъ, напримѣръ, то, что черезъ четыре года, послѣ изданія упомянутаго указа, снова разсматривалось подобное-же дѣло о нѣсколькихъ женщинахъ, обвинявшихся въ профессіональномъ занятіи чародѣйствомъ и чародѣйственнымъ врачеваніемъ. Вслѣдствіе сего, 12 іюня 1735 года, былъ изданъ Сенатскій указъ [4]) о тѣлесномъ наказаніи за волшебство, по учиненіи напередъ виновницамъ [5]) пытки. Затѣмъ, черезъ два съ половиною года, послѣдовало подтвержденіе Сѵноду о пресѣченіи суевѣрій (25 ноября 1737 года) [6]).

При Императрицѣ Екатеринѣ II-ой, былъ изданъ также рядъ весьма полезныхъ указаній и правилъ касательно чародѣйства и колдовства. Такъ, напримѣръ, 14-го марта 1770 г.

---

[1]) Полн. Собр. Зак., томъ VI, № 3485, Уставъ Морской, Книга IV, глава 1, арт. 1 и толкованіе.

[2]) Полн. Собр. Зак., томъ VI, № 3718, Регламентъ или Уставъ Духовной Коллегіи 1721 года, Часть II, Дѣла общія, пункты 1—10.

[3]) Полн. Собр. Зак., томъ VIII, № 5761.

[4]) Полн. Собр. Зак., томъ IX, № 6748.

[5]) Изъ нихъ одна, Акилина Дрониха, показала о себѣ, что она помогала отъ переполоху и отъ ранъ шептаніемъ.

[6]) Полн. Собр. Зак., томъ X, № 7450.

былъ объявленъ указъ о предостереженіи судей отъ неправильныхъ слѣдствій и рѣшеній по дѣламъ о колдовствѣ и чародѣйствѣ [1]). Затѣмъ, въ Инструкціи сотскому съ товарищи (19-го декабря 1774 года) было разъяснено, что къ обязанностямъ сотскихъ и десятскихъ относится также наблюденіе за тѣмъ, чтобы не были терпимы въ селеніяхъ волшебники и другіе „сего рода обминщики", каковыхъ предписано приводить въ Городскія канцеляріи и подвергать наказанію [2]). Наконецъ, въ Уставѣ Благочинія (8-го апрѣля 1782 года) еще опредѣленнѣе выраженъ взглядъ законодателя на народныя суевѣрія колдовства и чародѣйства: „Колдовство, чародѣйство, предсказаніе и прочія сего рода прельщенія считать за явный обманъ и виновниковъ онаго подвергать полицейскимъ наказаніямъ по мѣрѣ вины. Буде-же кто учнетъ чинить колдовство или чародѣйство или иной подобный обманъ и отъ такого... нашептанія на траву или питіе причинится вредъ: того отослать къ суду, гдѣ учинить съ нимъ какъ законы повелѣваютъ" [3]).

Подобно вопросу о чародѣйственномъ врачеваніи, о знахарствѣ, и вопросъ о недозволенномъ врачеваніи, какъ источникѣ всевозможныхъ тѣлесныхъ поврежденій вообще и отравленій въ частности, у насъ въ Россіи, обращалъ на себя вниманіе законодателя уже издавна. Еще при Петрѣ Второмъ, 25 іюля 1729 года, послѣдовалъ извѣстный Высочайшій указъ, которымъ, подъ страхомъ наказанія, воспрещалась всякая медицинская практика тѣмъ лицамъ, кои не имѣли и не могли представить свидѣтельства въ знаніи медицины [4]). Въ царствованіе Императрицы Елизаветы Петровны былъ изданъ новый указъ, подтвердившій приведенныя требованія указа Петровскаго. Въ этомъ указѣ значится слѣдующее: „Правительству-

---

[1]) Полн. Собр. Зак., томъ XIX, № 13427.

[2]) Полн. Собр. Зак., томъ XIX, № 14231, Инструкція сотскому съ товарищи, пунктъ 2.

[3]) Полн. Собр. Зак., томъ XXI, № 15379, Уставъ Благочинія или Полицейскій, статьи 224 и 226.

[4]) Полн. Собр. Зак., томъ VIII, № 5449.

ющій Сенатъ приказали: по представленію Медицинской Канцеляріи, чтобы неученые въ медико-хирургической практикѣ, не освидѣтельствованные и неудостоенные отъ Медицинской Канцеляріи всякаго чина люди, подъ жестокимъ штрафомъ и тѣлеснымъ наказаніемъ, лѣчить никого не дерзали, да и болящіе къ себѣ таковыхъ подъ жестокимъ-же штрафомъ не призывали" [1]).

По Своду Законовъ Уголовныхъ 1832 года, къ особеннымъ видамъ смертоубійства [2]) было отнесено также умышленное во чревѣ умерщвленіе и вытравленіе плода, и причиненіе смерти отъ непозволительнаго леченія шарлатанами и другими лицами, не имѣющими на то права [3]). Иностранцевъ, выдающихъ себя подложно за врачей, „яко обманщиковъ" опредѣлено было высылать за-границу, съ объявленіемъ о шарлатанствѣ ихъ во всеобщее свѣдѣніе и съ извѣщеніемъ о томъ ихъ правительства [4]).

Затѣмъ, врачъ или аптекарь, изобличенные въ учиненіи убійства, первый прописковю, а послѣдній отпускомъ ненадлежащаго лекарства или не въ надлежащемъ количествѣ, — под-

---

[1]) Полн. Собр. Зак., томъ XIV, № 10586.

[2]) Особенными видами смертоубійства считались, по Своду Законовъ: убійство родственное (то-есть убійство отца или матери, чадоубійство, братоубійство, убійство мужемъ жены и обратно, убійство прочихъ родственниковъ); убійство начальниковъ подчиненными и обратно; убійство господъ слугами и обратно; убійство лицъ при отправленіи ими должностей (Св. Зак. т. XV, ст. 341). Эти особенные виды смертоубійства подлежали тѣмъ-же наказаніямъ, какія были положены за убійство вообще (ст. 342). Въ примѣчаніи къ этой статьѣ значится: по силѣ Уложенія, Воинскихъ Артикуловъ и Морскаго Устава полагается по симъ особеннымъ видамъ умышленнаго смертоубійства тяжкая смертная казнь, какъ-то: окопаніе живаго въ землю, колесованіе и др., по прочимъ же случаямъ менѣе тяжкая смертная казнь.

[3]) Св. Зак. Угол.; статья 343, по изданію 1842 года — статья 374.

[4]) Св. Зак. Угол., примѣчаніе къ статьѣ 343, по изданію 1842 года—примѣчаніе къ статьѣ 374.

вергались, по Своду, наказанію, какъ за неосторожное смертоубійство; умышленное же причиненіе больному смерти, подвергало виновнаго тому-же наказанію, какое положено за умышленное смертоубійство [1]).

Эти опредѣленія помѣщены были въ Сводѣ Законовъ Уголовныхъ (томъ XV) въ книгѣ первой—о преступленіяхъ и наказаніяхъ вообще, въ раздѣлѣ шестомъ—о преступленіяхъ противъ безопасности жизни и противъ правъ общественнаго состоянія лицъ, въ главѣ II—о смертоубійствѣ, въ отдѣленіи III—объ особенныхъ видахъ смертоубійства.

Основаніемъ этихъ статей послужили приведенныя выше постановленія 4-го Марта 1686 года [2]), 14-го Февраля 1700 года [3]), 14-го Августа 1721 года [4]), 25 Іюля 1729 года [5]), 16-го Марта 1750-го года [6]), и именной указъ, данный Сенату, при Императорѣ Павлѣ I, 31-го Іюля 1799 года,—о наказаніи за смертоубійство, воровство-грабежъ и воровство-кражу [7]), а затѣмъ также — законы 8-го Декабря 1827 [8]) и 19-го Декабря 1828 года [9]).

2. Положительное право.

а) *Отравленіе отъ неправильнаго врачеванія.*

По римскому праву врачъ, причинившій вредъ кому-либо, не только былъ обязанъ вознаградить этотъ вредъ, но онъ могъ быть и наказанъ за преступную неосторожность, хотя бы она

---

[1]) Св. Зак. Угол., статья 344, по изданію 1842 года — статья 375.

[2]) Полн. Собр. Зак., томъ II, № 1171.

[3]) Полн. Собр. Зак., томъ IV, № 1756.

[4]) Полн. Собр. Зак., томъ VI, № 3811.

[5]) Полн. Собр. Зак., томъ VIII, № 5449.

[6]) Полн. Собр. Зак., томъ XII, № 9717.

[7]) Полн. Собр. Зак., томъ XXV, № 19059.

[8]) Полн. Собр. Зак., №. 1601.

[9]) Полн. Собр. Зак., № 2531, § 2.

и была слѣдствіемъ его незнанія, но только такого, въ которомъ онъ былъ самъ виновенъ. Каролина опредѣляетъ, что если какой-либо врачъ неумышленно, отъ неумѣнья или невнимательности, причинитъ своимъ лекарствомъ смерть, и мнѣніемъ врачей экспертовъ будетъ засвидѣтельствована недопустимость употребленнаго средства, то въ случаѣ смерти должно быть назначено произвольное наказаніе [1]). Дамгудеръ говоритъ: „Moriens imperitia Medicorum aut Chirurgorum vulneratorem, non mortis, sed laesionis tantum reum efficit". И вообще: „Medici et Chirurgi, peccantes lata culpa, puniendi arbitrariae" [2]).

Баварское Уложеніе 1813 года, во всякомъ случаѣ наказывало какъ за тяжкую преступную неосторожность, если врачъ получившій законное свидѣтельство, причинитъ вредъ по недостатку обще-обыкновенныхъ познаній, необходимыхъ для его занятій. Въ Австрійскомъ Уложеніи 1852 года мы находимъ слѣдующее постановленіе: Врачъ, который при пользованіи какого-либо больнаго совершилъ такую ошибку, изъ которой совершенно очевидно его незнаніе, дѣлается виновнымъ въ нарушеніи, если вслѣдствіе его ошибки произошло только тяжкое поврежденіе, и въ проступкѣ, если отъ этого произошла смерть; въ силу этого онъ лишается права практиковать до тѣхъ поръ, пока новымъ испытаніемъ не докажетъ, что онъ надлежащимъ образомъ пополнилъ недостающія у него свѣдѣнія [3]).

Въ проектѣ нашего Уложенія о наказаніяхъ 1845 года мы уже находимъ самостоятельный отдѣлъ о недозволенномъ и

---

[1]) Peinliche Gerichtsordnung Karls V, art. 134. Boehmer, Meditationes ad 134.

[2]) Damhauder, Praxis rerum criminalium, 1562.

[3]) Strafgesetzbuch für das Königreich Bayern, München, 1813, art. 67.

Австр. Strafgesetzbuch für Verbrechen, Vergehen und Uebertretungen, § 357. Stenglein, 3 B.

Berner, Körperverletzung, § 15, Körperverletzung durch Medicinalpersonen, GS. 22. Ж. М. Ю., 70.

неправильномъ врачеваніи (въ раздѣлѣ восьмомъ—о преступленіяхъ и проступкахъ противъ общественнаго благоустройства и благочинія, въ главѣ первой—о преступленіяхъ и проступкахъ противъ постановленій, ограждающихъ народное здравіе, въ отдѣленіи VIII — о нарушеніи уставовъ врачебныхъ, I, статьи 1040—1044) [1]. Опредѣленія этого отдѣла составлены частію въ дополненіе къ нѣкоторымъ статьямъ Устава Врачебнаго [2], частію основаны на статьяхъ названнаго Устава [3].

Въ статьѣ 117 Устава Врачебнаго предписывается предавать суду уголовному врача, изобличеннаго въ причиненіи смерти прописскою ненадлежащаго лекарства или не въ надлежащемъ количествѣ; а въ статьѣ 375 Свода Законовъ Уголовныхъ за это повелѣно наказывать, какъ за смертоубійство по неосторожности. На семъ основаніи, мы, говорятъ Редакторы проекта, предполагали виновныхъ въ томъ врачей подвергать заключенію въ тюрьмѣ; но Медицинскій Совѣтъ находитъ, что это наказаніе слишкомъ строго, ибо врачъ въ подобныхъ случаяхъ дѣйствуетъ неумышленно, а иногда и по крайнему своему разумѣнію. Совѣтъ предложилъ въ случаѣ нанесенія смерти, подвергать врача лишь церковному покаянію, но съ тѣмъ вмѣстѣ подвергать отвѣтственности лицъ, которые незнающему дали право лечить; согласно съ этимъ замѣчаніемъ Медицинскаго Совѣта и составлены были опредѣленія Проекта (ст. 1042).

---

[1]) Этимъ статьямъ 1040 — 1044 проекта соотвѣтствуютъ статьи 1078—1083 Уложенія 1845 года и статьи 1115—1120 Уложенія 1857 года, которымъ въ Уложеніяхъ изд. 1866 и 1885 г. г. соотвѣтствуютъ статьи 870 и 871, а въ Мировомъ Уставѣ — статьи 104 и 105.

[2]) Такъ, статья 1040 проекта составлена въ дополненіе къ статьямъ 120, 124, 128 и 155 Устава Врачебнаго; статья 1041—въ дополненіе къ статьямъ 175 и 254 Уст. Врач.; статья 1043—въ дополненіе къ статьямъ 592—594 и 596 Уст. Врач.; статья 1044—въ дополненіе къ статьямъ 595 и 688 Уст. Врач.

[3]) Именно, статья 1042 основана на ст. 117 Устава Врачебнаго и на статьѣ 375 Свода Законовъ Уголовныхъ.

Въ нашемъ дѣйствующемъ Уложеніи о Наказаніяхъ, въ раздѣлѣ восьмомъ, въ главѣ первой, въ отдѣленіи седьмомъ — о нарушеніи уставовъ врачебныхъ, сохранились тѣ-же опредѣленія по вопросу о неправильномъ врачеваніи.

Когда медицинскимъ начальствомъ будетъ признано, что врачъ, операторъ, акушеръ или повивальная бабка, по незнанію своего искусства, дѣлаютъ явныя, болѣе или менѣе важныя, въ немъ ошибки, то имъ воспрещается практика, доколѣ они не выдержатъ новаго испытанія и не получатъ свидѣтельства въ надлежащемъ знаніи своего дѣла. Если отъ неправильнаго леченія послѣдуетъ кому либо смерть или важный здоровью вредъ, то виновный, буде онъ христіанинъ, предается церковному покаянію по распоряженію своего духовнаго начальства [1]).

Давшіе дозволеніе на врачебную практику лицамъ, не имѣющимъ всѣхъ требуемыхъ для этого закономъ свѣдѣній, подвергаются: взысканіямъ и наказаніямъ на основаніи правилъ, въ статьѣ 388 Уложенія опредѣленныхъ, то-есть приговариваются, смотря по обстоятельствамъ дѣла: къ вычету отъ трехъ мѣсяцевъ до одного года изъ времени службы; или же къ строгому выговору, со внесеніемъ или безъ внесенія его въ послужной списокъ; или къ строгому замѣчанію [2]).

Къ сожалѣнію, другихъ болѣе основательныхъ опредѣленій по предмету неправильнаго врачеванія у насъ не имѣется; а потому и всѣ вообще случаи причиненія вреда врачами при леченіи объемлются приведенными выше постановленіями нашего Уголовнаго кодекса. Подъ дѣйствіе этихъ статей подходитъ и неумѣлое врачеваніе при помощи ядовитыхъ и сильнодѣйствующихъ веществъ, когда такое леченіе причинило какой-либо вредъ для здоровья и даже самую смерть, то-есть когда имѣло мѣсто неосторожное отравленіе.

---

[1]) Уложеніе о Наказаніяхъ, ст. 870.

[2]) Уложеніе о Наказаніяхъ, ст. 871.

б) *Отравленіе отъ недозволеннаго врачеванія.*

Для состава недозволеннаго врачеванія требуются слѣдующія признаки: 1) Субъектомъ можетъ быть такое лицо, у котораго нѣтъ никакого законнаго свидѣтельства о правѣ пользовать больныхъ; или же такое лицо, которое хотя и имѣетъ надлежащее свидѣтельство, но только съ извѣстнымъ ограниченіемъ; преступны могутъ быть его дѣйствія настолько, насколько онъ переступаетъ предѣлы этого ограниченія. 2) Самая преступная дѣятельность заключается въ томъ, что кто-либо принимаетъ на себя леченіе внутреннихъ или наружныхъ болѣзней или оказаніе помощи при родахъ; употребленіе симпатическихъ средствъ или наговоровъ должно быть отнесено къ разряду мнимыхъ преступленій, если оно только не подходитъ подъ категорію обманныхъ поступковъ. 3) Недозволенное врачеваніе должно быть совершаемо или ради какой-нибудь выгоды, или вопреки особенному запрещенію, или, по крайней мѣрѣ, при отсутствіи соотвѣтствующаго разрѣшенія или признанія со стороны подлежащихъ медицинскихъ учрежденій [1]).

На этомъ основаніи, врачеваніе такими средствами, которыя признаны медицинскими учрежденіями страны за средства цѣлебныя, нельзя преслѣдовать въ порядкѣ уголовномъ, хотя-бы иногда они и оказывали вредное дѣйствіе, по индивидуальнымъ особенностямъ случая. Извѣстная трава Кузмича, не упоминаемая въ Россійской Фармакопеѣ, тѣмъ не менѣе признается у насъ за средство цѣлебное. Коховская жидкость отъ чахотки, не смотря на малую цифру опытовъ, была объявлена въ Германіи, а затѣмъ и повсюду, какъ панацея для чахоточныхъ, и только послѣдовавшіе затѣмъ неблагопріятные случаи леченія, имѣвшіе неоднократно даже смертельный исходъ, положили конецъ этому увлеченію, тѣмъ болѣе

---

[1]) Berner, Körperverletzung, § 13 Medicinalpfuscherei, der Gerichtssaal, neunzehnter Jahrgang, 1867, № 1, стр. 15 и слѣдующ.—Ж. М. Ю., 1867, т. XXXIII, ч. II, стр. 64 и слѣдущ.

что составъ названной жидкости составлялъ какую-то тайну даже для спеціалистовъ.

Съ другой стороны, и врачеваніе такими средствами, которыя признаны если не за цѣлебныя, то за безвредныя, не можетъ вызывать уголовнаго преслѣдованія. Всѣмъ извѣстно, что излеченіе часто зависитъ отъ чисто психологическихъ причинъ—довѣрія врачуемаго къ врачу и вѣры перваго въ средства врача. Извѣстенъ разсказъ о томъ, что одинъ солдатъ въ арміи Фридриха Великаго очень удачно излечивалъ больныхъ простыми хлѣбными шариками. Извѣстно, что и нынѣ простая Невская вода барона Вревскаго приноситъ несомнѣнную пользу мнительнымъ и другимъ больнымъ, излечивая всевозможные нервные и иные недуги.

Но врачеваніе такими средствами, которыя, не будучи безусловно безвредными, въ то-же время не признаются медицинскими учрежденіями за средства цѣлебныя,—ни коимъ образомъ не можетъ быть допускаемо. Поэтому виталинъ Гачковскаго, народная настойка на ста травахъ, пользованіе которыми не всегда проходило безнаказанно для здоровья, ни въ какомъ случаѣ не должны быть признаваемы за средства дозволеннаго врачеванія. Сомнѣніе вызываютъ также и тѣ средства, которыя еще недостаточно провѣрены опытомъ, каковы, напр., Браунъ-Секаровскій способъ подкожныхъ впрыскиваній, пользованіе сперминомъ, новый французскій способъ леченія сильными ядами (нашедшій себѣ нѣкоторыхъ приверженцевъ и у насъ) и т. п.

Въ Уложеніи 1857 года существовали слѣдующія постановленія: 1) Кто, не имѣя званія доктора или лекаря, установленнымъ порядкомъ полученнаго, или особаго на то дозволенія надлежащаго начальства, будетъ постоянно заниматься леченіемъ какихъ-либо внутреннихъ или наружныхъ болѣзней, и въ особенности за денежную плату, или для другихъ собственныхъ выгодъ. . . Сіе постановленіе не относится, однакоже, къ тѣмъ, которые по необходимости и человѣколюбію безвозмездно помогаютъ больнымъ своими совѣтами и сообщеніемъ извѣстныхъ имъ медикаментовъ и иныхъ средствъ леченія . . . (ст. 1115); 2) Повивальная бабка, изобличенная въ леченіи

болѣзней, на пользованіе коихъ, по званію ея, законы не предоставляютъ ей права, равно и фармацевтъ, изобличенный въ прописываніи лекарствъ и леченіи больныхъ, кромѣ лишь чрезвычайныхъ случаевъ, въ законѣ опредѣленныхъ... (ст. 1116).

Эти два постановленія въ Уставѣ о наказаніяхъ, налагаемыхъ Мировыми Судьями, были замѣнены однимъ общимъ правиломъ крайне неопредѣленнаго характера; именно: За врачеваніе изъ корыстныхъ видовъ, въ случаѣ послѣдовавшаго отъ того вреда, виновные, не имѣющіе права заниматься врачебною практикой, подвергаются: аресту не свыше трехъ мѣсяцевъ, или денежному взысканію не свыше трехсотъ рублей (ст. 104).

Послѣ закона 18 декабря 1885 года, эта статья была совершенно измѣнена и значительно расширена. Нынѣ она гласитъ слѣдующее: за употребленіе лицами, не имѣющими права заниматься врачебною практикою, при врачеваніи, ядовитыхъ или сильно-дѣйствующихъ веществъ (Уставъ Врачебный, ст. 879 и приложеніе), виновные, сверхъ отобранія сихъ веществъ въ пользу мѣстныхъ богоугодныхъ заведеній, подвергаются: аресту не свыше трехъ мѣсяцевъ или денежному взысканію не свыше трехсотъ рублей. Правило это не примѣняется къ лицамъ, которыя по человѣколюбію, безмездно помогаютъ больнымъ своими совѣтами и извѣстными имъ средствами леченія.

При обсужденіи вопроса о преступности этого дѣянія, замѣчаетъ проф. Неклюдовъ, необходимо дѣлать весьма строгое различіе между дѣйствительнымъ врачеваніемъ и простою дачею совѣтовъ. Не можетъ почитаться врачеваніемъ простая рекомендація испробовать такое-то средство. Уставъ, умалчивая о томъ, должно ли быть врачеваніе по ремеслу или же только случайное, восполняетъ этотъ пробѣлъ требованіемъ корыстной цѣли, что уже само собой свидѣтельствуетъ за врачеваніе по ремеслу. Кромѣ корыстности леченія, законъ требуетъ непремѣнно, для наказуемости проступка, наличность вреда отъ леченія. Посему, коль скоро лекарство осталось безъ всякихъ дѣйствій или же когда окажется, что происшедшій вредъ здоровью произошелъ отъ какихъ-либо постороннихъ врачеванію причинъ, то о преступности дѣянія не можетъ быть и рѣчи. Противъ этого

послѣдняго требованія Устава возсталъ, какъ извѣстно, медицинскій міръ, которому хотѣлось бы преслѣдовать всякое врачеваніе вообще, будь оно корыстное или безкорыстное, полезное или вредное. Съ подобнаго рода мнѣніемъ согласиться, очевидно, невозможно: оно отзывается совершеннымъ незнаніемъ русской жизни и тщеславною вѣрою въ свою собственную непогрѣшимость. Нельзя не замѣтить, что и при существованіи Уложенія 1857 г., наказывавшаго за недозволенное врачеваніе вообще, независимо отъ его послѣдствій, медицинское начальство не очень-то ревностно преслѣдовало шарлатановъ: стоитъ только припомнить то обстоятельство (дѣло Риммера и Копыловскаго), что физикатъ оставлялъ безъ послѣдствій многочисленныя жалобы на обманы и шарлатанство потому только, что онѣ были писаны не на гербовой бумагѣ [1]).

Впрочемъ, по вопросу о недозволенномъ врачеваніи приходится постоянно сталкиваться съ бытовыми взглядами народа на медицину вообще. Народъ, говоритъ Г. И. Моллесонъ, знаетъ одну науку—свою жизнь, одно руководство—собственный житейскій опытъ. Для него наука—собраніе фактовъ такого житейскаго опыта: о томъ же, что внѣ послѣдняго, онъ имѣетъ самыя смутныя представленія. Кто прожилъ дольше, кто старше годами, тотъ опытнѣе, тотъ ученѣе; если онъ грамотный, значитъ еще больше однимъ опытомъ, который при нѣкоторыхъ условіяхъ можетъ уравновѣсить даже лѣта. Но, вообще говоря, народъ весьма недовѣрчиво, чтобы не сказать болѣе, смотритъ на то, что человѣкъ, пользуясь лишь опытами своихъ отцовъ, можетъ стать въ иномъ отношеніи, наравнѣ съ человѣкомъ пожилымъ. Для народа каждый долженъ *самъ* пройти свою науку жизни и только тогда принимать какое-либо участіе въ дѣлахъ общества. Поэтому крестьянину весьма странно слышать, когда ему говорятъ, что въ теченіе сравнительно весьма короткаго срока времени можно, поучившись

---

[1]) Н. А. Неклюдовъ, руководство къ особенной части русскаго уголовнаго права, СПб., 1876, томъ I, стр. 239 и слѣдующ.

въ школѣ, узнать и устройство человѣка и какія бываютъ болѣзни и способъ ихъ леченія и свойства самыхъ лекарствъ. По его понятіямъ человѣкъ способенъ развѣ только научиться метать кровь, дергать зубы, ставить банки и производить прочія въ этомъ родѣ механическія манипуляціи; остальное-же— дѣло житейскаго опыта или вліяніе сверхъестественныхъ силъ. Поэтому каждый, у кого есть охота и запасъ этого опыта, можетъ съ удобствомъ, напримѣръ, и лечить. А если, при этомъ, онъ пріобрѣлъ способность знаться съ нечистымъ, значитъ—дѣло пойдетъ только еще успѣшнѣе. Сообразно съ этимъ взглядомъ, въ понятіяхъ народа не существуетъ почти никакого серьёзнаго различія между врачемъ и фельдшеромъ, и между ними и остальнымъ лечащимъ людомъ: для него кто *лечитъ* — все равно — тотъ и *лекарь*, будетъ ли это врачъ, фельдшеръ, знахарка (лекарка), отставной солдатъ, коновалъ и проч. Онъ видитъ разницу только во внѣшности, въ формѣ. А такое врачеваніе и является источникомъ новыхъ заболѣваній и отравленій, не рѣдко со смертельнымъ исходомъ.

Въ отношеніи-же интеллигентныхъ классовъ общества, еще Клодъ-Бернаръ остроумно замѣтилъ, что „всѣ считаютъ себя способными вопрошать природу посредстомъ опыта. Это одно изъ самыхъ частыхъ и важныхъ заблужденій. Но такого рода увѣренность встрѣчается только въ области медицины и физіологіи. Когда какое-нибудь компетентное лицо излагаетъ спеціально физику или химію, то нефизики и нехимики обыкновенно молчатъ и избѣгаютъ вступать въ споръ, въ которомъ они чувствуютъ себя безсильными. Но подобный случай не имѣетъ мѣста, когда дѣло идетъ о медицинѣ. Здѣсь всѣ считаютъ себя способными о ней толковать и говорить“. А отсюда и появляются мнимые знатоки медицины, врачующіе довѣрчивыхъ людей и зачастую отравляющіе ихъ своими медикаментами[1]).

---

[1]) И. Моллесонъ, очеркъ народной медицины въ Россіи, Архивъ Судебной Медицины и Общественной Гигіены, изд. Медицин. Департ., 1869 года, № 4 стр. 1 и слѣдующ.

Со всѣми этими явленіями долженъ былъ считаться и законодатель. По нашему послѣднему закону 11-го Марта 1875 года, если отъ врачеванія лицами, не имѣвшими на то права и употреблявшими при леченіи ядовитыя и сильно-дѣйствующія вещества (Уставъ Врачебный, ст. 879 и приложеніе), произойдетъ вредъ для здоровья, то виновные въ такомъ отравленіи подвергаются: заключенію въ тюрьмѣ отъ двухъ до четырехъ мѣсяцевъ; или аресту отъ семи дней до трехъ мѣсяцевъ; или денежному взысканію не свыше трехсотъ рублей [1]).

II. Нарушеніе правилъ о ядовитыхъ и сильнодѣйствующихъ веществахъ.

1. Исторія.

Только въ XVI вѣкѣ знахарство, какъ было уже отмѣчено выше, начинаетъ уступать мѣсто врачеванію въ собственномъ смыслѣ, основанному на началахъ медицины. При Царѣ Іоаннѣ Васильевичѣ Грозномъ открывается первая Московская аптека [2]). При Борисѣ Ѳедоровичѣ Годуновѣ въ 1602 году пріѣзжаетъ въ Россію изъ Англіи аптекарь Яковъ Френшамъ (James Frencham) и привозитъ съ собою значительный запасъ лекарствъ [3]). Въ началѣ XVII, а быть можетъ и въ концѣ XVI вѣка (см. выше, стр. 148), учреждается аптекарскій приказъ, состоявшій вначалѣ только изъ иностранныхъ докторовъ [4]).

---

[1]) Уложеніе о Наказаніяхъ, изд. 1885 года, по продолженіямъ 1890 и 1891 годовъ, ст. 871[1].

[2]) Рихтеръ, Исторія Медицины въ Россіи, ч. I, стр. 300 и сл.: Прибытіе Аптекаря изъ Англіи въ 1581 году. Заведеніе Придворной Аптеки въ Москвѣ; также пріѣздъ фельдшеровъ изъ Англіи въ Россію. И. Е. Андреевскій, полицейское право, СПб., 1874, I, § 120, стр. 417. Ср. И. Т. Тарасова, учебникъ науки полицейскаго права, вып. 2, М., 1893, стр. 586.

[3]) Рихтеръ, l. c., стр. 378 и слѣд.

[4]) Уже Маржеретъ, въ изданномъ имъ въ 1607 году въ Парижѣ сочиненіи своемъ „Estat de l'Empire de Russie et Grand Duché de

При Царѣ Петрѣ Алексѣевичѣ, 22-го ноября 1701 года, послѣдовалъ именной указъ о заведеніи въ Москвѣ вновь восьми аптекъ и объ уничтоженіи зелейныхъ лавокъ: „по всѣмъ улицамъ и по перекресткамъ, лавкамъ, въ которыхъ продавали всякія непотребныя травы и зелья будто вмѣсто лекарствъ, не быть, и тѣ по улицамъ и по перекресткамъ лавки всѣ сломать и очистить, а въ томъ зелейномъ ряду торговать иными товары, какими пристойно; а въ аптеки покупать всякія лекарства за моремъ и у города Архангельска и въ Азовѣ градѣ, кому случнѣе и способнѣе“ [1]). Черезъ пять дней послѣ этого указа, 27-го ноября 1701 года выдана уже была жалованная грамота иноземцу Ягану Готфриду Григорію, на построеніе въ Новонѣмецкой слободѣ аптеки, и на свободную продажу въ ней всякихъ лекарствъ [2]). Вскорѣ за симъ послѣдовалъ еще именной указъ о покупкѣ въ Верхнюю Государеву (Придворную) аптеку аптекарскихъ матеріаловъ и лекарственныхъ растеній, привозимыхъ въ Москву изъ Сибири; какъ-то: коренья, мускуса, каменнаго масла и прочихъ аптекарскихъ товаровъ [3]).

Moscovie“, говоритъ, что одинъ изъ главныхъ государственныхъ сановниковъ тогдашняго правительства въ Россіи имѣлъ „надзоръ за медиками“, и назывался „Аптекарскимъ Бояриномъ“ (Aptekarsky Boyar). Изъ этого видно, что главное завѣдываніе медицинской частію сосредоточено было въ рукахъ названнаго сановника уже при Борисѣ Годуновѣ. Когда оно ввѣрено было Аптекарскому Приказу, съ точностію опредѣлить нельзя, но первыя упоминанія о томъ относятся къ 1620 году: въ это время говорится о находившемся при Аптекарскомъ Приказѣ переводчикѣ Захарьевѣ. (Ханыковъ, Медицинская полиція въ Россіи, стр. 354 и 355).

Ср. Рихтеръ, l. c., ч. II, стр. 6: Трудно съ надлежащею точностію опредѣлить, въ которомъ году учрежденъ Аптекарскій Приказъ. Можно однакоже съ нѣкоторою вѣроятностію положить время его въ царствованіе Михаила Ѳеодоровича около 1620 года.

[1]) Полн. Собр. Зак., томъ IV, № 1879. Рихтеръ, l. c., ч. III, прибавл. № 1, стр. 1.

[2]) Полн. Собр. Зак., томъ IV, № 1881. Рихтеръ, l. c., ч. III, прибавл. № 2, стр. 5.

[3]) Полн. Собр. Зак., томъ IV, № 1909.

Воинскіе Артикулы и Морской Уставъ Петра Великаго уже болѣе подробно опредѣляютъ обязанности врачей и аптекарей. Въ Уставѣ Воинскомъ, въ главѣ 33 „о аптекѣ, о полевыхъ докторахъ, аптекаряхъ, лѣкаряхъ и ихъ должности“ читаемъ между прочимъ слѣдующее: „Полевому аптекарю надлежитъ не токмо знать по рецептамъ лѣкарства готовить и составливать, но и прилежать, свѣжія и добрыя лѣкарства, а не лежалыя и бездѣйствительныя при себѣ имѣть; и при расходѣ оныхъ благовременно оныя припасти, дабы въ томъ отнюдь никакова недостатка не было. Такожде надлежитъ ему годныхъ и искусныхъ товарищей имѣть, которые бы художество основательно разумѣли, и оной на нихъ въ томъ надѣяться могъ. О чемъ особливо докторамъ зѣло прилежное надзираніе и попеченіе имѣть надобно“ [1]). Аналогическія постановленія находимъ мы и въ Морскомъ Уставѣ, въ книгѣ третьей, въ главахъ пятой (§ 4) и десятой (§§ 1—2) [2]).

Въ 1721 году извѣстный Докторъ Блюментростъ подалъ Царю составленные имъ „пункты“. Пункты эти вызвали особый именной указъ 14-го августа того-же года объ учрежденіи въ городахъ аптекъ подъ смотрѣніемъ Медицинской Коллегіи и о вспоможеніи пріисканіемъ медикаментовъ въ Губерніяхъ. Именно „Великій Государь указалъ: по пунктамъ Доктора Блюментроста, которые онъ подалъ Его Величеству объ учрежденіи Коллегіумъ-Медикумъ, учинить рѣшеніе въ Сенатѣ; въ Санктпетербургѣ и въ губерніяхъ и провинціяхъ, аптеки позволить содержать вольныя, противъ того, какъ и въ Москвѣ такія аптеки обрѣтаются и содержать оныя въ Канцеляріи Медицинской, подъ смотрѣніемъ оной“ [3]).

---

[1]) Полн. Собр. Зак., томъ V, № 3006: Воинскій Уставъ 30-го марта 1716 года, глава 33, арт. 2.

[2]) Полн. Собр. Зак., томъ VI, № 3485: Морской Уставъ 13 генваря 1720 года, книга 3, глава 5, § 4—кто въ какіе сроки повѣряетъ на кораблѣ расходъ лекарствъ; глава 10, §§ 1 и 2—кто ихъ принимаетъ и хранитъ.

[3]) Полн. Собр. Зак., томъ VI, № 3811, резолюція на пунктъ 4.

При Императрицѣ Аннѣ Іоанновнѣ приняты были новыя мѣры къ упорядоченію торговли ядовитыми и сильно-дѣйствующими веществами, дабы предотвратить случаи неосторожныхъ отравленій. 6-го февраля 1731 года былъ объявленъ изъ Сената именной указъ о непродажѣ и недержаніи въ лавкахъ мышьяку кромѣ аптекъ. „Ежели-же кто впредь, говорится въ указѣ, въ противность сего Ея Императорскаго Величества указу мышьякомъ торговать станутъ, и съ тѣмъ пойманы или на кого донесено будетъ: тѣмъ учинено будетъ жестокое наказаніе, и сосланы будутъ въ ссылку въ сибирскіе дальніе города; то-же учинено будетъ и тѣмъ, которые мимо аптекъ и таможенъ у кого покупать будутъ. А въ аптекахъ и въ таможняхъ мышьякъ продавать, смотря по людямъ, знатнымъ людямъ, которымъ можно вѣрить, съ запискою, а прочимъ, кромѣ уѣздныхъ, съ запискою-жъ и съ поруками, и при той продажѣ всегда спрашивать, кому на какія потребы тотъ мышьякъ будетъ надобно; а уѣзднымъ людямъ, кому потребенъ будетъ мышьякъ, приносить письма, за поруками помѣщиковъ, прикащиковъ, старостъ или приходскихъ поповъ“ [1]).

Черезъ два года Императрица принуждена была издать новый указъ (8 генваря 1733 года), запрещавшій продавать въ рядахъ, въ лавкахъ и на торжкахъ мышьякъ и всякія ядовитыя вещества и угрожавшій строгими наказаніями для тѣхъ, кто въ такой непозволительной продажѣ окажутся виновны. Мышьякъ, сулему, цылибуху, крѣпкую водку, купоросное и янтарное масло опредѣлено было продавать только изъ аптекъ,— во избѣжаніе умышленныхъ и неосторожныхъ отравленій. „А ежели кто впредь, гласитъ указъ, мышьякомъ и прочими вышеозначенными матеріалами торговать станутъ, тѣмъ учинено будетъ жестокое наказаніе, и сосланы имѣютъ быть въ ссылку въ дальніе города, безъ всякія пощады; то-же учинено будетъ и тѣмъ, которые мимо аптекъ и ратушъ у кого покупать будутъ. А ежели-жъ кто, купивъ такія ядовитыя веще-

---

[1]) Полн. Собр. Зак., томъ VIII, № 5691.

ства, чинить будутъ поврежденіе людямъ, таковые по розыску не токмо истязаны, но и смертью казнены будутъ, смотря по важности дѣла, неотмѣнно“ [1]).

При Императрицѣ Елизаветѣ Петровнѣ опредѣлено было несомнительные медикаменты отпускать изъ аптекъ по запискамъ отъ домовъ, прочія-же внутреннія лекарства, по рецептамъ докторовъ и лекарей. При этомъ запрещено было неучившимся медицинѣ и не имѣющимъ въ томъ свидѣтельства отъ Медицинской Канцеляріи заниматься леченіемъ больныхъ подъ страхомъ наказанія [2]).

Затѣмъ, въ виду часто повторявшихся случаевъ отравленія, Императрица Елизавета вынуждена была снова подтвердить приведенный выше указъ Анны Іоанновны. Въ новомъ сенатскомъ указѣ отъ 19 іюня 1758 года была сдѣлана подробная ссылка на „указъ блаженной памяти Государыни Императрицы Анны Іоанновны, составленный и въ народѣ публикованный въ 1733 году генваря 8 дня“. Нарушителямъ этого указа угрожается ссылкою въ Сибирь: „Ежели кто, въ противность того указа, мышьякомъ и прочими подобными матеріалами торговать станутъ, сосланы имѣютъ быть въ ссылку въ дальніе сибирскіе города, безъ всякія пощады. Но нынѣ, какъ не безъизвѣстно, и за тѣмъ запретительнымъ указомъ означенные матеріалы изъ рядовъ покупаютъ; того ради Правительствующій Сенатъ приказали: о непродажѣ тѣхъ матеріаловъ, въ подтвержденіе означеннаго указа, публиковать вновь еще указомъ съ такимъ притомъ добавленіемъ, что ежели и за симъ запрещеніемъ кто тѣ ядовитые матеріалы будутъ продавать, съ тѣхъ взыскано имѣетъ быть штрафу по 400 рублей, изъ которыхъ отдавать одну половину на госпиталь, а другую доносителямъ, кто о томъ доносить будетъ, въ награжденіе“ [3]).

Въ царствованіе Императрицы Екатерины Великой изданъ былъ цѣлый рядъ узаконеній, имѣвшихъ въ виду упорядоченіе

---

[1]) Полн. Собр. Зак., томъ IX, № 6304.
[2]) Полн. Собр. Зак., томъ XIV, № 10586.
[3]) Полн. Собр. Зак., томъ XV, № 10851.

торговли ядовитыми и сильно-дѣйствующими веществами, во избѣжаніе случайныхъ и неосторожныхъ отравленій. Такъ, напримѣръ, предписано было Медицинской Канцеляріи смотрѣть за тѣмъ, чтобы во всѣхъ аптекахъ медикаменты, употребляемые въ лекарства, были свѣжіе: „Не безъизвѣстно, что въ аптекахъ медикаменты по рецептамъ отпускаются между свѣжими и такіе, которые отъ долговременнаго лежанія испортились, слѣдственно отъ того, вмѣсто желаемой пользы, иногда вредъ быть можетъ. Потому ежели кто изъ аптекъ дерзнетъ лежалые и испорченные медикаменты въ лекарства употреблять, таковыхъ штрафовать безъ упущенія“ [1]). Затѣмъ предписано было, чтобы въ аптекахъ лекарства составляли во всей точности, по рецептамъ докторовъ и лекарей, безъ малѣйшей въ нихъ перемѣны [2]). Далѣе, Медицинской Коллегіи указано было не давать никому дозволенія дѣлать и продавать цѣлительные бальзамы безъ точнаго оныхъ освидѣтельствованія и безъ представленія Сенату [3]) и т. д.

20-го сентября 1789 года былъ изданъ, наконецъ, общій Аптекарскій Уставъ. Здѣсь между прочимъ предписывалось аптекарю вещи ядовитыя содержать подъ собственнымъ своимъ храненіемъ, за замкомъ и печатью, и отпускать оныя по требованіямъ самому; при отпускѣ, для отвращенія могущаго послѣдовать какого-либо несчастія, имѣть письменный видъ и свѣдѣніе, кому именно и на что требуется, и по таковомъ удостовѣреніи, взявъ отъ присланнаго въ полученіи расписку, отпускать; потомъ вносить все обстоятельно въ особливую книгу [4]). Врачамъ, въ свою очередь, было подтверждено, чтобы они рецепты писали со всевозможною тщательностію явственно

---

[1]) Полн. Собр. Зак., томъ XVI, № 11820, мая 20 1763 года.

[2]) Полн. Собр. Зак., томъ XXI, № 15712, апрѣля 22 1783 года.

[3]) Полн. Собр. Зак., томъ XXII, № 15915. Сенатскій указъ 26 генваря 1784 года; указъ этотъ былъ вызванъ дѣломъ купца Лѣсникова, начавшаго „бальзамъ вывозить несуществительный“.

[4]) Полн. Собр. Зак., томъ XXIII, № 16806, Уставъ Аптекарскій, ст. 18.

и вразумительно, а аптекарямъ, — чтобы въ приготовленіи лекарствъ соблюдали точность прописаннаго въ рецептахъ [1]).

Когда-же, при Императорѣ Павлѣ I, были учреждены медицинскія управы, надзоръ за казенными и вольными аптеками былъ возложенъ на эти установленія; при этомъ медицинскія управы были облечены властію отрѣшать отъ должности и замѣщать аптекарей за различнаго рода упущенія, небрежность и неосторожное обращеніе съ ядовитыми и сильно-дѣйствующими веществами [2]).

Наконецъ, при Императорѣ Александрѣ I, былъ изданъ спеціальный каталогъ ядовитыхъ веществъ, съ показаніемъ вѣса, ниже коего не должны быть продаваемы оныя по травянымъ лавкамъ и проч., съ присовокупленіемъ правилъ для продажи оныхъ. Въ правилахъ этихъ установлены были слѣдующія требованія. Поименованныя въ каталогѣ вещества позволяется всѣмъ матеріалистамъ не иначе имѣть и продавать, какъ каждое порознь, не смѣшивая съ другими, и притомъ не менѣе количества, противу каждаго означеннаго. Всѣ эти вещества должны храниться подъ замкомъ, въ особливыхъ на то отдѣленіяхъ, при коихъ должны быть на то опредѣленные вѣски, гирьки и т. п. Всякій покупающій какое-либо изъ сихъ веществъ долженъ продавцу предъявить свидѣтельство о своемъ имени и званіи, представить вѣрнаго свидѣтеля, могущаго утвердить оное; сверхъ сего покупщикъ долженъ дать обязательство, въ отвѣтственности за всякое зловредное покупаемаго вещества употребленіе. Торговцы-же сими веществами должны имѣть особую книгу, гдѣ вносится за подписаніемъ покупщика годъ, число и количество проданныхъ матеріаловъ, съ означеніемъ званія, имени и прозвища продавца, покупателя и сви-

---

[1]) Полн. Собр. Зак., томъ XXIII. № 17345, іюля 20 1795 года.

[2]) Полн. Собр. Зак., томъ XXIV, № 17743, генваря 19 1797 года. Высочайше утвержденный докладъ Медицинской Коллегіи объ учрежденіи Медицинскихъ Управъ. Инструкція Врачебной Управы §§ 19, 20, 21 и 22.

дѣтеля, съ объясненіемъ для какой потребности матеріалъ проданъ [1]).

Всѣ эти полицейскія предписанія нашего законодательства поразительно напоминаютъ собою соотвѣтственныя имъ постановленія западно-европейскаго права. Стоитъ развернуть, напримѣръ, Прусское Земское Право 1794 года — „Allgemeines Landrecht für die Preussischen Staaten",—чтобы убѣдиться въ полнѣйшей аналогіи требованій, установленныхъ во избѣжаніе неосторожныхъ отравленій [2]). Во Франціи, совершенно сходныя правила о храненіи, продажѣ и употребленіи ядовитыхъ и сильно-дѣйствующихъ веществъ были изложены въ приведенныхъ выше ордоннансахъ Людовика XIV и Людовика XVI. Особенно внимательно отнеслись къ этому вопросу: извѣстный эдиктъ о наказаніи отравителей 1682 года; декларація 1777 года, касавшаяся профессіи аптекарей и москотильщиковъ; декларація объ отравителяхъ 1780 года и нѣкоторыя другія, даже позднѣйшія узаконенія [3]). Изъ этихъ позднѣйшихъ узаконеній особенно важны законъ 19-го іюля 1845 года о продажѣ ядови-

---

[1]) Полн. Собр. Зак., томъ XXXII, № 25664, Высочайше утвержденное мнѣніе Государственнаго Совѣта отъ 28 августа 1814 года —о продажѣ аптекарскихъ матеріаловъ.

[2]) Mannkopf, Allgemeines Landrecht für die Preussischen Staaten in Verbindung mit den ergänzenden Verordnungen, Berlin, 1838, vierter Band, II Theil, VIII Titel, 6 Abschnitt, §§ 456—474 „von Apothekern", стр. 154 и слѣд. Къ § 471, какъ было указано выше, приложено было три обширныхъ списка медикаментовъ.

Ср. Zimmermann, das Allgemeine Landrecht für die Preussischen Staaten im systematischen Auszuge, Berlin, 1847.

[3]) Isambert, Decrusy, Taillandier, Recueil des anciennes lois françaises, règne de Louis XIV, tome XX, № 1022, стр. 396 и слѣдующ.: édit pour la punition des empoisonneurs, devins et autres, Versailles, juillet 1682, art. 4—11.

Jourdan, Recueil, règne de Louis XVI, tome XXV, № 654, стр. 389 и слѣдующ.: Déclaration portant règlement pour les professions de la pharmacie et de l'épicerie à Paris, 25 avril 1777, art. 9—11.

Ibidem, tome IV du règne, т. XXVII, № 1286, стр. 293 и слѣдующ. „Déclaration concernant les empoisonneurs".

тыхъ веществъ, и ордоннансъ 29-го октября 1846 года о томъ-же [1]).

Въ Сводѣ Законовъ Россійской Имперіи, въ Уставѣ Врачебномъ, мы уже находимъ рядъ весьма опредѣленныхъ требованій по вопросу о полиціи аптечной: о внутреннемъ устройствѣ аптекъ, о порядкѣ заготовленія и отпуска лекарствъ, о правахъ и обязанностяхъ фармацевтовъ, объ аптечной таксѣ и т. п.

Въ проектѣ уложенія 1845 года находимъ также рядъ статей (1053—1073) по вопросамъ: о нарушеніи правилъ объ учрежденіи аптекъ, о нарушеніи правилъ внутренняго устройства и управленія аптекъ, о нарушеніи правилъ приготовленія и отпуска лекарствъ. Изъ числа этихъ опредѣленій, одни составлены въ дополненіе къ статьямъ Устава Врачебнаго [2]), другія-же непосредственно основаны на правилахъ Устава Врачебнаго [3]).

---

[1]) На основаніи этого ордоннанса, всякая покупка и продажа ядовитыхъ веществъ должны быть вносимы въ особую вѣдомость, перенумерованную и скрѣпленную мэромъ или полицейскимъ комиссаромъ. Покупка и продажа записываются подрядъ и безъ всякихъ пробѣловъ, одновременно съ ихъ совершеніемъ; въ вѣдомости должны быть показаны родъ и количество купленныхъ или проданныхъ веществъ, а также имя, занятіе и мѣсто жительства покупателя или продавца. Продавать ядовитыя вещества для леченія могутъ только аптекаря и притомъ не иначе, какъ по рецепту врача, хирурга, лекаря или ветеринара, имѣющаго патентъ на право леченія. Въ частности, мышьякъ и его соединенія могутъ быть продаваемы не для леченія только въ смѣси съ другими веществами. Торговцы, фабриканты, заводчики и аптекаря должны держать ядовитыя вещества въ мѣстахъ надежныхъ и запертыхъ на ключъ. О нарушеніи этихъ правилъ составляются протоколы, которые препровождаются къ королевскому прокурору для примѣненія къ виновнымъ наказаній, въ статьѣ 1 закона 19 Іюля 1845 года положенныхъ (см. выше).

[2]) Именно, статьи 1053, 1054, 1056, 1058 — 1062, 1066, 1068, 1069, 1073 Проекта Уложенія о наказаніяхъ 1845 года составлены въ дополненіе къ статьямъ 219—223, 227, 229, 234, 240, 241, 243, 244, 248, 250 п. 4, 253, 261 и прим., 265 Устава Врачебнаго.

[3]) Такъ статья 1057 Проекта Уложенія основана на ст. 226,

Этимъ статьямъ 1053—1073 проекта соотвѣтствуютъ: статьи 1093—1113 Уложенія 1845 года и статьи 1130 — 1140 Уложенія 1857 года, которымъ въ Уложеніяхъ изданія 1866 и 1885 гг. соотвѣтствуютъ статьи 881—890, а въ Мировомъ Уставѣ статья 106. Съ нѣкоторыми измѣненіями и дополненіями, эти опредѣленія дѣйствуютъ и понынѣ. Къ разсмотрѣнію ихъ мы и переходимъ.

2. Дѣйствующее законодательство.

Въ настоящее время у насъ существуютъ весьма подробныя и основательныя правила о храненіи въ аптекахъ и отпускѣ изъ аптекъ ядовитыхъ и сильно-дѣйствующихъ веществъ. Правила эти помѣщены частію въ Россійской Фармакопеѣ („Постановленія Медицинскаго Совѣта, утвержденныя министромъ внутреннихъ дѣлъ, для аптекъ и врачей, относительно руководства Россійской Фармакопеей"), частію въ такъ называемой Аптекарской Таксѣ („Аптекарская Такса, составленная Медицинскимъ Совѣтомъ,—Предувѣдомленіе"). Но особенно существенны и важны для насъ „Правила храненія въ аптекахъ ядовитыхъ и сильно-дѣйствующихъ врачебныхъ средствъ" (Россійская Фармакопея, Приложеніе I) [1]).

---

250 и 258 Устава Врачебнаго; статья 1063—на ст. 266 Уст. Врач.; статья 1064—на ст. 255, 263 и 265 Уст. Врач.; статьи 1065—на ст. 250 п. 3, 259, 376 и 377 Уст. Врач.; статья 1067—на 250 п. 5 и ст. 262 Уст. Врач.; статья 1070—на ст. 232, 235, 236, 237, 250 п. 5 и ст. 258 Уст. Врач.; статья 1072—на ст. 260 Уст. Врач.

Наконецъ, статьи 1055 и 1071 проекта Уложенія являются постановленіями совершенно новыми. Первая изъ нихъ имѣетъ въ виду приготовленіе, въ особенности для продажи, лекарственныхъ веществъ и составовъ, безъ дозволенія правительства внѣ аптеки. Вторая предусматриваетъ ошибочный отпускъ одного лекарства вмѣсто другаго, хотя бы отъ этого и не послѣдовало никакого вреда.

[1]) См. также напр. И. Т. Тарасова, учебникъ науки полицейскаго права, выпускъ второй, Москва, 1893, стр. 379 и слѣдующ.: лекарства и аптеки; стр. 387 и слѣдующ.: Мѣры относительно ядовитыхъ и сильно-дѣйствующихъ веществъ.

На основаніи этихъ правилъ, всѣ *ядовитыя* врачебныя средства, перечисленныя въ спискѣ подъ лит. А (см. выше, стр. 206), должны храниться, какъ въ рецептурной комнатѣ, такъ и въ остальныхъ отдѣленіяхъ аптеки, подъ замкомъ, отдѣльно отъ прочихъ врачебныхъ средствъ. На шкафахъ или ящикахъ, въ которыхъ они хранятся, должна быть надпись: „Medicamenta heroïca" или „Venena". Въ шкафахъ должны находиться вѣрные вѣсы, разновѣсъ, ложечки и ступки, служащія исключительно для приготовленія лекарствъ изъ ядовитыхъ врачебныхъ средствъ.

Равнымъ образомъ и всѣ *сильно-дѣйствующія* врачебныя средства, перечисленныя въ спискѣ Б, должны храниться, какъ въ рецептурной комнатѣ, такъ и въ прочихъ отдѣленіяхъ аптеки, отдѣльно отъ остальныхъ врачебныхъ средствъ въ особыхъ шкафахъ и ящикахъ.

Ключи отъ шкафовъ или ящиковъ съ ядовитыми врачебными средствами должны находиться у управляющаго аптекою, или у одного изъ его помощниковъ, по его усмотрѣнію; этотъ послѣдній, отлучаясь изъ аптеки, обязанъ передать ихъ другому помощнику, по указанію управляющаго аптекою. Тотъ у кого находятся ключи, при поступленіи рецепта, въ которомъ прописано ядовитое средство, обязанъ точно убѣдиться, какъ въ томъ, что означенное средство дѣйствительно прописано, такъ и относительно его количества и затѣмъ, отвѣсивъ прописанное количество, передать его для составленія лекарства. За ошибочное приготовленіе лекарства отвѣчаетъ тотъ, у кого хранятся ключи.

Эти правила для храненія и отпуска ядовитыхъ и сильно-дѣйствующихъ врачебныхъ средствъ, по рецептамъ врачей, соблюдаются также и при отпускѣ ихъ по требованіямъ химиковъ, фабрикантовъ и ремесленниковъ, согласно 265 ст. Учр. Врачебн. и 879 ст. и слѣд. Уст. Мед. Пол. XIII т. Св. Зак., изд. 1857 г. [1]).

---

[1]) Правила храненія въ аптекахъ ядовитыхъ и сильно-дѣйствующихъ средствъ. Россійская Фармакопея изд. 1891 года, приложеніе I, стр. 673 и слѣд.

Въ Аптекарской Таксѣ вещества, недозволенныя къ отпуску изъ аптекъ безъ рецептовъ врачей, отмѣчены знакомъ †. Отпускъ таковыхъ средствъ допускается по требованіямъ химиковъ, но съ точнымъ соблюденіемъ установленныхъ закономъ на этотъ предметъ предосторожностей. Всѣ-же прочія, неозначенныя такимъ знакомъ, средства отпускаются изъ аптекъ и по требованію частныхъ лицъ, безъ предписанія врача [1]).

Отпускъ лекарствъ по сигнатурамъ, безъ подписи врача, когда въ составъ рецепта для внутренняго употребленія или подкожнаго впрыскиванія входятъ вещества, помѣщенныя въ спискѣ А (приложенномъ къ Россійской Фармакопеѣ), или когда на нихъ имѣется помѣтка врача, воспрещающая повтореніе, не дозволяется [2]).

Разъ прописанное врачемъ лекарство, въ составъ котораго входитъ ядовитое или сильно-дѣйствующее средство, можетъ быть отпускаемо изъ аптеки по сигнатурѣ, но не иначе, какъ всякій разъ съ надписью врача (reiteretur и съ означеніемъ года, мѣсяца, числа и фамиліи врача). Безъ надписи врача на сигнатурѣ могутъ быть отпускаемы только лекарства индифферентныя. Въ случаѣ, когда прописанный врачемъ пріемъ ядовитаго или сильно-дѣйствующаго средства, превышаетъ высшій пріемъ, опредѣленный фармакопеей, рецептаріусъ отпускаетъ прописанный пріемъ не иначе, какъ по предварительномъ объясненіи съ врачемъ; въ случаѣ-же невозможности этого, по какой-либо причинѣ, отпускается средство въ томъ высшемъ пріемѣ, какой опредѣленъ Россійской Фармакопеей, о чемъ увѣдомляется врачъ [3]).

---

[1]) Аптекарская Такса, составленная Медицинскимъ Совѣтомъ и утвержденная Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ, СПб., 1892, Предувѣдомленіе, стр. 1—6, § 13..

[2]) Ibidem, § 15.

[3]) Постановленія Медицинскаго Совѣта, утвержденныя Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ, для аптекъ и врачей, относительно руководства Россійской Фармакопеей. Р. Ф. изд. 1891 года, стр. VII—X, § 7.

Прописывая какое-либо изъ означенныхъ въ Фармакопеѣ сильно-дѣйствующихъ средствъ въ пріемѣ, превышающемъ опредѣленный Фармакопеей высшій пріемъ, врачъ обязывается писать въ рецептѣ количество сильно-дѣйствующаго средства прописью, съ прибавленіемъ знака !; въ противномъ случаѣ лекарство не должно быть отпускаемо изъ аптеки безъ предварительнаго объясненія съ врачемъ [1]).

Нарушенія этихъ и другихъ подобныхъ правилъ въ дѣйствительной жизни встрѣчаются весьма часто, но судебная практика наша по этому предмету не особенно богата. Тѣмъ не менѣе можно отмѣтить нѣсколько очень существенныхъ и интересныхъ рѣшеній Кассаціоннаго Сената по настоящему вопросу. Для примѣра приведемъ вкратцѣ хотя одно изъ такихъ дѣлъ.

Провизоръ Генрихъ Гольмъ, содержатель аптеки въ С.-Петербургѣ, которою онъ же и управлялъ, приговоромъ С.-Петербургскаго окружнаго суда, утвержденнымъ судебною палатою, былъ признанъ виновнымъ въ томъ, что въ означенной аптекѣ хранилъ яды и сильно-дѣйствующія вещества въ незапиравшемся отдѣленіи шкафа, въ которомъ въ то же время хранился и хининъ. За такое нарушеніе установленныхъ правилъ Гольмъ, на основаніи 885 ст. улож. о наказ., былъ присужденъ къ лишенію права содержать аптеки и управлять ими. Въ поданный на приговоръ палаты касс. жалобѣ повѣренный Гольма объяснилъ, что довѣритель его долженъ быть освобожденъ отъ наказанія, на основаніи манифеста 15 мая 1883 г. Сенатъ, согласно 166 ст. улож., оставилъ эту жалобу безъ послѣдствій, разъяснивъ при этомъ слѣдующее. Лишеніе навсегда права управлять аптеками и содержать оныя, — при чемъ виновный аптекарь, согласно примѣч. къ 887 ст. улож., обязанъ принадлежащую ему аптеку продать въ продолженіе одного года, а между тѣмъ она поручается управленію другаго лица, по распоряженію медицинскаго начальства,—составляетъ

---

[1]) Тамъ-же, § 9.

особую карательную мѣру, принимаемую закономъ въ этомъ случаѣ для охраненія народнаго здравія, подобно тому, какъ въ другихъ, означенныхъ въ законахъ, случаяхъ опредѣляется запрещеніе производства торговли, прежняго ремесла или промысла, также въ видахъ охраненія народнаго здравія или общественнаго благоустройства [1]).

Дѣйствующее наше Уложеніе о Наказаніяхъ, въ ряду проступковъ противу народнаго здравія различаетъ дѣянія слѣдующаго рода: 1) несогласный съ правилами, ограждающими здоровье, отпускъ лекарства изъ аптеки; 2) недозволенная торговля лекарственными веществами и составами; 3) нарушеніе правилъ о веществахъ ядовитыхъ и сильно-дѣйствующихъ вообще; 4) нарушеніе правилъ о ядовитыхъ и сильно-дѣйствующихъ веществахъ аптеками [2]). Наказанія за эти проступки опредѣлены въ такомъ размѣрѣ:

1. За приготовленіе лекарствъ и лекарственныхъ составовъ не по правиламъ фармацевтики, за составленіе лекарствъ изъ веществъ не того качества или вѣса, какіе въ рецептѣ предписаны, или изъ поврежденныхъ, а равно и за приготовленіе лекарствъ въ нечистыхъ или вредныхъ здоровью сосудахъ, виновный въ томъ управляющій аптекою, хотя-бы отъ этого не было никакихъ вредныхъ послѣдствій, подвергается: денежному взысканію—въ первый разъ, не свыше десяти рублей; во второй не свыше двадцати пяти, а въ третій не свыше ста рублей. Когда-же это произошло отъ нерадѣнія или ошибки подчиненныхъ управляющему фармацевтовъ, то эти послѣдніе подвергаются: въ первый разъ, выговору; во второй, аресту на время отъ семи дней до трехъ недѣль; а въ третій, аресту на время отъ трехъ недѣль до трехъ мѣсяцевъ. Управляющіе и въ этомъ случаѣ, за недосмотръ, подвергаются: въ

---

[1]) Рѣшеніе Уголовнаго Кассаціоннаго Департамента Сената по дѣлу провизора Генриха Гольма, 17 января 1884 года, № 1.

[2]) Н. А. Неклюдовъ, руководство къ особенной части русскаго уголовнаго права, томъ I, стр. 476 и слѣдующ.

первый и второй разъ, замѣчанію; а въ третій, взысканію не свыше пядидесяти рублей [1]).

2. За приготовленіе въ аптекахъ и отпускъ изъ нихъ всякаго рода, такъ называемыхъ, секретныхъ лекарствъ (arcana), исключая лишь одобренныхъ медицинскимъ совѣтомъ, виновные подвергаются денежному взысканію по статьѣ 106 Устава о наказаніяхъ, налагаемыхъ Мировыми Судьями [2]). За приготовленіе для продажи и за продажу безъ надлежащаго разрѣшенія лекарственныхъ веществъ и составовъ, въ случаѣ послѣдовавшаго отъ того вреда, виновные, сверхъ отобранія найденныхъ у нихъ матеріаловъ и посуды въ пользу мѣстныхъ богоугодныхъ заведеній, подвергаются денежному взысканію не свыше ста рублей [3]). За продажу лекарственныхъ веществъ изрѣзанными, изрубленными или приведенными въ порошокъ [4]) и за составленіе лекарствъ по рецептамъ врачей, виновные въ томъ торговцы лекарственными веществами оптомъ (матеріалисты), или во розницу, подвергаются: въ первый разъ—денежному взысканію не свыше ста рублей, а во второй разъ—не свыше двухсотъ рублей [5]). Лица, изобличенныя въ такомъ поступкѣ въ третій разъ, подвергаются денежному взысканію не свыше 500 рублей и запрещенію навсегда производить торговлю лекарственными веществами [6]).

3. За продажу ядовитыхъ и сильно-дѣйствующихъ веществъ лицами неимѣющими на то права, если нарушеніе это не имѣло своимъ послѣдствіемъ причиненія кому-либо смерти, виновные, сверхъ отобранія этихъ веществъ въ пользу мѣстныхъ богоугодныхъ заведеній, подвергаются, въ первый разъ,

---

[1]) Уложеніе о Наказаніяхъ, ст. 892.

[2]) Уложеніе о Наказаніяхъ, ст. 893.

[3]) Мировый Уставъ, ст. 106.

[4]) Исключая однако же тѣхъ, которыя въ такомъ видѣ получаются съ фабрикъ или обращаются въ торговлѣ, напримѣръ, lignum Fernambuci, lignum Guajaci и друг.

[5]) Мировый Уставъ, ст. 106[1].

[6]) Уложеніе о Наказаніяхъ, ст. 883.

или заключенію въ тюрьмѣ на время отъ 2 до 4 мѣсяцевъ, или аресту не свыше трехъ мѣсяцевъ или же денежному взысканію не свыше 300 рублей; а во второй и послѣдующіе разы—заключенію въ тюрьмѣ отъ 4 до 8 мѣсяцевъ [1]). Тотъ-же, кто, имѣя право продавать ядовитыя вещества, продастъ ихъ лицамъ, не имѣющимъ права на покупку, или въ недозволенномъ видѣ, подвергается штрафу до 100 руб. и лишенію навсегда права продажи ядовитыхъ веществъ; въ случаѣ-же повторенія—штрафу до 300 руб. и заключенію въ тюрьмѣ до 4 мѣсяцевъ [2]). За несоблюденіе предписанныхъ мѣръ предосторожности при храненіи и употребленіи ядовитыхъ веществъ, не имѣвшее своимъ послѣдствіемъ смертнаго случая, лица, коимъ дозволено имѣть такія вещества для продажи или употребленія въ промыслѣ или ремеслѣ, подвергаются: въ первый разъ —штрафу до 30 руб., а во второй разъ—до 100 рублей [3]). Изобличенные въ такомъ проступкѣ въ третій разъ подвергаются штрафу до 100 рублей и лишенію права имѣть у себя ядовитыя и сильнодѣйствующія вещества [4]). Въ случаѣ-же, если отъ названныхъ проступковъ причинится кому-либо смерть, виновные, сверхъ установленныхъ взысканій или наказаній, буде они христіане, подвергаются церковному покаянію [5]).

4. За несоблюденіе должной осторожности при храненіи, отпускѣ или употребленіи веществъ не только ядовитыхъ, но и сильно-дѣйствующихъ, управляющій аптекою подвергается: лишенію навсегда права управлять аптеками, а если онъ самъ содержатель, то и права содержать ихъ; управляющіе казенными аптеками отрѣшаются отъ должности [6]). За отпускъ лекарствъ по копіямъ рецептовъ или по сигнатурамъ безъ подписи врача, если въ составъ ихъ входятъ вещества сильно-

---

[1]) Уставъ о Наказ. налаг. Мир. Суд., ст. 104[1].
[2]) Уложеніе, ст. 867.
[3]) Мир. Уставъ, ст. 104[2].
[4]) Уложеніе, ст. 868.
[5]) Тамъ-же, ст. 869.
[6]) Тамъ-же, ст. 885.

дѣйствующія, виновный управляющій аптекою подвергается: въ первый разъ, выговору; во второй—штрафу до 25 руб.; въ третій—до 50 руб.; въ четвертый, ему воспрещается управленіе аптекою въ продолженіи одного года. Виновные въ томъже фармацевты приговариваются: въ первый разъ къ выговору, во второй къ штрафу до 5 руб., въ третій—до 10 руб.; въ четвертый воспрещается фармацевтическая практика въ теченіе одного года. Такимъ-же наказаніямъ подвергаются и виновные въ отпускѣ лекарствъ по сомнительнымъ или неяснымъ, на счетъ количества сильно-дѣйствующихъ веществъ, рецептамъ, безъ предварительнаго объясненія съ прописавшимъ эти рецепты врачемъ. Если отъ названныхъ упущеній послѣдуетъ кому либо смерть, то виновные, кромѣ установленныхъ наказаній, подвергаются еще церковному покаянію (если они христіане) [1]).

---

[1]) Уложеніе, статьи 895, 896 и 899.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Внѣшняя сторона преступленія при отравленіи.

ОТДѢЛЪ I.

Ядъ, какъ средство преступленія.

Древнѣйшее исторически-достовѣрное упоминаніе объ отравленіяхъ, указывающее на знакомство съ ядовитыми веществами и на употребленіе ихъ для изготовленія отравъ, находится (по Duteil'ю) въ одномъ Египетскомъ папирусѣ (изъ Луврской коллекціи), написанномъ за много тысячъ лѣтъ до Рождества Христова. Изъ этого папируса видно, что за оглашеніе священныхъ жреческихъ тайнъ полагалась смертная казнь чрезъ отравленіе. Для этого Египетскіе жрецы употребляли синильную кислоту, добывавшуюся изъ косточекъ персиковъ [1]). Послѣдняя Египетская царица Клеопатра была также знакома съ многими ядами, и не задумывалась иногда прибѣгать къ помощи отравленій [2]).

Затѣмъ, въ Персіи, цари Персидскіе обладали такимъ

---

[1]) Собственно говоря, синильную кислоту въ соединеніи съ бензойнымъ альдегидомъ, или эфирное масло изъ косточекъ персиковъ, абрикосовъ, вишень, горькихъ миндалей.

Kobert, Lehrbuch der Intoxicationen, стр. 1.

[2]) Plinius, l. XXI, c. 3: eductum custodia bibere jussit, illico exspirantem. Marx, l. c.

ядомъ, при помощи котораго они могли лишить себя жизни безъ всякой боли. Поэтому они и сохраняли его самымъ тщательнымъ образомъ. Кромѣ царя и его матери, никто не имѣлъ этого средства (Aelianus, de natura animalium, l. IV, c. 14). Вообще искусство отравленія у Персовъ достигло высшей степени развитія. По замѣчанію Ксенофонта, ни въ одной странѣ не умирали такъ много отъ яда, какъ въ Персіи (Xenophon, Cyrop. l. VIII, c. 8). А между тѣмъ, по обычаямъ Персовъ, отравители подвергались весьма суровымъ наказаніямъ; именно, отравителей клали на камень, а другимъ камнемъ размозжали голову и лицо (Plutarch, Artaxerxes, p. 1021).

Древніе Греки, олицетворяя всѣ силы окружавшей ихъ природы въ образѣ своихъ боговъ, имѣвшихъ всѣ качества и недостатки людей, создали въ своемъ воображеніи также особую богиню чаръ — Гекату (дочь Ночи, олицетвореніе луны) [1]), которая считалась лучшею изыскательницею ядовитыхъ кореньевъ, и весьма свѣдущею въ смертоносныхъ напиткахъ и другихъ зловредныхъ средствахъ. Жрицы ея, чародѣйки, волшебницы, были, такъ сказать, профессіональными отравительницами.

Случаи-же обращенія къ помощи яда въ эти миѳическія и героическія времена встрѣчаются довольно часто. Извѣстно, напримѣръ, что Гераклъ смочилъ свои стрѣлы въ ядовитой желчи лернскаго змія, чтобы раны отъ нихъ были все-

---

[1]) Геката принадлежала къ числу хтоническихъ богинь и считалась покровительницею чародѣйства. Въ честь ея существовали даже особые гимны (Orphica, hymn. I; Ѳеогонія Гезіода, ст. 411—452). Представленіе древнихъ Грековъ о Гекатѣ измѣнялось и было различно въ различные періоды. Основнымъ представленіемъ о ней былъ образъ богини хтонической, богини подземнаго міра, проявляющей свою власть въ разнаго рода чарахъ. (Ср. Roscher, Lexicon der Griech. u. Römisch. Mythologie — Hecate). По Гезіоду Геката — дочь титана Перса и богини Астеріи (Hesiod. Theog. v. 409 sqq.). Дочерью Ночи (конечно, антропоморфическое представленіе) она называется въ схоліяхъ къ Аполлонію Родосскому (III, v. 867. 1034).

гда смертельны [1]). Извѣстно также, что жена Геракла, Дейанира, боясь потерять любовь супруга, отправила ему платье, пропитанное кровью, собранною съ ядовитой стрѣлы; согрѣвшись на тѣлѣ, ядъ причинилъ страшныя мученія, повлекшія за собою самоубійство (самосожженіе) Геракла. Наконецъ, существуетъ цѣлый рядъ миѳовъ объ извѣстной чародѣйкѣ и составительницѣ ядовъ Медеѣ, дочери Аэта [2]): такъ, напримѣръ, однажды она подстрекала престарѣлаго Эгея отравить пришедшаго къ нему, подъ видомъ чужеземца, сына его Тезея; затѣмъ много повѣствуется о ея чародѣяніяхъ въ миѳѣ о походѣ Аргонавтовъ.

Въ Аѳинахъ случаи отравленія сокомъ омега (болиголова) встрѣчались уже во времена Сократа. При этомъ ядъ употреблялся, во-первыхъ, для умерщвленія осужденныхъ: такъ умерли Сократъ [3]) и Тераменъ [4]); во-вторыхъ, согласно Эліа-

---

[1]) Ovidius, Metamorph. IX, 158: Induiturque humeris Lernaeae virus Echidnae.—Одиссей также хотѣлъ привезти ядъ изъ Эфиры, чтобы пропитать имъ свои стрѣлы. Именно, въ Одиссеѣ разсказывается, что Одиссей ѣздилъ на „быстромъ кораблѣ“ въ Эфиру къ Илу, сыну Мермера, желая достать у него ядъ (Φάρμακον ἀνδροφόνον διζήμενος ὄφρα δε εἴη Ἴους χρίεσθαι χαλκήρεας, Homer, Odyss. I. v. 259 sqq.). — Вообще обычай имѣть отравленное оружіе былъ весьма распространенъ въ древности. По свидѣтельству Аристотеля, Кельты пользовались какимъ-то, весьма скоро причиняющимъ смерть, ядомъ для своихъ стрѣлъ. Виргилій пишетъ такъ: ungere tela manu, ferrumque armare veneno (Aeneid. l. IX. v. 771). Эліанъ остроумно полагаетъ, что этому способу защиты люди научились отъ пчелъ (hist. animal. V. 16).

[2]) Ср. трагедію Софокла „Трахинянки“ и трагедію Еврипида „Медея“. Главнымъ факторомъ дѣйствія въ той и другой трагедіи является ядъ. Ѳ. Ф. Зѣлинскій въ своей статьѣ „О Софоклѣ-врачѣ“ подробно касается вопросовъ: о происхожденіи, о приготовленіи, о свойствахъ и о дѣйствіи этого яда. Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, 1896 г., апрѣль, стр. 28 и слѣд.

[3]) Plinius, hist. nat. l. XXV, sect. 95, cap. 13 и 83: *cicuta* venenum est publica Atheniensium poena invisa.

Plato, Phaedon, cap. 66.

Ядъ добываемъ былъ изъ сѣмянъ *цикуты*, которыя для этого

ну, ядъ служилъ и для отравленія дряхлыхъ стариковъ. На одномъ изъ острововъ Эгейскаго моря собирались старики, желавшіе умереть, на послѣдній въ жизни пиръ, и украшенные вѣнками изъ цвѣтовъ пили смертельную чашу. Древніе жители Массиліи, одной изъ колоній Финикіянъ, сохраняли даже въ государственномъ хранилищѣ особый ядъ для той-же цѣли: кто тяготился жизнью, долженъ былъ представить свои основанія суду, который ихъ изслѣдовалъ и затѣмъ или разрѣшалъ смерть и снабжалъ ядомъ, или-же отказывалъ въ подобномъ разрѣшеніи. Въ Карѳагенѣ ядъ также былъ не безъизвѣстенъ: отъ яда умеръ и Ганнибалъ. Случаи-же самоотравленій стали особенно часты въ античномъ мірѣ подъ вліяніемъ ученія стоической философіи, полагавшей, что въ возможности распоряжаться своей жизнію заключается единственная свобода человѣка.

Въ Римѣ, какъ мы указывали выше, особою извѣстностію по части отравленій, пользовалась извѣстная составительница ядовъ Локуста и нѣкоторыя другія женщины [5]). Прибавимъ еще къ этому, что многія отравленія въ Римѣ

растирались и давали убійственный сокъ. Ср. слова Сократа: „пусть кто-нибудь принесетъ ядъ, если онъ стертъ; а если нѣтъ, то пусть сотрутъ“. (Сочиненія Платона, переведенныя съ греческаго и объясненныя проф. Карповымъ, 1863, Ч. II, Федонъ, стр. 142 и слѣд.).

[4]) Xenophon, hist. graec., l. II, c. 3. 56.

[5]) Marx, geschichtliche Darstellung der Giftlehre, Göttingen, 1827, стр. 8—13.

Kobert, Lehrbuch der Intoxicationen, Stuttgart, 1893, стр. 1 и 2.

Venenum, въ римскомъ правѣ, обозначало — цѣлебное средство, особ. ядъ (venenum malum) (l. 3. pr. D. 48, 8. § 2 eod. l. 236 pr. D. 50, 16 = L. XII tab. VIII, 26); пер. venenis infici animos (l. 1 C. 5, 27); sacrilegii ven. (l. 6 § 1 C. Th. 16, 5). Ср. *veneficium*, ядотворство, отравленіе (l. 7 C. Th. 9, 38); *veneficus*, отравитель (§ 5, I, 4, 8); *venenarius* = veneficus (l. 28 § 9 D. 48, 19); *venenatus*, отравленный: telum ven. (l. 10 C. Th. 9, 34). Ѳ. М. Дыдынскій, латинско-русскій словарь къ источникамъ римскаго права, 2-ое изд., Варшава, 1896, стр. 455.

бывали совершаемы весьма хитроумно и незамѣтно. Сеянъ избираетъ для Друза ядъ безвкусный и медленно-дѣйствующій, отъ котораго онъ умеръ такъ, какъ-бы отъ обыкновенной болѣзни (Tacitus, Annal. l. IV, c. 8: Sejanus, maturandum ratus, deligit venenum, quo paullatim inrepente, fortuitus morbus adsimularetur). По свидѣтельству Светонія (Tiberius Claudius Drusus Caesar, cap. 44. 5), Клавдію ядъ былъ введенъ посредствомъ клистира: Nonnuli inter initia consopitum, deinde cibo affluente evomuisse omnia, repetitumque toxico, incertum pultine addito, cum velut exhaustum refici cibo oporteret, an immisso per clysterem, ut quasi abundantia laboranti etiam hoc genere egestionis subveniretur. Въ Византійской Имперіи нельзя не отмѣтить извѣстной отравительницы императрицы Ѳеофано: она отравила своего свекра Константина VIII Багрянороднаго; затѣмъ она отравляетъ своего супруга Романа II, чтобы выйти замужъ за Никифора Фоку; а потомъ содѣйствуетъ Іоанну Цимисхію лишить жизни Фоку; самъ Іоаннъ Цимисхій, повидимому, былъ также отравленъ [1]).

Но даже все то, что во времена Цезарей въ Римѣ было учинено Агриппиной при помощи Локусты, оказалось ничтожнымъ, въ сравненіи съ тѣмъ, что мы видимъ затѣмъ въ христіанскомъ мірѣ. Припомнимъ, напримѣръ, отравленіе Папы Александра VI и его сына Борджіа. Припомнимъ далѣе, что благочестивый Филиппъ II, король Испаніи, весьма широко пользовался однимъ ядомъ, которому онъ далъ даже невинное названіе „Requiescat in pace“. Само собою разумѣется, что и сами властители, прибѣгавшіе къ помощи яда, весьма часто умирали отъ того-же яда. Іоаннъ, король Кастиліи, умеръ отъ отравленной обуви, Генрихъ IV отъ отравленныхъ перчатокъ, Папа Климентъ II отъ дыма отравленной свѣчи. Во Франціи убійства при помощи яда были особенно распространены при Людовикѣ XIV, когда Сенъ-Круа (Saint-Croix),

---

[1]) Повидимому, отъ яда умеръ и Магометъ (такъ думалъ и онъ самъ): его отравила одна еврейка.

де-Бренвилье (Madame de Brinvilliers) и Лесажъ (Le Sage) выступили главными спеціалистами составленія ядовъ. Въ Германіи, въ пользу частаго употребленія яда, съ самыхъ древнихъ временъ, свидѣтельствуютъ уже самыя народныя былины, въ которыхъ чрезвычайно часто упоминается объ отравленіяхъ [1]). Исторія сохранила намъ, кромѣ того, рядъ чудовищныхъ, невѣроятныхъ случаевъ отравленія при совершеніи таинства Святаго причащенія. Папа Викторъ II умеръ въ 1087 году отъ яда, который былъ положенъ въ чашу со Св. дарами. Христофоръ I, король датскій, въ 1268 году, былъ отравленъ облаткою во время самаго причащенія. Императоръ Генрихъ VII, въ 1313 году, точно такъ-же умеръ отъ отравы, положенной въ облатку и въ чашу.

Но, не смотря на сравнительную распространенность отравленій и понынѣ, значеніе яда не выяснено окончательно даже до настоящаго времени. Теоретическія опредѣленія колеблятся и оказываются неустойчивыми, при столкновеніи съ различными новыми видами отравленій. Столь-же неустойчивыми оказываются и практическія, житейскія опредѣленія яда, встрѣчающіяся въ рѣшеніяхъ различныхъ судовъ.

Такъ, напримѣръ, рѣшеніемъ прусскаго верховнаго суда отъ 16 апрѣля 1863 года, согласно съ мнѣніемъ перваго и апелляціоннаго судовъ, было постановлено, что для опредѣленія свойства тѣла, какъ яда, необходимо брать во вниманіе количество его [2]). Три зажигательныя спички не составляютъ яда, въ смыслѣ уголовнаго закона, такъ какъ онѣ содержатъ въ себѣ такое незначительное количество фосфора, что, хотя этотъ послѣдній самъ по себѣ и относится къ ядамъ, онѣ всетаки не могутъ причинить никакого вреда для здоровья. (Ученикъ бросилъ своему мастеру въ пиво три спички). Поэтому уже Бухнеръ задался вопросомъ: нужно-ли для того, чтобы отвѣтить, данъ-ли ядъ въ количествѣ опасномъ для

---

[1]) Кобертъ, l. c., стр. 2 и 3.

[2]) Goltdammer's Archiv, 1863, іюль, стр. 500.

жизни, опредѣлить количество яда, содержащагося во внутренностяхъ отравленнаго, и рѣшаетъ его отрицательно [1]).

Касперъ [2]) сообщаетъ важный случай, гдѣ судъ присяжныхъ приговорилъ къ смертной казни двухъ обвинявшихся въ смертоубійствѣ посредствомъ отравленія. Впослѣдствіи-же доказано было, что отравленія въ этомъ случаѣ не было. Докладчикомъ мнѣнія ученой депутаціи былъ самъ Касперъ, а докладчикомъ по части химическаго изслѣдованія Митчерлихъ. Суть дѣла такова: женщина, 53 лѣтъ отъ роду, послѣ кратковременнаго нездоровья и двухъ изверженій рвотою, которыя у нея и раньше бывали, умерла въ сопорозномъ состояніи, при явленіяхъ угнетенія мозга. Разнеслась молва, что её отравилъ мужъ ея вмѣстѣ со служанкою, — его любовницей. Трупъ былъ отрытъ спустя 10 недѣль. Мнѣніе врачебной управы: смерть отъ отравленія мышьякомъ. Послѣ этого оба обвиняемые были присуждены къ смертной казни. Кассація не была уважена. Вслѣдствіе просьбы о помилованіи, повелѣно было истребовать мнѣніе ученой депутаціи; эта послѣдняя отвергла мнѣніе объ отравленіи мышьякомъ. На этомъ основаніи смертная казнь была замѣнена „пожизненнымъ заключеніемъ въ рабочій домъ, которое велѣно было привести въ исполненіе только въ томъ случаѣ, если-бы открылись новыя доказательства виновности осужденныхъ“.

Профессоръ Машка [3]) сообщаетъ случай отравленія стеклянною пѣною, содержавшею мышьякъ (вѣроятно, бѣлымъ мышьякомъ). Этотъ случай замѣчателенъ тѣмъ, что пражскій факультетъ призналъ отравленіе весьма вѣроятнымъ, хотя химическое изслѣдованіе и не показало яда. Суть дѣла: Ф., 51 года, будучи совершенно здоровъ, пилъ кофе, причемъ на днѣ

---

[1]) Friedreichs Blätter, тетр. 2, стр. 81.

[2]) Casper's Vierteljahrschr., т. 23, тетр. 2, стр. 193.

Случай этотъ подробно сообщенъ въ Архивѣ судебной медицины и общественной гигіены, 1866 годъ, кн. 2 и 3: процессъ Гертруды Янсенъ.

[3]) Prag Vierteljahrschrift, Band 3.

чашки онъ замѣтилъ какое-то бѣлое зернистое вещество. Послѣ этого у него вдругъ показалась рвота и сильныя боли въ области желудка, окончившіяся смертью. Дочь призналась знакомымъ, что она положила отцу въ кофе немного стеклянной пѣны. Но въ домѣ былъ также найденъ и бѣлый мышьякъ. Мнѣніе пражскаго факультета: припадки болѣзни говорятъ за отравленіе; но присутствія яда въ тѣлѣ не найдено, не смотря на тщательно и правильно произведенный химическій анализъ.

Докторъ Метцъ [1]) приводитъ любопытный случай отравленія фосфоромъ. 35-лѣтняя П., имѣвшая отъ мужа троихъ дѣтей, изъ которыхъ старшему было 15 лѣтъ, жила съ мужемъ несогласно, потому что онъ часто измѣнялъ ей. Находясь еще наканунѣ въ удовлетворительномъ состояніи здоровья, она вдругъ на другой день заболѣла и черезъ четыре дня умерла. Мужъ не пригласилъ къ ней врача. Судебно-химическое изслѣдованіе не показало присутствія мышьяка или фосфора ни во внутренностяхъ, ни въ жидкости, истекавшей изо рта, но за то въ пробкѣ и на шейкѣ стклянки, изъ которой покойная употребляла лекарство, равно какъ и въ нѣсколькихъ каплях жидкости, находившейся въ этой стклянкѣ, былъ найденъ фосфоръ. При публичномъ обсужденіи этого дѣла, свидѣтели уличали обвиняемаго мужа въ томъ, что онъ отчасти признавался въ совершенномъ преступленіи. Единогласное рѣшеніе: Виновенъ [2]).

Отравленіе, говоритъ профессоръ Гвоздевъ [3]), почти по всѣмъ уголовнымъ кодексамъ, признается за убійство квалифицированное, но, по мнѣнію нѣкоторыхъ изъ нашихъ юри-

---

[1]) Casper's Vierteljahrschrift, т. 23, тетр. 1, стр. 102.

[2]) Архивъ судебной медицины и общественной гигіены, изд. Медицинскимъ Департаментомъ М. В. Д., 1866 годъ, кн. 1, мартъ, токсикологія, стр. 15—26.

[3]) И. Гвоздевъ, къ ученію о тѣлесныхъ поврежденіяхъ (по случаю проектируемаго уголовнаго уложенія), Казань, 1885, стр. 9—11.

стовъ, его, т.-е. отравленіе, должно признавать за убійство не квалифицированное, въ силу, главнымъ образомъ, того, что нѣтъ еще научнаго опредѣленія яда, являющагося средствомъ отравленія. Но чего нѣтъ сегодня въ наукѣ, то можетъ быть завтра; законы-же не всегда слѣдуютъ скоро за развитіемъ наукъ. Да почему-же нижеслѣдующая редакція опредѣленія отравленія вообще и ядомъ въ частности не можетъ пока считаться удовлетворительною: отравою вообще называется всякое вещество, которое, поступая въ общую экономію живаго организма, выдѣляется изъ послѣдняго въ меньшемъ количествѣ, чѣмъ въ него входитъ, или въ немъ содержится и обусловливаетъ, такимъ образомъ, разстройство здоровья и самую смерть?

Изъ этого общаго опредѣленія отравы вытекаетъ два вида отравленія: 1) отравленіе при помощи яда и 2) отравленіе при посредствѣ заразы. Различіе между ядомъ и заразою будетъ слѣдующее: ядомъ называется всякое, неупотребляемое въ пищу, вещество, которое, поступая въ органы кровообращенія и распространяясь по организму, выдѣляется изъ послѣдняго въ меньшемъ количествѣ, чѣмъ въ него входитъ и причиняетъ, такимъ образомъ, припадки отравленія и самую смерть; заразою-же называются или такія организованныя тѣла (низшіе организмы), которыя, вошедши тѣмъ или другимъ путемъ въ организмъ, имѣютъ способность размножаться въ послѣднемъ и условливать такимъ образомъ разстройство здоровья и самую смерть, или такія органическія тѣла (бродила), которыя, поступивъ въ организмъ, вызываютъ въ немъ вредныя дѣйствія, каталитическимъ путемъ.

Согласно объясненіямъ, сдѣланнымъ раньше (въ Главѣ первой, въ Отдѣлѣ II), мы полагаемъ, что понятіе яда, какъ средства преступленія при лишеніяхъ жизни, можно только болѣе или менѣе точно опредѣлить, какъ вещество химически-вредно дѣйствующее на организмъ. Прибавимъ что такое опредѣленіе будетъ лишь приблизительно, болѣе или менѣе точно, такъ какъ бываютъ случаи не химическаго, а механическаго воздѣйствія нѣкоторыхъ вредныхъ веществъ на орга-

низмъ. Но дѣло въ томъ, что всякое въ началѣ даже чисто механическое воздѣйствіе, (какъ было замѣчено выше), производитъ и химическую реакцію. Потому-то и можно ввести въ опредѣленіе яда—понятіе химически-вреднаго дѣйствія на организмъ, какъ признакъ почти общій всѣмъ видамъ отравленія. Но при всемъ этомъ не надо забывать, что основнымъ признакомъ отравленія, какъ квалифицированнаго убійства, является не ядъ самъ по себѣ, въ качествѣ средства преступленія, а способъ его употребленія, т.-е. признакъ тайны, признакъ особаго коварства въ способѣ дѣйствія.

Отравленіе, какъ было указано раньше, строго отличается отъ зараженія, установленіе точныхъ границъ котораго не представляетъ затрудненій. Болѣе трудно провести разграничительную черту между отравленіемъ твердыми (или порошкообразными) и жидкими веществами, съ одной стороны, и отравленіемъ веществами газообразными, съ другой стороны. Я имѣю въ виду отравленіе угарнымъ чадомъ, свѣтильнымъ газомъ, клоачнымъ газомъ и т. п.

Дѣянія этого рода отличаются отъ отравленія твердыми и жидкими веществами во многихъ отношеніяхъ. Во-первыхъ, при отравленіи названными (твердыми или жидкими) веществами, дѣйствіе ядовитаго вещества, такъ сказать, концентрировано и болѣе *интенсивно;* тогда какъ при отравленіи ядовитыми газами, дѣйствіе послѣднихъ болѣе экстенсивно. Во-вторыхъ, при отравленіи твердыми или жидкими веществами, ядовитое вещество *вводится* въ организмъ; при отравленіи-же угольнымъ чадомъ или свѣтильнымъ газомъ, отравляющее начало входитъ въ организмъ путемъ дыханія. Въ-третьихъ, при отравленіи перваго рода, ядъ проникаетъ *внутрь;* при отравленіи-же втораго рода, ядовитые газы проявляютъ или общее дѣйствіе или оказываютъ вліяніе, главнымъ образомъ, на центральную нервную систему (окись углерода, свѣтильный газъ); въ большинствѣ случаевъ, при вскрытіи здѣсь получаются отрицательные результаты, и только иногда, по измѣненію крови при отравленіи веществами, дѣйствующими на нее, можно придти къ болѣе или менѣе вѣроятному заклю-

ченію о бывшемъ отравленіи (напримѣръ, при отравленіи окисью углерода) [1]).

Въ частности, смерть отъ угара большею частію происходитъ случайно. Только во Франціи угольный чадъ служилъ часто средствомъ для самоубійства. Кетле насчитываетъ 1886 подобныхъ самоубійствъ за промежутокъ времени съ 1838 по 1844 годъ. Въ 1871 году было 215 самоубійствъ посредствомъ угольнаго чада. Убійство посредствомъ угара составляетъ большую рѣдкость. Въ руководствѣ Каспера-Лимана [2]) приведенъ одинъ случай, гдѣ одна женщина хотѣла лишить жизни себя и своего шестилѣтняго ребенка помощью угольнаго чада [3]). Еще болѣе характерный случай былъ въ Варшавѣ въ іюнѣ 1896 года: нѣкая Марія Л., терпя крайнюю нужду, съ отчаянія и голода, хотѣла покончить съ собою и съ шестью малолѣтними дѣтьми посредствомъ того-же угольнаго чада: она натопила печь каменнымъ углемъ, закрыла её и заперла окна и двери, послѣ чего улеглась съ дѣтьми спать; выйдя затѣмъ съ груднымъ ребенкомъ въ корридоръ, она упала безъ чувствъ. Сбѣжались сосѣди, прибылъ докторъ и всѣмъ была оказана медицинская помощь [4]).

---

[1]) Н. А. Оболонскій, пособникъ при судебно-медицинскомъ изслѣдованіи трупа, СПб., 1894, стр. 424 и слѣд.: отравленіе угольнымъ чадомъ, отравленіе свѣтильнымъ газомъ, отравленіе клоачнымъ газомъ.

Ср. Eilenberg, die Lehre von den giftigen Gasen, 1865.

[2]) Casper-Liman, Handbuch der gerichtlichen Medicin, стр. 587.

[3]) Э. Гофманъ, учебникъ судебной медицины, русск. пер. подъ ред. И. Сорокина, СПб., 1887, стр. 529.

[4]) В. Д. 7 іюня 1896 года, № 145.

ОТДѢЛЪ II.

Внѣшнее дѣйствіе при отравленіи.

I. Вообще.

Внѣшнее дѣйствіе при отравленіи состоитъ въ причиненіи смерти посредствомъ яда. Поэтому оконченнымъ, совершившимся отравленіе можетъ считаться лишь со времени наступленія смерти потерпѣвшаго. Въ виду особенно важнаго значенія блага жизни, законодательства подвергаютъ строгому наказанію не только отравленіе оконченное, но и покушеніе на него, и даже простое приготовленіе. Покушеніемъ на отравленіе считаются всѣ вообще дѣйствія, направленныя на опредѣленное лицо, съ цѣлію лишенія его жизни. Наказаніе за покушеніе на отравленіе опредѣляется по правиламъ общей части (Уложеніе о наказаніяхъ, ст. 113 и слѣдующ.). Относительно-же приготовленія къ отравленію, наказуемаго по особымъ правиламъ (ст. 1457), необходимо замѣтить слѣдующее.

Въ смыслѣ 1457 статьи Уложенія, строго различаются и противополагаются два рода приготовительной дѣятельности. Во-первыхъ, пріобрѣтеніе или приготовленіе нужныхъ орудій и снарядовъ, оружія, яда и т. п., когда эти приготовленія были дѣлаемы съ намѣреніемъ совершить убійство, но однакожъ не доказано, чтобы подсудимый былъ отъ сего удержанъ лишь посторонними, независѣвшими отъ него, обстоятельствами, а не собственнымъ побужденіемъ и раскаяніемъ. Во-вторыхъ, когда, напротивъ, онъ вполнѣ изобличенъ въ томъ, что лишь обстоятельства воспрепятствовали ему приступить къ совершенію преднамѣреннаго имъ преступленія. Различіе этихъ видовъ приготовленія выливается въ весьма существенномъ различіи наказаній: въ первомъ случаѣ назначается заключеніе въ тюрьмѣ, во второмъ — ссылка на поселеніе.

Что-же касается не лишенія жизни, а разстройства здоровья путемъ отравленія, то послѣднее почитается совершив-

шимся съ момента причиненія тѣлу человѣка опредѣленнаго вреда. По отношенію къ покушенію нужно различать двѣ группы тѣлесныхъ поврежденій: 1) такія, тяжесть которыхъ опредѣляется количественною мѣркою, напр. степенью опасности ихъ для жизни, для здоровья; здѣсь наказуемость условливается наступленіемъ или возможностію наступленія извѣстнаго послѣдствія, и потому покушенію нѣтъ мѣста (тяжкія и легкія раны); и 2) такія, тяжесть которыхъ опредѣляется не количествомъ возможнаго или наличнаго вреда, а свойствомъ его (наприм. лишеніе зрѣнія, слуха, причиненіе неизлечимой болѣзни и т. п.); здѣсь покушеніе возможно на общемъ основаніи [1]).

Отравленіе можетъ быть совершено съ одной стороны путемъ примѣси яда къ лекарству, пищѣ, питью, путемъ клизмы, спринцеванія, вдыханія, посредствомъ укола, надрѣза, втиранія и т. п. (см. выше); съ другой стороны, оно можетъ быть совершено и болѣе исключительнымъ образомъ — путемъ бросанія въ воду, служащую для внутренняго употребленія (1871 г. № 1518), ядовитыхъ или сильно-дѣйствующихъ веществъ [2]): за бросаніе въ воду веществъ ядовитыхъ или сильно-дѣйствующихъ и вредныхъ, съ намѣреніемъ лишить кого-либо жизни, виновный подвергается наказанію, въ статьѣ 1543 Уложенія за предумышленное убійство опредѣленному (Улож. о Нак., ст. 864) [3]). Такимъ образомъ, законъ

---

[1]) И. Я. Фойницкій, вышеприв. сочин., стр. 70.

[2]) Н. А. Неклюдовъ, руководство къ особенной части русскаго уголовнаго права, томъ I, стр. 459 и слѣд.

[3]) Отъ этого дѣянія надо отличать простую порчу и засореніе воды по неосторожности: за порчу воды въ мѣстахъ, гдѣ её берутъ для внутренняго употребленія, моченіемъ льна или конопли, сваливаніемъ или выливаніемъ нечистотъ, или-же бросаніемъ вредныхъ веществъ (по Уложенію 1857 года, ст. 1094: веществъ ядовитыхъ или сильно-дѣйствующихъ и вредныхъ), когда при томъ не было умысла нанести вредъ общественному здравію (ст. 28 М. У.), виновные подвергаются аресту не свыше семи дней, или денежно-

со всею строгостію относится къ дѣяніямъ этого рода, не различая особыхъ видовъ умысла, и за подобные поступки, во всѣхъ случаяхъ, налагаетъ наказаніе, какъ за убійство всегда *предумышленное*. Ни объ аффектѣ, ни даже о простомъ умыслѣ здѣсь не можетъ быть рѣчи.

По мнѣнію нѣкоторыхъ криминалистовъ, здѣсь разумѣются, однако, только проточныя или стоячія естественныя вмѣстилища воды, напр. рѣки, пруды, фонтаны, а не кадки и бочки съ водою, служащія для непосредственнаго употребленія. Мы-же, съ своей стороны, полагаемъ, что выставленныя для народа на улицахъ, въ жаркое время, кадки и бочки съ водою [1]) вполнѣ возможно уравнять съ колодцами и фонтанами, такъ какъ онѣ, по назначенію своему, безусловно замѣняютъ послѣдніе. Изъ небольшой рѣченки или пруда могутъ напиться два-три человѣка; изъ подобной-же бочки, гдѣ предполагается, именно, здоровая (кипяченая и т. п.) вода, пьетъ населеніе цѣлаго городскаго околотка. Поэтому отравленіе такихъ кадокъ съ водою можетъ быть гораздо опаснѣе, чѣмъ отравленіе естественныхъ вмѣстилищъ. Вполнѣ основательно поэтому было-бы подводить поступки этого рода подъ дѣйствіе 864 статьи.

II. Приготовленіе.

Приготовленіемъ [1]) къ отравленію называется приспособленіе, но не пріисканіе или пріобрѣтеніе средствъ отравле-

---

му взысканію не свыше двадцати пяти рублей. (Уставъ о Наказ., налаг. Мир. Суд., ст. 111).

[1]) Такія бочки съ чистой, кипяченой водою, съ чаемъ, съ разбавленнымъ краснымъ виномъ и т. п. выставлялись, напримѣръ, въ холерные и послѣдующіе годы, на улицахъ Петербурга и другихъ большихъ городовъ.

[2]) Chop, über die Grenze zwischen Vorbereitung und Versuch eines Verbrechens, Leipzig, 1861.

Zimmermann, über die Strafbarkeit von Vorbereitungshandlungen mit untauglichen Mitteln, Gerichtssaal, 1881.

нія. Приготовленіе есть такая ступень, которая лежитъ между обнаруженіемъ умысла и покушеніемъ, и граница, отдѣляющая его отъ того и другаго, весьма неопредѣленна, почему оно и можетъ иногда имѣть видъ обнаруженія умысла, а иногда какъ-бы переходить въ покушеніе. Но граница, отдѣляющая приготовленіе отъ другихъ ступеней проявленія во внѣ преступнаго умысла, должна всё-таки существовать и должна быть по этому точно установлена. Граница эта лежитъ въ моментѣ приспособленія средствъ преступленія.

По мнѣнію нѣкоторыхъ криминалистовъ, пріобрѣтеніе яда составляетъ уже приготовленіе, хотя-бы ядъ долженъ былъ быть употребленъ только въ опредѣленномъ составѣ. Но съ этимъ мнѣніемъ едва-ли можно согласиться. При отравленіи, какъ и при другихъ преступленіяхъ, отношеніе лица къ средствамъ дѣйствія проходитъ три различные фазиса: 1) Отравитель пріобрѣтаетъ или пріискиваетъ ядовитыя вещества, напримѣръ, мышьякъ, стрихнинъ и т. п. 2) Отравитель приспособляетъ эти средства къ дѣйствію, напримѣръ, всыпаетъ ядъ въ графинъ, изъ котораго обыкновенно пьетъ А — жертва задуманнаго преступленія. 3) Отравитель приводитъ эти средства въ дѣйствіе, напримѣръ, по просьбѣ А, наливаетъ ему стаканъ воды изъ отравленнаго графина. Очевидно, первый моментъ, т.-е. моментъ пріобрѣтенія или пріисканія средствъ, или образуетъ изъ себя дѣяніе безразличное, или проступокъ полицейскій, напримѣръ, покупка и храненіе у себя ядовитыхъ веществъ лицомъ не имѣющимъ на то права, или, наконецъ, обнаруженіе умысла, когда пріисканію или пріобрѣтенію средствъ предшествовало или сопутствовало изъявленіе намѣренія учинить отравленіе. Третій моментъ, то-есть приведеніе средствъ преступленія въ дѣйствіе, когда послѣднее не имѣло результата, есть покушеніе. Второй-же, средній моментъ, и есть приготовленіе, которое выражается такимъ образомъ не въ пріисканіи или пріобрѣтеніи средствъ, не въ приведеніи этихъ средствъ въ дѣйствіе, а въ приспособленіи ихъ къ дѣйствію, требующемъ для приведенія ихъ въ дѣйствіе дальнѣйшаго участія виновнаго, напримѣръ, чтобы ви-

новный подалъ жертвѣ графинъ съ отравой, или чтобы онъ поставилъ его въ такомъ мѣстѣ, откуда обыкновенно привыкло брать его данное лицо.

Съ точки зрѣнія преступнаго дѣянія, нѣкоторые указываютъ на то, что средствомъ отравленія является не мышьякъ (напримѣръ) вообще, а мышьякъ, примѣшанный къ кушанью, напитку и поставленный такъ, чтобы жертва могла его принять. Однимъ словомъ, средствомъ въ дѣйствительности можетъ быть названъ только предметъ, приведенный въ такой видъ и поставленный въ такія условія, при которыхъ онъ можетъ служить для выполненія задуманнаго. Средствами могутъ быть предметы внѣшняго міра, на сколько они должны служить для самаго выполненія преступнаго дѣянія; пріобрѣтеніе-же какихъ-либо предметовъ, хотя-бы и въ видахъ извѣстнаго преступнаго дѣянія, но не служащихъ для его выполненія, не подойдетъ подъ понятіе приготовленія. Такимъ образомъ, покупка стклянки для храненія добываемаго яда не можетъ быть почитаема приготовленіемъ къ убійству. Съ другой стороны, не можетъ почитаться приготовленіемъ къ убійству пріобрѣтеніе, хотя-бы съ умысломъ лишить кого-либо жизни, талисмана или наколдованнаго питья.

Французскій кассаціонный судъ въ одномъ изъ своихъ рѣшеній призналъ [1]), что при отравленіи подмѣсь, напр., яда въ какое-либо питье, сама по себѣ взятая, составляетъ только приготовленіе; но какъ скоро питье поставлено въ такое мѣсто, откуда, по обыкновенному ходу вещей, оно должно быть взято лицомъ, коему оно предназначается, или подано жертвѣ, дѣяніе становится покушеніемъ (рѣш. 17 дек. 1874 года). Это рѣшеніе является вполнѣ согласнымъ со взглядами теоріи. Приспособленіе средствъ преступленія при приготовленіи подразумѣваетъ такое употребленіе этихъ средствъ, которое, для приведенія ихъ въ дѣйствіе, требуетъ дальнѣйшей дѣятельности виновнаго. Приспособленіе-же средствъ преступ-

---

[1]) F. Hélie, pratique, II, № 6.

ленія при покушеніи подразумѣваетъ такое употребленіе ихъ, которое для приведенія ихъ въ дѣйствіе не требуетъ дальнѣйшей дѣятельности виновнаго.

Ко всему этому добавимъ, что лишеніе жизни ядомъ считается квалифицированнымъ видомъ убійства только тогда, когда оно окончено или когда виновный остановился на покушеніи, но приготовленіе къ отравленію подводится подъ общую ст. 1457, какъ это видно изъ ея текста [1]).

III. Покушеніе.

Понятіе покушенія [2]) на отравленіе предполагаетъ кромѣ наличности преступаго умысла, обнаруженнаго во внѣ: во-пер-

---

[1]) См. случаи отравленія изъ нашей судебной практики: напр. по дѣлу Филипповой, С. В. 1867 № 229 (приготовленіе къ отравленію наказуемо по ст. 1457, а отравленіе неосторожное по ст. 1466 или 1468), по дѣлу Устиновой и Ивановой, С. В. 1868 № 224.

Н. С. Таганцевъ, лекціи, часть общая, выпускъ II, стр. 788—790, 803 и другія. О преступленіяхъ противъ жизни, томъ II, стр. 86.

[2]) Krug, die Lehre vom Versuche der Verbrechen, Leipzig, 1854, стр. 3: Versuch nennen wir eine Handlung, welche in der Absicht vorgenommen wird, dadurch eine gewisse Wirkung hervorzubringen; стр. 14: Versuch ist ein verbrecherisches Unterfangen.

Otto, vom Versuche der Verbrechen, 1854.

Bar, zur Lehre vom Versuch und Theilnahme am Verbrechen, Hannover, 1859.

Berner, wie unterscheiden sich der beendigte und nicht beendigte Versuch, Gerichtssaal, 1865.

Seeger, Versuch des Verbrechens nach römischen Recht, 1879; über die Ausbildung der Lehre vom Versuch in der Wissenschaft des Mittelalters, Tübingen, 1869.

Buri, Versuch und Causalität, Gerichtssaal, 1880.

Taranto, del tentativo punibile, Palermo, 1876.

Benevolo, il tentativo nella dottrina, nella lege e nella giurisprudenza, 1887.

Champcommunal, étude critique de législation comparée sur la tentative, Paris, 1895.

выхъ, приспособленіе средствъ преступленія къ дѣйствію, и во-вторыхъ, приведеніе ихъ въ дѣйствіе, когда послѣднее не имѣло результата. Первый моментъ, то-есть приспособленіе средствъ преступленія, можетъ выражать не только покушеніе, но и приготовленіе. Различіе въ его обрисовкѣ указано выше.

Отравленіе, какъ видъ убійства, предполагаетъ лишеніе жизни путемъ введенія въ организмъ разрушающихъ его веществъ. Это введеніе, замѣчаетъ профессоръ Таганцевъ, можетъ быть выполнено двояко: или насильственно, когда жертва сознаетъ дѣйствіе, надъ нею совершаемое, или незавѣдомо для жертвы, когда она, не подозрѣвая опасности совершающагося, сама содѣйствуетъ введенію въ свой организмъ яда. Если мы возьмемъ первый видъ отравленія, когда преступное намѣреніе осуществляется насильственнымъ нападеніемъ на жертву, то для того, чтобы приступить къ началу исполненія, преступникъ долженъ поставить себя въ такое положеніе, при которомъ нападеніе сдѣлалось-бы возможнымъ. Поэтому, если виновный пріобрѣлъ ядъ, приготовилъ его, намазалъ ядомъ оружіе, отправился на то мѣсто, гдѣ долженъ былъ встрѣтить жертву и, наконецъ, прибылъ туда,—онъ совершилъ тѣмъ только приготовительныя къ отравленію дѣйствія; но какъ скоро онъ бросился на жертву, наноситъ ударъ отравленнымъ оружіемъ, пытается ввести ядъ инымъ какимъ-либо образомъ — нападеніе началось и его дѣйствія подходятъ подъ понятіе покушенія. Если же виновный выбралъ другой способъ отравленія, при

Cohn, zur Lehre vom versuchten und unvollendeten Verbrechen, Breslau, 1880; die Grundsätze über den Thatbestand der Verbrechen und der heutige Gattungsbegriff des Versuches, 1889.

Baumgarten, die Lehre vom Versuch der Verbrechen, Stuttgart, 1888.

С. Баршевъ, къ ученію о покушеніи, Русск. Вѣстн., 1861.

Орловъ, о покушеніи на преступленіе по началамъ теоріи и современнымъ законодательствамъ, 1868.

Чебышевъ-Дмитріевъ, опыты по уголовному праву, I о покушеніи, СПб., 1866.

Г. Колоколовъ, къ ученію о покушеніи, Москва, 1884.

которомъ для осуществленія умысла предполагается введеніе жертвы въ заблужденіе и совершеніе надъ нею, подъ вліяніемъ заблужденія, ряда дѣйствій, послѣдствіемъ коихъ будетъ отравленіе, то въ область приготовленія отойдутъ всѣ тѣ дѣйствія, при помощи коихъ виновный сдѣлалъ заблужденіе возможнымъ. Виновный пріобрѣлъ и приготовилъ ядъ, влилъ его въ чашку съ кофе, отнесъ чашку жертвѣ—всѣ эти дѣйствія несомнѣнно входятъ въ область приготовленія; но самый актъ передачи отравы, подъ видомъ лекарства, питья, составляетъ то дѣйствіе лица, коимъ начинается приведеніе злаго умысла въ исполненіе: жертва беретъ чашку съ отравленнымъ напиткомъ, подноситъ ко рту, пьетъ—все это составляетъ уже покушеніе. Такое-же толкованіе должно быть допущено и въ томъ случаѣ, когда виновный не передалъ непосредственно чашку съ отравою въ руки жертвы, а поставилъ ее передъ нею на столъ, подмѣшалъ ядъ въ водку, вылилъ въ графинъ и поставилъ графинъ въ тотъ шкафъ, изъ котораго, какъ онъ предполагаетъ, возьметъ и выпьетъ ее намѣченная имъ жертва: моментъ поставленія чашки на столъ, графина въ шкафъ, и будетъ отдѣлять приготовленіе отъ покушенія; все дальнѣйшее, т. е. налитіе водки, поднесеніе ко рту и т. д. отойдетъ уже въ область дѣйствій, составляющихъ покушеніе на отравленіе. Основанія для разграниченія этихъ понятій останутся тѣ-же, если посредствующимъ звеномъ будутъ дѣйствія третьяго лица, не понимающаго существа совершаемаго имъ: такимъ образомъ, если отравленное питье было налито изъ графина не самою жертвою, а напр., ея дочерью, то наливаніе послѣднею питья, или отнесеніе налитаго, составляютъ дѣйствія, подходящія подъ понятіе покушенія [1]).

Почти всѣ законодательства строго различаютъ, какъ извѣстно, покушеніе, оставленное добровольно, и покушеніе, остановленное обстоятельствами.

---

[1]) Н. С. Таганцевъ, лекціи по русскому уголовному праву, часть общая, выпускъ II, СПб., 1888, стр. 809 и 810.

Оставленное покушеніе, то-есть прерванное добровольно виновникомъ, замѣчаетъ профессоръ Будзинскій, имѣетъ мѣсто, когда виновникъ по собственному свободному побужденію пріостанавливаетъ дальнѣйшее дѣйствіе. А. сыплетъ ядъ въ напитокъ, приготовленный для Б.; но вдругъ выливаетъ на землю этотъ напитокъ. Добровольная остановка можетъ происходить изъ весьма разнообразныхъ побужденій, но во всѣхъ случаяхъ неизмѣннымъ остается одно условіе: преступная дѣятельность была остановлена по волѣ виновнаго. Мало того, покушеніе, при указанныхъ условіяхъ, признается добровольно остановленнымъ, хотя бы предпринятое виновнымъ и само по себѣ было не осуществимо; такимъ образомъ, если лицо, поднесшее другому чашку кофе съ предполагаемою отравою, не замѣчая, что оно перепутало чашки, подаетъ ту, въ которой нѣтъ отравы, одумывается и прекращаетъ преступную дѣятельность, то учиненное имъ будетъ разсматриваться какъ покушеніе добровольно оставленное (Ср. Таганцевъ, l. c.).

Наука и почти всѣ новѣйшія законодательства согласны въ томъ, что покушеніе оставленное должно быть безнаказанно, разумѣется, если дѣяніе, составляющее это покушеніе, само по себѣ не противозаконно (qualificirter Versuch). Это начало принято и нашимъ Уложеніемъ (ст. 113) [1]). Въ пользу ненаказуемости добровольно оставленнаго покушенія приводятся обыкновенно два рода мотивовъ — уголовно-юридическіе и уголовно-политическіе [2]).

---

[1]) Когда учинившій приготовленіе къ преступленію или уже и покусившійся на оное, остановился при томъ, и по собственной волѣ не совершилъ преднамѣреннаго, то онъ подвергается наказанію лишь въ томъ случаѣ, если содѣянное имъ при семъ приготовленіи и покушеніи есть само по себѣ преступленіе, и только за сіе преступленіе, а не за то, которое онъ былъ прежде намѣренъ совершить.

[2]) По уголовно-юридическимъ соображеніямъ покушеніе добровольно оставленное не можетъ быть наказано потому, что въ немъ нѣтъ уже болѣе злой воли, какъ основнаго условія наказуемости. Уголовно-политическія соображенія сводятся къ слѣдующему: если

Покушеніе на отравленіе, остановленное посторонними обстоятельствами, составляетъ прямую противоположность покушенію, остановленному собственною волею виновнаго. О безнаказанности подобнаго покушенія не можетъ быть и рѣчи: ни соображенія права, ни соображенія уголовной политики не могутъ привести къ оправданію такихъ дѣйствій: но эти-же соображенія требуютъ совершенно особой наказуемости воспрепятствованнаго покушенія, отличающейся отъ наказанія преступленія оконченнаго [1]).

Статистическія цифры наглядно показываютъ намъ, что въ области всевозможныхъ отравленій, масса случаевъ останавливается лишь на степени покушенія. Огромный процентъ лицъ, покушавшихся только на отравленіе, сравнительно съ общимъ числомъ лицъ, доведшихъ это дѣяніе до конца, свидѣтельству-

---

виновный будетъ знать, что покушеніе оставленное добровольно ненаказуемо, то это можетъ служить общимъ побудительнымъ стимуломъ для того, чтобы начатая преступная дѣятельность была прервана и не получала-бы дальнѣйшаго развитія. Въ этомъ смыслѣ принимается и понятіе раскаянія при покушеніи. (В. Есиповъ, очеркъ русскаго уголовнаго права, часть общая, 1894, стр. 266).

[1]) По уголовно-юридическимъ мотивамъ покушеніе воспрепятствованное не можетъ быть наказуемо наравнѣ съ оконченнымъ преступленіемъ потому, что въ немъ, при наличности злой воли, нѣтъ наличности вредоноснаго результата, какъ втораго условія наказуемости. По уголовно-политическимъ мотивамъ оно также не можетъ быть приравнено къ оконченному преступленію: если виновный будетъ знать, что покушеніе наказывается слабѣе, чѣмъ оконченное преступленіе, то весьма возможно, что онъ, хотя подъ вліяніемъ постороннихъ обстоятельствъ, остановится на пути своей преступной дѣятельности и не дастъ ей дальнѣйшаго движенія.

Постороннія-же обстоятельства, остановившія покушеніе, прежде всего должны имѣть характеръ препятствій; но препятствія эти не должны быть непремѣнно безусловными, наличными, неизбѣжными, неминуемыми: они могутъ быть даже мнимыми, существующими лишь по мнѣнію преступника; но во всякомъ случаѣ они должны имѣть внѣшнее бытіе въ какой-либо опредѣленной формѣ. (Ibidem, стр. 266 и 267).

етъ о томъ, что, не смотря на всю свою сокрытость и тайну, и это дѣяніе требуетъ извѣстной рѣшимости. Мало того, такъ какъ отравленія бываютъ большею частью умышленныя и предумышленныя, то замыслившему такое дѣяніе представляется полная возможность остановить свою преступную дѣятельность въ любой моментъ ея развитія.

Приготовивъ все необходимое для отравленія, — купивъ ядъ, всыпавъ его въ графинъ, — лицо можетъ отказаться отъ своего противозаконнаго намѣренія, высыпавъ ядъ обратно, и въ такомъ случаѣ, конечно, не подлежитъ никакому наказанію. Но даже и въ послѣдующій моментъ развитія преступной дѣятельности, напримѣръ, подавая жертвѣ воду изъ отравленнаго графина, лицо можетъ по собственной волѣ оставить свою попытку,—выливъ отравленный стаканъ и замѣнивъ его другимъ. Мотивы, почему́ данное лицо отказалось отъ своего намѣренія, не имѣютъ никакого юридическаго значенія. Было-ли это чистосердечное раскаяніе, былъ-ли это страхъ наказанія, была-ли простая нерѣшительность — безразлично. Несомнѣнно, во всѣхъ этихъ случаяхъ наказаніе не должно имѣть мѣста.

Иное надо сказать про тѣ случаи, въ которыхъ виновный не довелъ своего намѣренія до конца только потому, что посторонніе лица или обстоятельства воспрепятствовали ему совершить замышленное отравленіе. Эти случаи покушенія, *остановленнаго* посторонними обстоятельствами, въ отличіе отъ случаевъ покушенія, *оставленнаго* по собственной волѣ, не должны быть освобождаемы отъ наказанія; но они и не должны быть уравниваемы, въ отношеніи наказуемости, со случаями оконченнаго отравленія.

Ко всѣму этому замѣтимъ, что при отравленіяхъ чаще всего останавливаютъ свою преступную дѣятельность на моментѣ покушенія—женщины, которыя, вообще, чаще мужчинъ прибѣгаютъ къ яду. Отравленіе, будучи преступленіемъ по преимуществу женскимъ, носитъ на себѣ и всѣ признаки женскаго темперамента: нерѣшительность, слабость воли, колебанія, отказъ отъ своего первоначальнаго намѣренія, возвращеніе къ нему и т. п. — составляютъ характерныя черты личнаго

состоянія женщинъ-отравительницъ. И чѣмъ болѣе будетъ создано стимуловъ, каторыми мы могли-бы поколебать рѣшимость женщины совершить отравленіе, тѣмъ, конечно, лучше. Въ этомъ отношеніи безнаказанность оставленнаго покушенія и меньшая наказуемость остановленной попытки—являются необходимыми требованіями уголовной политики. (См. выше примѣчанія 2) на стр. 363 и 1) на стр. 364).

IV. Покушеніе съ негодными средствами и надъ негоднымъ объектомъ.

Только тѣ дѣянія могутъ считаться преступными, средства коихъ могутъ причинить какой-нибудь противозаконный результатъ. Употребленіе безвредныхъ средствъ съ цѣлью причинить вредъ есть дѣяніе безразличное и не наказуемое. Эта простая, повидимому, истина потребовала, однако, для своего подкрѣпленія, цѣлаго ряда научныхъ изслѣдованій, особенно въ Германіи.

Фейербахъ, выставивъ классическій примѣръ лица, молившаго Богоматерь о смерти своего сосѣда, высказался безусловно за безнаказанность подобныхъ дѣяній, въ виду отсутствія объективнаго момента вреда. Кестлинъ-же, усматривая въ дѣйствіяхъ такого рода всё-таки наличность субъективнаго момен-

---

[1]) Rubo, über den Versuch mit untauglichen Mitteln, oder an untauglichen Objecten, Gerichtssaal, 1865.

Hertz, über den Versuch mit untauglichen Mitteln, 1874.

Goldfeld, über den Versuch mit untauglichen Mitteln und an untauglichen Objecten, 1882.

Geyer, über die sogenannten untauglichen Versuchshandlungen, Zeitschrift, 1881.

Buri, über die sogenannten untauglichen Versuchshandlungen, Zeitschrift, 1881.

М. Рудинскій, о покушеніи съ негодными средствами и надъ негоднымъ объектомъ по взглядамъ теоріи и по русскому праву, Юридическій Вѣстникъ, 1877.

та умысла, высказался, напротивъ, за ихъ наказуемость. Другіе криминалисты, напримѣръ Миттермайеръ, думали найти истину на серединѣ, и выработали особую теорію объ относительно-негодныхъ и абсолютно-негодныхъ средствахъ, допуская наказаніе лишь при покушеніи съ первыми изъ нихъ. Но, понятно, что для различія этихъ двухъ видовъ средствъ нѣтъ никакого положительнаго и опредѣленнаго критерія.

Попытка дѣйствовать съ абсолютно негодными средствами, напр., попытка отравить наколдованною водою, признается по этой теоріи не наказуемою, а попытка съ относительно негодными средствами—наказуемою. Но, съ одной стороны, много-ли средствъ мы можемъ назвать абсолютно негодными? Въ большинствѣ изслѣдованій, напр., признается абсолютно негоднымъ средствомъ отравленія дача сахара, но любой медикъ возразитъ на это, что существуютъ такія болѣзненныя состоянія организма, при которыхъ введеніе въ организмъ даже незначительной дозы сахара можетъ причинить разстройство здоровья и самую смерть; даже пресловутый примѣръ дачи нашептаннаго питья не имѣетъ рѣшающаго значенія, такъ какъ несомнѣнно, что на натуру нервную и такой способъ можетъ оказать вредное дѣйствіе. Съ другой стороны, что такое недостаточное средство? Самый сильный ядъ, данный въ ничтожной дозѣ, или въ такомъ составѣ, который лишаетъ его вредоносности, есть такое же абсолютно негодное средство, какъ сахаръ или магнезія.

Другая посредствующая теорія границы наказуемаго покушенія искала въ самыхъ основаніяхъ выбора средствъ. Когда выборъ негодныхъ средствъ обусловливался случайностію, эта негодность не имѣетъ никакого значенія, и виновный подлежитъ наказанію за учиненное имъ покушеніе, и притомъ безразлично, проявилась-ли эта негодность въ моментъ выполненія дѣянія, или же въ моментъ подготовительныхъ дѣйствій, когда виновный влилъ въ питье предполагаемый ядъ не изъ той стклянки, въ которой онъ находился. Такая дѣятельность, по этому взгляду, заключаетъ въ себѣ всѣ элементы наказуемаго дѣянія: со стороны объективной это дѣйствіе представляетъ начало вос-

произведенія законнаго состава, а со стороны субъективной— въ немъ обнаруживается реальная злая воля [1]).

Въ нашемъ правѣ Сводъ законовъ вовсе не упоминалъ объ этомъ вопросѣ; точно также и уложеніе 1845 г. не затронуло его ни въ текстѣ, ни въ мотивахъ, а наша судебная практика представила въ этомъ отношеніи значительныя колебанія, какъ это можно видѣть изъ слѣдующихъ примѣровъ, приводимыхъ профессоромъ Н. С. Таганцевымъ.

По дѣлу крестьянки Лодыгиной [2]), обвинявшейся въ покушеніи отравить мужа квасцами, первое общее собраніе петербургскихъ департаментовъ сената, въ рѣшеніи отъ 8 іюня 1849 г., нашло, что, такъ какъ покушеніе на преступленіе заключаетъ въ себѣ начало или часть предположеннаго зла, то само собою разумѣется, что покушеніемъ на преступленіе должны быть почитаемы только тѣ дѣйствія, послѣдствіемъ коихъ было бы самое совершеніе преступленія; а изъ этого слѣдуетъ, что дѣйствіе, которое не только не произвело, но и не могло произвести преднамѣреннаго зла, по несообразности употребленныхъ средствъ съ умысломъ, должно быть признаваемо не покушеніемъ, а приготовленіемъ [3]).

Напротивъ того, въ 1859 г. московское общее собраніе сената, по дѣлу крестьянки Романовой, пытавшейся отравить мужа нашатыремъ, не принадлежащимъ, по заключенію врачебной управы, къ ядамъ, признало подсудимую виновною не въ приготовленіи, а въ покушеніи оконченномъ [4]).

---

[1]) Н. С. Таганцевъ, часть общая, выпускъ II, СПб., 1888, стр. 844, 845 и слѣд.

[2]) Сборникъ рѣшеній правит., т. 2 ч. 4, № 1155,

[3]) Такъ же были разрѣшены въ томъ же общемъ собраніи дѣла: Кулешовой, обвинявшейся въ покушеніи отравить мужа порошкомъ сухой змѣи; Васильевой, пытавшейся отравить своихъ господъ неизвѣстнымъ веществомъ, въ которомъ однако яду не оказалось. Ср. журн. мин. юст. 1865 г. № 12.

[4]) Дѣло бывшаго II-го отдѣленія Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи 1859 г., № 86.

Наконецъ, въ томъ-же 1859 г., государственный совѣтъ, по дѣлу Екатерины Бейгуль [1]), пытавшейся отравить своего отца опіумомъ, даннымъ въ такомъ незначительномъ количествѣ, которое, по отзыву врачебной управы, не могло имѣть вреднаго дѣйствія, призналъ её виновною въ покушеніи, но неоконченномъ.

Большинство современныхъ кодексовъ (Французскій, Бельгійскій, Германскій, Нидерландскій) не упоминаютъ вовсе о покушеніи съ негодными средствами. По дѣйствующему русскому праву (послѣ закона 9 марта 1864 года), если при покушеніи на преступленіе подсудимымъ, по крайнему невѣжеству или суевѣрію, употреблены были только средства вполнѣ и очевидно недѣйствительныя для совершенія преступленія, какъ-то: нашептыванія, наговоры, заклинанія и т. п., то онъ подвергается наказанію какъ за преступный умыселъ по статьѣ 111 Уложенія (ст. 115, примѣчаніе). По проекту нашего новаго уголовнаго уложенія, покушеніе учинить преступное дѣяніе негоднымъ средствомъ, выбраннымъ по крайнему невѣжеству или суевѣрію дѣйствовавшаго, ненаказуемо совершенно (ст. 41).

Въ этомъ смыслѣ надо разсматривать и покушеніе на отравленіе съ негодными средствами.

Что-же касается покушенія на отравленіе, направленнаго на негодный объектъ, то прежде всего требуетъ разъясненія самое понятіе „негодный". Въ данномъ случаѣ это понятіе негодности обозначаетъ или физическую или юридическую непригодность объекта посягательства, которая обусловливаетъ и ненаказуемость послѣдняго.

Физическая негодность объекта сводится, однако, лишь къ абсолютному небытію предмета, и даетъ, такимъ образомъ, случаи покушенія на объектъ несуществующій; при покушеніи на объектъ существующій, но находящійся не въ такомъ положеніи, какое представлялъ себѣ виновный, нѣтъ рѣчи о негодности объекта, напримѣръ, въ случаѣ дачи мышьяка въ

---

[1]) Журналъ Министерства Юстиціи, 1865 годъ, № 12.

дозѣ, оказавшейся недѣйствительною только потому, что жертва постоянно употребляла мышьякъ и т. п. (Таганцевъ, l. c.). Юридическая-же негодность объекта обнимаетъ тѣ случаи, когда объектъ не пользуется охраною закона; сюда принадлежатъ, въ извѣстныхъ случаяхъ, животныя, мертвыя тѣла и т. п. Всѣ эти предметы не могутъ быть объектами наказуемаго покушенія.

Современныя законодательства не упоминаютъ вовсе о покушеніи на негодный объектъ. Точно такъ же поступаетъ и наше дѣйствующее право. Кассаціонная же практика разрѣшаетъ этотъ вопросъ, конечно, въ смыслѣ безнаказанности подобныхъ дѣяній; въ рѣшеніи по дѣлу Пономарева [1]) читаемъ слѣдующее: если бы преступное намѣреніе подсудимаго было направлено противъ объекта мнимаго или такого, который не могъ быть вовсе предметомъ преступленія, то несомнѣнно, что дѣяніе подсудимаго вовсе бы не подлежало уголовному преслѣдованію. По проекту нашего новаго уголовнаго уложенія (ст. 39) также не почитается преступнымъ дѣяніе, направленное на предметъ несуществующій или негодный для учиненія умышленнаго виновнымъ преступнаго дѣянія.

---

[1]) Касс. рѣш. по дѣлу Пономарева, 1874 года, № 99; ср. касс. рѣш. по дѣлу Юханова, 1868 года, № 568.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Наказуемость отравленія.

Преступное лишеніе жизни посредствомъ яда, какъ было замѣчено въ главѣ третьей, является преступленіемъ по преимуществу женскимъ. Не имѣя достаточной энергіи, смѣлости и силы, чтобы прибѣгнуть къ насилію непосредственному, къ ножу или огнестрѣльному оружію, женщина пытается достичь своихъ преступныхъ цѣлей скрытнымъ, коварнымъ образомъ, — что, конечно, является еще болѣе опаснымъ, въ смыслѣ невозможности своевременно остеречься отъ подобныхъ тайныхъ козней. Ядъ въ рукахъ женщины является однимъ изъ излюбленныхъ средствъ въ житейской борьбѣ съ мужемъ или любовникомъ. Вотъ почему цифры общаго числа отравительницъ значительно выше цифръ общаго числа отравителей.

Такъ, напримѣръ, у насъ въ Имперіи за пятнадцать лѣтъ, съ 1875 по 1889 годъ, были такія цифры осужденныхъ за отравленіе и за покушеніе на отравленіе:

Въ	1875	году	осуждено	мужчинъ	8,	женщинъ	14.
„	1876	„	„	„	6,	„	13.
„	1877	„	„	„	6,	„	8.
„	1878	„	„	„	6,	„	13.
„	1879	„	„	„	2,	„	6.
„	1880 и 1881	гг.	ос.	„	10,	„	39.

Въ 1882	году	осуждено	мужчинъ	9,	женщинъ	16.
„ 1883	„	„	„	15,	„	25.
„ 1884	„	„	„	18,	„	30.
„ 1885	„	„	„	28,	„	45.
„ 1886	„	„	„	11,	„	28.
„ 1887	„	„	„	20,	„	20.
„ 1888	„	„	„	8,	„	15.
„ 1889	„	„	„	9,	„	16.

Итого за пятнадцать лѣтъ осуждено:

мужчинъ 156, женщинъ 288.

При распредѣленіи этого общаго числа осужденныхъ по мѣсту судимости, то-есть по соотвѣтствующимъ округамъ судебныхъ палатъ, получаются столь-же печальныя цифры женской преступности:

Въ СПб. суд. окр.	осуждено	мужчинъ	8,	женщинъ	23.
Въ Московск. с. о.	„	„	35,	„	78.
Въ Харьковск. с. о.	„	„	27,	„	29.
Въ Одесскомъ с. о.	„	„	10,	„	5.
Въ Казанскомъ с. о.	„	„	32,	„	94.
Въ Саратовск. с. о.	„	„	9,	„	36.
Въ Кіевскомъ с. о.	„	„	21,	„	13.
Въ Виленскомъ с. о.	„	„	14,	„	8.

При распредѣленіи того-же числа по отдѣльнымъ губерніямъ, оказывается, что изъ сорока пяти губерній, въ которыхъ были совершены отравленія,—въ тридцати семи губерніяхъ цифры отравительницъ больше цифръ отравителей, и только въ восьми губерніяхъ (Волынской, Калужской, Кіевской, Минской, Могилевской, Орловской, Подольской и области Войска Донскаго) цифра отравительницъ была меньше цифры отравителей [1]). Такое рѣзкое превышеніе числа пре-

---

[1]) Ср. Сводъ статистическихъ свѣдѣній по дѣламъ уголовнымъ, производившимся въ судебныхъ учрежденіяхъ, дѣйствующихъ на основаніи уставовъ Императора Александра II, изд. М. Ю. за 1875 годъ (СПб. 1876), за 1876 г. (СПб. 1878), за 1877 г. (СПб. 1879),

ступницъ (отравительницъ) тѣмъ болѣе поражаетъ, что по большинству другихъ преступленій число преступниковъ всегда значительно больше числа преступницъ.

Но совершенный контрастъ представляютъ въ этомъ отношеніи цифры отравителей и отравительницъ въ округѣ Варшавской Судебной Палаты. Здѣсь, наоборотъ, оказывается, что число мужчинъ-отравителей почти ежегодно превышаетъ число женщинъ, обвиненныхъ за то-же преступленіе,—обстоятельство, которое не наблюдается, какъ замѣчено выше, въ большинствѣ губерній Имперіи. Именно, въ Варшавскомъ Судебномъ Округѣ за тринадцать лѣтъ, съ 1877 по 1889 годъ, было слѣдующее число осужденныхъ за отравленіе и за покушеніе на таковое:

Въ	1877	году	осуждено	мужчинъ 3,	женщинъ	1.
„	1878	„	„	„ 1,	„	—.
„	1879	„	„	„ 2,	„	—.
„	1880 и 1881 гг.		осужд.	„ 6,	„	1.
„	1882	году	осуждено	„ 6,	„	4.
„	1883	„	„	„ 5,	„	4.
„	1884	„	„	„ 5,	„	4.
„	1885	„	„	„ 10,	„	5.
„	1886	„	„	„ 11,	„	7.
„	1887	„	„	„ 3,	„	3.
„	1888	„	„	„ 4,	„	1.
„	1889	„	„	„ 3,	„	5.

Итого за тринадцать лѣтъ осуждено за отравленіе:
мужчинъ 59, женщинъ 35 [1]).

за 1878 г. (СПб. 1883), за 1879 г. (СПб. 1884), за 1880 и 1881 гг. (СПб. 1885), за 1882 г. (СПб. 1886), за 1883 г. (СПб. 1887), за 1884 годъ (СПб. 1888), за 1885 г. (СПб. 1889), за 1886 г. (СПб. 1890), за 1887 г. (СПб. 1891), за 1888 г. (СПб. 1892), за 1889 г. (СПб. 1894).

[1]) Ср. Сводъ статистическихъ свѣдѣній по дѣламъ уголовнымъ, производившимся въ Округѣ Варшавской Судебной Палаты, изд. М. Ю. за 1877 г. (СПб. 1879), за 1878 г. (СПб. 1883), за 1879 г. (СПб.

Но за то по другимъ преступленіямъ женщины участвуютъ въ значительно большемъ числѣ случаевъ, чѣмъ въ другихъ округахъ, вслѣдствіе болѣе смѣлаго, рѣшительнаго и энергическаго характера польскихъ женщинъ, которыя какъ-бы гнушаются скрытности и коварности отравленія.

За симъ, отравленіе является преступленіемъ, совершаемымъ по преимуществу въ молодые годы. Возрастомъ, въ которомъ всего болѣе совершаются отравленія, является, главнымъ образомъ, возрастъ отъ двадцати до тридцати лѣтъ, когда всего болѣе созрѣваютъ и развиваются страсти, такъ какъ отравленіе является въ настоящее время, какъ и прежде, чаще всего способомъ избавиться отъ постылаго мужа или любовника (иногда отъ жены или любовницы), чтобы воспользоваться затѣмъ своей свободой, сообразно новымъ вожделѣніямъ.

Въ юношескомъ возрастѣ это преступленіе совершается, по большей части, дѣвицами, рѣже юношами; такъ, напримѣръ, на основаніи данныхъ нашей статистики по дѣламъ уголовнымъ за тѣ-же пятнадцать лѣтъ, отъ 1875 по 1889 г., это подтверждается весьма нагляднымъ образомъ. Изъ этихъже примѣрныхъ данныхъ оказывается, что возрастомъ наиболѣе склоннымъ къ отравленію является, повидимому, лучшій возрастъ отъ 21 до 25 лѣтъ, затѣмъ возрастъ отъ 25 до 30 лѣтъ. Съ тридцатилѣтняго возраста, начинается довольно пра-

---

1884), за 1880 и 1881 гг. (СПб. 1885), за 1882 г. (СПб. 1886), за 1883 г. (СПб. 1887), за 1884 г. (СПб. 1888), за 1885 г. (СПб. 1889), за 1886 г. (СПб. 1891), за 1887 г. (СПб. 1891), за 1888 г. (СПб. 1893), за 1889 г. (СПб. 1894).

Статистику умышленныхъ убійствъ вообще, въ Царствѣ Польскомъ, за прежніе годы, см. въ сочиненіи Г. Ѳ. Симоненко, сравнительная статистика Царства Польскаго и другихъ европейскихъ странъ, Варшава, 1879, томъ I, стр. 030 и слѣд., таблица 13: сравнительная вѣдомость ежегоднаго числа преступленій въ Царствѣ Польскомъ, доходившихъ до свѣдѣнія судовъ за періодъ отъ 1848 по 1860 г. и отъ 1865 по 1875 г. (сост. на основаніи ежегодныхъ отчетовъ бывшей Правительственной Коммисіи Юстиціи).

вильное пониженіе цифръ общаго числа осужденныхъ за отравленіе мужчинъ и женщинъ, доходя въ возрастѣ отъ семидесяти до восьмидесяти лѣтъ до двухъ только случаевъ за пятнадцать лѣтъ во всей Имперіи.

Именно за 1875—1889 годы за отравленіе и за покушеніе на отравленіе осуждено:

Въ возрастѣ	12	лѣтъ:	мальчиковъ	1,	дѣвочекъ	1,	итого	2.
„ „	14	„	„	2,	„	—,	„	2.
„ „	15	„	„	1,	„	—,	„	1.
„ „	16	„	мужчинъ	1,	женщинъ	6,	„	7.
„ „	17	„	„	2,	„	9,	„	11.
„ „	18	„	„	1,	„	14,	„	15.
„ „	19	„	„	6,	„	13,	„	19.
„ „	20	„	„	10,	„	13,	„	23.
„ возр. отъ	21	до 25 л.:	„	21,	„	49,	„	70.
„ „ „	25	„ 30 „	„	28,	„	45,	„	73.
„ „ „	30	„ 35 „	„	20,	„	26,	„	46.
„ „ „	35	„ 40 „	„	19,	„	29,	„	48.
„ „ „	40	„ 45 „	„	18,	„	24,	„	42.
„ „ „	45	„ 50 „	„	13,	„	15,	„	28.
„ „ „	50	„ 55 „	„	8,	„	20,	„	28.
„ „ „	55	„ 60 „	„	5,	„	10,	„	15.
„ „ „	60	„ 65 „	„	6,	„	9,	„	15.
„ „ „	65	„ 70 „	„	3,	„	3,	„	6.
„ „ „	70	„ 75 „	„	—,	„	1,	„	1.
„ „ „	75	„ 80 „	„	1,	„	—,	„	1.

Далѣе, отравленіе является преступленіемъ, совершаемымъ весьма часто въ жизни супружеской. Въ основаніи своемъ оно имѣетъ въ такихъ случаяхъ, какъ мы замѣтили выше, или цѣль прекратить одну связь, чтобы начать другую, или цѣль завладѣть имуществомъ отравленнаго супруга, въ особенности при такъ называемыхъ неравныхъ бракахъ. Изъ лицъ, находящихся въ отношеніяхъ родства или свойства, весьма большой процентъ отравленій совершаютъ (особенно въ деревняхъ), тёщи, свекрови и снохи.

Въ 1875—1889 годахъ за отравленіе и покушеніе на отравленіе осуждено у насъ:

Находившихся въ связи брачной:	мужч.	24,	женщ.	122,	итого	146.
„ „ внѣбрачн.	„	2,	„	2,	„	4.
Родителей:	„	2,	„	—,	„	2.
Дѣтей:	„	1,	„	—,	„	1.
Отчимовъ и мачихъ:	„	3,	„	8,	„	11.
Пасынковъ и падчерицъ:	„	1,	„	—,	„	1.
Другихъ родствен. по восходящей линіи:	„	1,	„	3,	„	4.
Другихъ родствен. по нисходящей линіи:	„	1,	„	—,	„	1.
Тестей, свёкровъ, тёщъ, свекровей:	„	3,	„	25,	„	28.
Деверей, зятей, снохъ:	„	9,	„	23,	„	32.
Родственниковъ боковыхъ:	„	17,	„	15,	„	32.
Другихъ свойственниковъ:	„	3,	„	5,	„	8.
Находившихся въ постороннихъ отношеніяхъ:	„	89,	„	85,	„	174.

Отравленіе въ подобныхъ случаяхъ часто скрывается въ тайнѣ, подъ личиною дружбы, любви, состраданія и т. п.; противъ убійцы, нападающаго съ оружіемъ въ рукахъ, есть возможность обороны, есть сознаніе грозящей опасности, но это сознаніе, эта оборона не возможна противъ дѣйствій жены, съ видомъ состраданія подающей отравленное лекарство больному мужу, противъ слуги, подмѣшивающаго ядъ въ супъ, кофе и т. п., и это-то вѣроломство, это коварство, скрытность и придаютъ отравленію характеръ злодѣянія наиболѣе возмутительнаго и отталкивающаго. Этими особенностями даннаго средства и объясняется то явленіе, что отравленіе является всего чаще въ случаяхъ родственнаго убійства и что ядъ есть по преимуществу оружіе женщинъ, такъ что при отравленіи не только у насъ, но и на Западѣ, напр. во Франціи, на 100

преступниковъ является 52 женщины, между тѣмъ какъ обыкновенно они составляютъ не болѣе 20% [1]).

Будучи преступленіемъ родственнымъ, по преимуществу супружескимъ, отравленіе чаще встрѣчается въ семьяхъ бездѣтныхъ, и рѣже въ семьяхъ, имѣющихъ дѣтей; въ семействахъ, имѣющихъ двухъ или болѣе дѣтей чаще, однако, чѣмъ въ семьяхъ, имѣющихъ только одного ребенка. Одинъ ребенокъ является, такимъ образомъ, какъ-бы оплотомъ семьи; въ заботахъ о немъ супруги находятъ взаимные интересы, производительно употребляя свои силы и способности. Будучи постоянно заняты вопросами о воспитаніи, образованіи своего единственнаго дѣтища, родители менѣе способны увлекаться призрачными и преступными мечтаніями.

Наоборотъ, въ супружествахъ многосемейныхъ (въ деревняхъ) недостатокъ средствъ къ жизни, для прокормленія и поддержанія многочисленной семьи, создаетъ взаимные раздоры, утомляя мужа, раздражая жену, и зачастую порождая у одного изъ нихъ преступную мысль хотя отчасти освободиться отъ тягостей супружескихъ узъ; ядъ и отравленіе приходятъ здѣсь на помощь, и совершаются самыя ужасныя посягательства, корень которыхъ надо, однако, искать въ недостаточномъ матеріальномъ обезпеченіи большой семьи.

Обращаясь къ даннымъ уголовной статистики за тотъ-же періодъ времени, котораго мы касались и выше, то-есть за 1875—1889 годы, мы получаемъ слѣдующія цифры: въ эти пятнадцать лѣтъ за отравленіе и за покушеніе на отравленіе осуждено:

Холостыхъ и дѣвицъ:		мужч.	32,	женщ.	27,	итого 59.
Состоящ. въ бракѣ	бездѣтныхъ:	„	32,	„	107,	„ 139.
	имѣвшихъ 1 ребенка:	„	24,	„	42,	„ 66.
	имѣвшихъ 2 и болѣе дѣтей:	„	51,	„	68,	„ 119.

[1]) Н. С. Тагацевъ, о преступленіяхъ противъ жизни, томъ II, стр. 78.

Вдовыхъ	бездѣтныхъ:	мужч. 10,	женщ. 23,	итого 33.
	имѣвшихъ 1 ребенка:	„ 2,	„ 12,	„ 14.
	имѣвшихъ 2 и болѣе дѣтей:	„ 4,	„ 8,	„ 12.
	Итого бездѣтныхъ вообще			172.
	Имѣвшихъ одного ребенка			80.
	Имѣвшихъ двухъ и болѣе дѣтей			131.

Затѣмъ это преступленіе, по преимуществу, ютится въ нисшихъ, необразованныхъ и неграмотныхъ слояхъ народа, уживаясь со всевозможными суевѣріями и предразсудками. Грамотное, а тѣмъ болѣе образованное населеніе какъ-бы гнушается этого дѣянія. Крестьянское же населеніе, вѣря въ порчу, сглазъ, приворотные коренья и зелья и т. п., на ряду съ этимъ пользуется весьма часто ядовитыми веществами, встрѣчающимися въ обиходѣ (напр. мышьякомъ), и для достиженія преступныхъ цѣлей, помимо всякихъ суевѣрій. Такъ, напримѣръ, за тѣ-же (1875—1889) годы было у насъ осуждено за отравленія разнаго рода: получившихъ среднее образованіе — 1 мужчина; получившихъ нисшее образованіе — 3 мужчины и 1 женщина; грамотныхъ — 48 мужчинъ и 15 женщинъ (итого 63); неграмотныхъ — 104 мужчины и 270 женщинъ (итого 374). При сопоставленіи этихъ данныхъ съ числомъ грамотнаго и неграмотнаго населенія въ Россіи вообще, значеніе этихъ цифръ уменьшается, но все-же остается довольно краснорѣчивымъ.

Не смотря на бо̀льшую, повидимому, возможность достать и получить ядовитыя вещества въ классахъ высшихъ, привилегированныхъ, преступленіе отравленія наиболѣе распространено въ классахъ нисшихъ, гдѣ къ тому-же прибѣгаютъ къ самымъ первобытнымъ способамъ лишенія жизни. За тотъ-же пятнадцати-лѣтній періодъ въ Имперіи осуждено за отравленіе: дворянъ 8, священно-служителей, церковно-служителей и членовъ ихъ семействъ 6, почетныхъ гражданъ и купцовъ 3, нижнихъ воинскихъ чиновъ и членовъ ихъ семействъ 38, мѣщанъ 40, крестьянъ 334 (мужчинъ 104, женщинъ 230). Въ

округѣ-же Варшавской Судебной Палаты за тринадцати-лѣтній періодъ (съ 1877 по 1889 годъ) осуждено: нижнихъ чиновъ 2, мѣщанъ 15 (11 мужчинъ и 4 женщины), крестьянъ 75 (45 мужч. и 30 женщ.). И въ этомъ случаѣ, при сопоставленіи приведенныхъ данныхъ съ числомъ лицъ каждаго сословія вообще, безусловное значеніе этихъ цифръ уменьшается, но опять-таки остается весьма убѣдительнымъ.

Сообразно этому, не удивительно то, что преступленіе это наиболѣе распространено среди крестьянскаго земледѣльческаго населенія, среди поденщиковъ и чернорабочихъ, и среди лицъ, не имѣющихъ опредѣленныхъ занятій, какъ и вообще большинство другихъ преступленій. Въ тѣ-же пятнадцать лѣтъ въ Имперіи осуждено за отравленіе: занимавшихся сельскимъ хозяйствомъ (хлѣбопашцевъ, сельскихъ рабочихъ по найму и т. п.) — 235 человѣкъ, изъ нихъ 87 мужчинъ и 148 женщинъ [1]); лицъ неопредѣленныхъ занятій — 59 [2]); поденщиковъ и чернорабочихъ — 50 человѣкъ, изъ нихъ мужчинъ 19 и женщинъ 31 [3]); ремесленниковъ и фабричныхъ — 20; торговцевъ — 19; личной прислуги — 15; лицъ, занимавшихся такъ называемымъ нематеріальнымъ производствомъ — 12; бродягъ, нищихъ и вообще лицъ, не имѣвшихъ никакихъ занятій — 11; лицъ „неизвѣстныхъ занятій“ — 7; занимавших-

---

[1]) Въ Округѣ Варшавской Судебной Палаты за тринадцать лѣтъ осуждено за отравленіе занимавшихся сельскимъ хозяйствомъ, хлѣбопашцевъ и сельскихъ рабочихъ — 26 человѣкъ, изъ нихъ мужчинъ 21, женщинъ 5.

[2]) Въ Варшавскомъ Судебномъ Округѣ за 13 лѣтъ: лицъ неопредѣленныхъ занятій осуждено за отравленіе — 21.

[3]) Въ Варш. Суд. Окр. за тотъ-же періодъ осуждено за отравленіе поденщиковъ и чернорабочихъ — 31 человѣкъ, изъ нихъ мужчинъ 24, женщинъ 7.

Такимъ образомъ, въ противность цифрамъ Имперіи, въ Варш. Суд. Округѣ, число женщинъ-отравительницъ почти всегда меньше числа мужчинъ-отравителей. Въ другихъ губерніяхъ подобное явленіе встрѣчается только въ видѣ исключенія.

ся строительнымъ производствомъ и очисткой домовъ — 4; занимавшихся добывающей промышленностію — 3; трактирщицъ — 3; перевозчиковъ — 3; проститутокъ — 2.

Будучи преступленіемъ, которое, даже при наличности основательной судебно-химической экспертизы, весьма трудно констатировать съ полной увѣренностію, отравленіе создаетъ для виновныхъ возможность запирательства, которое нерѣдко, за отсутствіемъ вѣскихъ доказательствъ, приводитъ даже къ оправданію. Сознается-же въ этомъ преступленіи сравнительно небольшой процентъ виновныхъ, и то, по большей части, женщины, а не мужчины. Въ этомъ отношеніи весьма поучительны общія цифры подсудимыхъ, оправданныхъ и осужденныхъ за отравленіе и за покушеніе на отравленіе, а равно цифры сознавшихся и не сознавшихся.

Такъ, напримѣръ, у насъ въ Россіи, за пятнадцати-лѣтній промежутокъ времени, съ 1875 по 1889 годъ, общее число подсудимыхъ за отравленіе и покушеніе на таковое было: мужчинъ 320, женщинъ 599; изъ нихъ оправдано: мужчинъ 164, женщинъ 311; осуждено — мужчинъ 156, женщинъ 288.

Изъ этого числа осужденныхъ созналось — мужчинъ 22, женщинъ 70; не созналось — мужчинъ 134, женщинъ 218. Такимъ образомъ, женщины-отравительницы проявляютъ, повидимому, бо́льшую степень раскаянія, и сознаются въ значительно бо́льшемъ числѣ случаевъ, нежели мужчины, что объясняется, конечно, бо́льшею впечатлительностію и податливостію женской натуры и бо́льшей способностію сознавать причиненное зло.

Преступленіе это совершается чаще однолично, скрытно, тайно, очень часто въ нѣсколько пріемовъ, малыми дозами. Но не рѣдки также случаи совершенія отравленій въ соучастіи: одно лицо достаетъ ядовитыя вещества, другое непосредственно ими пользуется для достиженія своихъ преступныхъ цѣлей и т. п. Такъ, напр., за тѣ-же годы осуждено у насъ: совершившихъ отравленіе однолично — мужчинъ 86, женщинъ

188; совершившихъ отравленіе въ сообществѣ — мужчинъ 70, женщинъ 100.

Почти вся эта цифра осужденныхъ за отравленіе субъектовъ одноличной и совмѣстной преступной дѣятельности обвинялась въ первый разъ. Что-же касается субъектовъ неоднократной преступной дѣятельности, то-есть рецидивистовъ, то таковыхъ за всѣ пятнадцать лѣтъ оказалось—мужчинъ 11, женщинъ 3, итого 14. Изъ этого числа одинъ рецидивистъ былъ холостой, двое вдовыхъ, восемь женатыхъ; двѣ женщины замужнія, одна вдовая; всѣ, кромѣ одного, совершеннолѣтніе; всѣ, кромѣ двухъ, неграмотные; всѣ, кромѣ одного, совершили преступленіе во второй разъ, только одинъ оказался какъ-бы профессіональнымъ отравителемъ, совершивъ три отравленія.

Такимъ образомъ, насколько отравленіе вообще является преступленіемъ по преимуществу женскимъ, отравленіе вторичное, то-есть рецидивъ, является, наоборотъ, дѣяніемъ, на которое чаще рѣшаются мужчины. Правда, исторія сохранила намъ имена нѣкоторыхъ извѣстныхъ профессіональныхъ отравительницъ; припомнимъ, напримѣръ, имена извѣстной составительницы ядовъ Локусты въ Римѣ, Лавуазенъ, Лавигурё во Франціи и т. п. Тѣмъ не менѣе, въ большинствѣ случаевъ, женщины, обличенныя въ этомъ преступленіи, проявляютъ всегда столь высокую степень раскаянія, что у нихъ затѣмъ не хватаетъ уже преступной энергіи и испорченности для совершенія этого гнуснаго дѣянія въ другой разъ.

Этимъ чистосердечнымъ раскаяніемъ женщинъ-отравительницъ, быть можетъ, объясняется и то обстоятельство, что наказанія за отравленіе смягчаются для женщинъ въ значительно бо̀льшемъ числѣ случаевъ, и въ бо̀льшихъ степеняхъ, нежели для мужчинъ. Такъ, напримѣръ, въ указанный выше періодъ времени наказаніе за отравленіе и покушеніе на таковое было уменьшено: на одну степень — для 25 мужчинъ и 27 женщинъ; на двѣ степени — для сорока мужчинъ и ста тридцати пяти женщинъ; наконецъ, на бо̀льшее число степе-

ней—для 13 мужчинъ и 10 женщинъ; и того, слѣдовательно, смягченіе наказанія имѣло мѣсто въ 78 случаяхъ для мужчинъ и въ 172 случаяхъ для женщинъ.

Въ высшей степени характерно и то, что по преступленіямъ по преимуществу женскимъ, среди которыхъ видное мѣсто занимаетъ отравленіе, относительная цифра покушеній для женщинъ крайне высока; г. Тарновскій [1]) видитъ въ этомъ признакъ трусости женщины, въ рѣшительный моментъ останавливающейся передъ исполненіемъ и бросающей задуманное; съ такимъ объясненіемъ основательно не соглашается профессоръ И. Я. Фойницкій, по двумъ причинамъ: а) добровольный отказъ отъ недоконченнаго покушенія, хотя-бы вслѣдствіе трусости, по законодательству нашему не наказуемъ; между тѣмъ, женскія покушенія подлежали наказаніямъ, значитъ, недоведенными до конца онѣ оказываются не въ виду трусости или какого-либо инаго внутренняго мотива, останавливающаго руку виновной на полдорогѣ, а по другой причинѣ; и б) весьма высокимъ относительнымъ цифрамъ по преступленіямъ, преимущественно женскимъ, соотвѣтствуютъ крайне низкія, болѣе низкія, чѣмъ у мужчинъ, относительныя цифры женскихъ покушеній по преступленіямъ преимущественно мужскимъ (каковы: разбой, грабежъ и т. п.) [2]).

Къ стыду человѣчества, надо сознаться, что преступленія наиболѣе гнусныя и низкія очень часто являются дѣломъ лицъ, которыя вполнѣ могутъ оцѣнить ихъ послѣдствія. Отравленіе, какъ посягательство, предполагающее обыкновенно полное довѣріе жертвы къ тому, кто её собирается отравить, по мнѣнію доктора Корра [3]), почти составляетъ спеціальность

---

[1]) Тарновскій, преступленія противъ жизни по поламъ, возрастамъ и семейному состоянію, Юр. Вѣстн., т. XXIII, стр. 281.

[2]) И. Я. Фойницкій, женщина-преступница, В. С. 1893, № 2, стр. 134.

[3]) A. Corre, les criminels, caractères physiques et psychologiques, Paris, 1889, стр. 196, 207 и 208.

лицъ высшаго умственнаго уровня. Доказательствомъ этого служатъ будто-бы дѣла Castaing'а, Лапомерэ, Пеля [1]) и другихъ. Это-то довѣріе жертвъ, часто основанное на связяхъ родственной любви, супружеской близости или тѣсной дружбы, и служитъ для законодателей главною причиною квалификаціи при опредѣленіи наказаній за это гнусное преступленіе.

Въ западной Европѣ отравители и отравительницы подлежатъ смертной казни. И докторъ Корръ дѣлаетъ любопытныя сопоставленія по вопросу объ отношеніи къ самой смертной казни осужденныхъ мужчинъ и женщинъ. На 24 женщины, 5 только встрѣтили казнь трусливо (meurent lâchement) и среди нихъ знаменитая отравительница Елена Жегадо (въ 1852 году); 1 не оставляла самаго возмутительнаго цинизма даже до самаго костра (отравительница Лавуазенъ, сожженная въ 1679 году); 18-же всходили на эшафотъ съ полнымъ спокойствіемъ, тихо, безропотно и съ раскаяніемъ; нѣкоторыя съ печалью, но безъ всякой слабости; а большинство даже подкрѣпленныя духовнымъ напутствіемъ. „Въ продолженіе четверти часа, на эшафотѣ, обнаженная, въ одной рубашкѣ, на

Такого-же мнѣнія C. Lombroso, Uomo delinquente, l'homme criminel, Paris, 1887, стр. 433 и слѣд.: empoisonneurs.

Противнаго мнѣнія G. Tarde, la philosophie pénale, Lion-Paris, 1891, chap. VI, le crime, стр. 334: l'empoisonnement.

[1]) Corre, les criminels, l'empoisonneur Pel (fig. 40, стр. 324): *Physionomie intelligente*, rusée, dissimulée et énergique (pincée). Horloger versé dans les connaissances chimiques, accusé d'avoir fait disparaître ses victimes (ses bonnes), par le dépeçage, et l'incinération.

См. тамъ-же l'empoisonneur Regey (fig. 24, стр. 242): ex-sergent de ville, employé chez un chimiste; empoisonne un ami pour le voler et fait disparaître le cadavre en le dépeçant. *Intelligence médiocre*, peu d'éducation, grande fermeté.

Уже эти два противоположные примѣра, у одного и того-же автора, краснорѣчиво свидѣтельствуютъ о томъ, что нельзя безъ оговорокъ утверждать, будто-бы отравленіе есть преступленіе исключительно интеллигентнаго класса, или, наоборотъ, согласно Тарду, преступленіе класса низшаго, неграмотнаго. (Ср. выше стр. 259).

глазахъ громадной толпы любопытныхъ, въ рукахъ грубаго палача, извѣстная отравительница маркиза Бренвилье, по словамъ г-жи де-Севинье, сохраняла самую непоколебимую твердость". Молодая и красивая Тике, покушавшаяся освободиться отъ своего стараго, некрасиваго и постылаго мужа, отдается палачу съ такою покорностію и кротостію, что этотъ теряетъ свою увѣренность и отрубаетъ голову осужденной только со втораго удара топора. Соотвѣтственно этимъ даннымъ, можно отмѣтить относительно мужчинъ слѣдующее: на 64 мужчинъ, приговоренныхъ къ смертной казни, 25 умираютъ трусливо (meurent lâchement), и въ числѣ ихъ отравители Castaing, казненный въ 1823 году, и Лапомерэ, казненный въ 1864 году; или-же они вступаютъ въ отчаянную борьбу съ палачемъ, какъ, напримѣръ, Верже, Тропманнъ, отравившій отца перебитой имъ многочисленной семьи и друг.

Въ отношеніи наказуемости, у насъ до 1871 г. считались квалифицированными видами лишенія жизни только тѣ случаи отравленія, которые совершены съ обдуманнымъ заранѣе намѣреніемъ или умысломъ (ст. 1453). Виновные въ убійствѣ *съ обдуманнымъ заранѣе намѣреніемъ или умысломъ*, когда оно учинено посредствомъ отравленія, приговариваются къ лишенію всѣхъ правъ состоянія и къ ссылкѣ въ каторжную работу или на время отъ пятнадцати до двадцати лѣтъ, или безъ срока. Отравленіе умышленное, но безъ обдуманнаго заранѣе намѣренія, влекло каторгу отъ 12 до 15 и отъ 15 до 20 лѣтъ, при нѣкоторыхъ увеличивающихъ вину обстоятельствахъ (1 ч. ст. 1455). Наконецъ, отравленіе въ запальчивости или раздраженіи, особенно когда раздраженіе вызвано было насильственными дѣйствіями или тяжкимъ оскорбленіемъ со стороны убитаго, влекло лишь каторгу отъ 8 до 12 и отъ 4 до 8 лѣтъ или поселеніе (2 ч. ст. 1455).

Затѣмъ въ нашемъ Уложеніи упоминается еще спеціально о случаяхъ смѣшанной виновности, объ ошибкѣ въ объектѣ, что весьма нерѣдко имѣетъ мѣсто при отравленіяхъ. Именно, въ статьѣ 1456 опредѣлено: кто, имѣя намѣреніе нанести кому-либо смерть, вмѣсто сего лица, по ошибкѣ или ино-

му случаю, лишитъ жизни другаго, тотъ подвергается тому-же самому наказанію, какому онъ долженствовалъ-бы подвергнуться, если-бы умертвилъ того, на жизнь коего онъ имѣлъ умыселъ. Послѣднее правило не выдерживаетъ критики; представимъ себѣ случай, что кто-либо желалъ отравить своего отца, а по ошибкѣ отравилъ другаго; по буквѣ закона онъ подлежитъ безсрочнымъ каторжнымъ работамъ даже безъ права на переводъ въ отрядъ исправляющихся — строгость, не имѣющая никакихъ основаній.

Отравленіе безъ прямаго умысла, смотря по роду и важности самаго противозаконнаго дѣянія, а равно и по роду и по большей или меньшей опасности, которую виновный не могъ не предвидѣть, и по другимъ обстоятельствамъ дѣла, — влечетъ ссылку въ каторжную работу на время отъ восьми до двѣнадцати, или отъ двѣнадцати до пятнадцати лѣтъ (ст. 1458). Признаніе умысла не прямаго всегда заслуживающимъ меньшаго наказанія, сравнительно съ умысломъ прямымъ, не вполнѣ можетъ быть оправдано. Лицо, выливающее ядовитую жидкость въ чанъ съ водою, служащею для общаго употребленія, проявляетъ болѣе сильное состояніе преступности, чѣмъ лицо, отравившее другаго, хотя и по прямому умыслу, но въ аффектѣ. Случай перваго рода, заслуживаетъ поэтому болѣе строгаго наказанія, чѣмъ второй.

Что-же касается неосторожнаго отравленія, то послѣднее опредѣляется слѣдующимъ образомъ. При неосторожномъ отравленіи, какъ послѣдствіи дозволеннаго дѣянія, виновные въ непринятіи надлежащихъ мѣръ предосторожности подвергаются, смотря по обстоятельствамъ дѣла и сообразно съ правилами, указанными въ общей части, заключенію въ тюрьмѣ на время отъ 2 до 4 мѣсяцевъ, аресту отъ 3 дней до 3 мѣсяцевъ, или строгому выговору, а равно и церковному покаянію, если они христіане (ст. 1468). При неосторожномъ отравленіи, какъ послѣдствіи полицейскаго проступка, имѣетъ мѣсто заключеніе въ тюрьмѣ отъ 2 до 4 мѣсяцевъ; если-же за самый этотъ проступокъ опредѣлено другое, строжайшее

наказаніе, то примѣняются общія правила о совокупности (ст. 1466). Наконецъ, при неосторожномъ лишеніи жизни, какъ послѣдствіи уголовнаго посягательства, виновные подлежатъ ссылкѣ въ каторжную работу на время отъ 8 до 12 лѣтъ; какъ и въ предшествующемъ случаѣ, если за самое это преступленіе опредѣлено наказаніе болѣе строгое, то наказаніе опредѣляется по совокупности (ст. 1459).

ПРОЕКТЪ

новаго уголовнаго уложенія.

Отравленіе — этотъ видъ убійства до послѣдняго времени выдвигался въ качествѣ квалифицированнаго почти во всѣхъ кодексахъ, да и нынѣ сохранилъ то-же мѣсто въ кодексахъ французскомъ, бельгійскомъ, итальянскомъ и отчасти германскомъ, хотя самыя основанія квалификаціи, какъ указываетъ исторія этого преступленія, подвергались существеннымъ измѣненіямъ. Древнее право большинства народовъ, а въ особенности право каноническое, видѣли причину усиленія наказанія въ связи этого преступленія съ волшебствомъ и чародѣйствомъ. Таинственная смерть, не оставлявшая никакихъ видимыхъ знаковъ насилія, заставляла искать ея объясненія въ содѣйствіи сверхъестественныхъ силъ, а потому и отравленіе было относимо къ разряду суевѣрныхъ преступленій, какъ особый видъ союза съ дьяволомъ. И только съ XVI столѣтія, напр. въ Германіи послѣ Каролины, это преступленіе перешло въ разрядъ убійствъ, сохраняя однако выдающееся мѣсто по размѣрамъ назначаемаго за него наказанія [1]). Въ кодексахъ новѣйшихъ, удержавшихъ квалификацію отравленія, мистическая точка зрѣнія, конечно, не могла сохраниться, а потому на первый планъ

---

[1]) Ср. Mittermaier, das Verbrechen der Vergiftung in Goltd. A. т. IV и V, Gengler, das Verbrechen der Vergiftung, 1842.

выдвинулась обдуманность, требуемая дѣяніями этого рода, почему, напр., какъ по французскому, такъ и по бельгійскому кодексу, отравленіе всегда предполагается предумышленнымъ и наказывается какъ assassinat. По французскому праву отравленіе (по ст. 301) представляетъ еще ту особенность, что оно считается совершившимся съ того момента, когда ядъ, или, говоря общнѣе, вещество, способное повредить жизни или здоровью лица, были даны жертвѣ съ цѣлью лишить её жизни, каковы бы ни были послѣдствія даннаго дѣйствія [1]).

Германскій кодексъ, не упоминая объ отравленіи въ отдѣлѣ убійствъ, содержитъ однако особое постановленіе о немъ въ отдѣлѣ о тѣлесныхъ поврежденіяхъ и назначаетъ за дачу кому-либо внутрь, или иное введеніе въ организмъ, съ умысломъ повредить здоровью, яда или инаго разрушающаго здоровье вещества, заключеніе въ Zuchthaus до 10 лѣтъ; если же отъ такого отравленія произошла чья либо смерть, то Zuchthaus не ниже 10 лѣтъ или безъ срока; такой же системы держится и кодексъ венгерскій, назначая, впрочемъ, болѣе мягкое наказаніе, сравнительно съ германскимъ (§ 309) [2]).

Въ русскомъ правѣ понятіе объ отравленіи выдѣляется изъ другихъ видовъ убійства еще въ уложеніи царя Алексѣя Михайловича 1649 г., которое, впрочемъ, подвергало виновныхъ въ отравленіи тому-же наказанію, которое было положено и за простое убійство. Воинскій уставъ Петра Великаго ввелъ за отравленіе квилифицированную смертную казнь, а Сводъ Законовъ 1832 г. снова сравнялъ его съ обыкновеннымъ убійствомъ (ст. 330).

Составители Уложенія 1845 года, находя, что отравленіе

---

[1]) F. Hélie, Pratique, II, № 514; но приготовленіе яда, поднесеніе его жертвѣ и т. п. разсматриваются какъ покушеніе на отравленіе; способъ, коимъ ядъ былъ введенъ въ организмъ жертвы, представляется безразличнымъ.—Ср. Dalloz art. 301, № 22.

[2]) Hälschner, das deutsche Strafrecht, § 29; Liszt, Lehrbuch, § 91; причемъ для состава преступленія безразлично, былъ-ли ядъ введенъ въ организмъ тайно или открыто, насильственно.

всегда предполагаетъ предумышленность и что оно, въ виду легкости его выполненія, является особенно опаснымъ, возвратились къ системѣ воинскаго устава и отнесли отравленіе къ группѣ убійствъ квалифицированныхъ. До закона 1871 года отравленіе усиливало отвѣтственность только при предумышленіи, а теперь оно наказывается строже обыкновеннаго убійства и при убійствѣ непредумышленномъ. При этомъ нельзя не замѣтить, что наше законодательство, ни въ прежнее время, ни нынѣ, не давало и не даетъ опредѣленія самаго понятія отравленія. Уложеніе 1649 г. говорило объ отравленіи зельемъ; воинскій уставъ—о погубленіи другаго отравою; сводъ законовъ о насильственной смерти, причиненной отравленіемъ; уложеніе 1845 года объ убійствѣ посредствомъ отравленія, безъ всякихъ дальнѣйшихъ указаній. Между тѣмъ установленіе понятія объ отравленіи и покушеніи на него, не смотря на кажущуюся простоту, представляется весьма затруднительнымъ на практикѣ, благодаря отсутствію въ судебной медицинѣ опредѣленія самого понятія яда, являющагося средствомъ отравленія. Поэтому и западно-европейскіе кодексы не довольствуются, подобно нашему уложенію, терминомъ: отравленіе, а какъ, напримѣръ, французскій кодексъ, называютъ отравленіемъ посягательство на жизнь посредствомъ дѣйствія вещества (par l'effet de substances) пригоднаго причинить смерть болѣе или мемѣе быстро, какимъ-бы способомъ эти вещества ни были употреблены или введены (employées ou administrées); германское уложеніе говоритъ о дачѣ яда или инаго вещества, пригоднаго разрушить здоровье [1]).

---

[1]) Таганцевъ, о преступленіяхъ противъ жизни, II, № 178. Вопросъ о томъ, что такое ядъ, какъ средство отравленія, вызвалъ цѣлый рядъ весьма разнорѣчивыхъ рѣшеній французскаго кассаціоннаго суда. Latour, Code usuel, 1875, art. 301, Dalloz, art. 301; у Berner'a, Körperverletzungen, въ Gerichtssaal за 1867, изложены различныя попытки опредѣленія яда въ судебной медицинѣ. Гофманъ, судебная медицина, стр. 445, указываетъ на невозможность опредѣлить понятіе „яда“ и на необходимость поставить въ законѣ рядомъ съ нимъ понятіе „другаго вреднаго вещества“. Штольцъ, судебная медицина, стр. 373.

Обращаясь къ основаніямъ выдѣленія отравленія въ группу квалифицированныхъ убійствъ, и оставляя въ сторонѣ соображенія о связи даннаго преступленія съ суевѣрными дѣяніями, надлежитъ признать, что основанія такого выдѣленія заключаются или въ большой злостности и энергіи воли виновнаго, или въ чрезмѣрной опасности даннаго преступленія для общества и отдѣльныхъ лицъ.

Въ подтвержденіе перваго положенія указываютъ обыкновенно на предумышленность отравленія. Этотъ доводъ особенно держится во французской судебной практикѣ, не смотря на возраженія противъ него важнѣйшихъ французскихъ криминалистовъ [1]). Несомнѣнно, однако, что хотя въ большей части случаевъ для отравленія необходимо пріисканіе и приспособленіе средствъ, обстоятельное обдумываніе, но такая необходимость не абсолютна, такъ какъ мы можемъ представить себѣ и такіе случаи, когда къ яду прибѣгнутъ въ пылу гнѣва, какъ къ первому средству, попавшемуся подъ руку. Да и дѣйствующее наше уложеніе всего нагляднѣе свидѣтельствуетъ о несостоятельности этого довода, различая отравленіе предумышленное и непредумышленное.

Еще менѣе основаній представляетъ указаніе на обращеніе этихъ преступленій въ привычку или ремесло, такъ какъ случаи этого рода слишкомъ рѣдки въ практикѣ западно-европейской и нашей, чтобы дѣлать изъ нихъ общее правило.

Наконецъ, обращаютъ вниманіе на то, что отравленіе часто скрывается въ тайнѣ, подъ личиною дружбы, любви, состраданія, что противъ убійцы, нападающаго съ оружіемъ въ рукахъ, есть возможность обороны, которая понятно немыслима противу отравителя, что это вѣроломство, скрытность, придаютъ отравленію характеръ особенно тяжкаго злодѣянія. Не отрицая справедливости этихъ указаній, Коммисія однако не можетъ не прибавить, что и этотъ признакъ, съ одной стороны, относится далеко не ко всѣмъ случаямъ отравленія, а

---

[1]) Blanche, Études, IV, № 512; F. Hélie, Théorie, III, № 1141.

съ другой, что онъ также часто встрѣчается и при убійствѣ, выполненномъ иными средствами – кинжаломъ, ножемъ.

А потому Коммисія, подобно голландскому кодексу, не сочла необходимымъ упоминать объ отравленіи въ группѣ квалифицированныхъ убійствъ [1]).

Таковы мотивы и объясненія Редакторовъ проекта новаго уголовнаго уложенія, послужившіе имъ основаніемъ къ исключенію отравленія изъ ряда квалифицированныхъ видовъ лишенія жизни. А между тѣмъ Коммисіи были представлены весьма существенныя возраженія, какъ со стороны теоретиковъ, такъ и со стороны судебныхъ дѣятелей; но возраженія эти не только не приняты Коммисіею въ соображеніе, но даже вовсе оставлены ею безъ вниманія и вовсе не разсмотрѣны ею.

Такъ, напримѣръ, нѣкоторыя лица въ своихъ замѣчаніяхъ предлагали ввести, какъ квалифицированный видъ, „убійство особо коварнымъ способомъ“ (проф. Вальбергъ и Шютце) или „убійство скрытымъ способомъ или скрытымъ средствомъ“, которое-бы обнимало и убійство изъ засады и отравленіе. Такъ, прокурорскій надзоръ Владикавказскаго Окружнаго Суда (№ 150) замѣчаетъ: „Мы не видимъ никакого основанія для непризнанія, какъ то дѣлаетъ проектъ, квалифицированными— лишеніе жизни изъ засады и чрезъ отравленіе. Въ объясненіе такого исключенія, Коммисія по отношенію къ лишенію жизни изъ засады, приводитъ то, что засада, не свидѣтельствуя сама по себѣ о какой-либо опасности или злостности воли, указываетъ только на предумышленность дѣйствій виновнаго. Такой выводъ представляется однако мало убѣдительнымъ и, какъ намъ кажется, заключаетъ въ самомъ себѣ противорѣчіе: убійство скрытное, каковымъ несомнѣнно является убійство изъ засады, уже по природѣ своей болѣе опасно для жертвы, чѣмъ убійство путемъ открытаго нападенія, несравненно легче отвратимое, чѣмъ первое, и лицо, избирающее такой способъ,

---

[1]) Уголовное уложеніе. Объясненія къ проекту Редакціонной Коммисіи, СПб., 1895, томъ VI, глава 20-ая, ст. 385 и 386, стран. 64—70.

проявляетъ несравненно бо̀льшую злостность, чѣмъ лицо открыто нападающее на жертву и готовое въ свою очередь подвергнуться опасности. Коммисія сама не отрицаетъ, что засада указываетъ на предумышленность дѣйствій виновнаго, а предумышленность несомнѣнно прямо пропорціональна злостности воли; а такъ какъ главнымъ основаніемъ для квалификаціи преступленія служитъ количество злостности въ волѣ преступника, то, при признаніи засады указателемъ предумышленности дѣйствій виновнаго, неизбѣженъ, если не желать впасть въ противорѣчіе, выводъ о необходимости квалификаціи лишенія жизни изъ засады, а не обратный. Что касается до лишенія жизни чрезъ отравленіе, то Коммисія, признавая, что таковое, какъ скрытное убійство, болѣе опасно и злостно, чѣмъ открытое, оправдываетъ исключеніе этого вида лишенія жизни изъ числа квалифицированныхъ лишь тѣмъ, что скрытность есть признакъ, присущій далеко не всѣмъ случаямъ отравленія и также часто встрѣчающійся при убійствѣ, выполненномъ иными средствами—кинжаломъ, ножемъ. Но первый доводъ не достаточенъ, такъ какъ случаи открытаго отравленія чрезвычайно рѣдки, а второй можетъ служить, по нашему мнѣнію, лишь въ подтвержденіе вышеизложеннаго касательно засады о необходимости возведенія скрытаго убійства въ число квалифицированныхъ, а никакъ не основаніемъ къ исключенію скрытаго убійства изъ числа таковыхъ лишь потому, что скрытность имѣетъ мѣсто не при одномъ только отравленіи. И такъ, въ силу особой злостности и возмутительности убійства изъ засады и чрезъ отравленіе, нельзя не пожелать признанія и новымъ уложеніемъ такихъ убійствъ квалифицированными. Но, такъ какъ основаніемъ для квалификаціи того и другаго служитъ одинъ и тотъ-же присущій обоимъ видамъ убійства признакъ „скрытность дѣйствій“ виновнаго, и такъ какъ признакъ этотъ можетъ быть вмѣстѣ съ тѣмъ присущъ и другимъ видамъ убійства, то намъ представляется цѣлесообразнымъ, не увеличивая перечня квалифицированныхъ убійствъ этими двумя видами убійства, ввести въ пунктъ статьи 3 проекта, предусматривающій квалификацію по средству, общее указаніе

о квалифицированности лишенія жизни „скрытнымъ способомъ или скрытнымъ средствомъ“.

Въ замѣчаніяхъ на проектъ, вообще, многіе высказались за удержаніе отравленія какъ квалифицированнаго вида убійства (Одесская Судебная Палата, чины Нижегородскаго и Радомскаго Окружныхъ Судовъ, прокурорскій надзоръ Херсонскаго, Ржевскаго и Ярославскаго Окружныхъ судовъ и проф. Гвоздевъ), а большинство С.-Петербургскаго Юридическаго Общества (6 противъ 3), хотя и предполагало указать въ особомъ пунктѣ, убійство чрезъ отравленіе, но только какъ убійство измѣнническое, не распространяя на отравленіе явное, причемъ это мнѣніе было мотивировано слѣдующими соображеніями.

Представляются вполнѣ достаточныя основанія сохранить квалифицирующее значеніе за отравленіемъ, которое коммисія вычеркнула изъ числа квалифицированныхъ видовъ убійства. Отравленіе по нашему законодательству съ давнихъ поръ считалось квалифицированнымъ видомъ убійства. Съ Уложенія 1649 года этотъ видъ убійства возведенъ въ одно изъ тяжкихъ преступленій. По Проекту 1813 года даже оконченное покушеніе на отравленіе приравнивалось по наказуемости къ совершенію. Только Сводъ 1832 г. не признавалъ за отравленіемъ квалифицирующаго значенія. Затѣмъ отравленіе считается квалифицированнымъ убійствомъ по дѣйствующему Уложенію. Точно также и въ западныхъ кодексахъ, за исключеніемъ голландскаго, отравленіе выдвигается, какъ особый видъ убійства. Германскій кодексъ даже неумышленное лишеніе жизни, когда оно было результатомъ поврежденія здоровья чрезъ отравленіе, приравниваетъ къ умышленному убійству (§ 229). Уже одно такое универсальное признаніе отравленія за особый видъ убійства не можетъ не служить важнымъ основаніемъ для сохраненія его и въ нашемъ Проектѣ въ качествѣ квилифицированнаго дѣянія. Историческое начало нашего законодательства только усиливаетъ эти основанія. Но и при разсмотрѣніи самаго существа вопроса о квалификаціи убійства чрезъ отравленія не трудно отыскать подтверждающія данныя. Хотя въ за-

конодательствахъ выдвигается въ отравленіи по преимуществу то субъективный элементъ — особая злостность воли виновнаго, то, напротивъ, объективная опасность дѣянія, но уже изъ того обстоятельства, что отравленіе универсально является квалифицированнымъ видомъ, слѣдуетъ заключить, что и тотъ и другой элементы въ этомъ дѣяніи представляются достаточно важными, чтобы выдвигать его изъ ряда обыкновенныхъ.

И въ самомъ дѣлѣ, прежде всего при отравленіи, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, требуется значительная предварительная дѣятельность, заключающаяся въ пріобрѣтеніи средствъ, созданіи плана и изысканіи способовъ осуществленія его. Съ другой стороны, нельзя не обратить вниманія на ту опасность, съ которою сопряжена эта форма лишенія жизни для жертвы. По самому свойству своему, отравленіе гораздо легче можетъ быть совершено съ тѣмъ коварствомъ и скрытностью, которыхъ трудно найти въ другихъ видахъ убійства. Наконецъ, многіе яды дѣйствуютъ такъ скрытно, что даже судебно-медицинское констатированіе факта отравленія является затруднительнымъ. Результатомъ этого является затруднительность и при обнаруженіи дѣянія. Всѣ эти условія слишкомъ важны въ ихъ совокупности, чтобы не принимать ихъ въ разсчетъ при рѣшеніи вопроса о квалификаціи; при томъ-же убійство чрезъ отравленіе весьма часто является въ такъ называемыхъ родственныхъ убійствахъ. Хотя Проектъ совершенно правильно ограничилъ квалификацію родственнаго убійства только случаями убійства родителей, тѣмъ не менѣе, вышеуказанное обстоятельство должно быть принято во вниманіе. Во всякомъ случаѣ, чтобы отвергнуть необходимость включенія отравленія въ разрядъ квалифицированныхъ убійствъ, слѣдуетъ выставить гораздо болѣе вѣскія основанія, чѣмъ тѣ, которыя указаны въ Объяснительной запискѣ. Во-первыхъ, коммисія не отвергаетъ, что въ большинствѣ случаевъ отравленіе имѣетъ характеръ выдающагося преступнаго дѣянія. Все возраженіе ея сводится лишь къ тому, что особыя свойства отравленія, какъ квалифицированнаго дѣянія, относятся *не ко всѣмъ случаямъ отравленія*. Но та-же

коммисія такое-же возраженіе высказала и по поводу родителеубійства; однако-же, она не остановилась включить этотъ видъ въ число квалифицированныхъ. Во-вторыхъ, коммисія указала, что, благодаря отсутствію въ судебной медицинѣ опредѣленія самаго понятія яда, установленіе понятія отравленія и покушенія на него является затруднительнымъ. Но не трудно видѣть, что это возраженіе къ вопросу о квалификаціи не относится.

Отравленіе, по современнымъ на него воззрѣніямъ, выдѣляется въ квалифицированный видъ не по признаку яда, какъ средства, а по способу дѣйствія—тайному и обманному. Мысль эта, какъ извѣстно, отчетливо выражена въ мотивѣ къ статьямъ 1855—1859 Проекта уложенія 1845 года. При такомъ воззрѣніи, отравленіе теряетъ значеніе стариннаго зелейничества или veneficium, для состава которыхъ дѣйствительно было необходимо опредѣленіе яда, какъ средства, и дѣлается не болѣе какъ однимъ, притомъ особо опаснымъ, видомъ такъ называемаго измѣнническаго убійства, homicidium proditorium, для котораго свойства и особенности вещества, введеннаго въ организмъ, не имѣютъ никакого значенія. Какъ употребленіе яда въ тѣсномъ смыслѣ, venenum, такъ и введеніе въ желудокъ, напримѣръ, толченаго стекла, одинаково могутъ образовать собою составъ отравленія, если способъ дѣйствія будетъ соотвѣтствовать указаннымъ выше условіямъ. Наоборотъ, введеніе яда насильственное и явное не составитъ отравленія. Другими словами, для состава отравленія, по современному праву, необходимо (тайное) введеніе въ организмъ какого-бы то ни было вещества, способнаго сократить его жизнь.

На основаніи этихъ соображеній, принимая во вниманіе, что отравленіе есть наиболѣе опасный видъ измѣнническаго убійства, нельзя не выразить желанія, чтобы въ статью 2 (нынѣ ст. 386) введенъ былъ новый пунктъ, слѣдующаго содержанія: „чрезъ отравленіе“ [1]).

---

[1]) Замѣчанія редакціоннаго комитета уголовнаго отдѣленія С.-Петербургскаго Юридическаго Общества на проектъ особенной ча-

Такимъ образомъ, по мнѣнію Редакціонной Коммисіи, главными основаніями къ исключенію отравленія изъ ряда квалифицированныхъ видовъ лишенія жизни, являются слѣдующія соображенія:

1) Установить понятіе отравленія, благодаря отсутствію въ судебной медицинѣ самаго понятія яда, затруднительно.

2) Необходимость предумышленія, обстоятельнаго обдумыванія, пріисканія и приспособленія средствъ (субъективный элементъ), при отравленіи не абсолютны.

3) Особенная опасность отравленія, сокрытіе преступленія въ тайнѣ, подъ личиною дружбы, любви, состраданія (объективный элементъ), относится не ко всѣмъ случаямъ отравленія и встрѣчается и при другихъ видахъ убійства.

4) Голландскій кодексъ не упоминаетъ объ отравленіи въ группѣ квалифицированныхъ убійствъ.

5) Случаи обращенія отравленія въ привычку или ремесло слишкомъ рѣдки.

Нельзя не замѣтить, что всѣ эти соображенія разбиваются безусловно соображеніями и замѣчаніями Редакціоннаго Комитета уголовнаго отдѣленія С.-Петербургскаго Юридическаго Общества. Расположимъ ихъ, для наглядности, въ томъ-же порядкѣ и приведемъ подлинными словами.

1) Отсутствіе понятія яда. Но это возраженіе къ вопросу о квалификаціи и не относится. Отравленіе, по современнымъ на него воззрѣніямъ, выдѣляется въ квалифицированный видъ не по признаку яда, какъ средства, а по способу дѣйствія — тайному, обманному. Мысль эта выражена и въ мотивѣ къ статьямъ 1855—1859 проекта уложенія 1845 г.

2) Не абсолютная необходимость предумышленія. Но сама Коммисія не отвергаетъ, что въ большинствѣ случаевъ отравленіе имѣетъ характеръ выдающагося преступнаго дѣянія. Независимо сего, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, при отравленіи, требуется всегда значительная предваритель-

---

сти уголовнаго уложенія. I. Преступныя дѣянія противъ личности, СПб., 1885, стр. 38—40, 53, 84, 87.

ная дѣятельность, заключающаяся въ пріобрѣтеніи средствъ, созданіи плана и изысканіи способовъ его осуществленія.

3) Объективная опасность дѣянія не во всѣхъ случаяхъ отравленія. Но, по самому свойству своему, отравленіе гораздо легче можетъ быть совершено съ тѣмъ коварствомъ и скрытностію, которыхъ трудно найти въ другихъ видахъ убійства. Наконецъ, многіе яды дѣйствуютъ такъ скрытно, что даже судебно-медицинское констатированіе факта отравленія является затруднительнымъ.

4) Неупоминаніе объ отравленіи въ голландскомъ кодексѣ. Но во всѣхъ западныхъ кодексахъ, за исключеніемъ именно голландскаго, отравленіе выдвигается, какъ особый видъ убійства. Уже одно такое универсальное признаніе отравленія за особый видъ убійства не можетъ не служить важнымъ основаніемъ для сохраненія его въ нашемъ проектѣ въ качествѣ квалифицированнаго дѣянія.

5) Послѣдній доводъ Редакціонной Коммисіи — рѣдкость профессіональнаго отравленія — Комитетъ Юридическаго Общества основательно оставляетъ вовсе безъ возраженій, вѣроятно, въ силу того, что самый доводъ этотъ имѣетъ характеръ крайне искусственный. Онъ созданъ какъ-бы для того только, чтобы тотчасъ-же быть разрушену; указанія на необходимость квалификаціи отравленія, вслѣдствіе возможнаго обращенія отравленія въ привычку или ремесло, въ новѣйшей литературѣ и въ новѣйшемъ законодательствѣ были столь единичны и рѣдки, что объ нихъ можно было и не говорить и на нихъ не ссылаться.

Это наглядное сопоставленіе доводовъ Редакціонной Коммисіи и Комитета Юридическаго Общества привлекаетъ насъ, конечно, на сторону послѣдняго, тѣмъ болѣе, что, кромѣ приведенныхъ соображеній, въ объясненіяхъ Комитета Юр. Общ. находятся и другія весьма вѣскія основанія.

а) Во главѣ ихъ должно быть поставлено историческое начало нашего законодательства. Съ Уложенія 1649 г. отравленіе возведено въ одно изъ тяжкихъ преступленій. По Проекту 1813 года даже оконченное покушеніе на отравленіе

приравнивалось по наказуемости къ совершенію. Только Сводъ 1832 года не признавалъ за отравленіемъ квалифицированнаго значенія. Затѣмъ, отравленіе считается квалифицированнымъ убійствомъ и по дѣйствующему Уложенію.

б) Отравленіе весьма часто является въ такъ называемыхъ родственныхъ убійствахъ. Хотя проектъ совершенно правильно ограничилъ квалификацію родственнаго убійства только случаями убійства родителей, тѣмъ не менѣе, вышеуказанное обстоятельство должно быть принято во вниманіе.

в) Указывая, что особыя свойства отравленія, какъ квалифицированнаго дѣянія, относятся не ко всѣмъ случаямъ отравленія, та-же Редакціонная Коммисія такое-же возраженіе высказала и по поводу родителеубійства, однако-же она не остановилась включить этотъ видъ въ число квалифицированныхъ.

Не принять въ соображеніе всѣхъ этихъ доводовъ Комитета Юридическаго Общества, казалось, должно было быть невозможно. А между тѣмъ, по поводу ихъ, въ Объяснительной Запискѣ послѣдней редакціи (изд. 1895 г.) мы находимъ лишь слѣдующее краткое замѣчаніе, безъ всякихъ объясненій и мотивовъ: „Редакціонная Коммисія, съ своей стороны, не убѣдилась этими доводами (почему?) и не находитъ основаній (почему?) для признанія квалифицированными всѣхъ случаевъ отравленія; что-же касается того ограничительнаго пониманія отравленія, которое предложено С.-Петербургскимъ Юридическимъ Обществомъ, то оно противорѣчитъ и законодательному и судебно-медицинскому понятію отравленія и не могло-бы быть усвоено практикою безъ пояснительнаго указанія въ законѣ“ [1]).

---

[1]) Соображенія-же профессоровъ Вальберга и Шютце и прокурорскаго надзора Владикавказскаго Окружнаго Суда (№ 150) оставлены даже вовсе безъ всякихъ возраженій и поясненій.

Что-же касается отравленія, происшедшаго отъ недозволеннаго врачеванія, и нарушенія правилъ о ядовитыхъ и сильно-дѣйствующихъ веществахъ, то соотвѣтствующія объясненія по этимъ во-

Намъ-же, наоборотъ, кажется, что предложенное Юридическимъ Обществомъ понятіе отравленія совершенно правильно. Во-первыхъ, оно вовсе не ограничительно, ибо оно обнимаетъ тайное введеніе въ организмъ всякаго, какого-бы то ни было, вредно-дѣйствующаго вещества. Во-вторыхъ, оно отнюдь не противорѣчитъ законодательному и судебно-медицинскому понятію отравленія, такъ какъ новѣйшая судебная медицина и новѣйшее уголовное законодательство отказались отъ опредѣленія яда, какъ вещества, исключительно *химически*-вредно-дѣйствующаго на организмъ, замѣнивъ его понятіемъ вредно-дѣйствующихъ веществъ въ самомъ широкомъ смыслѣ. Въ-третьихъ, при такомъ общепонятномъ, житейскомъ смыслѣ, отравленіе не требуетъ никакихъ пояснительныхъ указаній въ законѣ.

просамъ мы находимъ въ Мотивахъ Редакціонной Коммисіи (Уголовное Уложеніе. Объясненія къ Проекту Р. К., 1895), въ томѣ III, въ главѣ 9-ой — неисполненіе законовъ и законныхъ постановленій, ограждающихъ народное здравіе, стр. 85—96, объясненія къ статьѣ 152; стр. 99—120, объясненія къ статьямъ 154—160.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Сводя воедино выводы всего предъидущаго изложенія, мы получаемъ слѣдующія положенія.

I. Уже по древнему греческому праву, отравленіе преслѣдовалось со всею строгостію, но дѣянія отравителей смѣшивались съ дѣяніями маговъ и чародѣевъ. Въ древнемъ Римѣ, и до и послѣ законовъ двѣнадцати таблицъ, отравленіе смѣшивалось съ чародѣйствомъ, такъ какъ маги, чародѣи и гадатели считались лучшими и профессіональными составителями ядовъ.

Во времена Суллы, отравленіе получаетъ правильное значеніе квалифицированнаго лишенія жизни. Наказаніемъ за отравленіе, по закону Корнелія, служила республиканская aquae et ignis interdictio — изгнаніе изъ предѣловъ Италіи, безъ непосредственной утраты правъ гражданства. Во времена Цезаря къ наказанію изгнаніемъ присоединилась еще конфискація половины имущества.

Въ Законодательствѣ Юстиніана отравленіе повсюду разсматривается какъ посягательство на жизнь другаго лица, но частію, съ естественной точки зрѣнія, какъ видъ убійства, частію-же, подъ вліяніемъ ученій Церкви, какъ чародѣйство. Воззрѣніе перваго рода имѣется въ Дигестахъ, взглядъ-же на отравленіе, какъ на волшебство, встрѣчаемъ мы въ Кодексѣ. Институціи стоятъ на рубежѣ между Кодексомъ и Дигеста-

ми: здѣсь, въ общемъ понятіи „artes odiosae“, охватывается и преступленіе отравленія „susurri magici“.

Въ отношеніи наказуемости отравленія, по Юстиніанову праву, надо отмѣтить бо̀льшую строгость, сравнительно съ Закономъ Суллы. Именно, при отравленіи различалось три вида наказанія: deportatio съ лишеніемъ правъ состоянія и правъ служебныхъ, смертная казнь чрезъ отсѣченіе головы и растерзаніе дикими звѣрями. На ряду съ отравленіемъ умышленнымъ, преслѣдовались и нѣкоторыя дѣйствія неосторожныя, кои могли, однако, окончиться отравленіемъ; какъ-то: доставленіе какого-либо medicamentum ad conceptionem, даваніе абортивныхъ средствъ и любовныхъ напитковъ.

II. Въ первые вѣка существованія еврейскаго государства, не было, повидимому, особыхъ законовъ, которые преслѣдовали-бы спеціально отравленіе; преступленіе это, по всѣмъ вѣроятіямъ, разсматривалось какъ чародѣйство, и какъ таковое, влекло, вѣроятно, побитіе камнями. Но впослѣдствіи отравленіе пріобрѣло болѣе самостоятельный характеръ и влекло, безусловно, смертную казнь.

Въ эпоху древнѣйшаго каноническаго права, въ ряду различныхъ магическихъ искусствъ, признававшихся тогда наиболѣе опасными, выдѣляется искусство произвольно причинять вредъ жизни и здоровью людей. Эти смертоубійства были причиняемы, по мнѣнію современниковъ, частію чисто-магическимъ путемъ, посредствомъ такъ называемаго нашептыванія, частію-же посредствомъ различныхъ предметовъ изъ царства природы. Позднѣйшее каноническое право, объединенное въ Corpus Juris Canonici, примыкаетъ также къ этимъ воззрѣніямъ церкви.

Старыя сочиненія по каноническому праву и богословію не говорятъ почти ничего объ отравленіи, какъ о лишеніи жизни, разсматривая его, какъ одно изъ религіозныхъ преступленій, и подводя его подъ понятіе чародѣйства. Болѣе позднее каноническое право, считая съ одной стороны лишеніе жизни посредствомъ яда квалифицированнымъ видомъ убій-

ства, въ то-же время сохранило и постановленія о чародѣйственномъ отравленіи, разсматривая его какъ maleficium и sortilegium.

Въ нашемъ Номоканонѣ опредѣленія объ отравленіи были помѣщены между опредѣленіями о чарованіи и опредѣленіями о прорицаніи и волхвованіи. Такая постановка отравленія на ряду съ колдовствомъ и чародѣйствомъ указываетъ на то, что даже просвѣщеннѣйшая часть населенія, духовенство, не было чуждо старыхъ предразсудковъ.

III. Народныя права Германцевъ видятъ въ отравленіи особый квалифицированный видъ убійства, homicidium proditorium, furtiva mors; законы эти не смѣшиваютъ отравленія съ чародѣйствомъ, усматривая въ ядовитыхъ веществахъ не волшебныя снадобья, а особыя средства лишенія жизни, какъ напр. potio mortifera.

Въ эпоху городовыхъ и мѣстныхъ правъ отравленіе сопоставляется съ апостазіей и чародѣйствомъ, и преслѣдуется какъ отступленіе отъ христіанства; какъ таковое, оно могло быть совершено только христіаниномъ; если-же отравленіе было учинено не христіаниномъ, то оно разсматривалось какъ убійство. Наказаніе для отравителей было то-же, что и для еретиковъ и чародѣевъ, — смертная казнь чрезъ сожженіе.

Каролина облагаетъ уже покушеніе на отравленіе, если только оно причинило тѣлесное поврежденіе, такимъ-же наказаніемъ, какъ и преступленіе оконченное, считая отравленіе за убійство всегда предумышленное; различіе пола виновныхъ опредѣляло характеръ наказанія: мужчины подлежали колесованію, женщины утопленію или другой казни.

Баварскій Malefizordnung выдѣлялъ отравленіе, какъ особенно тяжкій видъ квалифицированнаго лишенія жизни; сходную постановку находимъ мы и въ позднѣйшихъ уложеніяхъ Баваріи. Въ Австріи еще уложеніе Іосифа I подвергало отравителей, какъ убійцъ, самымъ строгимъ наказаніямъ; отравленіе сохраняетъ свое значеніе тяжкаго убійства и въ послѣдующихъ кодексахъ Австріи и въ дѣйствующемъ правѣ.

Въ Прусскомъ Ландрехтѣ отравленіе считалось также тяжкимъ видомъ лишенія жизни, и влекло квалифицированную смертную казнь и другія суровыя наказанія. Въ Прусскомъ кодексѣ 1851 г. отравленіе заняло мѣсто въ титулѣ о тѣлесныхъ поврежденіяхъ; строгость наказаній значительно понижена. Въ общегерманскомъ уложеніи, среди преступленій противъ жизни, не упоминается особо о лишеніи жизни посредствомъ яда, которое само собою подходитъ подъ понятіе Mord; въ раздѣлѣ-же о тѣлесныхъ поврежденіяхъ имѣется особое опредѣленіе о разстройствѣ здоровья ядомъ.

IV. Законы Франковъ смотрятъ на отравленіе, какъ на дѣяніе сродное чародѣйству; преступное лишеніе жизни человѣка посредствомъ яда, veneficium, стоитъ обыкновенно въ этихъ законахъ подъ общимъ титуломъ maleficium; сюда подводились также и случаи чародѣйственнаго причиненія безплодія.

Большинство кутюмовъ обходитъ молчаніемъ это преступное дѣяніе; другіе касаются его вскользь, не опредѣляя его основныхъ признаковъ. Но, сообразно общему характеру этихъ сборниковъ обычнаго права, отравленіе должно было влечь наказанія, установленныя за чародѣйство; и только съ теченіемъ времени эти чрезвычайныя кары уступили мѣсто наказаніямъ, установленнымъ за убійство или тѣлесное поврежденіе.

При Людовикѣ XIV учреждается особая коммиссія для веденія дѣлъ объ отравителяхъ и магикахъ; издается эдиктъ о наказаніи отравителей, гадальщиковъ и тому подобныхъ подозрительныхъ лицъ; всѣхъ ихъ предписывается казнить смертію. Декларація Людовика XVI выступаетъ съ новою угрозою суровыми наказаніями. Такимъ образомъ, правительство пыталось искоренить пороки и предразсудки только путемъ строгости наказаній, и конечно безуспѣшно, такъ какъ борьба съ предразсудками и пороками принадлежитъ не одной юстиціи, но и просвѣщенію.

Кодексы революціоннаго періода не представляютъ суще-

ственной важности. Въ Уложеніи-же 1810 г. отравленіемъ называется всякое посягательство на жизнь лица, посредствомъ такихъ веществъ, которыя могутъ произвести смерть въ болѣе или менѣе непродолжительномъ времени, безразлично, какимъ-бы способомъ эти вещества ни были употреблены или даны, и каковы-бы ни были ихъ послѣдствія; виновные подлежатъ смертной казни.

V. Законы Англовъ стоятъ на рубежѣ между законами Германцевъ и Франковъ, соприкасаясь и съ тѣми и съ другими. Въ началѣ своей политической жизни, Англы, переселясь съ континента на островъ, удержали нѣкоторое время прежніе свои законы. Эти законы разсматривали отравленіе какъ квалифицированное убійство. То-же видимъ мы и въ законахъ Вильгельма Завоевателя.

Но съ теченіемъ времени, подъ вліяніемъ религіознаго мистицизма, этотъ нормальный взглядъ на отравленіе значительно измѣнился, и, подобно сосѣднимъ законамъ Франковъ, англійскіе законы начали опредѣлять отравленіе, какъ дѣяніе чародѣйственное, какъ волшебство и т. п. Такую постановку этого преступленія можно замѣтить и въ законахъ Генриха I: отравленіе заняло здѣсь мѣсто въ ряду преступленій противъ религіи, каковыми, между прочимъ, считались чародѣйство, гаданіе, изготовленіе околдованныхъ напитковъ и т. д.

При Генрихѣ VIII отравленіе было объявлено верховною измѣной (treason), и виновные въ немъ подвергались кипяченію до смерти. Законъ Эдуарда VI снова помѣстилъ отравленіе въ разрядъ фелоній и уничтожилъ привилегію духовенства (benefit of clergy).

На основаніи статутовъ Викторіи, всякій, кто дастъ или заставитъ дать или принять какой-либо ядъ или вредоносное вещество, съ намѣреніемъ совершить убійство, — виновенъ въ фелоніи и, будучи изобличенъ, подлежитъ уголовному рабству или содержанію въ тюрьмѣ.

VI. 1. Древнія южно-славянскія законодательства выдѣляютъ уже отравленіе среди преступленій противъ жизни,

какъ особый видъ убійства; таково въ особенности хорвато-далматское законодательство (Винодольскій Законъ). Но въ сербскомъ правѣ убійство посредствомъ яда было поставлено на ряду съ колдовствомъ, какъ чародѣйство, какъ преступленіе противъ вѣры, противъ церкви, подсудное церковному суду; а потому и наказаніе за отравленіе назначалось по законамъ церковнымъ, а не свѣтскимъ.

2. Древнее чешское земское право не различаетъ особыхъ видовъ убійства. Точно также и древнее чешское городовое право не упоминаетъ особо объ отравленіи. Но позднѣйшее городовое право Чехіи, имѣвшее въ основѣ право нѣмецкое съ сильнымъ вліяніемъ права римскаго, уже начинаетъ проводить различіе между отдѣльными видами лишенія жизни (homicidium, vražda, mord). Наказаніе за отравленіе опредѣлялось въ порядкѣ чрезвычайномъ, какъ за crimen extraordinarium.

3. Въ Польшѣ, согласно земскому праву, отравленіе составляло предметъ вѣдомства гродскихъ судовъ и было разсматриваемо какъ всякое другое убійство, т.-е. не было еще выдѣлено въ разрядъ квалифицированныхъ видовъ лишенія жизни. И Вислицкій Статутъ, и послѣдующіе законы обходятъ молчаніемъ вопросъ объ особенностяхъ отравленія.

Среди памятниковъ польскаго городскаго права, Porządek считаетъ лишеніе жизни посредствомъ яда квалифицированнымъ видомъ убійства и караетъ его сожженіемъ, при чемъ отравители поставлены на одномъ уровнѣ съ чародѣями и богоотступниками. Postępek, равнымъ образомъ, выдѣляетъ отравленіе изъ ряда другихъ видовъ лишенія жизни; отравители подвергались колесованію, отравительницы — утопленію.

Въ Кодексѣ 1818 г. отравленіе еще не было выдѣлено въ разрядъ квалифицированныхъ родовъ убійства, но было, тѣмъ не менѣе, поставлено во главѣ другихъ видовъ лишенія жизни. Въ Уложеніи 1847 г. отравленіе считается уже квалифицированнымъ видомъ убійства и, какъ таковое, выдѣлено изъ понятія обыкновеннаго лишенія жизни.

VII. 1. Въ древней Россіи, даже простое зелійничество преслѣдовалось Церковными Уставами нашихъ Великихъ Князей, какъ одно изъ наиболѣе грѣховныхъ дѣяній; преступленіе это было передано въ компетенцію духовнаго суда.

Древнѣйшіе памятники русскаго свѣтскаго законодательства не содержатъ никакихъ спеціальныхъ опредѣленій объ отравленіи. Только въ Соборномъ Уложеніи находимъ мы впервые самостоятельныя опредѣленія о лишеніи жизни ядомъ, какъ объ одномъ изъ видовъ убійства; постановленія эти имѣютъ въ виду отравителей вообще и женъ-отравительницъ въ частности; первые подлежали простой смертной казни, вторыя — окопанію въ землю.

Въ Воинскихъ Артикулахъ и въ Морскомъ Уставѣ встрѣчаются двоякаго рода опредѣленія объ отравленіи: на ряду съ обыкновенными случаями отравленія, здѣсь, по-прежнему, встрѣчается еще и отравленіе чародѣйственное; и то и другое влекло квалифицированную смертную казнь (первое — колесованіе, второе — сожженіе).

2. Литовскій Статутъ относитъ отравленіе въ разрядъ тѣхъ дѣлъ, которыя подлежали вѣдѣнію гродскаго суда, рѣшавшаго по совѣсти, главнымъ образомъ, на основаніи магдебургскаго права. Отравленіе довольно категорически выдѣляется изъ разряда обыкновенныхъ убійствъ и значительно квалифицируется. Но Статутъ говоритъ только объ отравленіи мужа или жены, а не объ отравленіи вообще, вѣроятно, потому, что и прежде къ яду прибѣгали всего чаще въ жизни супружеской; по строгости наказанія оно приравнено къ отцеубійству: виновные подвергались утопленію въ мѣшкѣ съ животными. На ряду съ отравленіемъ и чародѣйство преслѣдовалось самыми строгими наказаніями.

По Малороссійскимъ Правамъ, за отравленіе была установлена тяжкая смертная казнь (для мужчинъ — четвертованіе, для женщинъ — окопаніе), и оно было поставлено независимо отъ другихъ видовъ лишенія жизни. Это указываетъ на то, что по бытовымъ народнымъ воззрѣніямъ это дѣяніе считалось однимъ изъ наиболѣе низкихъ и гнусныхъ видовъ

коварнаго умерщвленія. Кромѣ отравленія въ узкомъ смыслѣ, Малор. Право преслѣдуетъ и чародѣевъ, причинявшихъ вредъ здоровью.

3. Проекты временъ Елизаветы смотрятъ на отравленіе такъ-же, какъ смотрѣли на него Соборное Уложеніе и Воинскіе Уставы. Отравленіе влечетъ колесованіе, но только въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ существуетъ непосредственная причинная связь между дѣяніемъ отравителя и смертью. Чародѣйственное отравленіе влечетъ также смертную казнь, но чрезъ отсѣченіе головы.

Въ проектѣ Якоба постановленія объ отравленіи, какъ квалифицированномъ лишеніи жизни, помѣщены въ отдѣленіи о предумышленномъ убійствѣ. Въ проектѣ 1813 г. отравленіе также стоитъ въ ряду квалифицированныхъ случаевъ лишенія жизни; при чемъ даже тотъ, кто только далъ другому отраву, хотя смерть и не послѣдовала, наказывается наравнѣ съ содѣявшимъ смертоубійство.

По Своду Законовъ, отравленіе не было вовсе отличено отъ другихъ видовъ лишенія жизни. Въ Уложеніи 1845 г., въ противность особенной части Свода, но согласно съ общей его частью, отравленіе занимаетъ мѣсто въ ряду особенно тяжкихъ видовъ убійства, квалифицированныхъ по особому значенію злаго умысла, насилія и жестокости.

I. Точнаго и безусловнаго опредѣленія понятія яда въ наукѣ не существуетъ по той причинѣ, что понятіе это постоянно измѣняется, вслѣдствіе постоянно новыхъ наблюденій и изслѣдованій, вслѣдствіе открытія новыхъ токсическихъ веществъ. Равнымъ образомъ, и въ законодательствѣ не находимъ никакого опредѣленія яда; въ прежнемъ изданіи Свода были помѣщены еще списки ядовитыхъ веществъ; нынѣ, въ замѣнъ этихъ списковъ, Медицинскій Совѣтъ издаетъ при Фармакопеѣ списокъ ядовитыхъ средствъ, которыя должны храниться

подъ замкомъ, и списокъ сильно-дѣйствующихъ средствъ, которыя должны храниться съ предосторожностію.

Бытовое значеніе яда — вредно-дѣйствующее вещество, примѣшиваемое въ пищу или питье. Медицинское значеніе— вещество *химически*-вредно-дѣйствующее на организмъ; при чемъ ядъ можетъ быть не только введенъ въ организмъ извнѣ, но можетъ развиться и въ самомъ организмѣ (автоинтоксикація). Съ точки-же зрѣнія судебной медицины, ядомъ именуется всякое сильно-дѣйствующее вещество, которое, именно, при введеніи его извнѣ, можетъ вреднымъ образомъ вліять на организмъ человѣка. Какъ таковое, оно можетъ быть внесено въ организмъ не только путемъ пищи или питья, но и иными путями: клизмой, втираніемъ, впрыскиваніемъ, вдыханіемъ и т. п.

Понятіе вреднаго дѣйствія на организмъ надо разумѣть въ самомъ широкомъ смыслѣ: и химическое воздѣйствіе, и механическое воздѣйствіе одинаково подходятъ подъ понятіе отравленія, такъ какъ всякое въ началѣ даже чисто-механическое воздѣйствіе производитъ и химическую реакцію.

Отравленіе можетъ быть совершено явно — насильственно и тайно — коварно. Первый видъ лишенія жизни ни чѣмъ не отличается отъ прочихъ видовъ обыкновеннаго убійства; совершено-ли убійство ударомъ ножа, выстрѣломъ или посредствомъ насильственнаго всунутія въ ротъ ядовитаго вещества,—это не представляетъ существенной разницы. Иное дѣло имѣемъ мы при отравленіи тайномъ — коварномъ; это дѣяніе, по своей гнусности и низости, вызываетъ уже усиленную уголовную репрессію, и считается квалифицированнымъ видомъ лишенія жизни. Такимъ образомъ, главнымъ признакомъ отравленія, какъ квалифицированнаго убійства, является не средство преступленія, не ядъ самъ по себѣ, а способъ его употребленія, т.-е. признакъ тайны, признакъ особаго коварства въ способѣ дѣйствія.

II. На Западѣ отравленія совершаютъ, по преимуществу, женщины; и у насъ въ Россіи надо отмѣтить такое-же

явленіе. Отравленіе уже издавна является излюбленнымъ дѣяніемъ женщинъ, такъ какъ оно не требуетъ употребленія физической силы. „Это — преступленіе, вытекающее изъ семейнаго положенія женщины, ея подчиненности и коварной мстительности, какъ слабѣйшаго существа“. Это — дѣяніе по преимуществу семейно-супружеское.

Виновные въ отравленіи мужчины въ большинствѣ принадлежатъ къ двумъ различнымъ разрядамъ: или къ спеціалистамъ химіи и медицины, или иногда къ невѣжественнымъ лицамъ, вѣрующимъ еще въ чародѣйство. Виновныя женщины часто отличаются болѣзненною возбужденностію половыхъ страстей или извращеніемъ нравственной чувствительности.

Въ отношеніи наказуемости самоотравленій, надо замѣтить, что распоряженіе собственными благами вообще не ограничено. Наказаніе самоубійцы непризнаніемъ предсмертныхъ распоряженій не выдерживаетъ критики, падая на невинныхъ его родственниковъ. Лишеніе самоубійцъ христіанскаго погребенія является также нравственною тягостію только для близкихъ имъ лицъ.

III. Отравленіе, какъ причиненіе смерти другому лицу посредствомъ яда, имѣетъ своимъ главнымъ непосредственнымъ предметомъ посягательства — жизнь другаго лица, какъ человѣка. Но, затѣмъ, объектомъ преступленія при отравленіи является также и тѣлесная неприкосновенность, въ смыслѣ тѣлесной цѣлости и здравія другаго лица.

За злонамѣренныя поврежденія здоровья внутренними средствами назначаются тѣ-же самыя наказанія, которыя опредѣлены за увѣчье, но всегда въ высшей ихъ мѣрѣ. Это усиленіе наказанія обусловливается тѣми-же причинами, по коимъ наказывается строже и смертоубійство посредствомъ отравы.

Отравленіе строго отличается отъ дѣяній ему родственныхъ, каковы, напримѣръ, вытравленіе плода и въ особенности зараженіе. Послѣднее обнимаетъ случаи сообщенія заразительной болѣзни, чрезъ умышленное совершеніе лицомъ,

знающимъ о томъ, что оно одержимо подобною болѣзнію, такихъ дѣйствій, кои необходимо должны сообщить эту болѣзнь другому.

IV. Несомнѣнно, отравленіе можетъ быть совершено не только съ обдуманнымъ заранѣе намѣреніемъ или умысломъ, но и безъ обдуманнаго заранѣе намѣренія (однако умышленно) и даже въ запальчивости и раздраженіи. Неосторожное отравленіе можетъ явиться послѣдствіемъ полицейскаго проступка, или-же преступленія. Случайное отравленіе характеризуется, какъ причиненіе смерти человѣку не только безъ намѣренія, но и безъ всякой неосторожности.

Недозволенное врачеваніе, какъ источникъ неосторожнаго отравленія, должно быть совершаемо ради какой-нибудь выгоды, или вопреки особенному запрещенію, или при отсутствіи соотвѣтственнаго разрѣшенія со стороны медицинскихъ учрежденій. Врачеваніе такими средствами, которыя признаны медицинскими учрежденіями за средства цѣлебныя, нельзя преслѣдовать въ порядкѣ уголовномъ, хотя-бы иногда они и оказывали вредное дѣйствіе. Но врачеваніе такими средствами, которыя, не будучи безусловно безвредными, въ то-же время не признаются медицинскими учрежденіями за средства цѣлебныя, — ни коимъ образомъ не можетъ быть допускаемо.

Что-же касается неосторожныхъ отравленій, происшедшихъ отъ нарушенія правилъ о ядовитыхъ и сильно-дѣйствующихъ веществахъ, то наше законодательство различаетъ дѣянія слѣдующаго рода: 1) несогласный съ правилами, ограждающими здоровье, отпускъ лекарствъ изъ аптекъ; 2) недозволенная торговля лекарственными веществами и составами; 3) нарушеніе правилъ о веществахъ ядовитыхъ и сильно-дѣйствующихъ вообще; 4) нарушеніе правилъ о ядовитыхъ и сильно-дѣйствующихъ веществахъ аптеками.

V. Понятіе яда, какъ средства преступленія при лишеніяхъ жизни, можно только болѣе или менѣе точно опредѣ-

лить, какъ вещество химически-вредно-дѣйствующее на организмъ, основываясь, какъ замѣчено выше, на томъ, что всякое, въ началѣ даже чисто-механическое, воздѣйствіе впослѣдствіи производитъ и химическую реакцію.

Внѣшнее дѣйствіе при отравленіи состоитъ въ причиненіи смерти посредствомъ яда; поэтому оконченнымъ, совершившимся отравленіе можетъ считаться лишь со времени наступленія смерти потерпѣвшаго. Приготовленіемъ къ отравленію называется приспособленіе, но не пріисканіе или пріобрѣтеніе средствъ отравленія. Покушеніе на отравленіе предполагаетъ, во-первыхъ, приспособленіе средствъ преступленія къ дѣйствію, и, во-вторыхъ, приведеніе ихъ въ дѣйствіе, когда послѣднее не имѣло результата. Приспособленіе средствъ преступленія, для приведенія ихъ въ дѣйствіе, при приготовленіи требуетъ дальнѣйшей дѣятельности виновнаго; при покушеніи-же таковой не требуетъ.

Случаи покушенія остановленнаго, въ отличіе отъ случаевъ покушенія оставленнаго, не должны быть освобождаемы отъ наказанія, но и не должны быть уравниваемы съ оконченнымъ отравленіемъ. Покушеніе на отравленіе съ негодными средствами, выбранными по невѣжеству или суевѣрію, вовсе не должно быть наказуемо, такъ-же, какъ и покушеніе, направленное на объектъ несуществующій или негодный.

VI. Будучи преступленіемъ, которое, даже при наличности основательной судебно-химической экспертизы, трудно констатировать, отравленіе создаетъ возможность запирательства, которое часто приводитъ къ оправданію. Женщины-отравительницы проявляютъ бо̀льшую степень раскаянія, и сознаются въ бо̀льшемъ числѣ случаевъ, чѣмъ мужчины, что можетъ быть объяснено бо̀льшею впечатлительностію и податливостію женской натуры. При всемъ этомъ, насколько отравленіе вообще является преступленіемъ по преимуществу женскимъ, отравленіе вторичное является дѣяніемъ, на которое чаще рѣшаются мужчины; у женщинъ какъ-бы не хватаетъ уже преступной энергіи для рецидива.

Въ отношеніи наказуемости, нашъ законъ считаетъ квалифицированнымъ лишеніемъ жизни только тѣ случаи отравленія, кои совершены съ обдуманнымъ заранѣе намѣреніемъ, что можетъ влечь даже безсрочную каторгу. Отравленіе умышленное, но безъ обдуманнаго заранѣе намѣренія, и отравленіе въ запальчивости и раздраженіи наказуются лишь срочною каторгой.

При ошибкѣ въ объектѣ виновные подвергаются тому-же наказанію, какому подверглись-бы при отравленіи намѣченной жертвы, что, конечно, не выдерживаетъ критики. Признаніе умысла непрямаго всегда заслуживающимъ меньшаго наказанія, сравнительно съ умысломъ прямымъ, точно также не вполнѣ можетъ быть оправдано, такъ какъ весьма часто первый заслуживаетъ даже болѣе строгаго наказанія, чѣмъ второй.

VII. Проектъ новаго уложенія, ссылаясь на примѣръ голландскаго кодекса, не счелъ необходимымъ упоминать объ отравленіи въ группѣ квалифицированныхъ убійствъ, въ виду отсутствія точнаго понятія яда и по нѣкоторымъ другимъ, не вполнѣ убѣдительнымъ соображеніямъ. Но во всѣхъ лучшихъ западныхъ кодексахъ, за исключеніемъ именно голландскаго, отравленіе выдвигается, какъ особый видъ убійства; въ пользу такого рѣшенія вопроса—и историческія начала, какъ нашего, такъ и иностраннаго законодательства.

Предложенное СПб. Юридическимъ Обществомъ опредѣленіе отравленія совершенно правильно. 1) Оно вовсе не ограничительно, ибо оно обнимаетъ тайное введеніе въ организмъ всякаго, какого-бы то ни было, вредно-дѣйствующаго вещества. 2) Оно отнюдь не противорѣчитъ законодательному и судебно-медицинскому понятію отравленія, такъ какъ новѣйшая медицина и новѣйшее законодательство отказались отъ опредѣленія яда, какъ вещества, исключительно *химически*-вредно-дѣйствующаго на организмъ, замѣнивъ его понятіемъ вредно-дѣйствующихъ веществъ въ самомъ широкомъ смыслѣ. 3) При такомъ общепонятномъ, житейскомъ смыслѣ, отравленіе не требуетъ никакихъ пояснительныхъ указаній въ законѣ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Отравленіе въ исторіи уголовнаго законодательства.

Стр.

Глава первая. *Отравленіе по римскому праву* 1

Глава вторая. *Отравленіе по каноническому праву* 25

Глава третья. *Отравленіе въ исторіи германскаго законодательства* 41

Глава четвертая. *Отравленіе въ исторіи французскаго законодательства* 64

Глава пятая. *Отравленіе въ исторіи англійскаго законодательства* 87

Глава шестая. *Отравленіе въ исторіи славянскихъ законодательствъ* 105

Отдѣлъ I. Право южныхъ славянъ. 108

Отдѣлъ II. Чешское право 116

Отдѣлъ III. Польское право 123

Глава седьмая. *Отравленіе въ исторіи русскаго права* . . . 136

Отдѣлъ I. Древнѣйшее право. Соборное уложеніе. Воинскіе Артикулы . . . . . —

Отдѣлъ II. Литовскій Статутъ и Малороссійское право. 155

Отдѣлъ III. Новѣйшіе проекты, Сводъ Законовъ и Уложеніе о Наказаніяхъ 169

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Догматическое изслѣдованіе отравленія.

Глава первая. *Понятіе отравленія.* 183
Отдѣлъ I. Литература отравленія . . . . . —
Отдѣлъ II. Опредѣленіе яда и отравленія 192

Глава вторая. *Виды отравленія* 214
Отдѣлъ I. Отравленіе мышьякомъ. . . . . —
Отдѣлъ II. Отравленіе стрихниномъ 223
Отдѣлъ III. Отравленіе кислотами 230
Отдѣлъ IV. Нѣкоторыя другія отравленія. 239

Глава третья. *Субъектъ преступленія при отравленіи.* 245
Отдѣлъ I. Общія замѣчанія . . . . . —
Отдѣлъ II. Нѣкоторыя особенности отравителей . . . 253
Отдѣлъ III. Самоотравленіе и отравленіе по согласію . 261
Отдѣлъ IV. Отравленія квалифицированныя по самому значенію субъекта. 269

Глава четвертая. *Предметъ посягательства при отравленіи* . 270
Отдѣлъ I. Общія замѣчанія . . . . . —
Отдѣлъ II. Разстройство здоровья посредствомъ отравленія въ особенности. 273
Отдѣлъ III. Отравленія квалифицированныя и привилегированныя по самому значенію объекта. . 281
Отдѣлъ IV. Дѣянія родственныя съ отравленіемъ. . . 288

Глава пятая. *Внутренняя сторона преступленія при отравленіи.* 298
Отдѣлъ I. Умыселъ, неосторожность и случай вообще. —
Отдѣлъ II. Нѣкоторые спеціальные виды неосторожнаго отравленія въ особенности. 305
I. Отравленіе отъ неправильнаго и недозволеннаго врачеванія . . . . . —
II. Нарушеніе правилъ о ядовитыхъ и сильно-дѣйствующихъ веществахъ. . 327

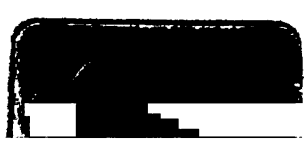
Глава шестая. *Внѣшняя сторона преступленія при отравленіи.* 344
Отдѣлъ I. Ядъ, какъ средство преступленія . . . . —

Отдѣлъ II. Внѣшнее дѣйствіе при отравленіи 355
I. Вообще . . . . . —
II. Приготовленіе 357
III. Покушеніе оставленное и остановленное 360
IV. Покушеніе съ негодными средствами и надъ негоднымъ объектомъ . . . 366

Глава седьмая. *Наказуемость отравленія* 371

Проектъ новаго уголовнаго уложенія 387

Заключеніе. 400

ЗАМѢЧЕННЫЯ ОПЕЧАТКИ.

Стран.	*Строка*	*Напечатано:*	*Слѣдуетъ:*
28	5 снизу	Въ древнѣйшія языческія времена религія была посвящена...	Еще въ древнѣйшія языческія времена многія религіи были посвящены...
79	13 сверху	декларація объ аптекарской и бакалейной торговлѣ	декларація объ аптекарской и москотильной торговлѣ